

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИЗВЕСТИЯ

ВОЛГОГРАДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ТЕХНИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия

ПРОБЛЕМЫ

СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

Выпуск 19

№ 24(151) Межвузовский сборник научных статей 2014
Издается с января 2004 г.

Волгоград
2014

*Издание осуществлено за счет средств Центра педагогического
и профессионального менеджмента ИПиПК и ФПИК, ММФ*

Учредитель: ФГБОУ высшего профессионального образования
«Волгоградский государственный технический университет»

Сборник зарегистрирован в Управлении регистрации и лицензионной работы в сфере массовых коммуникаций Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия ПИ № ФС77–25660 от 13 сентября 2006 г.

Главный редактор сборника «Известия ВолгГТУ»
президент ВолгГТУ академик РАН *И. А. Новаков*

Редакционная коллегия серии: д-р пед. наук, проректор по учебной работе ВолгГТУ *Р. М. Петрунева* (ответственный редактор);
д-р филос. наук профессор факультета социальных и гуманитарных наук МГТУ им. Н. Э. Баумана *Н. Г. Багдасарьян*;
д-р филос. наук профессор, Почетный доктор Института социологии РАН, действительный член Российской академии социальных наук *Б. З. Докторов*;
д-р филос. наук декан факультета философии и культуры РГУ *Г. В. Драч*;
д-р социол. наук проф. ВГМУ *В. В. Деларю*;
д-р социол. наук, зав. каф. истории, культуры, социологии ВолгГТУ *Н. В. Дулина*; академик РАО, зав. каф. инженерной педагогики МАДИ *В. М. Жураковский*;
д-р филос. наук зав. каф. философии ВолгГТУ *Е. Ю. Леонтьева*;
канд. социол. наук доцент ВолгГТУ *Н. А. Овчар* (ответственный секретарь);
д-р ист. наук зав. каф. истории ВГАСУ *Г. В. Орлов*;
д-р филос. наук проф. ВолГУ *Н. В. Омельченко*;
д-р юр. наук проф. ВолГУ *Н. В. Ростовицков*;
член-корр. РАО, д-р пед. наук зав. каф. ВГПУ *В. В. Сериков*

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Волгоградского государственного технического университета

Известия Волгоградского государственного технического университета: межвуз. сб. науч. ст. № 24(151) / ВолгГТУ. – Волгоград, 2014. – 186 с. (Серия «Проблемы социально-гуманитарного знания». Вып. 19).
ISBN 978-5-9948-1662-2

Выпуск посвящен региональной научно-практической конференции «Социокультурное пространство Юга России: межнациональное и межконфессиональное взаимодействие» и проходившему в ее рамках «круглому столу» с участием студенчества вузов Волгоградского региона, Южного и Северо-Кавказского федеральных округов. Конференция была организована ВолгГТУ и Комитетом по делам национальностей и казачества Волгоградской области. На конференции были подняты актуальные для многонационального региона темы, связанные с проблемой формирования национальной идентичности, в том числе с участием студенческих общественных объединений, взаимодействия между этносами, особенностями миграционных процессов на юге России и в Волгоградском регионе. Сборник содержит материалы, представленные в форме докладов, статей, раскрывающих методологические аспекты некоторых гуманитарных наук, сопряженных с темой конференции. Материалы будут полезны всем лицам и организациям, занимающимся проблемами межнационального взаимодействия.

Ил. 5. Табл. 13. Библиогр.: 383 назв.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Дулина Н. В. , Ануфриева Е. В. , Небыков И. А. , Овчар Н. А.</i> Идентичность в современной России: долгий путь от практики к теории и обратно.....	6
ИСТОРИЯ	
<i>Морозова Н. В.</i> Борьба с немецким языком в системе образования в годы Первой мировой войны (по материалам печати).....	12
<i>Назарова Т. П.</i> Немецкие колонии Нижнего Поволжья в условиях роста антинемецких настроений в русском обществе в годы Первой мировой войны.....	15
<i>Ситникова О. И.</i> Роль религиозного фактора в организации социокультурного пространства Нижне-Волжского региона (на основе анализа истории кочевников Средневековья).....	18
<i>Хорошенкова А. В.</i> Научно-исследовательская деятельность историков Нижнего Поволжья в 1950–1960-е гг.	21
<i>Бобровников В. Г., Яценко Р. В.</i> Роль Русской Православной церкви в организации начального образования России во второй половине XIX – начале XX вв.	24
<i>Наумов И. Н., Шарапов Д. Ю.</i> Византийское наследие на Российском Юге.....	27
ФИЛОСОФИЯ	
<i>Артюхович Ю. В.</i> Проблемы межнационального и межконфессионального взаимодействия: аксиологический подход.....	31
<i>Киценко Р. Н., Киценко О. С.</i> Социально-философская концепция полиэтничности как стратегическая основа современной национальной политики в России.....	34
<i>Платонова М. В.</i> Философский анализ феномена толерантности.....	37
<i>Соловьев А. А.</i> От целостности образования к единству общества.....	39
<i>Виноградова Н. Л.</i> Диалогические основания патриотизма.....	42
<i>Воротилова С. В.</i> Формирование российской гражданской идентичности субъекта в социокультурных проектах генеалогической направленности.....	45
<i>Песков А. Е., Кленина Е. А.</i> Адаптация молодежи к проблеме национальной идентичности в эпоху глобализации.....	49
<i>Стручалина А. П.</i> Взаимодействие природного и культурного в хозяйственной сфере.....	51
<i>Варакин С. В.</i> Философские основания «политической культуры» на русской почве (В. С. Соловьев против Н. Я. Данилевского).....	55

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>Уланов М. С.</i>	Современный буддизм в социокультурном пространстве Юга России.....	59
<i>Скворцова Т. В.</i>	Проблемы формирования духовной безопасности в межкультурном пространстве Юга России.....	62
<i>Естрина О. В.</i>	Отражение природно-экологического поля в региональной ментальности (на основе анализа казачьего сказочного фольклора).....	65
<i>Коньгина М. Н.</i>	Ценностный потенциал этнической культуры в развитии социально-помогающей деятельности.....	69
<i>Гриценко В. В., Никитина О. Г., Шустова Л. П.</i>	Проблема реализации поликультурного подхода в социальном воспитании.....	72
<i>Кондракова Э. Д.</i>	Поликультурная среда и межэтническое взаимодействие в деятельности инновационного вуза.....	76
<i>Егорова Л. П.</i>	Формирование национальной идентичности средствами художественной литературы.....	80

СОЦИОЛОГИЯ

<i>Макаренко И. П.</i>	Правовые основы предупреждения этнических конфликтов в условиях миграционных процессов в Российской Федерации.....	84
<i>Гунаев Е. А.</i>	Взаимодействие органов власти и национально-культурных объединений в реализации государственной миграционной политики Российской Федерации (на примере Республики Калмыкия).....	87
<i>Волкова Т. П.</i>	Взаимосвязь социальной защиты молодежи и процессов трудовой миграции в регионе.....	90
<i>Таран С. А.</i>	О методах формирования российской гражданской идентичности.....	92
<i>Войтов А. В.</i>	Образ врага как инструмент формирования идентичности населения Юга России.....	96
<i>Ануфриев Д. П.</i>	Жилищно-коммунальный комплекс в социально-экономической системе Юга России (на примере Астраханской области).....	98
<i>Иджаева Б. В.</i>	Репродуктивные установки и ценность семьи в общественном мнении молодежи Республики Калмыкия.....	102
<i>Павлов Б. С.</i>	К вопросу о религиозности уральских студентов.....	104
<i>Мельникова Е. В., Русанов Г. Ю.</i>	Влияние конфессиональных различий на формирование инвестиционных мотивов.....	109
<i>Самчук М. М.</i>	Этнокультурный и религиозный факторы в развитии общества (на примере Волгоградской области).....	111
<i>Найда О. А., Косивцова О. С.</i>	Роль права в регулировании межнационального взаимодействия.....	115
<i>Соломонов В. А.</i>	Предпосылки к созданию благоприятного социально-психологического климата в полиэтнических организациях.....	118
<i>Хамзяева О. С.</i>	Ценностные ориентации учащейся молодежи полиэтнического региона как фактор социально-психологической адаптации.....	122

<i>Черняева А. В., Карасева А. С.</i>	
Номинирующие реалии имиджа студента в условиях многогранности и динамичности поликультурного вуза.....	126
<i>Тарасов А. В.</i>	
Межнациональные и межконфессиональное взаимодействие студентов Волгоградского государственного университета.....	128
ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ	
<i>Красноруцкая Н. Г.</i>	
Экология социокультурного образовательного пространства вуза.....	131
<i>Штыров А. В., Казанова Н. В.</i>	
Открытое информационное пространство как поле для самообразования.....	134
<i>Самойлов Л. П., Сидорова С. Н.</i>	
Стратегия развития инженерного образования Юга России в современных условиях.....	137
<i>Чудина Е. Е.</i>	
Профессионально-личностное саморазвитие преподавателя как основа толерантного взаимодействия студентов.....	141
<i>Розка В. Ю.</i>	
Гендерное обучение педагогов в системе дополнительного профессионального образования.....	144
<i>Соловьева А. В., Самчук М. М.</i>	
Процесс формирования ценностных отношений старшеклассников как основа межконфессионального и межнационального взаимодействия.....	147
<i>Чечет Т. И., Борисова Ю. В., Ионкина Е. Ю.</i>	
Формирование критического мышления и толерантности как основных качеств личности в современном межнациональном пространстве при обучении иностранным языкам.....	151
<i>Федулов И. Н., Худобина О. Ф., Страхов А. М.</i>	
Принцип культуросообразности в билингвальном обучении иностраннх студентов.....	154
<i>Фастова Е. И.</i>	
Становление социогуманитарной компетентности подростка в истории образования: тенденция социализации образования.....	157
<i>Лыкова И. Д., Полевой Б. Г.</i>	
Межнациональное и межконфессиональное воспитание в вузе (на примере Астраханского инженерно-строительного института).....	161
<i>Лиценталь И. Е.</i>	
Адаптация студентов к процессу обучения в Северо-Кавказском федеральном университете.....	164
<i>Дьякова М. Г.</i>	
Формирование компетенций межкультурного взаимодействия в учебном курсе «Культурология».....	166
<i>Орлов Г. В.</i>	
Организация межнационального единения студентов на семинарских занятиях по Отечественной истории.....	169
<i>Топоркова О. В.</i>	
Об участии женщин в инженерных образовательных программах в странах Европы и США.....	172
<i>Штыров А. В.</i>	
Как научить студента навигации в информационном море?.....	176
<i>Черняева А. В.</i>	
Общечеловеческие ценности камнетерапии в обеспечении психологического здоровья личности.....	179
<i>Аксюткина И. В., Шуклина Ю. А.</i>	
Проблемы формирования творческой деятельности при обучении математике в практике школьного обучения.....	183

УДК 316.7
ББК С 5

*Н. В. Дулина**, *Е. В. Ануфриева***, *И. А. Небыков****, *Н. А. Овчар*****

**ИДЕНТИЧНОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:
ДОЛГИЙ ПУТЬ ОТ ПРАКТИКИ К ТЕОРИИ И ОБРАТНО**

Волгоградский государственный технический университет

E-mail: *dulina@vstu.ru, **ev_anufieva@mail.ru,
dekanmmf@vstu.ru, *onadine@mail.ru

В статье рассматриваются вопросы теоретической и практической интерпретации понятия «идентичность», особое внимание уделяется проблематике социокультурного свойства, а именно поиску ответа на вопрос: чем можно объяснить явную популярность и в научной и обыденной практике употребления данного термина.

Ключевые слова: глобализация, идентичность, идентификация, этническая идентификация, ценности, современный мир.

N. V. Dulina, E. V. Anufrieva, I. A. Nebikov, N. A. Ovchar

**IDENTITY IN MODERN RUSSIA:
LONG WAY FROM PRACTICE TO THEORY AND BACK**

Volgograd State Technical University

The article deals with the theoretical and practical interpretation of the concept of "identity", focuses on sociocultural problems, namely the search for an answer to the question: how can we explain the popularity of using of the term in scientific and everyday practice.

Keywords: globalization, identity, identification, ethnical identity, values, the modern world.

Трансформации, связанные как с расширением или сжатием внешних границ России, так и с внутренней административно-территориальной перестройкой, случались в истории России неоднократно. Последнее значимое событие из данного ряда трансформаций произошло в 90-е годы прошлого столетия. Как отмечает М. Г. Ганопольский, предшественником этого события «стало разрушение особого рода тотальности» [2, с. 142]. О какой («особого рода») тотальности идет речь? Ответ на удивление простой – о несбыточной мечте человечества – мире без границ, который когда-то воспевал великий советский поэт В. В. Маяковский: «Мы живем, зажатые железной клятвой. За нее – на крест, и пулею чешите: это – чтобы в мире без России, без Латвий, жить единым человечьим общежитьем» [18, с. 69–70].

Реальная практика показала, что «жить единым человечьим общежитьем» в рамках заданных территориальных границ получилось (по

историческим меркам) не очень долго. В стране, где единая нация «советский народ», как межнациональная общность людей, утверждалась не только официальными средствами партийной пропаганды, но и силой художественного слова, «противоречия, которые удавалось держать под спудом в условиях сильного центра, сразу же дали о себе знать, стоило центру ослабнуть» [17, с. 50]. Интересно, что линии разлома некогда единого государства точно совпали с линиями, начертанными когда-то на административно-политической карте страны (и история современного Крыма лишнее тому доказательство). То, что в период существования Советского Союза носило весьма условный характер, с распадом Союза одномоментно приобрело черты шлагбаума, пропускного пункта на границе, отделяющего «свое» от притязаний со стороны «чужого». Великая страна мгновенно рассыпалась на осколки, и социально-этнические «образования внутри некогда

единого советского народа, как бы “понарошку” считавшиеся нациями, сделались таковыми *взаправду*» [17, с. 50], а административные разделители (а попросту указатели на общесоюзных дорогах) территории превратились в государственные границы. И тут же у этих «пограничных столбов» замерла в ожидании своего решения проблема легитимности («а кто в доме хозяин?»), а рядом, чтобы оправдать и поддержать первую, обозначилась проблема идентичности («свой – чужой»), как следствие – необходимость ее конструирования (а в какой-то степени и оправдания). И в этом конструировании оказались востребованными разного рода спекуляции, направленные даже «на доказательства особой древности того или иного народа на данной территории и / или его преимущественного права на данную территорию» [28, с. 32]. Иначе говоря, доказательство того, что именно этот (а не другой) народ понимается на этой территории как изначально *данное*, всегда там присутствующее, как характеристика территории, географического ландшафта (тут были горы и леса, реки и озера, и был этот народ).

Что важно, идентичность не заставила себя долго ждать, следовательно, понимание того, что «все мы разные», живущие в одной большой стране, никогда и не покидало общественное сознание. Так что доказывать, что масштабное конструирование национальных идентичностей, развернувшееся на всей территории бывшего Советского Союза, – это случайность – не более, чем пустая трата времени, это, скорее, ответ на изменившуюся политическую реальность социокультурного пространства конца прошлого века.

Но если даже принять как допущение, что конструирование национальных идентичностей все-таки случайность, то вопросы идентичности не становятся от этого менее значимыми и требуют пристального внимания, поскольку «неспособность предсказывать аномалии ведет к неспособности предсказывать ход истории, если учесть долю аномалий в динамике событий. Однако, мы ведем себя так, будто можем предсказывать исторические события, или даже хуже – будто можем менять ход истории» [22, с. 12–13]. Но человеческая природа заставляет нас придумывать объяснения случившемуся после того, как оно случилось, делая событие, сначала воспринятое как сюрприз, объяснимым и в какой-то степени предсказуемым. Так сказать, ретроспективное (но не перспективное)

мышление. Вот и попробуем понять, что же произошло с идентичностью «советского народа», как эти изменения могут сказаться на современных реалиях.

Проблема идентичности в наше беспокойное время актуальна еще и потому, что извечная мечта человечества о том, чтобы «жить единым человеческим общежитием», не покидает умы и сердца ученых, выплескиваясь на страницы научных публикаций и в оживленные дискуссии. «Среди современных теоретиков в области национальных отношений, определенная часть исследователей, «искушаемых глобализмом» (по выражению А. Н. Панарина), приходит к выводу, что в наш век глобализации категория «нация» становится излишней и от нее можно избавиться» [29, с. 66]. Чтобы не быть голословными, приведем одно из таких высказываний: «Под категорией народ в смысле этнической общности... понимается группа людей, члены которой имеют общее название и элементы культуры, обладают мифом (версией) об общем происхождении и общей исторической памятью, ассоциируют себя с особой территорией, и обладают чувством солидарности» [23, с. 60]. И далее, по мысли того же автора, понятие «этнической группы» надо заменить понятием «этническая идентичность», которую следует рассматривать больше как форму социальной организации, чем выражением определенного культурного комплекса [23, с. 105].

Если обобщить подобного рода рассуждения, то можно понять, что в целом выдвигается следующая гипотеза. В течение двух–трех столетий национальные барьеры размоются, нации начнут сливаться, наступит безнациональный этап развития единого человечества, состоящего из автономных всечеловеков без отчетливо выраженной национальной принадлежности [29, с. 66]. Прямо-таки Мака́р Нагульнов с его мечтами о том, как после победы революции в мировом масштабе все народы помирятся, поводов для неприязни меж ними уже не останется, переженятся они тогда все меж собой и детишки у них будут потому, в основном, смугленькие...

Можно, конечно же, при формулировке подобных гипотез в условиях глобализации обращать свои взоры к интернету, ссылаясь на то, что он уже соединил мир в единое (по меньшей мере, информационное) пространство. Однако не следует забывать, что «еще опаснее возникающая в результате симбиоза с интернетом

диффузия идентичности. Если интернет становится привилегированным отражением реальности, то можно не заметить, что зеркало это кривое, равно как и кривы отраженные в нем люди и тексты, а мы сами начинаем утрачивать критические возможности и собственную субъектность» [15, с. 83]. Полагаем, что «диффузия идентичности» возникает не только о причине появления в нашей жизни интернета (см., напр., [16, 21] и др.), но и в силу тех процессов, которые развиваются, в том числе, и в повседневной жизни общества (см., напр., [8, 10, 12] и др.).

Представляется, что именно собственную субъектность отстаивают индивиды, принадлежащие к разным народам и субэтническим группам, выставляя в качестве защитного щита идентичность, лишняя раз подтверждая, что мечта «жить единым человеческим общежитием» столь же красива, сколь и утопична. А утопична она хотя бы потому, что, как утверждают историки-археологи, система жизнеобеспечения того или иного социума связана с передачей опыта от одного поколения другому. Это в конечном итоге приводит к оформлению традиции, а «поскольку эта традиция связана с жизненно важной сферой, она очень устойчива и может существовать не одну тысячу лет» [27, с. 9]. Та же самая мысль в устах философа, со ссылкой на Н. А. Бердяева, звучит несколько иначе: «нация есть вечно живущий субъект исторического процесса, в ней живут и пребывают все прошлые поколения, не менее чем современные. Даже время побеждается национальным бытием. Нация имеет онтологическое ядро. Нация, по Николаю Бердяеву, есть динамическая субстанция, а не преходящая историческая функция, она корнями своими врастает в таинственную глубину жизни. Важнейшее предназначение нации – постоянное воспроизводство национальной духовной культуры» [29, с. 66]. Заметим, что эти идеи подтверждаются данными, полученными в ходе прикладных социологических исследований (см., напр., [4, 6, 7, 9, 11, 13, 14, 19, 20] и др.).

Итак, как оно будет через две–три сотни лет пока не видно, но современная практика свидетельствует, что проблемы идентичности, в том числе и национальной, остаются по-прежнему актуальными, и особенно для тех территорий, где соседствуют многие народы и этнические группы. В этом мы убедились, в том числе и в ходе региональной научно-практической конференции «Социокультурное пространство

Юга России: межнациональное и межконфессиональное взаимодействие», которая состоялась в апреле 2014 года на территории Волгоградского государственного технического университета (ВолгГТУ). Заметим, что тема конференции оказалась интересной многим, нашла отклик не только среди ученых и исследователей юга России, но и всей страны: поступило около 150 заявок, приняли участие около 100 человек из 20 городов страны. В резолюции конференции отмечалось, что всех участников конференции объединило понимание социокультурного пространства региона как сферы взаимодействия, сотрудничества и соперничества национальных культур, традиций, религий.

Юг России – одна из тех территорий России, в которых под влиянием различных этноисторических, этно-конфессиональных, природно-климатических, социальных условий сложились уникальные по своей природе социальные образования. Всем известно и второе, закрепившееся за этой территорией название – Перекресток цивилизаций, как зона контакта многих культур и этносов, занимает особое место на карте России.

К югу страны, по нашему мнению, можно отнести Северный Кавказ и Нижнее Поволжье, бывшие некогда единым Южным федеральным округом (ЮФО), но с 19 января 2010 года указом Президента России (№ 82 «О внесении изменений в перечень федеральных округов...») из состава ЮФО был выделен Северо-Кавказский федеральный округ (СКФО).

Изначально было образовано семь федеральных округов, и другие округа за время своего существования не претерпели никаких территориальных изменений. Напомним, что административное группирование субъектов Российской Федерации по федеральным округам, изначально предназначенное для укрепления вертикали власти, не совпадало ни с военным, ни с экономическим районированием (более подробно, см.: [5]). Следовательно, можно предположить, что в структурной трансформации региона, как и в подписании такого рода документа (Указ Президента) не последнюю роль сыграли вопросы межнационального и межконфессионального взаимодействия (и как феномены, и как процессы), развивающиеся на данной территории.

СКФО включает в свой состав 7 субъектов: республика Дагестан, республика Ингушетия, Кабардино-Балкарская республика, Карачаево-

Черкесская республика, республика Северная Осетия – Алания, Ставропольский край и Чеченская республика. ЮФО – 6 субъектов: республика Адыгея, Астраханская область, Волгоградская область, республика Калмыкия, Краснодарский край и Ростовская область. И если в целом в России проживает около 200 национальностей и субэтнических групп (см., напр., [3]), то на юге страны проживают более ста народов, принадлежащих к различным языковым группам и исповедующих все религии мира [24, с. 219]. Только в Дагестане проживают представители 117 национальностей и этнических групп [25]. И это при условии, что территория Южного федерального округа на 1 января 2013 года составляла 420,9 тыс. кв. км (2.46 % от общей площади Российской Федерации), численность населения – 13884 тыс. чел., или 9.71 % населения страны (более подробно см.: [5]). Площадь СКФО – самого маленького по площади территории в стране – 172.4 тыс. кв. км [1], что составляет 1 % от общей площади Российской Федерации. Численность населения 9540758 чел., что составляет около 7 % от общей численности населения страны. При этом, объяснение традиционно высокой рождаемости в регионе идет со ссылкой именно на национальные традиции, в которых заложены институт семьи, многодетность и другие ценности, способствующие высоким показателям естественного прироста населения.

Традиционно принято считать плотность населения в стране (кстати, в степном ЮФО она составляет 33.18 чел. / кв. км, в СКФО – 56.27 чел. / кв. км). На юге страны, видимо, можно считать представленность национальностей и этнических групп на один квадратный километр. Но что важно, несмотря на высокую плотность национальностей и этнических групп на данной территории, можно отметить межнациональную стабильность региона Юга России, его этническую толерантность. Полагаем, что данная характеристика региона принадлежит по праву долголетнего соседского проживания народов, и понятие «идентичность» в риторике, как впрочем, и по всей стране, имеет недолгую историю. А вот именно с понятием, как нам представляется, стоит особо разобраться, поскольку «корень зла» находится именно здесь.

Итак, а что, собственно, есть «идентичность» в том числе и как дефиниция. Вопрос этот отнюдь не праздный (о чем может свидетельствовать приведенная выше характеристи-

ка региона). Кроме того, без понимания сущности самого понятия и вариантов трансформаций самого феномена идентичности в современных условиях невозможно ответить на истинные вопросы, который каждый человек когда-то задает себе: «Кто я?», «С кем я?», «Где я?» и др.

Возвращаясь к самому термину «идентичность», напомним, что его широкое распространение связано с именем Э. Эриксона, именно с легкой руки этого ученого с конца 70-х годов прошлого века этот термин прочно вошел в словарь социально-гуманитарных дисциплин. Как замечает В. С. Малахов «Начиная с 80-х годов поток сочинений, выносящих в заголовок слово «идентичность», становится практически необозримым. «Идентичность» делается составной частью своего рода жаргона, бессознательное употребление которого превращается в ному и научной публицистики, и политической журналистики» [17, с. 46]. Справедливости ради, все-таки заметим, что феномен, который интересовал Э. Эриксона – переживание индивидом себя как целого, «длящееся внутренне равенство с собой», «непрерывность самопереживания индивида». Многообразные феномены психических расстройств свидетельствуют о том, сколь проблематична «идентичность», сколь хрупка целостность, называемая «индивидуальностью». Э. Эриксон говорит в этой связи о «спутанной», или «смешанной» идентичности. Это бесконечное число случаев, когда личность как единство не сложилась [26]. Иначе говоря, потеря идентичности для индивида – потеря его целостности (самости).

До этого периода в отечественной науке использовались термины такие как «самосознание» и «самоопределение», а «идентичный» понималось как «тождественный». Чем можно объяснить такую явную «подмену тезиса»? Полагаем, что в данном случае срабатывает эффект добавленной валидности, который состоит в завышенных ожиданиях от чужого слова, в приписывании термину, пришедшему из иностранных языков, особой значимости, что в свою очередь сопряжено с некорректным употреблением этого термина [17, с. 43–44]. Это тот случай, когда «специалисту-смежнику... кажется, что проблемы существуют именно в его дисциплине, а у соседей никаких проблем нет, и там все в порядке, а выводы абсолютно обеспечены, и им можно доверять абсолютно... простое цитирование смежников, особенно в случае,

когда цитата удобна в контексте собственного исследования, мало что дает для решения проблем» [28, с. 41].

Идентичность, как представляется, это качество индивида, это особое измерение индивида, обладающего субъектностью. Но это понятие переносится на общество (группы, коллективы и т. д.), таковым качеством не обладающее. И тогда получается принятие желаемого (мыслимого) за действительное (реально существующее).

Идентичность – как признак, наличие (присутствие) которого позволяет тот или иной элемент отнести к выделяемой системе, и не более того, но идентичность как искусственно вычленяемая целостность, вдруг предстает как реально существующая. Можно констатировать, что в данном случае мы имеем дело с банальной, но довольно-таки типичной ошибкой, встречающейся в рамках системного анализа. Эта ошибка заключается в том, что по модели изучаются свойства спроектированной системы, а затем эти свойства переносятся, без каких-либо оговорок и допущений, на реальный объект, т. е. не проводится дополнительной проверки моделирования как самой модели, так и конечного результата.

Завышенные ожидания от заимствованного слова не только делают популярным употребление термина «национальная идентичность» («этническая идентичность»), но и при дальнейших рассуждениях приводят к обоснованию того, что нация (народ, этническая группа и т. д.) понимается «как нечто изначально данное, всегда уже присутствующее» [17, с. 49]. Или, как мы уже говорили выше, воспринимается характеристика территории, географического ландшафта. Но желаемое не становится действительным, переходя из мечты в реальность. «Единое человечье общежитие» – это что? народ? нация? государство? Понятно, что это «единое человечье общежитие» не обладает качеством субъектности, значит, и человеку в нем не уютно...

Свои рассуждения об идентичности мы начали с того, что ее появление (как в науке, так и в повседневной жизни) стало следствием изменения политической ситуации в стране, в конструировании идентичности оказались востребованными разного рода спекуляции, оправдывающие возникновение оппозиции «свой – чужой». Практика показывает, для того, чтобы «жить единым человечьим обще-

житьем», необходимо уважать и признавать право каждого человека, относящего себя к тому или иному народу, проживающему на определенной территории, на собственную (индивидуальную) идентичность. Не случайно в резолюции конференции, о которой речь шла выше, в одном из пунктов было записано: «Отмечая межнациональную стабильность региона Юга России, этническую толерантность, важно учитывать в образовательной деятельности влияние на молодежь информационных ресурсов, социальных сетей как факторов формирования социокультурного пространства Юга России». Поскольку традиция, связанная с жизнью народа, не только очень устойчива и может существовать не одну тысячу лет, как отмечалось выше, но «каждая традиция формируется в своем локусе, в своем географическом ландшафте» [27, с. 29]. Полагаем, что формирование социокультурного пространства региона – это отражение духовного начала всех народов, проживающих на его территории.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Вся Россия / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bankgorodov.ru/region/skfo.php>.
2. Ганопольский, М. Г. Российские регионы: от схемы к образу / М. Г. Ганопольский // Социокультурные и природно-ресурсные факторы сбалансированности модернизации регионов России: материалы X Всероссийской науч.-практ. конф. по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов», г. Пермь, 14–17 окт. 2014 г. / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2014. – С. 142–147.
3. Демоскоп. Weekly. – 2014. – № 617–618. / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nation.php.
4. Дулина, Н. В. Специфика религиозного сознания жителей юга России / Н. В. Дулина // Государство, общество, церковь в истории России XX века / Материалы Международной научной конференции / ИГУ. – Иваново, 2008. – С. 334–339.
5. Дулина, Н. В. Модернизация регионов Южного Федерального округа: оценка состояния и сценарии развития / Н. В. Дулина, Е. В. Каргаполова // Социокультурные и природно-ресурсные факторы сбалансированности модернизации регионов России: материалы X Всероссийской науч.-практ. конф. по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов», г. Пермь, 14–17 окт. 2014 г. / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2014. – С. 55–60.
6. Дулина Н. В. Религиозность как индикатор социального самочувствия жителей города / Н. В. Дулина, Н. А. Овчар // Тезисы докладов и выступлений на III Всероссий. социолог. конгр. «Социология и общество: пути взаимодействия» Секция 18. – М., 2008. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
7. Дулина Н. В. Социокультурная преемственность: к определению понятия / Н. В. Дулина, Н. А. Овчар // Энергоресурсосберегающие технологии: Наука. Образование. Бизнес. Производство. Материалы V Международ-

ной научно-практической конференции. 24–28 октября 2011 г. / Под. общ. ред. В.А. Гутмана, А. Л. Хаченяна. – Астрахань: АИСИ, 2011. – С. 243–246.

8. Дулина Н. В. Глобализация в масштабе отдельно взятого региона (по итогам прикладного социологического исследования) / Н. В. Дулина, Н. А. Овчар, В. В. Токарев // Известия ВолгГТУ : межвуз. сб. науч. ст. № 5 (132) / ВолгГТУ. – Волгоград, 2014. – С. 56–59.

9. Дулина Н. В. К вопросу о самоидентификации студенческой молодежи в новой социокультурной реальности (по итогам прикладного социологического исследования) / Н. В. Дулина, Н. А. Овчар, В. В. Токарев // Известия ВолгГТУ / ВолгГТУ. – Волгоград, 2014. – № 2 (129). – С. 45–51.

10. Дулина Н. В. Об особенностях самоидентификации современной студенческой молодежи (по итогам прикладного социологического исследования) / Н. В. Дулина, Н. А. Овчар, В. В. Токарев // Известия ВолгГТУ / ВолгГТУ. – 2014. – № 16 (143). – С. 98–101.

11. Дулина Н. В. Социальное настроение студентов современной России / Н. В. Дулина, Н. А. Овчар, В. В. Токарев // Материалы научно-практической конференции Дыльновские чтения «Повседневная жизнь россиян: социологический дизайн». – Саратов: Изд-во ООО Издательский Центр «Наука», 2014. – С. 315–322.

12. Дулина Н. В. Социальное самочувствие и религиозные ориентации современной студенческой молодежи (по итогам прикладного социологического исследования) / Н. В. Дулина, Н. А. Овчар, В. В. Токарев // Известия ВолгГТУ / ВолгГТУ. – 2014. – № 16 (143). – С. 120–124.

13. Дулина, Н. В. О соотношении православной идентичности и обыденного сознания студентов технического вуза / Н. В. Дулина, Р. М. Петрунева // Тезисы докладов и выступлений на III Всерос. социолог. конгр. «Социология и общество: пути взаимодействия» Секция 18. – М., 2008. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

14. Дулина, Н. В. Новый век: о соотношении православной и гражданской идентичности / Н. В. Дулина, В. В. Токарев // Государство, общество, церковь в истории России XX века / Материалы Международной научной конференции / ИГУ. – Иваново, 2008. – С. 196–201.

15. Емелин, В. А. Вавилонская сеть: эрозия истинности и диффузия идентичности в пространстве интернета / В. А. Емелин, А. Ш. Тхостов // Вопросы философии. – 2013. – № 1. – С. 74–84.

16. Ефимов, Е. Г. Культура как фактор конструирования образа социальных сетей в общественном мнении (опыт контент-анализа российских телеканалов 2011–2012 гг.) / Е. Г. Ефимов // Известия Волгоградского государственного технического университета / ВолгГТУ. – 2013. – № 9 (112). – С. 69–74.

17. Малахов, В. С. Неудобства с идентичностью / В. С. Малахов // Вопросы философии. – 1998. – № 2. – С. 43–53.

18. Маяковский, В. В. Товарищу Нетте – пароходу и человеку / В. В. Маяковский / Сочинения в 3-х т. – Т. 2. – М.: Художественная литература, 1965. – С. 68–70.

19. Овчар, Н. А. Гендерные особенности структуры верующих в современной России / Н. А. Овчар // Государство, общество, церковь в истории России XX века: Материалы IX Международной научной конференции Иваново, 10–11 февраля 2010 г. – Иваново: Ивановский государственный университет, 2010. – С. 558–562.

20. Петрунева, Р. М. Религиозная культура студенчества: поведенческий анализ / Р. М. Петрунева, Н. В. Дулина // Государство, общество, церковь в истории России XX века / Материалы Международной научной конференции / ИГУ. – Иваново, 2008. – С. 384–388.

21. Социокультурное освоение виртуального пространства: опыт социологического анализа: монография / Н. В. Дулина, Е. Г. Ефимов, И. А. Небыков, В. В. Токарев; ВолгГТУ. – Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2014. – 162 с.

22. Талеб, Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости / Нассим Талеб / Пер. с англ. В. Сонькина, А. Бердичевского, М. Костионовой, О. Попова; под ред. М. Тюнькиной. – М.: Азбука – Атикус, 2010. – 456 с.

23. Тишков, В. А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии / В. А. Тишков. – М.: Наука, 2003.

24. Туаева, Б. В. Вопросы сохранения этнокультурного разнообразия России: Северо-Кавказский регион / Б. В. Туаева // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. Общественные и гуманитарные науки. – СПб. – 2008. – № 12 (84). – С. 218–224.

25. Численность населения Северного Кавказа увеличилась на 5,5 %. / ФедералПресс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://fedpress.ru/news/society/news_society/chislennost-naseleniya-severnogo-kavkaza-velichilas-na-55.

26. Эрикссон, Э. Идентичность: юность и кризис / Э. Эрикссон / Пер с англ. / Общ. ред. и предисл. Толстых А. В. – М.: Издательская группа «Прогресс», 1996. – 344 с.

27. Этничность в археологии или археология этничности?: Материалы Круглого стола / отв. ред.: В. С. Мосин, Л. Т. Яблонский. – Челябинск: ЦИКР Рифей, 2013. – 136 с.

28. Яблонский, Л. Т. Проблемы концепции этногенеза на современном этапе развития гуманитарных знаний / Л. Т. Яблонский // Этничность в археологии или археология этничности?: Материалы Круглого стола / отв. ред.: В. С. Мосин, Л. Т. Яблонский. – Челябинск: ЦИКР Рифей, 2013. – С. 32–47.

29. Ярошук, Н. З. К вопросу о национальной форме социального бытия / Н. З. Ярошук // Вопросы философии. – 2013. – № 11. – С. 65–73.

УДК 94 (470+571)(=112.2) «1914/18»
ББК 63.3(2)524

Н. В. Морозова

**БОРЬБА С НЕМЕЦКИМ ЯЗЫКОМ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ
В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(по материалам печати)***

**Филиал «Взлет» МАИ (национальный исследовательский университет)
г. Ахтубинск**

E-mail: nataly-tarunina@mail.ru

В статье на основе материалов русской прессы рассматривается кампания по вытеснению немецкого языка как школьного предмета, языка преподавания и средства общения между людьми, развернутая в России после вступления в Первую мировую войну.

Ключевые слова: антинемецкая кампания, русская печать, Первая мировая война.

N. V. Morozova

**THE STRUGGLE WITH THE GERMAN LANGUAGE
IN THE EDUCATION SYSTEM IN THE FIRST WORLD WAR
(ON THE PAGES OF RUSSIAN PRESS)**

«Vzlet» Moscow Aviation Institute (National Research University), Akhtubinsk

In article on the basis of materials of the Russian press discusses the campaign to oust the German language as a school subject, teaching language and means of communication between people, deployed in Russia after the entry into the First world war.

Keywords: antigerman campaign, Russian press, the First world war.

Вступление России в Первую мировую войну вызвало борьбу с германизмом во всех областях общественной жизни. Одним из проявлений этой кампании стало наступление на немецкий язык. Первоначально использование вражеского языка было запрещено в прифронтовых областях, а затем и по всей империи. Ограничения коснулись употребления языка в общественных местах, но вскоре запрет был распространен на школы и церкви. Например, в Прибалтийских губерниях полностью запрещались разговоры на вражеском языке. Однако запреты не исполнялись, поэтому генерал-лейтенант П.Г. Курлов, осуществлявший контроль военных властей за гражданской администрацией в Прибалтике, желая смягчить ситуа-

цию, запретил вести разговоры на немецком языке демонстративно в публичных местах. Немецкое население, пользуясь расплывчатостью формулировки, продолжало изъясняться на родном языке, ссылаясь на то, что разговор не является демонстративным. Такая ситуация потребовала издания повторного приказа (январь 1915 г.), разъясняющего, что во время войны всякий разговор на немецком языке в публичных местах лицами, имеющими возможность говорить на других языках, следовало рассматривать как демонстративный и, следовательно, подпадающий под запрет [1. С. 94-96].

«Патриотичная» пресса настаивала на полном исключении германского языка из программы обучения путем замены на языки стран-союзниц, так как «сохранение вражеского языка способствовало распространению германского духа». Зачастую для большего эмоционального воздействия на читательскую ау-

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-31-01231 по теме «Эволюция «образа врага» в сознании русского общества в годы Первой мировой войны (по материалам центральной печати)».

диторию издания прибегали к публикации писем-жалоб. Так, газета «Вечернее время» опубликовала письмо за подписью «Отец», автор которого сообщал, что во время посещения дочери, обучающейся в Смольном институте, его буквально возмутило, что «немки», «немецкая речь» и «немецкий дух», несмотря на все распоряжения, не оставляют в покое «наших бедных детей и жестоко оскорбляют их чуткие души» [2. С. 1].

Однако не все авторы из консервативного лагеря разделяли подобные рвения. Так, среди множества агитационных статей против немецкого языка, встречались публикации, указывающие, что с немецким языком в школе слишком легкомысленно расправляться нельзя, так как на нем не только разглагольствуют шовинисты, изверги и мародеры, но и написаны книги, которых не может не знать любой образованный человек [3. С. 3].

Запреты на использование вражеского языка в общественных местах фактически поставили вне закона деятельность немецкоязычной прессы, лишь немногие издания просуществовали до 1916 г. [4. С. 46]. Верноподданническая позиция, демонстрируемая изданиями с начала войны, вызвала бурю негодования среди «патриотической» общественности. «Я восторгаться взрослыми людьми с высшим образованием, – писал редактор газеты «Вечернее время» Б. Суворин в адрес «Petrograder Zeitung», – русскими (извините за напоминание) дворянами, не говорящими по-русски, не могу. Я считаю это доказательством презрения к русскому великому языку и абсолютным нежеланием слиться с Россией, благоденствовавшей вас» [5. С. 4]. Корреспондент либеральной газеты «Русское слово», известной своей антинемецкой позицией, Г. Петров считал необходимым закрытие немецкоязычных изданий, так как ни во Франции, ни в Англии немцам во время войны даже не пришлось в голову издавать свои газеты, напротив, наши «сверхпатриоты» продолжали свою деятельность, умудряясь отпускать вздорные укоризны в адрес союзников [6. С. 3].

Следующим шагом в ограничении использования немецкого языка стало решение Совета Министров, утвержденное императором 24 декабря 1914 г. о языке преподавания в немецких колониальных школах, согласно которому в начальных училищах, как существующих, так и вновь открываемых, для детей немецкой народности в Варшавском учебном округе и в се-

лениях бывших немецких колонистов повсеместно в империи преподавание всех предметов производить на государственном языке, за исключением Закона Божьего и природного языка учащихся. В одноклассных училищах и первых классах прочих начальных училищ допускалось пользование природным языком учащихся, в качестве вспомогательного средства, на первых порах, но не более первого года обучения [7. С. 124–130].

Репрессивная политика не обошла стороной религиозную сферу. Пасторы, заподозренные в германофильстве и шпионаже, подлежали высылке. Проведение богослужения на немецком языке запрещалось под предлогом возможной прогерманской агитации. Если осенью – зимой 1914 г. вопрос использования языка касался деятельности рядовых священников, то весной 1915 г. эта проблема встала и перед евангелическо-лютеранскими консисториями [8. С. 27]. Делопроизводство и переписка переводились на русский язык.

Однако не все консервативные издания демонстрировали последовательность и непоколебимую приверженность пропагандируемым лозунгам. Например, в собственную ловушку угадило «Вечернее время». В ряде публикаций газета направо и налево клеймила немок-бонн, называя их одним из уродливых явлений русской жизни вроде «кухарок за повара» вместо настоящей гувернантки и предлагала признать этот «педагогический суррогат» крайне вредным [9. С. 1]. Несмотря на столь категорическую позицию, издание не гнушалось получать деньги за публикацию объявлений о приеме на работу именно немок-бонн [10. С. 2].

Большинство либеральных и радикально настроенных публицистов выступили против посягательств на немецкую культуру и язык. Немало критических статей было посвящено травле немецких педагогов, участвовавшей в образовательных учреждениях. Так, кадетская газета «Речь» в статье «Не троньте школы» от 14 октября 1914 г. опубликовала письмо неизвестного автора, возмущенного доносом на учительницу своей дочери. «Немку, русскую подданную во многих поколениях, быть может, имеющую близких людей в нашей армии на войне, превратили в германскую подданную. Русские национальные цвета – в германские. Стихотворение Гейне, скончавшегося более полувека тому назад, – в гимн Вильгельму II. На основании слов какой-то глупой девочки,

быть может, обиженной плохой отметкой, сострепали донос на учительницу с обвинением в германфильстве и довольны!» [11. С. 2].

Особенно много отзывов вызвало обсуждение вопроса об изгнании немецкого языка из школы. Меншевистско-оборонческое издание «День» опубликовало мнение профессора Горного института Н.Н. Яковлева, согласно которому введение английского языка вместо немецкого будет в ущерб средней школе, так как Россия чаще всего обращалась к Германии, где можно не меньшему научиться, чем во Франции. Кроме того, поездки в Германию за обменом опыта дешевле, чем в Англию [12. С. 3]. Публицист С. Любош в газете «Современное слово» указывал, что в Германии, в отличие от России, считают изучение русского языка чрезвычайно важным, для чего учреждаются курсы, а в организованных для действующей армии библиотеках популярностью пользуются русские писатели. В итоге автор задается вопросом: «<...> Кто поступает умнее – немцы, изучающие русский язык, читающие Диккенса, Толстого, Гюго, Тургенева, или те русские, которые <...> воюют с немецким букварем и немецкими вывесками<...>?» [13. С. 1].

Неудачи на фронте весной-летом 1915 г. спровоцировали усиление антинемецкой агитации в печати. Так, в одном из выпусков газеты «Голос Руси» содержалась статья, рассказывающая о нецелесообразности поголовного изучения немецкого языка: «Как ни важно знание немецкого языка нашим офицерам, которым быть может не раз еще придется сражаться на немецкой территории, или на спех, среди боев, допрашивать немецких пленных, едва ли знаете это необходимо для всех офицеров без исключения. Как не требуют немцы от всех своих офицеров знания русского языка, так могли бы поступить, и мы с немецким» [14. С.3].

Наступление на немецкий язык продолжалось. Так, запрещалось использование немецкого языка для почтовых и телеграфных сношений внутри империи [15. С. 3]. Однако, несмотря на это корреспонденция с текстом и надписями на «вражеском» языке поступала на почту, ввиду чего главное управление почт и телеграфов доводило до сведения населения, что все подобные материалы не отправляются, а уничтожаются [16. С. 3].

Либеральные издания все чаще выражали недовольство попытками распространить борьбу с «немецким засильем» на сферу образова-

ния и культуры [см. подробнее 17]. «Я понимаю: разогнать немецкое промышленное нашествие, – писал публицист Л.Е. Владимиров в октябристском «Голосе Москвы», – вытравить немцев из всех щелей русской жизни, покрытой паутиной германского добытничества, не покупать их товаров, не лечиться у них, не ездить к ним, не входить с ними ни в какое общение, – все это я понимаю, всему этому я сочувствую от всей души. Но отказаться от Гете! Нужно сначала основательно с ума сойти, а потом уже это сделать» [18. С. 1].

18 августа 1916 г. вышло положение Совета Министров «О воспрещении преподавания на немецком языке» [19. Ст. 1882]. Согласно этому во всех учебных заведениях, не исключая частных и принадлежащих евангелическо-лютеранским приходам, запрещалось преподавание предметов на немецком языке. Начиная с 1916 – 1917 учебного года, немецкий язык преподавания сохранялся лишь на уроках закона Божьего и собственно немецкого языка. Точку в сложном противостоянии российских немцев и самодержавия поставила Февральская революция, провозгласившая равенство прав граждан независимо от национальности и вероисповедания.

Таким образом, одной из тем, активно обсуждавшихся на страницах отечественной печати в годы войны стал вопрос о судьбе немецкого языка в России как языка общения и школьного предмета. Консервативно настроенные и отдельные либеральные авторы настаивали на необходимости полного очищения России от всякого проявления «германизма», требуя повсеместно прекращения использования вражеского языка. Напротив, основная масса либеральной и радикально настроенной интеллигенции, выступила против антинемецкой агитации, полагая что подобная политика нанесет больший ущерб собственной культуре. В целом гонения на немецкий язык, национальные школы, «немецкую веру», с одной стороны, легитимировало в глазах населения принятие правительством очередных ограничительных мер, с другой, – способствовало разочарованию в политике властей не только ранее лояльного немецкого населения, но и всех здравомыслящих культурных людей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бахтурина, А. Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика

в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.) / А. Ю. Бахтурина. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – 392 с.

2. Отец. Письмо в редакцию / Отец // Вечернее время. – 1914. – 6 ноября (№ 930). – С. 1.

3. К. П. Немецкий язык / К. П. // Вечернее время. – 1914. – 9 августа (№ 841). – С. 3.

4. Иларионова, Т. С. Печать российских немцев. Опыт исторического анализа / Т. С. Иларионова. – М.: Рос. акад. управления, 1992. – 138 с.

5. Обзор печати // Русский инвалид. – 1914. – 4 октября (№ 219). – С. 4.

6. Петров, Г. Дьявольское семя / Г. Петров // Русское слово. – 1915. – 11 января (№ 8). – С. 3.

7. Вашкау, Н. Э. Школа в немецких колониях Поволжья 1764–1917 гг. / Н. Э. Вашкау. – Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета, 1998. – 208 с.

8. Черказянова, И. В. Школьное образование российских немцев: проблема взаимодействия государства, церкви и общества (1830-е – 1917 гг.): автореф. дис. ... док. ист. наук: 07.00.02 / Черказянова Ирина Васильевна. – СПб., 2008. – 33 с.

9. К. П. Немки-бонны / К. П. // Вечернее время. – 1914. – 13 октября (№ 906). – С. 1.

10. Печать // Речь. – 1915. – 22 марта (№ 79). – С. 2.

11. А. И. Не троньте школы / А. И. // Речь. – 1914. – 14 октября (№ 277). – С. 2.

12. Яковлев, Н. Н. Английский или немецкий язык / Н.Н. Яковлев // День. – 1914. – 5 ноября (№ 301). – С. 3.

13. Любош, С. Заметки / С. Любош // Современное слово. – 1915. – 21 февраля (№ 2552). – С. 1.

14. Олег. Немецкий язык / Олег // Голос Руси. – 1915. – 28 мая (№ 496). – С. 3.

15. О воспрещении немецкого языка для почтовых сношений внутри империи // Правительственный вестник. – 1915. – 23 мая (№ 112). – С. 3.

16. О корреспонденциях с текстом и надписями на немецком языке // Правительственный вестник. – 1915. – 6 июня (№ 123). – С. 3.

17. Назарова, Т. П. Вопрос о немецкой колонизации России в отечественной публицистике конца XIX - начала XX вв. / Т. П. Назарова, Н. В. Морозова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. – 2013. – № 13: в 2-х ч. Ч. II. – С. 135-138.

18. Владимиров, Л. Е. Следует ли бойкотировать Гете? / Л. Е. Владимиров // Голос Москвы. – 1915. – 2 апреля (№ 75). – С. 1.

19. «О воспрещении преподавания на немецком языке» (18 августа 1916 г.) // Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при правительствующем Сенате, 1916 г., I отдел. – Пг., 1916. – Ст. 1882.

УДК 94 (470+571)=(112.2)

ББК 63.3(2)524

Т. П. Назарова

НЕМЕЦКИЕ КОЛОНИИ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В УСЛОВИЯХ РОСТА АНТИНЕМЕЦКИХ НАСТРОЕНИЙ В РУССКОМ ОБЩЕСТВЕ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ*

Волгоградский государственный аграрный университет

E-mail: hist_tatyana@mail.ru

В статье анализируется проблема нагнетания антинемецких настроений в русском обществе в годы Первой мировой войны. На примере волжских колоний показана активная гражданская позиция российских немцев в этот период вопреки создаваемому в прессе «образу внутреннего врага».

Ключевые слова: Первая мировая война, немцы Поволжья, «образ врага», антинемецкие настроения.

T. P. Nazarova

GERMAN COLONY OF LOWER VOLGA WITH THE GROWTH OF ANTI-GERMAN SENTIMENTS IN RUSSIAN SOCIETY DURING THE FIRST WORLD WAR

Volgograd State Agrarian University

The article analyses the problem of the injection of anti-German sentiments in Russian society during the First World War. For example, the Volga colonies shows the active civil position of Russian Germans in this period, despite created in the press «image of enemy».

Keywords: The First World War, the Volga Germans, «enemy image», anti-German sentiments.

Познание своей культурно-исторической идентичности, формирование национального самосознания у каждого народа происходит

в процессе противопоставления и сравнения себя с другими народами, в результате межнациональных контактов. Именно противопоставление своей общности другим, – писал Б. Ф. Поршнев, – всегда способствовало внутри общности фиксации к активному закреплению своих этнических отличий и тем самым скреплению

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-31-01231 по теме «Эволюция «образа врага» в сознании русского общества в годы Первой мировой войны (по материалам центральной печати)».

общности [1, с. 95]. При этом черты национальной ментальности активнее проявляются не во время стабильного развития, а в моменты социальных потрясений, особенно военных столкновений. Угроза внешнего вторжения способствует активизации национального сознания, остро реагирующего на происходящее через формирование враждебных стереотипов о других нациях, преодоление которых может затянуться на неопределенный срок, даже в мирное время.

Именно в таких условиях проблема «мы-они», «свой-чужой», «друг-враг» приобретает четкие очертания и занимает одну из ведущих позиций в общественном сознании. Таким тяжелым и драматичным периодом была Первая мировая война, ставшая для двух великих наций – русских и немцев – временем серьезных испытаний для их многовековых отношений. Доминирующей идеологической тенденцией в политике воюющих стран стал шовинизм, представители вражеских народов воспринимались существами низшего сорта, чужая культура – враждебной, а инородческое влияние – угрожающим. Решение внутренних проблем за счет притеснения выходцев из враждебных государств выглядело привлекательным и для власти, и для общества. Образ «внешнего врага» дополнялся насаждаемым в печати образом «внутреннего врага» – российских немцев. Издавна обсуждаемая в отечественной публицистике проблема «немецкого засилья» приобрела новый смысл на фоне войны с Германией.

Начало мирового конфликта явилось толчком к активизации ранее неоднократно поднимавшегося вопроса о судьбе немецкого землевладения и землепользования, о чем свидетельствовало появление многочисленных публикаций в печати [2, с. 4]. Цель начатой кампании сводилась к уничтожению немецкого влияния в различных сферах общественной жизни и прежде всего – в аграрной. Например, газета «Новое время» настаивала на выселении из западных губерний всех немцев, находящихся в русском подданстве, недвижимую собственность которых следовало передать во владение русских и польских крестьян [3, с. 1]. При этом немецкие колонисты представлялись в образе вероломных захватчиков, воспользовавшихся беспечностью русского народа для продвижения интересов Фатерланда. Печатный орган московских капиталистов, газета «Утро России» сообщала о случаях обнаружения среди

пленных германских солдат – колонистов из внутренних губерний, объясняя подобные факты тем, что у последних имеется ответственная задача быть «надежными проводниками армии по русским дебрям» [4].

В условиях нагнетания ксенофобии и разрабатываемых на высшем уровне «ликвидационных законов» против немецкого землевладения положение немецких колоний, особенно в европейской части России, было крайне тяжелым. В Нижнем Поволжье немецкие колонисты создали к началу XX в. процветающие высококультурные хозяйства – особо среди них по уровню хозяйственной деятельности выделялись колония братьев гернгутеров Сарепта и меннонитская колония Кеппенталь Малышенской волости. О степени интегрированности немецких и меннонитских поселений в социокультурную среду юга России, их пользе для хозяйственного развития региона высказывались противоречивые мнения. Так, например, дореволюционный исследователь Г. И. Колесников сравнивал меннонитские хозяйства с чужеземным культурным растением, случайно занесенным в чуждую ему полудикую обстановку [5, с. 51]. И. М. Красноперов, считал, что изолированность и замкнутость меннонитов делали почти невозможным воздействие меннонитской земледельческой культуры на русскую [6, с. 68]. В. Е. Зюрюкин же заметил, что причина была не в изолированности колоний, а в нежелании и неумении самого правительства и местного населения использовать этот опыт [7, с. 130]. Больше открытостью по сравнению с меннонитами отличались лютеранские и католические колонии, но и они не стремились к тесному сближению с иноязычным окружением.

Однако Первая мировая война показала, что немецкие колонисты, не смотря на свою культурную самоизоляцию и стремление сохранить свой традиционный уклад, пустили глубокие корни в русскую землю, воспринимали Россию уже как свою родину. Об этом свидетельствует волна патриотических настроений, затронувшая не только русское население, но и немецких колонистов.

Фактов массового саботажа мобилизационных кампаний в немецких колониях исследователями не обнаружено. Очень много немцев Поволжья приняло участие в войне. Немецкие воины в царской армии отличились такой же доблестью и патриотизмом, что и русские сол-

даты, с честью выполнили свой долг. Многие из них получили государственные награды за проявленное мужество. На страницах журналов «Русский инвалид», «Летопись войны», где регулярно публиковались списки награжденных воинов всех чинов, часто встречаются немецкие фамилии. В списках потерь по Саратовской, Астраханской губернии также много представителей лютеранского и католического вероисповедания (в этих документах фиксировалась не национальность, а религиозная принадлежность) [8].

Широкое участие немецкие колонисты приняли в кампании помощи фронту, которая проходила во всех регионах страны. Безусловно, здесь было и искреннее желание принять активное участие в оказании помощи солдатам, но в немалой степени этому способствовали и рост шпиономании, и набиравшая обороты антинемецкая кампания. Это накладывало дополнительные обязательства на немецкоязычных колонистов, для которых помощь фронту становилась не только проявлением патриотических чувств, но и одним из средств спасения колоний от уничтожения.

Уже в августе 1914 г. из канцелярии Саратовского губернатора волостным и сельским правлениям стали рассылаться требования о предоставлении сведений о количестве душ работников католического и лютеранского вероисповедания [9]. Эти сведения использовались как для полицейского надзора, так и для раскладки обязательных поставок. Подобные сведения продолжали собирать до конца войны. Как правило, реквизиции подлежали скот, хлеб, теплая одежда, технические средства. Саратовский губернатор в циркуляре к губернскому присутствию по воинской повинности от 24 ноября 1915 г. отмечал: «По полученным главным управлением Генерального штаба сведениям в Оренбурге имеется значительное количество принадлежащих немецким колонистам прекрасно сделанных фур на железных осях, поэтому возникло предположение, что такие повозки находятся и в других немецких колониях. Вследствие сего <...> предлагаю распорядиться о проверке наличия такого рода перевозочных средств, а полученные при проверке сведения иметь в виду на случай взимания перевозочных средств от населения [10].

Помимо выполнения обязательных поставок российские немцы занимались благотворительностью. Уже в первые дни войны духовен-

ство поволжских колоний присоединилось к общероссийскому движению оказания «доблестной русской армии всей необходимой материальной помощи», инициированному рядом христианских конфессий. В их обращении ко всем жителям страны вне зависимости от вероисповедания говорилось: «Если многие из нас не призваны служить на поле боя, послушим нашей Родине дома нашими средствами» [11, с. 53].

Проводились акции по сбору одежды, продовольствия для армии и хозяйственных принадлежностей. В ноябре 1914 г. на сходе Гречинно-Лукского сельского общества населению была объявлена благодарность за доброе дело – сбор 957 мешков, отправленных на фронт [12]. Повсеместно возникали благотворительные организации. Среди них такие, как Красно-Ярский волостной комитет попечительства Красного Креста, Сосновское волостное попечительство помощи раненым, Екатериненштадтский волостной комитет помощи беженцам, Верхне-Карамановское попечительство по призрению низших воинских чинов, Комитет по оказанию помощи лицам, пострадавшим во время войны при Саратовском евангелическом лютеранском совете и многие другие. В декабре 1914 г. в Саратовской губернии был организован сбор добровольных пожертвований под лозунгом «Рождественские подарки войскам».

Большую роль в оказании помощи интернированным немцам оказали поволжские колонисты. 1 августа 1915 г. Аткарская уездная управа предписала собрать сведения о том, какого рода специалисты могут понадобиться местному населению [13]. Из полученного в дальнейшем материала колонисты были заинтересованы, прежде всего, в сельскохозяйственных работах, а так же нуждались в сапожниках и кузнецах. Кроме работы российские немцы предоставляли беженцам кров, сдавали квартиры. Прием беженцев продолжался на протяжении всей войны. Особую роль в сборе пожертвований для беженцев сыграли отделения Комитета Ее Императорского Высочества Великой Княжны Татьяны Николаевны, которые координировали благотворительную деятельность местных властей. Помимо вещей немцы жертвовали деньги. Так, 30 ноября 1916 г. Ново-Галкинское сельское общество провело сбор средств на создание фонда с целью организации трудовой помощи пострадавшим нижним воинским чинам [14].

К сожалению, сводных данных по объемам благотворительной помощи немецких колонистов Поволжья найти не удалось, но и приведенные сведения говорят о том, что вклад поволжских немцев в помощь фронту был значительным.

В годы Первой мировой войны российские немцы испытали один из драматических периодов в истории их пребывания в России. В стране, где сменилось уже ни одно поколение немцев-колонистов, где ими были созданы процветающие колонии и внесен существенный вклад в социально-культурное и хозяйственное развитие ряда регионов, немцев стали воспринимать как врагов, а их успехи в различных областях рассматривать как «засилье», угрожающее интересам России. Изучение архивных материалов позволяет показать немецкие колонии не как отделенные от остального мира закрытые общества, а как часть единого гражданского социума, охваченного общими патриотическими чувствами и желающими активно участвовать в помощи своей родине.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Поршнев, Б. Ф. Социальная психология и история / Б. Ф. Поршнев. – М.: Наука, 1979. – 235 с.
2. Назарова, Т. П. Вопрос о немецкой колонизации России в отечественной публицистике конца XIX - начала XX вв. / Т. П. Назарова, Н. В. Морозова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. – 2013. – № 13, ч. II. – С. 135–138.
3. Форпосты наступления немцев должны быть уничтожены // Новое время. – 1914. – 17 сентября.
4. Немецкие колонисты // Утро России. – 1914. – 29 сентября.
5. Колесников, Г. И. Культурное хозяйство в некультурном крае : хозяйство меннонитов параллельно с очерком хозяйственно-бытовых картин Новоузенского уезда / Г. И. Колесников. – Саратов: Типография губернского земства, 1908. – 54 с.
6. Красноперов, И. М. Меннонитское хозяйство в Самарском уезде / И. М. Красноперов // Русская мысль. – 1883. – Кн. X.
7. Зюрюкин, В. Е. Меннониты Кеппентальского района области Немцев Поволжья в бытовом и хозяйственном отношении: исследование и материалы / В. Е. Зюрюкин. – Покровск, 1923.
8. Первая мировая война, 1914–1918 гг. Алфавитные списки потерь нижних чинов [Электронный документ]. – Режим доступа: <http://www.svrt.ru/1914/1914.htm>
9. Государственный архив Волгоградской области (далее – ГАВО). Ф. 253. Оп. 16. Д. 62. Л. 1.
10. ГАВО. Ф. 220. Оп. 1. Д. 642. Л. 184.
11. Решетов, Д. Г. Помощь немецких колоний Нижнего Поволжья фронту в годы Первой мировой войны / Д. Г. Решетов // Немцы России и СССР, 1900–1941 гг.: Материалы Междунар. науч. конф., Москва, 17-19 сент. 1999 г. – М.: Готика, 2000. – С. 52–62.
12. ГАВО. Ф. 253. Оп. 16. Д. 14. Л. 27.
13. Там же. Оп. 17. Д. 1. Л. 3.
14. ГАВО. Ф. 219. Оп. 1. Д. 96. Л. 11.

УДК 316.77
ББК С524.224

О. И. Ситникова

РОЛЬ РЕЛИГИОЗНОГО ФАКТОРА В ОРГАНИЗАЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА НИЖНЕ-ВОЛЖСКОГО РЕГИОНА (на основе анализа истории кочевников Средневековья)

Волгоградский государственный технический университет

E-mail: sitn55@rambler.ru

В статье раскрывается влияние религиозного фактора на формирование социокультурного пространства, особенности религиозных верований кочевников средневековья Нижне-Волжского региона.

Ключевые слова: социокультурное пространство, религиозный фактор, языческие верования, культурно-конфессиональные контакты.

О. I. Sitnikova

ROLE OF RELIGIOUS FACTOR IN THE SOCIOCULTURAL SPACE OF NIZHNE-VOLZHSKY REGION (BASED ON THE ANALYSIS OF HISTORY NOMADS AGES)

Volgograd State Technical University

The article reveals the influence of the religious factor on the formation of sociocultural space, especially religious beliefs medieval nomads of the Nizhne-Volzhsy region.

Keywords: sociocultural space, the religious factor, pagan beliefs, cultural and religious contacts.

Специфика социокультурного пространства Нижне-Волжского региона во многом определяется рядом разнородных культурогенетических факторов: природными, этническими, со-

циокультурными и другими [3]. К числу наиболее значимых следует отнести религиозный фактор, который активно детерминирует специфику ценностных ориентаций, принципы социальной консолидации, социальной организации. Степень реализации данного фактора была различна на разных этапах истории региона, что обусловило автора обратиться к средневековому периоду, когда этноконфессиональное развитие приобрело особенно интенсивный характер.

Религиозный мир кочевых народов региона в средневековую эпоху был необычайно сложен и богат. Своей основой он имел древнее язычество кочевых этносов. Эти верования не достигли уровня развитого пантеона, но представляли собой сложный комплекс языческих верований, связанный с поклонением силам природы. В первые века нашей эры господство языческих верований не исключало возможности знакомства кочевников с христианством. Смутные сведения об этом, в частности, хранятся в армянских источниках, однако поиск археологами следов раннехристианских общин пока не принес результатов [1, с. 281].

В период существования хазарского каганата (VII–X вв.) кочевые народы не могли не испытывать религиозного влияния со стороны этого могучего государства. Значительная часть населения Хазарского каганата в первой половине VIII века хранила верность языческой религии предков. Среди множества божеств (тенгри) наиболее почитаемый был Тенгри-хан – «чудовищный громадный герой», бог неба и света. Ему посвящали деревья (дубы), строили капища, приносили в жертву коней, кровь которых «поливали вокруг священных деревьев, а голову и кожу вешали на сучья» [5, с. 33]. Сохранилось яркое описание языческих верований, относящееся ко второй половине VIII века и приписываемое автору армянской «истории страны Алуанк» [1, с. 282].

Культ бога-героя переплетался с культом княжеской власти, с культом вождей. На ранних этапах развития религиозных представлений многие народы мира верили в божественную силу вождя. Считалось, что, старея, вождь теряет силу, поэтому его убивали и заменяли новым. Хазары при любом несчастье, обрушившемся на страну (засуха, разорение, неудача в войне), «чернь и знать» спешили к царю (князю) и заявляли ему: «Мы приписываем свое несчастье этому хакану, и его существование нам

приносит несчастье. Убей его или отдай его нам – мы его убьем» [5, с. 34].

С Хазарским каганатом связано также распространение исламского вероисповедания, иудаизма и христианства среди части населения. Религиозная полифония существовала вплоть до гибели каганата во второй половине X века под ударами печенегов и славян. С этого времени Великая Степь и вплоть до монгольского нашествия находилась во власти печенегов, торков и половцев.

Религиозные воззрения кочевников не оставались неизменными, но долгое время у них господствовало язычество в форме шаманизма. Поклонение отдельным вещам, волхвования и верования в злых духов, культ главного божества по имени Кам – все это засвидетельствовали источники X–XIII вв. [1, с. 284]. В половецком обществе была специальная жреческая прослойка – шаманы. Шамана половцы называли «кам», отсюда произошло и слово «камлание». Основными функциями шаманов были гадание (предсказание будущего) и врачевание, основанное на непосредственном общении с добрыми и злыми духами. Таким образом, факт существования шаманов является свидетельством того, что мир вокруг половцев был заполнен самыми разными «таинственными силами», с которыми мог общаться только шаман, испрашивая у них помощи или изгоняя их от больного человека.

Есть многочисленные данные для характеристики погребального культа, культа предков. После исполнения всех ритуалов, связанных с сооружением могилы, ее засыпали и над ней сооружали земляной или каменный курган [6, с. 139; 3, с. 102]. Переходя в иной мир, душа предка приобретала, по мнению половцев, особые возможности и силы для того, чтобы помогать людям (обычно родным), приносящим ей жертвы.

Широкое распространение половецких каменных статуй, находки святилищ с ними свидетельствуют в первую очередь о том, что культ предков был главным компонентом их религиозных представлений. Каменные изваяния могли заказывать только богачи. Бедняки, возможно, делали деревянные статуи или же ограничивались войлочным изображением предка, которое помещалось в обычной жилой юрте [3, с. 94]. Святилища с каменными статуями сооружались под открытым небом в доступных для всех проезжавших и видимых изда-

ли местах. Все обязаны были приносить им жертвы и поклоняться.

Постепенно происходит трансформация семейно-родового культа предков в культ предков-вождей. В половецком обществе середины XII в. это не были уже родовые вожди-старейшины. Это были представители класса феодалов. Общие для орд и родов предки-покровители при жизни являлись правителями орд и крупных богатых родов и семей. Сакрализация власти хана проявлялась не только в вере в его магическую силу, но и в поклонении ему как верховному покровителю всей степной группировки. Этот культ возник обычно у народов, стоявших на первых ступенях классового общества. У половцев он сосуществовал с культом предков, а не заменял его: святилища сооружались не только в память выдающихся деятелей, но и глав богатых родов и семей, а также женщин. Перерастание одного культа в другой и в то же время их сосуществование еще раз подчеркивают ту своеобразную «патриархальную вуаль», которая окутывала все проявления общественной и духовной жизни половцев [6, с. 140–141].

Тесное общение с соседними христианскими странами (Византией, Русью, Болгарией, Грузией, Венгрией) и мусульманскими государствами (Азербайджаном, Волжской Болгарией и огромным миром среднеазиатских государств) привело к проникновению этих двух религий в кочевые степи. Следует сказать, что отношения половцев с соседями не ограничивались только импортом христианства. Кочевники активно воспринимали и культуру этих стран: бытовые обычаи, некоторые детали одежды, предметы обихода, отдельные слова, приходившие в степь вместе с заимствованными предметами. Нельзя отрицать и обратного влияния – половцев на соседей.

В XIII веке ханы Золотой Орды в целом придерживались равенства всех конфессий, но вскоре интересы развития государства, контактов с соседними странами поставили их перед выбором господствующей религии, как идеологической опоры своей власти. С приходом к власти хана Узбека в 1312 г. был принят ислам в качестве государственной религии. Этот выбор был обусловлен тем, что монголы завоевали значительную часть мусульманского мира и тем самым оказались под его непосредственным влиянием.

Таким образом, в течение многих веков поволжские степи были зоной насыщенных этноконфессиональных контактов, что способствовало появлению здесь сложной картины межрелигиозных взаимоотношений. Это, в частности, отразилось как на организации социально-политического устройства, так и в целом на характере социокультурной жизни.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Барабанов, Н. Д.* От Тенгри к Христу. Религия в судьбе народов Нижнего Поволжья в период средневековья / Н. Д. Барабанов // Стретенский ежегодник. Вып. 2. – Волгоград: Государственное учреждение «Издатель», 2001. – С. 280–292.
2. Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны [Электронный ресурс] / Г. Рубрук // Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. – М.: Географгиз, 1957. – 270 с. – Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/rubruk.htm>
3. *Естрина, О. В.* Природно-экологическое поле как основание формирования социокультурного пространства региона / О. В. Естрина, О. И. Ситникова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 6, ч. 2. – С. 78–81.
4. *Менгес, К. Г.* Восточные элементы в «Слове о полку Игореве» [Электронный ресурс] / К. Г. Менгес. – Л., 1979. – 268 с. – Режим доступа: <http://padabum.com/d.php?id=36354>
5. *Плетнева, С. А.* Хазары [Электронный ресурс] / С. А. Плетнева. – Москва, «Наука», 1976 г. – Режим доступа: <http://www.russiancity.ru/ybooks/y1.htm>
6. *Плетнева, С. А.* Половцы [Электронный ресурс] / С. А. Плетнева. – Москва, «Наука», 1990 г. – Режим доступа: <http://annales.info/step/pletneva/index.htm>

УДК 94 (47+57) «1917/1991»
ББК 63.3

А. В. Хорошенкова

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИСТОРИКОВ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В 1950–1960-е гг.

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

E-mail: horav73@mail.ru

В статье, продолжающей серию публикаций автора, посвященную исследованию исторической науки и высшего исторического образования в вузах Нижнего Поволжья в советский период, рассматривается направление и содержание исторических исследований 50–60-х гг. XX в. Отмечается влияние партийно-государственной политики на эволюцию методологической парадигмы исторических исследований. Анализируется научная деятельность историков Саратовского государственного университета, Волгоградского педагогического института, Астраханского государственного университета.

Ключевые слова: профессорско-преподавательский состав вузов, высшие учебные заведения, историческая наука, история СССР.

A. V. Khoroshenkova

RESEARCH ACTIVITIES HISTORIANS LOWER VOLGA REGION IN 1950-1960-IES

Volgograd State Social-Pedagogical University

In the article the author continues the series devoted to the study of historical science and higher education in universities historic Lower Volga during the Soviet period, is considered the direction and content of Historical Research 50 -60- ies. The twentieth century. Notes the influence of governmental policy on the evolution of methodological paradigm of historical research. Examines scientific activity historians Saratov State University, Volgograd Pedagogical Institute, Astrakhan State University.

Keywords: teaching staff of universities, higher education, history, history of the USSR.

Эволюция методологической парадигмы исторических исследований, расширение их тематики и методологического инструментария историков в рассматриваемый период были неразрывно связаны с процессом трансформации партийно-государственной политики СССР и реформирования советского общества.

Если говорить о направлении исторических исследований историков Нижнего Поволжья, то они, как и в предыдущие периоды, во многом определялись уровнем развития исторической науки. Последний, в свою очередь, в условиях советской социально-политической системы, характеризовал не только результаты научной деятельности ученых-историков, но и задавался директивами партии и правительства.

В 1950 году на историческом факультете не было ни одного доктора наук. Следствием этого стала ликвидация аспирантура по историческим наукам. Важное значение для активизации научно-исследовательской работы историков имело восстановление аспирантуры при кафедре истории СССР. В 1953 году защитили кандидатские диссертации историки В. Б. Островский, В. Д. Пацула, И. В. Порох, Я. А. Эльфонд.

Кафедра истории СССР под руководством доцента Л. А. Дербова в 1950-е гг. сосредото-

чилась на изучении истории Саратова и Нижнего Поволжья с древнейших времен до революции 1917 г., истории освободительного движения и общественной мысли России XIX в., а также истории международных отношений и внешней политики России.

В 1950–1957 гг. саратовские археологи исследовали древние памятники в зоне строительства водохранилища Сталинградской ГЭС. С 1956 г. археологическая экспедиция университета начала исследование зоны затопления и строительства Саратовской ГЭС. В 1956 г. экспедицией под руководством доцента кафедры истории СССР П. Д. Степанова в западной части Чувашской АССР было открыто несколько фатьяновских поселений однослойных и многослойных городищ и селищ городищ культуры. [7]

В начале 1960-х гг. И. В. Сеницын развернул широкие археологические исследования на территории Калмыкии, раскрывшие мало изученные вопросы древней и средневековой истории северо-западного Прикаспия. [6]

Историей Саратовского края продолжал заниматься доцент Виктор Алексеевич Осипов. Он опубликовал очерк истории Саратовского края и города Саратова со времени его возник-

новения до 1917 г. в книге «Саратовская область» (1947) и переиздал книгу по истории саратовской большевистской организации в 1905–1907 гг. Правда, дальше работы по истории родного края развернуты не были. Не случайно проректор по научной работе С. С. Хохлов в феврале 1951 г. отмечал, что «на истфаке никто не пишет истории Саратова, а мы плохо ее знаем». [5, Д. 191, л. 130]

Одной из центральных исследовательских тем кафедры истории СССР в 1950-е гг. стали проблемы истории общественного движения в России. Доцент В. В. Пугачев сосредоточился на изучении общественно-политической мысли России в конце XVIII – начале XIX в., формирования идеологии декабристов и истории их ранних организаций. Работы доцента И. В. Пороха были посвящены главным образом Южному обществу и восстанию Черниговского полка. Доцент Л. А. Дербов исследовал балтийский вопрос и русско-польские отношения в XVI–XVII вв. Тогда же определился научный интерес Л. А. Дербова к проблемам истории русской общественной мысли XVIII в. Г. Д. Бурдей защитил кандидатскую диссертацию по истории борьбы Русского государства с Турцией и Крымским ханством в XVI в. (МГУ, 1954). Кафедру зачастую критиковали за недостаточное внимание к вопросам истории XX в. Ректорат отметил «слабое место в научно-исследовательской деятельности факультета»: «На кафедре истории СССР до последнего времени из 15 преподавателей 12 были заняты разработкой ранних периодов истории страны». Было указано, что даже «заведующий кафедрой новой истории И. С. Кашкин, занимавшийся изучением истории XX века, переключился на изучение истории XIX века» [5, Д. 220, л. 21 об].

В 1950 г. была создана аспирантура по специальности «История КПСС». План приема, утвержденный министерством, был полностью выполнен [11, Д.224, Л. 58].

План приема в аспирантуру на 1951–52 учебный год по истории ВКП(б) – 1 человек [10, Д. 143, Л.14].

Аспирантуры при исторических кафедрах в Сталинградском педагогическом институте не существовало. Однако в 1952 г. на кафедре истории ВКП(б) было принято 2 аспиранта, один из которых работал учителем. Оба аспиранта были членами ВКП(б). Их научным руководителем стал С. М. Дроздов – директор института. Аспирантка Лазарева работала над те-

мой «Сталинградский комсомол в борьбе за выполнение послевоенной сталинской пятилетки». Аспирант Авдеев подготовил реферат на тему «О различных путях перехода от старого качества в новое». Аспиранты активно вели общественную работу: Авдеев руководил одним из кружков по изучению истории ВКП(б), а Лазарева была руководителем семинара пропагандистов при Ворошиловском райкоме ВКП(б). [11, Д.224, Л. 45]

В справке о ходе выполнения постановления бюро обкома ВКП(б) от 12 июня 1951 г. № 14613 «О подготовке аспирантов в Сталинградском педагогическом институте им. Серафимовича», составленной заведующим отделом школ и вузов обкома ВКА(б) т. Щербаковым отмечалось, что одним из серьезных недостатков является то, что аспиранты не укладываются в установленные сроки защиты диссертаций. Окончившие аспирантуру до 1952 г. 4 молодых исследователя были выпущены без защиты диссертаций. Кроме того, прием аспирантов проводится без достаточного конкурса. [11, Д.224, Л. 48]

В середине 1950-х гг. в аспирантуре по историческим специальностям велись исследования по истории КПСС. М. А. Букин на тему «КПСС в борьбе за создание Сталинградской ГЭС (1950-54 г.г.)» под научным руководством С. М. Дроздова, В. Г. Хохлачев на тему «Борьба КПСС за укрепление МТС в период пятой пятилетки» и И. И. Ершов на тему «Борьба КПСС за дальнейшее укрепление союза рабочего класса с крестьянством в период пятой пятилетки» под научным руководством М. Я. Бромберга. На кафедре истории СССР аспирантов не было.

Доцент Г. С. Каден подготовил монографию «Подготовка партией и Советским правительством массовой коллективизации в районах первой очереди». [2, Д.9, Л.33-34]

Подготовлены коллективные пособия «История СССР. Эпоха социализма» и «История г. Сталинграда». [4, Д.11, Л.3]

Запланирована подготовка целого ряда монографий: «Аграрные преобразования ВОСР» – П. А. Бутылкин; «Северное Причерноморье в античную эпоху (Ольвия)» – Д. И. Нудельман; «Очерки по русской и советской историографии новой и новейшей истории зарубежного Востока» – М. И. Блох; «Рабочий класс Германии в Ноябрьской революции 1918 года» – В. А. Козюченко. [3, Д.93, Л.45-47].

Г. С. Каден защитил кандидатскую диссертацию на тему «Слияние Комбедов с Советами, как переход к политике союза с середняком». [9, Д. 189, Л.56]

На 1 сентября 1960 г. по истории была завершена 21 работа, из них 8 плановых и 13 внеплановых. [12, Д. 325, Л.254]

Доктор исторических наук С. П. Люшин и кандидат исторических наук В. С. Красавин руководили исследованиями по проблемам истории КПСС в Нижнем Поволжье в период строительства социализма. [8, Д. 34, Л.21]

В 1947–1948 годах А. И. Юхт являлся заведующим кафедрой истории СССР. Именно ему – первому из историков-астраханцев советского времени – принадлежит заслуга исследования дореволюционной истории края. Подробнейшим образом Александр Исаевич изучал материалы архива Астраханской области. В Астрахани были опубликованы и его первые работы: «Астрахань в период крестьянской войны под предводительством Степана Разина», «Астрахань: Краткий исторический очерк». В 1957 г. вышли статьи А.И. Юхта в центральных научных изданиях, в частности, «Индийская колония в Астрахани» в журнале «Вопросы истории». Этой же теме была посвящена и его кандидатская диссертация, успешно защищенная в 1959 году. В определенной мере астраханское краеведение обязано А. И. Юхту появлением столь видной фигуры, как А. С. Марков. Как следует из интервью этого писателя-краеведа, именно А. И. Юхт посоветовал ему заняться работой в архиве Астраханской области.

В научных исследованиях А. И. Юхта 1956–1958 годов особое место занимали торговые связи России со странами Востока. Эта работа нашла свое воплощение в монографии «Торговля с восточными странами и внутренний рынок в России (20–60-е гг. XVIII в.)». Используя и скрупулезно анализируя огромный архивный материал, А. И. Юхт выяснил характер русско-восточной торговли, показал динамику торговых отношений, впервые ввел в научный оборот комплекс астраханских таможенных книг XVIII века. Особое внимание автор уделил вопросам политики правительства относительно торговли с Востоком.

С 1948 года стал работать в Астраханском педагогическом институте Вольф Ефимович Фильгус, выпускник Ленинградского педагогического института. Он читал лекции по истории СССР. В.Е. Фильгус неоднократно выступал с научными докладами на кафедре истории СССР, ученом совете, теоретических конфе-

ренциях. Как свидетельствует его характеристика 1950 года, «особо следует отметить доклады «Развитие исторической науки товарищем Сталиным» и «Значение трудов И. В. Сталина о марксизме в языкознании для исторической науки и преподавания истории». [1] В.Е. Фильгус являлся внештатным лектором Обкома ВЛКСМ и Кировского райкома ВКП(б), представителем Астраханского отделения Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний. С 1950 по 1953 год был заведующим кафедрой истории СССР (вплоть до ее ликвидации).

Николай Михайлович Ушаков на протяжении многих лет заведовал кафедрой истории России. Являлся руководителем аспирантуры, основателем научной школы «Власть и общественно-политическое развитие в Нижне-Волжском регионе». Ученики Николая Михайловича успешно защитили кандидатские диссертации, участвуют в совместных исследованиях по истории региона.

Под руководством Н. М. Ушакова на кафедре сложилась научная школа, в рамках которой осуществляются исследования по истории Астраханского края. Круг научных интересов профессора, кроме региональных исторических проблем, был связан с изучением истории реформ и контрреформ в России XIX века, проблем историографии, источниковедения, методологии истории.

На совещании преподавателей общественных наук вузов о перестройке работы в свете решений XXI съезда КПСС т. Сысоев – заведующий кафедрой марксизма-ленинизма Астраханского педагогического института отметил, что преподаватели общественных наук кафедр вузов г. Астрахани проделали определенную работу по подготовке и публикации материалов по истории Астраханской партийной организации. [12, Д. 128, Л.10-12]

Историей Астраханского края и г. Астрахани занимался доцент кафедры марксизма-ленинизма Астрыбвтуза Н.В. Мушкатеров. Совместно с преподавателями кафедр марксизма-ленинизма педагогического (П. С. Сысоев, А. И. Польская, М. И. Слуцкий) и медицинского (Л.Е. Вереин, Я.М. Гольденберг, С.У. Куряев) институтов Астрахани Н.В. Мушкатеров писал историю астраханской партийной организации.

В 1953 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Астраханская партийная организация в период Великой Отечественной войны Советского Союза» А. И. Польская, которая

в 1950–1952 гг. являлась деканом литфака, а затем объединенного историко-филологического факультета. До этого долгое время она возглавляла кафедру истории КЖС.

Подводя итог изучению высшего исторического образования и науки в Нижнем Поволжье в послевоенный период и период «оттепели» можно отметить, что прогрессивные изменения, которые принесла эпоха Хрущева, сочетались с неослабевающим контролем партийного и государственного аппарата над политической, идеологической и культурной жизнью общества. В ходе «оттепели» режим административно-командной системы был несколько ослаблен, но не сокрушен. Конец 50-х – начало 60-х стали весьма сложным временем для исторической науки и образования. Диспропорции в развитии науки, отсутствие эффективных рычагов управления научными процессами, невнимание государства к росту исследований среди гуманитарных наук, некомпетентное идеологическое вмешательство властей в проблемы истории – все эти процессы детерминировали развитие высшего исторического образования.

Исторические работы 50–60-х гг. писались, в основном, на известные и достойные поощрения сюжеты: разрабатывалась история классово-борьбы, восстаний, забастовок или намеков на эти процессы. Как правило, все формы недовольства зависимого населения определенного историче-

ского периода принимались за «классовую борьбу», порождая экономическими противоречиями, угнетением крестьян, рабочих и других социальных групп. Для историков Нижнего Поволжья диапазон тем включал изучение тех же процессов, но преимущественно в своем регионе.

Понятно, что в столь жестких тематических рамках при господстве марксистско-ленинской методологии осуществить глубокие и всесторонние научные исследования было крайне трудно. Тем не менее, ученые-гуманитарии Нижнего Поволжья внесли заметный вклад в отечественную историческую науку, а некоторые из них получили всесоюзную известность.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Архив АГУ. Оп. 9. Д. 140. Л. 15.
2. Государственный архив Волгоградской области (ГАВО) Ф.6056, Оп.3.
3. ГАВО Ф.6056, Оп.4.
4. ГАВО Ф.6056, Оп.5.
5. Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО) Ф. 35. Оп. 1.
6. *Дербов, Л. А.* Историческая наука в Саратовском университете / Л. А. Дербов. – Саратов, 1983.
7. История Саратовского университета. 1909–2009. Т. 2. – Саратов, 2009.
8. Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИ ВО) Ф. 71, Оп. 42,
9. ЦДНИ ВО Ф. 113, Оп. 33.
10. ЦДНИ ВО Ф. 113, Оп. 35.
11. ЦДНИ ВО Ф.113, Оп. 39.
12. ЦДНИ ВО Ф. 113, Оп. 60.

УДК 373.3 (470) (09)
ББК 74.03 (2)5-41

В. Г. Бобровников, Р. В. Яценко

РОЛЬ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ОРГАНИЗАЦИИ НАЧАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.

Волгоградский государственный технический университет

E-mail: bvladimirss@mail.ru, Roman-x69@mail.ru

Статья посвящена выяснению роли Русской Православной Церкви в организации начального образования в России во второй половине XIX – начале XX вв. посредством активного распространения, приходских советов, церковно-приходских школ и школ грамоты. Анализируются новые Правила, позволяющие определить четкую концепцию дальнейшего развития школ в государстве. Определяются источники финансирования церковно-приходских школ и значение деятельности церкви в духовно-нравственном просвещении россиян.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, приходские попечительства, церковно-приходская школа и школа грамоты, Правила, Священный Синод.

V. G. Bobrovnikov, R. V. Yashchenko

RUSSIAN ORTHODOX CHURCH ROLE IN THE ORGANIZATION OF PRIMARY EDUCATION OF RUSSIA IN THE SECOND HALF OF XIX – THE BEGINNINGS OF THE XX CENTURIES

Volgograd State Technical University

Article is devoted to clarification of a role of Russian Orthodox Church in the organization of primary education in Russia in the second half of XIX – the beginning of the XX centuries by means of active distribution, parishionals councils, parish schools and diploma schools. The new Rules, allowing to define the accurate concept of further development of schools in the state are analyzed. Sources of financing of parish schools and value of activity of church in spiritual and moral education of Russians are defined.

Keywords: Russian Orthodox Church, a parish school and school diplomas, the Rules, the Holy Synod.

Деятельность Русской Православной Церкви (РПЦ) в организации начального образования на территории Российской империи второй половины XIX – начала XX вв. было связано с рядом внутривластных противоречий потрясших основы консервативного устройства государства. Традиционные устои, на которых покоилась российская государственность, подверглись существенному пересмотру. Принципы самодержавия, православия и народности, доминировавшие при Николае I, сменяются новыми либеральными ценностями, распространившимися в России с территории Западной Европы. Поэтому авторы ставят задачу проанализировать роль РПЦ в формировании церковно-приходских школ как составной части (наряду с министерскими и земскими) народного образования.

Буржуазные реформы 60-х годов коснулись и церковно-приходских школ. Созданием церковно-приходских попечительств, была сделана попытка комплексно решить проблемы приходов. Положением от 2 августа 1864-го года «О приходских попечительствах при православных церквях» на попечительства были возложены следующие обязанности: изыскание средств для содержания духовенства и построения новых церквей; устройство домов для церковного причта; изыскание средств для учреждения приходских школ и училищ, больниц, богаделен, приютов и др. Так, если в Дмитриевской церкви Дурновской станицы Филоновского благочиния ОВД в 1866 году имелось церковно-приходское училище, в 1894 г. – школа грамоты, то в 1901 г. церковно-приходская школа, в которой обучались 24 мальчика и 85 девочек [2, л.51].

Забота попечительских советов о приходских школах привела первоначально к их росту в государственном масштабе и повышению нравственно-образовательного влияния на подрастающее поколение. В 1866-м году по указу императора на духовно-учебные заведения было выделено из государственной казны 1,5 миллиона рублей. В 1868-м году образовалось 5840 приходских попечительств в России, которые выделили на школы 19,49 % своих общих средств [3, л.4].

Но в процессе развития попечительских советов при церквях, из-за бедственного положения духовенства, стали неравномерно распределяться средства попечительств, что было одной из причин сокращения численности цер-

ковно-приходских школ. Так, 11950 попечительств в 1881-м году выделили лишь 12,4 % своих сумм церковно-приходским школам, которых к этому времени осталось лишь 4400. К 1884-му году существовало всего 2500 церковных школ и школ грамоты [13, с. 2136].

Для исправления этого положения, правительство и Синод издают ряд указов и постановлений, направленных на реформирование церковно-приходского обучения. С 1880 по 1905 год на посту обер-прокурора Святейшего Синода находился К. П. Победоносцев, который всесторонне поддерживал и развивал систему начального образования, выделив в ней церковно-приходские школы и школы грамотности. Данные типы образовательных учреждений, по мнению обер-прокурора «... по самим условиям существования в них обучения и надзора представляют собой гарантию для правильного и благонадежного в церковном и народном духе образования, нежели другие виды народных школ, и потому заслуживают особых со стороны правительства поддержки и поощрения» [10, с. 104–109]. Для этого, одним из главных мероприятий по упрочению положения церковно-приходских школ и школ грамоты, в системе начального образования, стали разработка, и внедрение новых Правил.

Осенью 1882 года в соответствии с решением Комитета министров К. П. Победоносцев созывает специальную комиссию по оформлению выступлений членов Комиссии для практического преобразования и составления новых Правил для школ, подотчетных Синоду. Комиссия заседала в течение двух лет и в мае 1884 года «состоялось слушание доклада этой комиссии, и рассмотрение проекта правил о церковно-приходских школах» [10, с. 106–109]. Итогом стало появление «Правил о церковно-приходских школах». Анализ Правил позволяет оценить их значение для развития начального народного образования в целом.

В первой статье Правил определялось направление развития церковно-приходских школ, подобное двум Положениям о начальных народных училищах 1864 и 1874 гг. «утверждать в народе православное учение веры и нравственности христианской и сообщать первоначально полезные знания» [11, с. 73]. Этим утверждением подчеркивалась конфессиональная особенность системы школ.

В 1883-м году при духовных семинариях открывались воскресные школы, на которые

отпускались денежные пособия, а попечители учебных округов Министерства народного просвещения стали обязаны оказывать всяческое содействие открытию и поддержанию церковно-приходских школ [5, с. 516–517].

После выхода новых Правил 1884 года происходит прикрепление данного типа школ к духовному ведомству, всецело контролировавшего процесс функционирования, что позволило определить четкую концепцию их дальнейшего развития [7, с. 282–286].

13 июня 1884 года император Александр III утвердил выработанные Синодом «Правила для церковно-приходских школ» и в восьмом параграфе было определено образование при школах библиотек. Если в 1868 году их имелось всего 11170, а в 1881-м году 16250, то в 1914-м году – 33497 [14, с. 76–84].

С 1889-го по 1892-й год выходят постановления и распоряжения, которые внесли следующие изменения: Преосвященные могли утверждать лиц женского пола попечительницами церковных школ, а также уездных наблюдателей для школ, вводились практические занятия по огородничеству, садоводству, были изданы «Правила о школах грамоты», учительствовавшие священники освобождались от урочных богослужений.

12 мая 1897 года «высочайшим повелением» сельским училищам, церковно-приходским школам и школам грамоты отводились от казны земельные участки и безденежный отпуск им коренного леса [5, с. 339–341, 344, 519, 521].

В сентябре того же года определение Синода давало указания благочинным об их обязанностях по отношению к церковным школам. Архиереям вменялись следующие общественные нагрузки: состоять членами уездных отделений епархиальных училищных Советов; делать отчеты о состоянии церковных уездных школ; способствовать пожертвованиям местного населения на церковные школы, открывать новые церковные школы, «делать внушения и поощрять наградами [12, с. 372–373].

В итоге, к концу XIX столетия происходит упрочение положения церковно-приходских школ в системе народного образования. Ранее положение школ отличалось крайне нестабильной формой существования [6, с. 48–51], обусловленной отсутствием четкой линии у правительства в отношении их статуса. Из отчета Донской епархии ОВД за 1911–1912 гг. следует, что там имелось 809 одноклассных церков-

но-приходских школ с 47967 учеников, двухклассных школ – 16, второклассных – 6, школ грамоты – 1, и школ с четырехгодичным курсом – 25 [8, с. 6].

Все эти организационные, финансовые, правовые и материальные меры наладили работу церковных школ, и к 1914 году их численность по 64 епархиям увеличилась до 38138, в которых обучалось свыше двух миллионов детей. [1, с. 120–121].

Небезынтересным представляется факт выяснения источников существования церковных школ. С 1909 года поступление средств резко возрастает благодаря росту благотворительности по России в целом. Деньги поступали от церквей, монастырей (кружечные сборы), разных просветительно-благотворительных учреждений духовного ведомства (братств), от земств, частных лиц, крестьянских и других благотворительных обществ. Без дотаций от государственной казны и Синода, пожертвования этих организаций с 1909 года по 1915 год способствовали притоку свыше 52 миллионов рублей [Там же].

К 1 января 1915 года церковные школы делились на два типа: начальные и учительские. Начальные церковные школы для детей были одноклассные, двухклассные и школы грамоты. Начальные для взрослых – это воскресные церковные школы и рукодельные классы при них. Учительские церковные школы подразделялись на второклассные и церковно-учительские. В одноклассных церковно-приходских школах преподавались: Закон Божий, церковно-славянский язык, русский язык, арифметические действия, чистописание, церковное пение. При второклассных школах могли быть курсы певческие, учительские, псаломщические, законоучительские. Из отчета Донской епархии в 1915 г. можно увидеть рост церковно-приходских школ, которых насчитывалось 858. Из них 833 одноклассных, мужских – 42 школы, женских 200 и смешанных 591 с 55651 человек. Имелось 18 двухклассных школ, в которых учились 3087 человек и 6 второклассных школ [4, с. 258–259].

По сметам доходов и расходов специальных средств Святейшего Синода на 1917-й год для содержания духовно-учебных заведений выделялось 12,3 миллиона рублей, в то время как все доходы церкви по 16 статьям сметы составляли 21,2 миллиона рублей [9, с. 3–4, 10, 12]. То есть, 58 % всех церковных сумм шло на образование и воспитание молодого поколения

россиян. Но этих средств было недостаточно, так как они составляли лишь 22,7 % всех затрат на церковное образование. Остальные 60,7 % средств выделяло государство, а 16,6 % поступали из благотворительных источников. То есть, государственные средства в начале XX века были основными. Поэтому переход в феврале 1918 года 37 тысяч церковных школ в ведение Министерства народного просвещения не был столь болезнен.

Таким образом, благодаря существованию на Руси и в России церковных, церковно-приходских школ, училищ, школ грамоты Русская Православная Церковь поддерживала элементарное обучение, которое являлось базой для дальнейшего образования в интересах государства. Улучшалось начальное и учительское образование, церковное пение, формировались церковные библиотеки и древлехранилища, воскресные школы и народные чтения. Церковные школы были также центрами нравственного воспитания детей и взрослых, которое совершалось в духе евангельских заповедей. Пастыри в церквях и школах учили любить ближних, помогать бедным и защищать сирот, жить между собой по правде, в мире и любви, быть верным и князю, и начальнику и стойко переносить несчастья. Церковные и народные школы на Руси и в России укрепляли православную веру, возвышали человека нравственно, давали ему духовную пищу, поддерживали любовь к Отечеству.

УДК 94 (470.4) "04/14"
ББК Т 3 (2 Рос – 13) 4

*И. Н. Наумов**, *Д. Ю. Шаранов***

ВИЗАНТИЙСКОЕ НАСЛЕДИЕ НА РОССИЙСКОМ ЮГЕ

*Волгоградский государственный технический университет

** Волгоградский государственный аграрный университет

E-mail: * Naumov1510@yandex.ru, ** kafedra.sksit@mail.ru

Статья посвящена вопросам культурных влияний и политических взаимоотношений Византии с Россией и государствами, существовавшими в средневековье на современном российском юге – Хазарским каганатом и Золотой Ордой.

Ключевые слова: Византийское культурное влияние, Хазарский каганат, Золотая Орда, византийская идея в России.

*I. N. Naumov**, *D. Yu. Sharapov***

THE BYZANTINE HERITAGE IN RUSSIA'S SOUTH

*Volgograd State Technical University

**Volgograd State Agrarian University

The article is devoted to cultural influences and political relations of Byzantium with Russia and the States that existed in the middle ages to modern Russia's South – Khazar Kaganate and the Golden Horde.

Keywords: Byzantine cultural influence, Hazaria kaganat, the Golden Horde, Byzantine idea in Russia.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Всеподданнейший отчет Обер-Прокурора за 1914 г. – Пг., 1916. Приложение. – 144 с.
2. Государственный архив Волгоградской области (далее: ГАВО) Ф.14. Оп.1. Д.26.
3. ГАВО. Ф.22. Оп.1. Д.10.
4. Донской православный вестник. – Новочеркасск, 1916 г. – 367 с.
5. *Калашиников С. В.* Алфавитный указатель действенных и руководственных канонических постановлений, указов, определений и распоряжений Святейшего Правительствующего Синода 1721–1895-й год включительно. Изд. 2-е. – Харьков, 1896. – 670 с.
6. *Могилевский, В.* Страничка из борьбы земской школы с церковно-приходской (Из Мелитополя) / В. Могилевский // Образование. – 1904. – № 2. – С. 48–51.
7. Новые издания правил и программ для церковно-приходских школ // Русская школа. – 1895. – № 1. – С. 282–286.
8. Отчет о состоянии церковных школ Донской епархии в 1911–1912 учебном году. – Новочеркасск, 1913. – 48 с.
9. Смета доходов и расходов специальных средств ведомства Святейшего Синода на 1917 год. – Пг., 1918. 56 с.
10. *Тебиев, Б. К.* К. П. Победоносцев: Легенда и реальность / Б. К. Тебиев // Педагогика. – 1991. – № 3. – С. 104–109.
11. Хрестоматия по истории педагогики. Т. IV. Ч. I–II. – М.: Гос. уч.-пед. изд-во, 1936. – 516 с.
12. Руководство к изучению богослужения православной Церкви... / Церковные ведомости. Прибавление к церковным ведомостям. – СПб.: Синодальная типография, 1897. – № 11. – С. 372–373.
13. Церковные ведомости. Прибавление к церковным ведомостям – СПб.: Синодальная типография, 1905. – № 48. – 2271 с.
14. Церковные ведомости. Прибавление к церковным ведомостям – СПб.: Синодальная типография, 1917. – № 3. – С. 76–84.

Тысячи километров разделяют бывшую территорию Византии (Восточной Римской империи) и земли нынешнего российского юга. Тем не менее, влияние византийской культуры, пусть и большей частью опосредованное, ощущается и на этих, весьма удаленных от нее землях.

А начиналось все еще более тысячи лет назад, когда в Нижневолжские степи переместился центр первой великой кочевой империи – Хазарского каганата. Степи Причерноморья и Приазовья привлекали внимание византийских политиков и историков еще с VI–VII вв. Степные кочевники, с одной стороны, интересовали имперские власти как союзники в борьбе вначале с Сасанидским Ираном, а затем с арабским Халифатом. С другой стороны, византийцы рассматривали тюркские племена Северного Причерноморья как противников своей политики, направленной на полное подчинение империи Крымского полуострова. В то же время и хазарские каганы влияли на судьбы Византийской империи. О сложных аспектах этой противоречивой политики красноречиво повествует история взаимоотношений Византии с Хазарией в период царствования императоров Юстиниана II и Вардана-Филиппа в конце VII – начале VIII вв.

Нельзя не отметить, что изучение региональной истории является особым разделом «занятий просветительского и патриотического направлений», позволяющих «в рамках краеведческих исследований, обращения к истории малой родины» [11, с. 114] восстанавливать ее неизвестные страницы, изучать «судьбы конкретных людей, ... семей, повседневную жизнь прошлого и настоящего», формировать личности студенческой молодежи [12, с. 137].

История свидетельствует, что опальный император Юстиниан II Риномет (685–695), бежавший на территорию подконтрольную хазарам, был любезно принят каганом Ибузиром Гляваном, который выдал за него свою сестру Кутлук-Бике (в крещении Феодору), получившую за свое происхождение прозвище «Хазарская». Юстиниан с женой поселился в Фанагории на Таманском полуострове. Известно, что она спасла мужа, предупредив его о византийско-хазарском заговоре с целью его убийства. От этого брака родился сын Тиберий, ставший по византийской традиции с младенчества (в 706 г.) соправителем отца, которому в 705 г. удалось вернуть себе трон. После этого в Константинополе Кутлук-Бике – Феодоре была воздвигнута

статуя. Однако в 711 г. Юстиниан II и его семья были убиты возглавившим поддержанное хазарами восстание Варданом, назвавшимся Филиппиком и ставшим императором (711–713) волею признавшего его кагана [3].

Кульминацией же византийско-хазарского союза, отразившего «своеобразие социальных отношений традиционного Востока... по типу семейно-родственных» [2, с. 25], обусловленного при этом необходимостью совместной борьбы с арабским Халифатом, стало заключение в 732 г. династического брака будущего императора Константина V Копронима (718–775) и сестры хазарского кагана Вирхора принцессы Чичак (в крещении Ирины), ставшей его первой женой (умерла в 752 г.). Их сын Лев IV Хазар (450–780) был назначен соправителем отца в 751 г. и правил в 775–780 гг. [8, с. 42].

Свидетельствами этих давних событий являются, например, византийские золотые монеты, встречающиеся иногда в хазарских погребениях Поволжья и Подонья. Они были дарами (или наградами) императоров кочевникам. Торгового обращения эти монеты не имели и попадали в погребения после смерти получивших их лиц. В археологической коллекции Волгоградского областного краеведческого музея хранятся две подобные монеты. Одна из них, солид Льва III (737–741, определение А. И. Семенова) обнаружена у ст. Нагавской Котельниковского района экспедицией А. В. Кияшко в 1986 г. (курган 3, погр. 1, ВОКМ, № 24023/4). Другая монета – солид Константина V (751–757) найдена у с. Барановка Камышинского района экспедицией И. В. Сергацкова в 1988 г. (курган 13, погр. 1, ВОКМ, № 26735) [6, с. 12, 24].

Одним из любопытных моментов византийско-хазарских связей в IX столетии была так называемая Хазарская миссия – путешествие в 861 г. на Волгу Святого Кирилла (Константина) Философа (827–869) и его брата Мефодия (Михаила) (815–885). Официально Кирилл, возглавлявший миссию, ехал с миссионерскими целями как посол Византии в хазарскую столицу Итиль по приглашению кагана, искавшего могучего покровителя своей державе, ослабленной походами арабов и внутренними распрями. Истинной же целью Константинополя, подвергнувшегося в 860 г. нападению руссов и варягов, также был поиск союзников против Руси, для чего и нужно было примирение с каганатом, где ранее христиане, считавшиеся, «видимо, потенциальными союзниками Визан-

тии» [9, с. 67], подвергались гонениям. Путь братьев в Хазарию проходил через центр византийских владений в Крыму – Херсонес Таврический (в русских летописях – Корсунь). Интересно, что там Кирилл нашел Евангелие и Псалтырь, написанные русско-славянским письмом и общался с человеком, говорящем на том же языке. Очевидно, это помогло ему при составлении славянской азбуки, разработанной им уже к 863 г. Зримым же напоминанием об их пребывании в Волго-Донских степях стал Крест Кирилла и Мефодия – памятник славянским просветителям (автор – В. М. Клыков), уста-новленный в начале 2000-х гг. у 13 шлюза Волго-Донского судоходного канала.

Сохранились сведения о крещении в Константинополе в 955 г. великой киевской княгини Ольги (в крещении – Елены) (890–969). Около 957 г. она с официальным визитом приезжала в византийскую столицу, где ее сначала, как архонтиссу (правительницу) варваров, заставили длительное время дожидаться аудиенции и приняли без особых торжеств. Не добившись желаемых от посольства результатов, княгиня, вскоре после визита, в ответ на столь пренебрежительный прием, довольно холодно отнеслась к византийским послам в Киеве и отказалась предоставить по первому требованию военную помощь византийцам, мотивируя это тем, «что-де как она ждала приема у василевса, так подождут и ромеи» [3, с. 178–182].

Из трактата византийского императора Константина VII Порфирогенета (Багрянородного) (905–959) «Об управлении империей», написанного в 948–952 гг., известно, что хазарская крепость Саркел (Шеркил – хазар.) была построена на берегу р. Танаис (Дона) после покорения Тавриды по проекту выдающегося византийского военного инженера и дипломата – Петроны Каматира [5, с. 170-173]. Саркел был основан около 834 г. на пересечении торговых сухопутных дорог с водным путем. Его развалины отождествляются с левобережным Цимлянским городищем, располагавшемся на берегу старицы Дона, в 4 км от станицы Цимлянской (на месте современного Цимлянского водохранилища). Исследовалось в 1934–36 и 1949–51 гг. под руководством М. И. Артамонова [1].

Прямоугольная в плане крепость (193,5 × 133,5 м) была отделена от города рвом и имела толстые кирпичные стены и башни. Внутренняя стена разделяла ее на две части: в большую часть вело двое ворот, а меньшая, бывшая цитаделью, не имела наружных выходов.

Почти сразу после постройки Саркел стал быстро заселяться и превратился в крупный торгово-ремесленный центр с многоэтничным населением (болгары, гузы, хазары и др.).

В 965 г. сын русской княгини Ольги – воинственный князь Святослав Игоревич (942–972) взял Саркел. Город был сильно разрушен, но жизнь в нем продолжалась до середины XII века. Теперь он превратился в русский степной форпост и стал называться Белая Вежа. Толщина культурного слоя городища достигала 3 м. Нижние слои относятся к хазарскому времени. Здесь обнаружены остатки полужемлячных жилищ и юрт, вещи, характерные для памятников салтово-маяцкой культуры. Верхние слои – русский город – содержали остатки славянских землянок и наземных жилищ, выстроенных из кирпича и самана, взятых из развалин хазарской крепости [8, с. 50–52].

Не менее воинственный сын Святослава – князь Владимир (978–1015) после захвата Херсонеса заключает династический брак с сестрой византийского императора Василия II – Анной, после чего в 988 г. осуществляет крещение Руси, а к концу X века полностью подчиняет ей хазарское население.

И в последующие столетия внимание византийских властей постоянно привлекали «северные варвары». В XIII–XIV вв. особенно внимательно Византия наблюдала за становлением и развитием Золотоордынской державы, стремясь наладить с ней торговые связи и военнополитическое сотрудничество. По свидетельству арабского путешественника Ибн-Баттуты (1304–1377) византийцы жили в ордынской столице, в которой он побывал в 1333 г. [4, с. 143]. В его знаменитой книге «Путешествие» приводится, в частности, рассказ о том, как он сопровождал византийскую принцессу Баялун (Марию Палеолог), дочь императора Андроника II (1259–1332), выданную замуж за золотоордынского хана Узбека (1283–1341), в путешествии из Сарая ал-Махруса в Константинополь, к отцу, летом 1334 г.

Интересно, что немалая часть керамических сосудов, найденных при раскопках золотоордынских городищ, была покрыта растительно-геометрическим орнаментом, характерным для византийского искусства [7].

Византийское культурное влияние на территорию российского юга прослеживается даже спустя века после падения Ромейской империи. В этой связи уместно будет вспомнить знаме-

нитый «греческий прожект» Г. А. Потемкина, согласно которому на месте уничтоженной русскими войсками Оттоманской империи должна была быть создана империя Нововизантийская, на престол которой предполагалось посадить императором второго внука Екатерины Великой – Константина. Естественно, править он должен был под протекторатом августейшей бабки. С этого времени «византийская идея» прочно поселилась в умах большинства российских самодержцев и представителей других слоев русского общества. И в русско-турецкую войну 1877–78 гг., и в I мировую войну Россия воевала за Черноморские проливы, т. е. все за тот же Константинополь. Но с Нововизантийской империей у империи Российской ничего не получилось.... И как отражение нереализованной идеи по всей России в конце XIX – начале XX вв. стали строить храмы псевдовизантийского облика. Так, именно в этом стиле был выстроен несохранившийся главный православный храм Царицына – кафедральный собор Александра Невского (1901–1918, взорван в 1932 г.).

В настоящее время на территории Волгоградской области сохранились два храма псевдовизантийского стиля – с ломаными линиями стен, барабаном (основанием, несущим купол или главу) и собственно куполом (полукруглым сводчатым перекрытием). Это храмы иконы Богородицы всех Скорбящих Радости в р. п. Городище (1906-1914) [10, с. 111-112] (на реставрации) и недавно отреставрированный Казанский собор (1875–1885) Усть-Медведицкого Спасо-Преображенского монастыря в г. Серафимовиче [10, с. 84-90].

Таковы некоторые, пусть отрывочные и немногочисленные свидетельства влияния Визан-

тийской империи на современный российский Юг, влияния, протянувшегося через века.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Артамонов, М. И. История хазар / М. И. Артамонов / Под ред. и с примеч. Л. Н. Гумилева. – Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. – 523 с.
2. Виноградова, Н. Л. Социальные отношения: особенности традиционного восточного общества / Н. Л. Виноградова, Ю. В. Артюхович // Известия ВолгГТУ : межвуз. сб. науч. ст. № 8(95) / ВолгГТУ. – Волгоград, 2012. – (Серия «Проблемы социально-гуманитарного знания» ; вып. 11). – С. 24–26.
3. Дашиков, С. Б. Императоры Византии / С. Б. Дашиков. – М.: Красная площадь, 1997. – 370 с.
4. Золотая Орда в источниках. Т. 1. Арабские и персидские сочинения в переводах В. Г. Тизенгаузена. – М.: Центр по изуч. воен. и общ. истории, 2003. – 448 с.
5. Константин Багрянородный. Об управлении империей. – М.: Наука, 1989. – 501 с.
6. Культура средневековых кочевников и городов Золотой Орды. Каталог ВОКМ. – Волгоград: ИПК «Панорама», 2001. – 320 с.
7. Наумов, И. Н. Становление и развитие золотоордынской городской культуры / И. Н. Наумов, Д. Ю. Шарпов // История в подробностях. – М.: Изд. дом «Эдисон Пресс», 2013. – № 8(38). – С. 8–15.
8. Плетнева, С. А. Хазары / С. А. Плетнева. – М.: Наука, 1976. – 96 с.
9. Плетнева, С. А. Саркел и «шелковый» путь / С. А. Плетнева. – Воронеж: ВГУ, 1996. – 170 с.
10. Серебряная, В. В. Культовое зодчество Волгоградской области / В. В. Серебряная. – Волгоград: Изд-во ВолгГАСА, 2002. – 336 с.
11. Ситникова, О. И. О задачах преподавания истории в техническом вузе / О. И. Ситникова, И. Н. Наумов // Известия ВолгГТУ : межвуз. сб. науч. ст. № 8(95) / ВолгГТУ. – Волгоград, 2012. – (Серия «Проблемы социально-гуманитарного знания» ; вып. 11). – С. 113–114.
12. Ситникова, О. И. Следуя традиции... (по итогам краеведческих чтений «Край родной, навек любимый...») / О. И. Ситникова // Известия ВолгГТУ : межвуз. сб. науч. ст. № 8(95) / ВолгГТУ. – Волгоград, 2012. – (Серия «Проблемы социально-гуманитарного знания» ; вып. 11). – С. 137–138.

УДК 101:316
ББК 87:60.5

Ю. В. Артюхович

**ПРОБЛЕМЫ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНОГО
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ: АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД**

Волгоградский государственный технический университет

E-mail: julart1@yandex.ru

Статья посвящена анализу проблем межнационального и межконфессионального взаимодействия в современном обществе с позиции аксиологического подхода.

Ключевые слова: ценности, толерантность, культура мира; межнациональное и межконфессиональное взаимодействие.

Ju. V. Artjukhovich

**PROBLEMS OF INTERNATIONAL AND BETWEEN
CONFESSIONS INTERACTION: AXIOLOGICAL APPROACH**

Volgograd State Technical University

Article is devoted to the analysis of the problems of international and between confessions interaction in the contemporary society from the position of axiological approach.

Keywords: value, tolerance, culture of the peace; international and between confessions interaction.

Существенной закономерностью развития современного общества является рост масштабов межнациональных и межкультурных связей. Поэтому **актуальная** проблема формирования **культуры мира и ненасилия** сегодня приобретает особую остроту на Юге России, где проживают представители различных национальностей и конфессий. Альтернативой проявлениям межнациональной конфронтации должно стать плодотворное **межнациональное и межконфессиональное взаимодействие** на основе **общечеловеческих** ценностей. Поэтому автор считает уместным рассмотреть данную проблему с позиции аксиологического подхода.

Цель исследования: социально-философский анализ базовых ценностей, являющихся **аксиологическим основанием** для формирования **культуры мира** и ненасилия, в том числе – для плодотворного сотрудничества народов Юга России.

Мы исходим из положения: для эффективного взаимодействия представителей **различных** национальностей и конфессий необходимо строить отношения между ними на основе **объ-**

единяющих ценностных и нормативных приоритетов, имеющих надличностный и наднациональный характер.

Любовь к Родине (сопричастность с ее историей, культурой, достижениями); гуманизм и нравственность (признание человека высшей ценностью, проявление доброты, отзывчивости, милосердия); творчество и труд (способы самореализации и самосовершенствования); религия (духовный пласт, который является для верующего человека опорой в жизни и главным мерилом в сознании) и др. – все это **базовые аксиологические константы**, имеющие важное и непреходящее значение для **каждого** из нас.

Следовательно, в процессе моделирования организации воспитательного пространства в системе образования необходимо выделить **объединяющие** ценности социокультурной, нравственной и религиозной сферы, личного и национального достоинства, общекультурной и профессиональной компетентности. Такой подход согласуется с направлениями государственной политики в области образования, мировыми и отечественными традициями и со-

временным опытом (см., например, труды Ш. Амонашвили, Л. П. Буевой, Л. В. Карасева, Д. А. Леонтьева, С. С. Неретиной, Н. Д. Никандрова, А. С. Панарина, В. А. Слостенина, С. С. Хоружего, Т. Ю. Сидориной и многих других).

Казалось бы, опора на объединяющие ценности – панацея от межнациональной конфронтации. Защита Родины и труд на благо Отечества – дело чести для каждого россиянина, независимо от национальности (это не раз доказали делом наши земляки в разные периоды российской истории). Добрый и порядочный человек своим поведением заслужит уважение в любом многонациональном коллективе. Совместное творчество и труд способны объединить компетентных специалистов и мастеров в разных профессиональных областях. Все мировые религии учат миру и согласию: христианство призывает хранить и преумножать сокровища духа, творить добро и мириться с обидчиками; ислам провозглашает приоритет общечеловеческих ценностей на принципах Жизни, Счастья и Свободы.

Однако возникает вопрос: почему тогда продолжают существовать очаги межнациональной напряженности? Разве базовые общечеловеческие ценности **не объединяют** представителей разных народов?

Ценностный мир личности вмещает, кроме **идеальных, общих, и реальные, конкретные** нормы и ценности, которые выступают для каждого в качестве жизнеспособных аксиологических координат [1, с. 34]. Идеальные ценности представляют собой **сущностные основания** аксиологических констант, реальные – их **явления** (или многообразные проявления). Например, религия сохраняет значимость для представителей **разных** конфессий как общая (**объединяющая**) идеальная аксиологическая константа. Но она может стать **разделяющей** реальной и конкретной ценностью: ислам (с соответствующим набором догматов, норм, традиций, обрядов, ритуалов и пр.) неприемлем для христианина; христианство – для мусульманина.

Недоумение, непонимание (или даже пренебрежение) проявляются у представителей разных национальностей и конфессий по отношению к людям, чьи **реальные** ценностные ориентации, образ жизни, поведение, даже внешний вид **отличаются** от собственных эталонов и стандартов. Можно предположить, что межнациональный конфликт чаще всего начи-

нается с **несовпадения частного, локального** содержания идеальных, базовых аксиологических констант на **личностном и социально-групповом уровнях**.

Человеку во все времена было свойственно воспринимать чужие культуры через призму своей, которая безотчетно признавалась **единственно правильной**. Таким образом, межнациональные и межконфессиональные конфликты часто порождает неприятие **чужих** культурных, национальных, религиозных традиций и норм как **частных** ценностных реалий. Хотя, как ни парадоксально, при этом не наблюдалось конфронтации на уровне **идеальных** базовых аксиологических констант.

Мы полагаем, что действенным средством предупреждения и урегулирования межнациональных конфликтов является толерантность – значимый компонент **культуры мира**, ориентированной на общечеловеческие ценности.

Толерантность рассматривается нами как **уважение и признание равенства, многомерности и многообразия человеческой культуры, норм, верований и отказ от доминирования и насилия**.

В словаре В. И. Даля слово «терпимость» трактуется как способность что-то или кого-либо терпеть «только по милосердию, снисхождению». Расширенное определение толерантности как терпимости к иному рода взглядам, нравам, привычкам содержится в Краткой философской энциклопедии как. Заметим, что ценностное наполнение понятия терпимости достаточно **узко** и указывает на некую ограниченность и принужденность в проявлении: предполагается, что человек вынужденно терпит то, чего не выносит. Термин «толерантность» имеет более **широкое** аксиологическое значение, вбирая в свою ценностную основу представления о сдержанности, самоконтроле и самокритичности, уважении и тактичности, сочувствии и снисходительности, способности понимать и прощать. Толерантность в этом случае предполагает учет чужого мнения (в сочетании с установкой на взаимное изменение позиций в результате критического диалога), уважение к чужим культурным реалиям и национальным традициям в процессе совместной конструктивной деятельности.

Проблема толерантности имеет глубокие исторические корни. Совместные усилия отечественных и зарубежных мыслителей, изучавших данную проблему (Л. М. Дробужева, В. М. Зо-

лотухина, В. А. Лекторского, С. Хантингтона, И. Валлерстайна, А. Этциони и др.) и трагические факты реальной действительности доказывают, что урегулирование межнациональных и межэтнических конфликтов гораздо результативнее происходит на **начальной** стадии их возникновения. Поэтому особое значение в межнациональных отношениях приобретает толерантность как превентивная мера - **предупреждение** межнациональной конфронтации, готовность принять других такими, какими они являются, и взаимодействовать с ними на основе **согласия**.

«Обучение толерантности» начинается в **семье**. Один из крупнейших католических философов XX века, Жак Маритен, говорил: «Не важно, какими недостатками может отличаться семья в определенных конкретных случаях, не важно, какие беды, какой раскол вносят в семейную жизнь экономические и социальные условия наших дней, природа вещей не может быть изменена. И эта природа вещей состоит в том, что **сила и благо любви впервые развиваются в семье**» [2, р. 96]. В формировании толерантности велика сила **родительского авторитета**. Дети с удовольствием повторяют привычки взрослых, копируют их манеру поведения, стиль общения. Задача семьи – научить ребенка наиболее важным правилам, формам и манерам поведения, обеспечивающим **толерантный контакт** в общении, развивать способность ребенка к **сопереживанию, сочувствию другим**. Важно ненавязчиво, на конкретных примерах из художественных произведений, кинофильмов, из повседневной жизни учить ребенка **уважению и терпимости, обсуждать специфику различных культурных традиций и бытовых реалий**, делая акцент на их **позитивных** аспектах.

К сожалению, в молодежной среде принципы и нормы толерантности далеко не всегда выступают в качестве приоритетных. По итогам анкетированного опроса, проведенного автором среди студентов первого курса Волгоградского государственного технического университета, лишь 84 % из них признают необходимость воспитания толерантности (на теоретическом уровне), а 56 % готовы к практическому применению этих принципов на бытовом уровне при условии адекватного поведения со стороны участников межэтнического взаимодействия. В противном случае они готовы к ответной агрессии! Интересно, что 77 % опрошен-

ных четко осознавали свои национальные корни, а для остальных респондентов важнее было ощущать себя гражданином России, а не представителем национальной культуры. Но особенно печально то, что только 63 % опрошенных верят, что в будущем межнациональные конфликты прекратятся.

Эти тревожные цифры в очередной раз убеждают в необходимости совершенствования форм и методов развития культуры мира и межэтнического взаимодействия в образовательном пространстве. Механизмом утверждения идеи и распространения ценностей толерантности должна стать **система школьного и вузовского образования**. Внедрение идей толерантности в систему школьного и вузовского образования возможно прежде всего через **интеграцию культуры толерантности в учебные предметы**. Важную роль играет создание учебных программ и издание учебников по гуманитарным дисциплинам, пронизанных идеями толерантности, ненасилия и сотрудничества, которые бы способствовали формированию у молодых людей понимания необходимости перехода к партнерству цивилизаций, навыков и умений продуктивного взаимодействия. В системе школьного и вузовского образования должны присутствовать исторические экскурсии; рациональные объяснения причин геноцидов, расовых и этнических конфликтов. Необходимо **анализ** их негативных последствий, а также – **совместный поиск** (с учащимися и студентами) не только **возможных конструктивных путей разрешения этих конфликтов**, но и **вариантов профилактической деятельности по их предотвращению**.

Важна роль повседневной практики терпимости и понимания иной точки зрения, **овладение практическими навыками предотвращения и ненасильственного разрешения межэтнических конфликтов**. Особое значение такая практика приобретает с учетом проявления в молодежной среде отчуждения по отношению к представителям других этносов и культур и широкого распространения образцов деструктивной агрессивности. Молодых людей следует учить оценивать специфику межнациональных отношений и обстановку в своей школе (вузе), развивать способность к **критическому самоанализу**.

В воспитании на принципах толерантности исключительно важна **личная позиция и личный пример преподавателя**, и особенно – со-

блюдение им данных принципов и этических норм в повседневном общении. Недаром К. Д. Ушинский справедливо отметил, что личность можно воспитать только личностью [3, с. 99]. Если преподаватель занимает нейтрально-выжидательную позицию в межэтническом конфликте, уклоняется от участия в «разрядке» межнациональной напряженности в классе или группе, воспитательный эффект будет сведен к нулю или перейдет в свою противоположность.

Таким образом, основополагающим механизмом утверждения идеи и распространения ценностей толерантности являются как **семья**, так и вся **система школьного и вузовского образования**. И родители, и педагоги должны тонко и деликатно искать **точки соприкосновения между ценностями разных этносов**.

Однако автор отдает себе отчет в том, что воспитание толерантности является сложным, многомерным и длительным процессом, результаты которого в современной реальной действительности, мягко говоря, оставляют желать лучшего... Поэтому в обучении толерантности каждому из нас необходимо прежде всего **начать с самого себя**. Вследствие **самовоспитания** личности толерантность станет **регулятивом** индивидуального сознания и поведе-

ния: «Каждый человек просто обязан навести вокруг себя порядок, справедливость и гармонию» [4, с. 179].

Итак, в условиях расширения внешних контактов, укрепления отношений партнерства между разными странами самосознание человека должно включать в себя не только любовь и уважение к своему этносу, но и чувство принадлежности к мировому сообществу, **ответственность за будущее всего мира**. Укоренение в обществе духа толерантности, формирование отношения к ней как к важнейшей социальной ценности – значимый вклад каждого в развитие культуры мира и ненасилия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Артюхович, Ю. В.* Нормативно-ценностная модель личности в социальной динамике: монография / Ю. В. Артюхович / науч. ред. В. А. Горшков. – М.: Изд-во СКСи МОСУ, 2001. – 324 с.
2. *Артюхович, Ю. В.* Аксиосфера базового маргинала: Ценностный мир «среднего» россиянина в философском осмыслении: монография / Ю. В. Артюхович / науч. ред. В. А. Горшков. – Волгоград: ГУ Издатель, 2009. – 116 с.
3. *Maritain, Jacques.* American Education at a Crossroads / J. Maritain. – New York: Charles Scribner's Sons, 1943. – 214 p.
4. *Пеунова, С. М.* Живи без эгоизма / С. М. Пеунова. – Самара: Изд. Дом Светланы Пеуновой, 2013. – 272 с.

УДК 1Ф:323.11:301

Р. Н. Киценко, О. С. Киценко

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ПОЛИЭТНИЧНОСТИ КАК СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ОСНОВА СОВРЕМЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ

Волгоградский государственный медицинский университет

E-mail: krm27@mail.ru

Статья является попыткой научного анализа феномена полиэтничности. Выделяются существенные характеристики данного явления. Рассматривается возможность его экспликации в качестве теоретической основы национальной политики России на современном этапе.

Ключевые слова: этнос, нация, полиэтничность, традиция, культура, цивилизация.

R. N. Kitsenko, O. S. Kitsenko

SOCIOPHILOSOPHICAL CONCEPT OF MULTY-ETHNICITY AS THE STRATEGICAL BASIS OF MODERN NATIONAL POLICY OF RUSSIA

Volgograd State Medical University

Article is an attempt of scientific analysis of the phenomenon of multi-ethnicity. Highlighted the essential characteristics of this phenomenon. Considered the possibility of its explication as the theoretical basis of the national policy of Russia at the present stage.

Keywords: ethnicity, nation, multi-ethnicity, tradition, culture, civilization.

Распад Советского Союза, экономический и социальный кризисы в стране, ставшие важнейшими проявлениями переходного состояния

общества, привели к переосмыслению многих, казавшихся ранее незыблемыми, фундаментальных научных парадигм в гуманитарном

знании. В публикациях последних десятилетий, посвященных поиску новой «российской идентичности», единства взглядов ни по одному из ключевых вопросов нет. Исследователи, публицисты, и в первую очередь политики предлагают различные версии общенациональной идеологии. Для одних это «евразийская» модель, для других – попытка укоренить в обществе западные либеральные ценности с пониманием нации в гражданском смысле, для третьих – основополагающей базой развития страны является «русская идея», а некоторые настаивают на сохранении уже сложившегося порядка с присущим ему сложным комплексом межэтнических взаимоотношений. Между тем эффективное решение «национального вопроса» зависит не только от активных действий в сфере политики, но и от фундаментального научного анализа, результаты которого могут составить концептуальную основу национальной политики государства.

Эмпирический материал, накопленный по данной проблеме, позволяет сконцентрировать внимание на полиэтничности как особой форме существования этнического. Этноты не существуют изолировано друг от друга. Опыт России является прекрасным примером. Поэтому базой необходимых комплексных исследований, синтезированных в научном поле социальной философии, должна быть сущность России как полиэтничного сообщества. Такая задача может быть сформулирована только на уровне комплексного рассмотрения исторических, социологических, политических, экономических и других проблем.

Несмотря на глубокий научный анализ, логичность и аргументированность, традиционное этнологическое понимание нации как исторического типа существования этнической общности не всегда ведет к разрешению актуальных противоречий зреющих в политической сфере. В начале 1990-х годов этот политический аспект теоретической дискуссии (право на самоопределение вплоть до отделения) имел решающее значение для выбора и обоснования многими исследователями своей научной позиции. Как впоследствии признавал В. А. Тишков – в ту пору министр по делам национальностей – для него и его единомышленников перевод обсуждения проблемы нации в плоскость политологии был продиктован именно этим обстоятельством [1]. Поэтому он предложил отказаться от термина «нация» в его этнологическом

и социально-философском значении и наполнить его содержанием, которое принято в мировой научной литературе и международной практике – т. е. понимать «нацию» как совокупность граждан одного государства. Такое утверждение приводит исследователя к иным научным подходам, именуемым инструменталистский (Дж. Ротшильд, Э. Смит, Р. Брубейкер, Н. Глайзер, А. Мойнихан) [2] и конструктивистский (Ф. Барт, Б. Андерсон, Э. Хобсбаум, Э. Геллнер, У. Коннор) [3], по-другому, нежели отечественное обществоведение (примордиализм), трактующие закономерности возникновения и развития наций.

Попытка проанализировать разные подходы убеждает нас в мысли, что универсальной теории объясняющей происхождение и развитие этносов и наций не существует. Понимание этого обстоятельства крайне важно для специалистов в области теории этногенеза, а также ученых из других областей науки. Важно и то, что все объекты социальных наук (в том числе «этноты» и «нации») относятся к числу уникальных исторически развивающихся систем, корректное изучение которых требует от специалистов использование идей и понятий, обладающих междисциплинарным статусом.

Последнее время в научной литературе появилось много материалов и статей, касающихся осмысления этнической ситуации в России посредством социологического инструментария. Особенно актуальными оказываются разработки сотрудников отдела социологии Института этнологии и антропологии РАН [4]. Трансформация российского социально-политического ландшафта, продолжающаяся вот уже более двадцати лет затронула не только политические институты, но и отразилась на мировоззренческом уровне групп и индивидов. Возникли проблемы, связанные с пониманием процессов ресоциализации, формирования этнического самосознания, отраженного в соответствующих стереотипах, и вытекающим отсюда поведением в роли субъектов недавно возникшего социального пространства. Пытаясь проследить и проанализировать общую динамику исследований, можно прийти к следующим выводам: несмотря на то, что в последние годы стали намечаться тенденции к межэтнической напряженности, в целом в сознании россиян доминирует гражданская идентификация (в среднем до 80 % от общего числа опрошенных). Во многих исследованиях подчеркивается, что такая си-

туация складывается благодаря сочетанию этнической и общегражданской идентификации, причем состояние динамического равновесия в большинстве субъектов РФ нарушается, как правило, в регионах с доминирующим титульным этносом (не русским). Отождествление своей этнической принадлежности с государством у части русских позволяет некоторым специалистам говорить о размытости этнического поля русских и о дегеративных остатках мышления в стиле великорусского шовинизма. Формирование гражданской идентичности происходит благодаря процессам интеграции как экономической, так и информационной. Особое место здесь, по мнению исследователей, занимает положение русского языка, как языка межэтнической коммуникации, открывающего большие возможности и ресурсы, а также увеличивающего социальную мобильность групп и индивидов, являющуюся органичным элементом постиндустриального общества.

Необходимо отметить, что для народов, проживающих в России характерна общемировая тенденция нивелирования этнических культур. Наряду с этим процессом все более заметны процессы реанимирования этнической специфики, этнической идентичности. В современных исследованиях эта ситуация получила название «этнического парадокса». Конечно, можно предположить, что новая универсальная культура способствует преодолению представлений о естественности, биологичности объединения людей в общности и стимулирует представления о самоценном значении личности, о гражданском обществе и правовом государстве, которые в состоянии обеспечить права человека. Но в условиях современности, с присутствием ей объективными тенденциями этнического возрождения, поиск путей создания гармоничного общества упирается в необходимость исследования феномена полиэтничности. И острием подобных исследований может стать сущность полиэтничной российской цивилизации, довольно успешно существующей на протяжении долгого времени именно в полиэтничной конфигурации.

Представители гражданского общества, выступающие против этнической дискриминации, разделяют со своими западными коллегами убеждение, что основная причина ксенофобии – в неумении и нежелании слышать «другого». Корень проблемы защитники меньшинств усматривают в непризнании социокультурной

«инакости». Но ирония, ситуации заключается в том, что эта «инакость» в российском случае в значительной мере надуманна. Жители России в массе своей – по крайней мере, взрослая их часть – бывшие «советские люди». Они прошли социализацию и сформировали свои ментальные и поведенческие привычки в одних и тех же общественных институтах (армия, профсоюзы, комсомол). Они в большинстве своем свободно владеют русским языком. Так что правозащитники, сосредоточенные на правах этнических меньшинств – способствуют распространению мифа о принципиальном различии групп российского населения. Они начинают верить – и транслируют эту веру на массовое сознание. Вопрос о социальной интеграции подменяется в итоге вопросом о культурной совместимости. Это, прежде всего, противоречия социального свойства, связанные с борьбой за рабочие места, за достойное и приемлемое по цене жилье, за доступ к образованию и т. д. Культурная составляющая, т. е. то, что обусловлено происхождением, не играет здесь определяющей роли.

Чем более активно в общественных дискуссиях муллируется тема культурной чуждости, цивилизационной несовместимости, «столкновения» цивилизаций, тем глубже участники этих дискуссий начинают верить в определяющую роль этнических, культурных факторов собственного поведения. Их социальное поведение, в самом деле, начинает строиться так, как если бы его доминантой была этническая принадлежность.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Тишков, В. А. Концептуальная эволюция национальной политики в России / В. А. Тишков // Федерализм. - № 3. - 1997. - С. 71-108.
2. Brubaker R. Nationhood and the National Question in the Soviet Union and Post-Soviet Eurasia: An Institutional Account [Text] / Brubaker R. // Theory and Society. - V.23. - №1. - P. 47-78; Glazer N., Moynihan D.P. Introduction [Text]. / Glazer N., Moynihan D.P. // Ethnicity: Theory and Experience. - Cambridge: Harvard Univ. Press, 1975. - P. 4-34; Rothshild Y. Ethnopolitics: A conceptual framework [Text] / Rothshild Y. - NY, 1981. - 714 p.; Smith A.D. The Ethnic Origins of Nations [Text] / Smith A.D. - Oxford: Basil Blackwell, 1986. - 541 p.
3. Bart F. Ethnic Groups and Boundaries. The Social Organization of Cultural Difference [Text] / Bart F. - Oslo: Bergen; L.: Georg Allen, Unwin, 1969. - 180 p.; Connor W. Ethnonationalism. The Quest for Understanding [Text] / Connor W. - Princeton, 1994. - 354 p.; Gellner E. Nations and Nationalism [Text] / Gellner E. - Oxford, 1983. - 250 p.; Hobsbawn E.J. Nations and Nationalism since 1780 [Text] / Hobsbawn E.J. - Cambridge, 1991. - 367 p.

4. Шестопа́л, Е. Б. Этнические стереотипы русских / Е. Б. Шестопа́л // Социс. – 1999. – № 9. – С. 62–70; Арутюнян, Ю. В. О национальных отношениях в постсоветских обществах: межличностный аспект / Ю. В. Арутюнян // Социс. – 1999. – № 9. – С. 58–62; Амелин, В. А. Этноконфессиональные отношения в оценках и представлениях массового сознания

оренбуржцев / В. А. Амелин // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2002. – Том V. – № 4. – С. 59–84; Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Бюллетень № 16. – М.: РАН, 2001. – 154 с.; Демократия и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов / Л. М. Дробижева [и др.]. – М.: Мысль, 1996. – 288 с.

УДК 1:316
ББК 60.0

М. В. Платонова

ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ФЕНОМЕНА ТОЛЕРАНТНОСТИ

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

E-mail: marionella2002@mail.ru

Статья посвящена раскрытию сущности толерантности, тому, что именно толерантность является основой развития современного многонационального и многоконфессионального общества и возможности воспитания толерантности в педагогическом процессе.

Ключевые слова: толерантность, абсолютная истина, философский разум, дискриминация, веротерпимость.

M. V. Platonova

Volgograd State Social-Pedagogical University

Article is devoted on disclosure of tolerance, tolerance is the foundation The article is devoted to disclose the essence of tolerance, that tolerance is the basis of the modern multinational and multiconfessional society and the possibilities for tolerance education in pedagogical process.

Keywords: tolerance, the absolute truth, philosophical mind, discrimination.

Конституция РФ провозглашает свободу совести и вероисповедания. Это значит, что каждый человек свободно может принимать ту веру, которая соответствует обычаям его предков, его интересам и зову сердца. Подобное положение воспринимается как естественное право, но из истории известны коллизии религиозной вражды, нетерпимости, фанатизма, экстремизма и даже войн, причиной которых были религиозные мотивы. Как избежать повторения таких ситуаций? Нужно понять причины и источники религиозного экстремизма и попытаться их устранить, наладить в школе и вузе воспитательную работу, направленную на привитие учащимся веротерпимости, формирование культуры толерантности. Это тем более важно для юга России, где потенциал агрессивности и экстремизма слишком велик.

Толерантность, или терпимость, – это ценность и социальная норма гражданского общества, проявляющаяся в праве всех граждан быть различными; обеспечении устойчивой гармонии между различными конфессиями, политическими, этническими и другими социальными группами; уважении к разнообразию различных мировых культур, цивилизаций и народов; готовности к пониманию и сотрудничеству

с людьми, различающимися по внешности, языку, убеждениям, обычаям и верованиям. Иными словами, толерантность – это стремление и способность к установлению и поддержанию общности с людьми, которые отличаются в некотором отношении от преобладающего типа. Поэтому толерантность – трудное и редкое достижение по той простой причине, что фундаментом сообщества является родовое сознание. Мы объединяемся в одной общности с теми, кто разделяет наши убеждения, или с теми, кто разговаривает на том же языке или имеет ту же культуру, что и мы, или с теми, кто принадлежит к той же этнической группе. В сущности, общность языка и чувство этнической схожести на всем протяжении человеческой истории выступают в качестве оснований сообщества. В то же время мы склонны враждебно или со страхом относиться к «другим» – тем, кто от нас отличается. Различие может иметь место на любом уровне биологической, культурной или политической реальности.

Толерантность является важнейшим условием нахождения компромиссов, преодоления конфликтов. Нетерпимость ведет человечество к братской могиле, поэтому проблема толерантности сегодня обрела международный

смысл. В специфике российской ситуации на передний план выдвигается проблема терпимости как основы демократического процесса.

И здесь возникает вопрос: означает ли толерантность как выражение сущности демократической ментальности терпимость ко всему? Вопрос закономерный, так как терпимость ко всему может привести к разрушению самой демократии. Если же толерантность включает в себя лишь момент определенной нетерпимости, то не означает ли это, что она отрицает тем самым самое себя?

Чтобы ответить на эти вопросы, обратимся к природе толерантности. Исторически толерантность – духовное, а не физиологическое явление – осмысливается и получает свое определение как реакция на последствия мировоззренческого конфликта, становящегося предпосылкой религиозных войн. Религиозные войны провоцировались людьми, убежденными в том, что именно они владеют абсолютной истиной. Разве это не благородная и спасительная для человечества цель – утвердить абсолютную истину всюду, где это возможно?

Однако доступна ли человеку абсолютная истина? Может ли он считать реальным претензию религиозного мировоззрения на абсолютную истину? Ведь человеку, ограниченному существу, противостоит бесконечность, которая в принципе не может быть познана до конца.

Оправданный и философски осмысленный скептицизм становится логической и нравственной основой толерантности, а затем и политики терпимости, отделения церкви от государства, однако государственная толерантность не легитимизирует терпимость ко всему, к любым социальным явлениям и формам поведения. Под понятие толерантности нельзя подводить и требование абсолютной свободы индивида. Абсолютная свобода человека и деспотизм – это две стороны одной медали.

Государственная легитимизация толерантности несет в себе возможность утверждения демократической формы правления. С этим связаны и новая интерпретация духовной эволюции человечества, и сомнение в адекватности идеи священной истории, основанной на откровении, одномоментном постижении истины бытия человека. Истина бытия осмысливается теперь как процесс: она естественным образом соединяется с толерантностью.

Наиболее убедительную попытку соединения абсолютной истины с признанием много-

образия мировоззренческих позиций предпринял Гегель. Согласно Гегелю, абсолютная истина есть конечный результат движения идеи, которая последовательно проходит стадии, зафиксированные в исторически сформировавшихся философских системах. Все они несут в себе моменты истины и, поэтому не могут отвергаться с порога: истина многогранна и прекрасна, как алмаз. Соединение абсолютной истины с толерантностью следует рассматривать как выражение философского разума, той мудрости, которая выше религиозной веры в силу своей универсальности.

С такой трактовкой философского разума связано важное умение находить общий критерий, благодаря которому воздается должное каждому народу. Диалектическая логика разума и есть универсальный критерий оценки исторической роли личностей и государств как носителей и средства реализации Абсолютной идеи.

Вместе с тем выделяется общая субстанция всемирной истории, закладываются предпосылки глубинного преодоления ксенофобии, разного рода предубеждений и предрассудков.

Эмоционально декларируемый принцип толерантности сегодня нередко сводится лишь к возбуждению сочувствия к людям иной этнической, религиозной принадлежности, либо к выявлению несоответствия тех или иных общепризнанных прав человека реальной политике в конкретном государстве. Такой эмпирический подход ведет к смешению нетолерантности с различными видами дискриминации.

Толерантность требует видения общественной жизни как позитивного целого. Понимание этого целого и есть объективное основание подлинной толерантности. Толерантность – это не беспринципность, не социальный эклектицизм; это глубинное понимание необходимости иного, различий и особенностей как моментов целого. Нетолерантность является игнорирование истины социальной жизни.

В отличие от толерантности дискриминация – это искусственное культивирование особенностей, оправдывающих ограничение прав, возможностей экономической, социальной, политической и духовной активности, вытеснение, подавление иного субъекта. Дискриминация основана на субъективной воле, устанавливающей такую иерархию ценностей, которая ставит в привилегированное положение определенного субъекта.

Толерантность имеет свой механизм само-реализации. Член общества как гражданский субъект удостоверяет свое достоинство через признание достоинства иного и находит в этом подтверждение своей собственной политической культуры. Политическая культура обретает характер общего разума, сужающего сферу действия дискриминации, по мере того как все большее число граждан усваивают универсальные принципы и признают их своими, что удостоверяется конкретными формами их конструктивного взаимодействия.

Фактически любое убеждение – религиозное, политическое или культурное – может привести к нетерпимости, если не остается никакого сомнения в непогрешимости идей, в которые мы верим, и в ложности тех взглядов, которые нами оспариваются. Политическая свобода предполагает, что мы в достаточной степени доверяем нашим политическим оппонентам, чтобы позволить им организоваться, провести выборную кампанию и сформировать новое правительство. Экономическая свобода предполагает терпимость к конкурирующим экономическим интересам. Конкуренция способствует образованию более гармоничного общества и стимулирует инициативу индивидов и социальных групп.

Терпимость в отношении людей, принадлежащих к другой национальности, предполагает, что мы сознаем существование скрывающихся под различиями сходств и тождеств; например, сознаем принадлежность отдельных групп к человечеству в целом. Толерантность в отношении людей, которые отличаются от нас своими убеждениями и привычками, требует понимания того, что истина не может быть простой, что она многолика, и, что существуют другие

взгляды, способные пролить свет на ту или иную ее сторону.

Способность постигать разнообразные аспекты истины или осознавать ограниченность истин, в которые мы сегодня верим, появляется благодаря рациональному и терпеливому анализу трудностей, с которыми сталкивается любое познание, а также духу религиозного смирения, готовому признать условный и исторический характер самой «абсолютной» из всех истин.

Поэтому процесс обучения не должен сводиться только к механической передаче необходимой информации, а должен затронуть глубинные пласты личности, сформировать человека. Решению этой задачи препятствует само развитие современной цивилизации, которая выдвигает на первый план прагматические, материальные интересы, игнорируя проблемы морали, нравственности и духовности. Поэтому философское образование становится ключевым звеном сохранения цивилизации, поиска путей развития человека, гуманизации общества, воспитания толерантности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гершунский, Б. С. Толерантность в системе ценностно-целевых приоритетов образования / Б. С. Гершунский // Педагогика, 2002. – № 7. – С. 3–13.
2. Коновалова, М. Терпимость - ключ к благополучию общества: воспитание толерантности. Основные идеи и принципы / М. Коновалова // Библиотечное дело. – 2006. – № 2. – С. 27–28.
3. Дягилева, Л. А. Об одном важном семинаре: [формирование установок толерантного сознания в молодежной среде в Центральной городской библиотеке им. Гончарова г. Ульяновска] / Л. А. Дягилева // Мир библиографии. – 2006. – № 5. – С. 19–22.
4. Днепрова, Т. П. Педагогический анализ понятий «национальная толерантность», «этническая толерантность», «межнациональная толерантность» / Т. П. Днепрова // Педагогическое образование в России. – 2010. – № 2. – С. 88–98.

УДК 101.1:316
ББК 87.6

А. А. Соловьев
ОТ ЦЕЛОСТНОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ К ЕДИНСТВУ ОБЩЕСТВА
Волгоградский государственный технический университет
E-mail: lokotigr@mail.ru

В статье исследуются различные уровни межконтекстуальных связей в образовании и в обществе. Изучается проблема соотношения целостного и разделенного содержания учебно-воспитательного процесса. Рассматривается взаимосвязь между целостностью образования и целостностью общества.

Ключевые слова: образование; ценностный смысл; целостность; междисциплинарность; общество.

A. A. Soloviev
THE INTEGRITY OF EDUCATION TO SOCIAL COHESION
Volgograd State Technical University

This article takes a look at the different levels of intercontextual relationships in education and in society. The problem of correlation between holistic and split the content of the educational process are investigated. The relationship between integrity of the education and the integrity of the society are discussed.

Keywords: education; value sense; integrity; interdisciplinarity; society.

Включая в себя специфические знания и умения, компетенции и квалификации, образование постепенно становится подчиненным по отношению к ним. Несомненно, жизнь с ее вариативностью и отсутствием предзаданности во всех сферах общественного показывает необходимость рассматривать социальные отношения в их целостности [1, с. 9]. Но частных знаний достаточно для специалиста, работающего в системах простых взаимодействий. И это повышает значимость таких знаний. А многогранной личности, понимающей социальное значение своей деятельности, не всегда находится место в системе социальных связей.

В этом ключе возможно развитие дискуссии по поводу того, какое знание является более ценным: универсальное или частное; какой тип общественного устройства более гармоничным: целостное или раздробленное; какое образование следовательно необходимо: междисциплинарное или специализированное?

Возможность развития в человеке специальных знаний определяет наличие последних в содержании образовательного процесса. Но для выделения их из разнообразия человеческой культуры необходимо провести разделение этой культуры на отдельные смыслы, контексты, цели, предметы и дисциплины. В обучении это разделение может приводить к последующему объединению, но может и к большей раздробленности, которую будем рассматривать с разных сторон:

- мировоззренческая;
- содержательная;
- организационная;
- целевая.

Они взаимосвязаны и приводят к самым разнообразным результатам: очевидно положительным, очевидно отрицательным, но чаще к эффектам, которые либо «находятся по ту сторону добра и зла», либо к таким, оценка которых зависит от ценностного состояния эпохи.

Мировоззренческая разделенность по сути представляет собой синтез всех остальных разделенностей, но это не сумма их, а гармоническое единство (или единство дисгармоническое).

Содержательная разделенность выражена в распаде содержания преимущественно обучения на разные дисциплины. В дальнейшем эти дисциплины могут как объединяться, так и разделяться. Кроме того, можно разделять предметы в группы изначально: гуманитарные, естественные, формальные, творческие; основные и до-

полнительные. Содержательное разведение может наблюдаться и внутри предметов. Скажем, хронологическое разделение курса истории или литературы; распределение содержания естественнонаучных дисциплин на большие и малые разделы.

Организационное разделение образования предполагает сведение учащихся в некоторые группы, преимущественно по возрастному (реже – по половому) признаку. Иногда добавляется разделение на специализированные типы классов – гуманитарный, физико-математический, химико-биологический, спортивный или экономический, многие другие, зачастую совершенно экзотические.

Целевая разделенность выявляет различия между целевыми установками самих обучающихся. Они обнаруживают во время образования самые разнообразные интересы, но, как правило, собственно образовательная потребность недостаточно высока и это большую часть учащихся ментально объединяет.

Однако те или иные виды разделения образовательной сферы далеко не всегда приводят к очевидно отрицательным последствиям для социума. В противном случае процессы самоорганизации сделали бы раздробленность невозможной. Вероятно, что учебно-воспитательное взаимодействие, на определенном этапе существовавшее синкретически, постепенно потеряло указанное свойство. С чем это могло быть связано?

Образование – институт достаточно консервативный. Его цель – сохранять и воспроизводить существующую культуру. Поддерживает консервативность также и государственный контроль над формальным образованием. Все это вызывает инертность программ и методов. Но развитие социальное или технологическое требуют новых методик и нового содержания. Часть контекстов остаются, но часть вынуждены меняться под влиянием вышеуказанного.

Если мы находимся внутри информационного общества, то нужно соглашаться с тем, что информация устаревает, постоянно «загружается» [3, с. 31]. Тот или иной контекст может вовсе выпадать из необходимого содержания или переходить в другую часть общего образования. Как правило, он выглядит там эклектично и выбрасывается, т. е. уничтожается. Постепенно многие контексты теряют смысл для субъектов образовательного взаимодействия. Обучающиеся не постигают прежней культуры,

а новая пока не находит места в содержании образования. Таким образом создается ценностно-целевой вакуум. На некоторый период времени общество утрачивает идентичность.

При всеобщности и целостности, ценностно-целевой универсальности содержания образования, взаимодополнительности дискурсов в противовес их взаимоотрицанию всякое содержание образования не теряет смысла в случае перехода на иные уровни образовательной деятельности. Поэтому новое культурное содержание формируется внутри образовательного взаимодействия, самоорганизуется и самогармонизируется. Учащиеся не только постигают различные культурные коды, но и создают их. Образование перестает быть ориентированным исключительно на будущее и таким образом решается проблема разработки образовательного стандарта.

Поскольку будущее сложно прогнозировать, то и построение содержания образования, ориентированное на точный прогноз, проблематично. А в ценностном ракурсе соотнесение субъектом значимости своей жизни с областью будущего подразумевает, что жизнь в настоящем менее ценна либо не ценна вовсе по сравнению с жизнью ожидаемой [2, с. 106]. Но если образование ориентировано не обязательно на будущее, то не нужно ничего прогнозировать и обесценивать. Отдельные культурные значения формируются здесь – в настоящем. И здесь же – в настоящем – реализуются.

В этом случае образование не отрывается от действительной жизни, от социального. Совместная деятельность его участников приводит к поиску общих знаменателей. Чем меньше разделительных барьеров, тем проще такие знаменатели находить. Через межпредметное обучение и воспитание человек осознает себя как часть социума. Он не предполагает себя вне определенной группы, вне определенной культуры. Разделенный же дискурс позволяет сосредоточиться на отдельных предметах, а значит и на отдельных смыслах.

Привычка разделять есть по сути привычка отделять одно от другого. Обучающийся отделяет себя от других обучающихся по разным критериям: возраст, пол, уровень знаний по отдельным предметам, ступень образования. Все это искусственно делает людей разными, что может приводить к интересу по отношению к другому человеку, но может и к агрессии. Истинный же патриотизм, на наш взгляд, – это

именно уважение к другим гражданам того общества, в котором ты живешь.

Однако есть здесь и обратная проблема. Разделенный образовательный проект позволяет показать разницу сфер, культурных смыслов, людей. Воспитанная таким образом личность гармонично способна воспринимать «другого». «Объединяющий» образовательный проект не всегда позволяет это делать. Но в реальности нет абсолютно интегрированного образования, так же как нет и абсолютно дифференцированного. Скорее это – теоретические конструкции целостного и разделенного. Междисциплинарность смещается от самого знания в сторону субъективного отношения к нему. В содержании образования она не задается, а конструируется познающим субъектом [4].

Если рассмотреть в данном ключе особенности российской культуры, то станет ясно, что в ней мало чего-то специфически русского, но при этом она уникальна. Однако, отрицая русское, она создает российское как некоторый сплав различных культур. Создавая уникальное, эта культура все-таки не отбрасывает всеобщее. Именно в ее уникальности всеобщность, а в космополитизме – национализм. Это – культура антиномий. Но антиномий, приводящих к синтетическому единству. Здесь возможно видеть не только единение знания, здесь можно обнаружить единение самых разнонаправленных, на первый взгляд, смыслов.

Западная культура привыкла все разделять. Такое разделение, вероятно, более выгодно. Западная цивилизация выработала частные формы и внешний материал жизни. Однако внутреннего содержания самой жизни она не дала человечеству. Прагматическая модель, обособив отдельные элементы, довела их до крайней степени развития, «...но без органической связи они лишены живого духа, и все это богатство является мертвым капиталом» [6, с. 171].

Имеет ли моральное право народ, через который проявлялась объединяющая сила, опираться на изолированные контексты? Через какое-то время национальные языки будут заменены профессиональными. Но если у народов есть целый ряд сплавляющих факторов помимо языка: единство культурного наследия, общее прошлое, иногда общая территория и экономическая жизнь, то у профессионалов ничего такого нет. Станут ли они новыми носителями культурных ценностей? Несомненно, профессиональный патриотизм важен, и все-таки про-

фессиональные роли изменяются, особенно в современной цивилизации (как западной, так и восточной). И поэтому преданность делу носит временный характер. Преданность Отечеству, а возможно и человечеству может носить характер вневременный, непреходящий.

Возможно, разграниченность образования изначально была ориентирована на разделение труда: рабочий и служащий, исполнитель и руководитель. Огромное количество профессий требовало специального образования. Но на определенном этапе сама образовательная модель начинает разделять людей. Уже во время школьного обучения распределяют знания по предметам, разделам, темам. И каждый ученик должен иметь собственную прикладную программу?

Но как может иметь специальную прагматическую задачу образование вообще? Ведь в этом случае придется признать, что такую задачу должен иметь и народ вообще. А тогда он будет призван работать исключительно над элементами собственного существования. Но, работая над ними, как он сможет сообщать целостность разделенному человечеству? Ведь выполняя эту (совершенно не прагматическую) миссию он действует не от себя, осуществляет не свое. От такого народа требуется только свобода от всякой исключительности и односторонности, требуется, чтобы он не утверждал

себя с исключительной энергией в какой-нибудь частной сфере [6, с. 172–173].

Внутренние отношения разных предметов находят воплощение в человеке. И эти отношения возможны тогда, когда разные предметы существуют субъективно. Более того, в этом случае внутренней необходимостью человека образующегося должна стать потребность в целостном понимании, поддерживающем ментальный смысл частых пониманий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Виноградова, Н. Л.* Проблема понимания в социальном взаимодействии / Н. Л. Виноградова // Известия ВолгГТУ / отв. ред. Р. М. Петрунева. – 2011. – Т. 7. – № 9. – С. 9–12.
2. *Захаров, А. В.* Бессмысленность жизни – достаточное условие цивилизационной катастрофы / А. В. Захаров // Известия ВолгГТУ / отв. ред. Р. М. Петрунева. – 2013. – Т. 13. – № 9. – С. 104–108.
3. *Рулиене, Л. Н.* Управление знаниями в информационном обществе / Л. Н. Рулиене // Вестник Бурятского государственного университета, 2010. – № 1. – С. 30–35.
4. *Меньшиков, И. В.* Содержание образования: самоорганизация междисциплинарности и проблема управления. [Электронный ресурс] / И. В. Меньшиков, О. В. Санникова // Образование и синергетика. – [2013]. – Режим доступа: <http://spkurdyumov.narod.ru>.
5. *Соловьев, А. А.* Социальная неопределенность и образование / А. А. Соловьев // Известия ВолгГТУ, 2012 / отв. ред. Р. М. Петрунева. – 2012. – Т. 13. – № 19. – С. 20–23.
6. *Соловьев, В. С.* Философские начала цельного знания / В. С. Соловьев // Соловьев В. С. Соч. в 2 т. – Т. 2. / Общ. ред. и сост. А. В. Гулыги и др. – М.: Мысль, 1988. – С. 139–288.

УДК 101.1
ББК 86.7

Н. Л. Виноградова

ДИАЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПАТРИОТИЗМА

Волгоградский государственный технический университет

E-mail: NVinogradova@yandex.ru

В статье подвергается анализу феномен патриотизма. Актуальным является исследование взаимосвязи и взаимозависимости патриотизма от диалогических отношений общества. Предлагается рассматривать диалог как фактор становления и развития патриотизма. Утверждается, что любовь к Родине, к Отечеству, к родному городу не может полноценно осуществляться в монологе. Когда страна не слышит своих граждан, не реагирует на их нужды и устремления – это монолог. Обратная ситуация также монологична, когда человек отстранен от жизни и интересов своего Отечества. Только диалог между человеком и Родиной может породить истинно патриотическое отношение.

Ключевые слова: патриотизм, социальные отношения, диалог, монолог, общество потребления, национализм, космополитизм, взаимодействие.

N. L. Vinogradova

DIALOGIC FOUNDATION OF PATRIOTISM

Volgograd State Technical University

In the article is analyzed the phenomenon of patriotism. Relevant is the study of the interrelation and interdependence of patriotism from the dialogical relations in the society. It is proposed to consider dialogue as a factor of formation and development of patriotism. Argues that the love for the Homeland and Fatherland, the native city can not fully implemented in a monologue. When a country does not hear its citizens, does not respond to their needs and aspirations - this is a monologue. The reverse situation also monologue, when the people removed from life and the interests of the Fatherland. Only the dialogue between man and it can engender true attitude.

Keywords: patriotism, social relations, dialogue, monologue, a consumer society, nationalism, cosmopolitanism, interaction.

В эпоху глобализации, связанной с вестернизацией и унификацией всех сфер жизни общества, вопросы, связанные с патриотизмом, приобретают особый смысл. Феномен патриотизма, понимаемый как любовь к Родине, нуждается в освобождении от идеологического, политического наследия и рассмотрении с точки зрения интегративного социально-философского подхода. Это означает, что «патриотизм» необходимо проанализировать с точки зрения соотносительности его с такими философскими категориями как бытие, национальное сознание и самосознание, Я-Другой, этнос, народ, нация, диалог и другими.

На наш взгляд, одним из важнейших вопросов связанных с проблемой современного патриотизма является выяснение связи данного явления с диалогическими основаниями социального бытия. Именно утрата диалогического взаимодействия общества и государства в советский и перестроичный период привели к потере оснований патриотизма. Невозможно приказывать, велеть, заставить любить, это касается и межличностных отношений и отношений социальных. Декларативное предписание «любить Родину» реализовывалось как монологичное или в лучшем случае как кажущийся диалог. Патриотизм как любовь к Родине может родиться и поддерживаться только в диалоге, когда субъекты готовы услышать друг друга, уважать друг друга, свободно обсуждать проблемы, приходиться к компромиссным решениям и в итоге взаимодействовать [1]. Идея человека, способного услышать свою Родину, высказана И. А. Ильиным: «Тогда он, подобно сказочному герою, припавшему к земле ухом, услышит свою Родину; он услышит, как она в его собственной душе вздыхает и стонет, поет, плачет и ликует; как она определяет и направляет, и оплодотворяет его собственную личную жизнь. Он вдруг постигнет, что его личная жизнь и жизнь его Родины суть в последней глубине нечто единое и что он не может не принять судьбу своей Родины, ибо она также неотрывна от него, как он от нее и в инстинкте, и в духе» [2, с. 185]. Однако для реализации диалога «услышанность» должна быть взаимной не только человек должен услышать Родину, но и Родина должна слышать своих людей.

Можно сказать, что диалог представляет собой движение к пониманию и взаимопониманию. Взаимодействие является исходной точкой диалога, это, говоря словами М. Бубера,

«территория согласия». Диалогичность заключается в том, что каждая из сторон признает другого в качестве уникальности, самоценности, обладающей правом на уникальность суждения и поступка [3]. Таким образом, если цель коммуникативного акта (спора, диспута) – движение к некоторой абсолютной истине, то цель диалога – взаимодействие, основанное на понимании.

Характерно, что осмысление оснований патриотизма, таких как взаимопонимание, общие идеалы и ценности, присущи русской духовной культуре, что неоднократно фиксировалось в рассуждениях таких философов как П. Я. Чаадаев, А. С. Хомяков, Г. П. Федотов, И. А. Ильин, В. С. Соловьев, Н. А. Бердяев, И. В. Киреевский и других. Однако все мыслители подчеркивали, что Россию, нельзя однозначно свести ни к Западу, ни к Востоку. П. Чаадаев писал: «Мы никогда не шли вместе с другими народами, мы не принадлежим ни к одному из семейств человеческого рода, ни к Западу, ни к Востоку»; Вл. Соловьев утверждал: «Мы – это русские европейцы». Особенности России и российского понимания социальных отношений, в частности, патриотизма, складывались на основе множества факторов, среди которых укажем некоторые. Во-первых, географическое положение – Россия огромное по территории государство, находящееся в двух частях света; она территориально достаточно изолирована от многих других государств; во-вторых, в России сформировалась своеобразная этническая общность; в-третьих, исключительно важным является тот факт, что основой мировоззрения в России выступает православие. Как справедливо пишет Е. Ю. Леонтьева: «В русской философии нет категорических противопоставлений, присущих Западу, но нет и восточной бинарности – изначального единения двух противоположных составляющих. В России мы находим целостность, выросшую до всеединства и достигшую соборности» [4, с. 38].

Всеединство – одна из центральных парадигм русской философской традиции. Сущность всеединства заключается в принципе совершенного единства множества, согласно которому все элементы такого множества тождественны между собой и тождественны целому, но в то же время не сливаются в неразличимое сплошное единство, а образуют особый полифонический строй. По выражению С. Л. Франка, «трансцендентальное единство раздельно-

сти и взаимопроникнутости» [5, с. 58–59]. Утверждаемое всеединством равновесие начал единства и множества очень созвучно современным диалогическим и плюралистическим принципам. Надо подчеркнуть, что всеединство есть принцип внутренней формы, что в дальнейшем находит выражение в активных поисках гармонии диалогического взаимодействия человека и Отечества.

Диалогические основания патриотизма органически связаны и с идеей всеединства и соборности. Согласно Хомякову, в Православии принцип соборности, «единство во множестве», осознан как высшая Божественная основа церкви. Понятие соборности активно разрабатывал С. Л. Франк, хотя и внес в него некоторый социологизаторский ракурс. Под соборностью он понимает внутреннее органическое единство, лежащее в основе всякого человеческого общения, всякого общественного объединения людей. Первичной и основной формой соборности С. Л. Франк считал единство брачно-семейных отношений, затем религиозную жизнь, «общность судьбы и жизни всякого объединенного множества людей» [5, с. 58]. Соборность проявилась императивом «самоотречение каждого в пользу всех», что и стало одной из особенностей социальной жизни, социальных отношений и легло в основания российского патриотизма.

Следуя русской философской мысли реализоваться диалогические основания могут только при наличии «Другого». Поисками «Другости» заняты помыслы С. Л. Франка: «Чтобы знать, для чего жить и куда идти, каждому нужно в какой-то совсем иной инстанции, в глубине собственного духа найти абсолютную опору; нужно искать всем своего пути не на земле, где плывешь в безграничном океане, по которому бессмысленно движутся волны и сталкиваются разные течения, - нужно искать, на свой страх и риск и ответственность, путеводной звезды в каких-то духовных небесах и идти к ней независимо от всяких течений, а может быть, вопреки им» [5, с. 142].

Философию С. Л. Франка по своей сущности можно охарактеризовать как экзистенциальную онтологию, и с этих позиций ученый обращается к поиску духовной опоры Я. Нахождению некоего близкого и тождественного Ты обращена одна из сторон его творчества. Но творчество С. Л. Франка не однозначно, все его искания антиномичны. С одной стороны, бытие

для моего Я – это нечто далекое, непостижимое, с другой стороны, это самое родное и близкое, что есть у моего Я. Близость может быть достигнута путем обращения к бытию Другого, к бытию Ты, причем и Другой и Ты могут быть как личностями, так и общностями. Диалог Я и Ты у С. Л. Франка постоянно балансирует на некой грани любви и вражды. Можно сказать, что в принципе соборности возможно состояние компромисса, когда Я не растворяется в Ты, не поглощается им, а находится в отношении имманентной венаходимости, тем самым реализуя принцип диалогичности.

Поискам «Другого» посвящены труды М.М. Бахтина при этом не у кого из исследователей его творчества не вызывает сомнения принципиальная внутренняя ориентация на православие. Понятие диалогичности оказывается связующим в его концепции и объединяет социальное бытие, постулируя, что человеку противостоит не вечно-объектное бытие, а бытие «Другого». «Взаимодействующие субъекты придают не только полноту своему облику, но также смысл самому своему существованию. Ведь все, что человек делает в жизни, он делает в расчете на ответную реакцию со стороны других людей» [6, с. 21]. В связи с такой постановкой вопроса в концепции М. М. Бахтина выстраивается целый ряд, указывающий на невозможность монологического восприятия бытия, это понятия полифонии, «двуголосого» слова, карнавала, многоголосия. Формулу бахтинского диалогизма можно выразить цитатой из работы «К философии поступка»: «Пусть я насквозь вижу данного человека, знаю и себя, но я должен овладеть правдой нашего взаимоотношения, правдой связующего нас единого и единственного события, в котором мы участники...» [7, с. 94].

Похожая идея звучит и у И. А. Ильина: «Слияние патриота с Родиной ведет к чудесному и плодотворному отождествлению их духовных энергий. В этом отождествлении духовная жизнь народа укрепляется всеми силами патриота, а патриот получает неиссякаемый источник творческой энергии во всенародном духовном подъеме; и это взаимное питание, удесятерив силы, дает человеку непоколебимую веру в его Родину» [8, с. 332].

Можно сказать, что особенности русского социального бытия формировались под действием идеи всеединства, принципов соборности, поисков «Другого» и обнаружения диалогиче-

ского единства. В совокупности эти положения являются основанием для анализа социальных феноменов и в том числе патриотизма. Истинная диалогичность базирующаяся на принципиальной свободе субъектов, возможности мыслить и творить, реализованная через взаимопонимание, взаимоуважение, единство и есть путь к истинному, а не декларируемому патриотизму.

Формирование патриотизма в ракурсе диалогических оснований мы рассматриваем как выработку стратегии совместных действий субъектов (человека, общества, государства, Родины, малой Родины) через включение их в формирующуюся культуру глобализирующегося мира, социальные отношения и процесс самопознания. Таким образом, мы имеем все основания рассматривать патриотизм, как открытую систему с диалогическим основанием, с одной стороны, организуемую человеком и личностным началом, а с другой – обществом, государством, Отечеством.

УДК 37.035.6

ББК 74.00

С. В. Воротилова

ФОРМИРОВАНИЕ РОССИЙСКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СУБЪЕКТА В СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЕКТАХ ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Волгоградская государственная академия последипломного образования

E-mail: kliosvet@yandex.ru

Охарактеризованы существенные признаки российской гражданской идентичности субъекта и специфика ее формирования в проектной деятельности во взаимосвязи с пониманием социокультурной природы проектов генеалогической направленности, предусматривающих изучение субъектом своей родословной в контексте культуры и истории Отечества.

Ключевые слова: социокультурные проекты генеалогической направленности; семейная, семейно-родовая, российская гражданская идентичность субъекта; формирование российской гражданской идентичности субъекта; генеалогические ситуации.

S. V. Vorotilova

FORMATION OF A PERSON'S RUSSIAN CIVIL IDENTITY WITHIN SOCIOCULTURAL GENEALOGY-DIRECTED PROJECTS

Volgograd State Academy of Postgraduate Education

Given article describes the essential features of person's Russian civil identity and specificity of its formation thru research activity. It is regarded in correlation of understanding of sociocultural nature of genealogy-directed projects, which envisage person's ancestry research within the context of native culture and history.

Keywords: sociocultural genealogy-directed projects; family identity, family & ancestral identity, Russian civil identity of a person; person's Russian civil identity formation; genealogical situations.

Формирование российской гражданской идентичности субъекта – одна из базисных целевых установок отечественной системы образования. Она отражает «ядро» системы национальных ценностей, хранимых в религиозных, культурных, социально-исторических, семейных традициях народов России, которые передаются от поколения к поколению и образуют

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Виноградова, Н. Л.* Диалогичность сознания как предпосылка и условие социального взаимодействия / Н. Л. Виноградова // Гуманитарные и социально - экономические науки. – 2005. – № 2. – С. 16–20.
2. *Ильин, И. А.* Путь духовного обновления / И. А. Ильин // Собр. соч. Т. 1. – М., 1996. – В 10 т.
3. *Виноградова, Н. Л.* Взаимодействие индивида и общества: диалогический аспект / Н. Л. Виноградова // Вестник Оренбургского государственного университета. Т. 1. Гуманитарные науки. – 2005. – № 10. – С. 31–37.
4. *Леонтьева, Е. Ю.* Мир рациональности в мире человека: монография / Е. Ю. Леонтьева; ВолгГТУ. – Волгоград: РПК «Политехник», 2001. – 161 с.
5. *Франк, С. Л.* Сочинения / С. Л. Франк. – М.: Правда, 1990. – 567 с.
6. *Бахтин, М. М.* Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – 2-е изд. – М.: Искусство, 1986. – 445 с.
7. *Бахтин, М. М.* К философии поступка / М. М. Бахтин // Философия и социология науки и техники: ежегодник (1984–1985). – М., 1986. – С. 80–160.
8. *Ильин, И. А.* Я глядываюсь в жизнь: Книга раздумий / И. А. Ильин // Собр. соч. Т. 3. – М., 1994. – В 10 т.

суть общей максимы «Мы – российский народ». Российская гражданская идентичность по своему статусу является макроидентичностью, значимость которой определяется ее консолидирующей функцией.

Становление российской гражданской идентичности субъекта в современном обществе осложняется процессами мировой глобализации

и ценностной дезориентацией ряда поколений россиян. Исследователями отмечается доминирование в современном российском обществе локальных идентичностей (этнических, конфессиональных, региональных и др.), наличие которых создает базу для конструирования педагогических систем, использующих их идентификационный потенциал в целях формирования гражданской российской идентичности субъекта [2, 4, 8].

Разработанная нами педагогическая система формирования российской гражданской идентичности субъекта использует идентификационный потенциал семейной и семейно-родовой идентичностей, предусматривая включение субъекта в социокультурные проекты генеалогической направленности. В исследовании мы исходим из гипотезы о том, что формирование российской гражданской идентичности субъекта происходит путем ее «вызревания» из семейной идентичности, аккумулирующей в себе социокультурный опыт поколений предков.

Семейная идентичность специфицируется нами как принадлежность субъекта к фамильной группе, а семейно-родовая идентичность – к определенному роду (клану). Такое понимание востребует от субъекта соотнесение себя со своим семейно-родственным окружением, осознанное восприятие себя звеном в цепи поколений и готовности к принятию и трансляции в поколениях фамильного и кланового капитала.

Российская гражданская идентичность определяется нами как идентичность субъекта, переживающего за судьбу России. Она основана на признании субъектом своей принадлежности к Отечеству и заключается в соотнесении им собственной судьбы с исторической судьбой России, в осознании себя активным участником российского гражданского общества, в принятии его ценностей и учете их при построении «проекта» своей жизни.

Для понимания сущности российской гражданской идентичности субъекта мы разработали ее структурно-функциональную модель в предположении, что структуру образуют взаимодействующие компоненты (когнитивный, ценностный, поведенческий), а функциональная составляющая представлена адекватными функциями (ориентирующей, систематизирующей, обобщающей; рефлексивно-оценочной, ценностно-мотивирующей; деятельностно-практической). Разработанная модель отражает представленный в имеющихся исследованиях «ста-

тический срез» гражданской идентичности, которая, как правило, моделируется из трех или четырех компонентов.

Так, сторонники концепции и разработчики ФГОС общего образования [7] определяли в составе гражданской идентичности четыре компонента – когнитивный (познавательный), деятельностный (поведенческий), эмоционально-оценочный (коннотативный), ценностно-ориентировочный (аксиологический). В работах М. П. Бузского, А. Н. Вырщикова, М. Б. Кусмарцева [5] на основе структурной модели личности выделен четырехкомпонентный состав гражданской идентичности, объединяющий когнитивный, политико-правовой, образно-символический, морально-этический аспекты гражданской идентичности в их единстве и взаимосвязи.

Специфика педагогического контекста гражданской идентичности проанализирована А. А. Логиновой [3], которая рассматривает гражданскую идентичность как сложное личностное новообразование, имеющее трехкомпонентную структуру, включающую когнитивный, ценностный и поведенческий компоненты. Конкретизируя выводы автора применительно к ситуации жизнедеятельности в России, мы и получили «рабочую модель» трехкомпонентного состава российской гражданской идентичности субъекта.

В рамках данной модели *когнитивный* компонент составляют представления (знания) о явлении «гражданская идентичность», о гражданине России, гражданской общности россиян, о государственной символике, об основном законе Российской Федерации, о правах и обязанностях гражданина России, о формах участия народов России в управлении государством, о роли семей и семейных кланов в исторической судьбе Отечества. *Коннотативный* компонент образует ценностное (заинтересованно-положительное) отношение субъекта к Родине-России, Отечеству, к семье и семейному роду, к человеку как российскому гражданину и носителю семейно-родовой истории, уважение к истории российского общества, к своей и иной культуре, к другим народам России как основание для осознания своей принадлежности к гражданской общности россиян. *Поведенческий* компонент включает поступки гражданского содержания (участие в общественных акциях и гражданско-патриотических проектах, законопослушность и соблюдение социального по-

рядка, забота о настоящем и будущем России, уважение ее прошлого и пр.) и действия по присвоению, сохранению и обогащению семейно-родового опыта во взаимосвязи с историей Отечества.

В нашем исследовании доказано, что «вызревание» российской гражданской идентичности становится возможным при целенаправленном изучении субъектом своей семейно-родовой истории во взаимосвязи с историей Отечества и осмысливанием биографий своих предков как родословной граждан Российской империи → Советского Союза → современной России. Иначе субъекты, приобретающие семейную и семейно-родовую идентичности внутри семьи, но вне взаимосвязи с историей Отечества, почти никогда не поднимаются до их гражданского осмысления.

Общим критерием состоявшейся трансформации семейной и семейно-родовой идентичностей в гражданскую идентичность служит восприятие и принятие субъектом судеб своих предков как биографий граждан своей страны, а семейно-родовой истории как части автобиографии. Механизмы трансформации идентичностей основаны на включении субъекта в социокультурные проекты генеалогической направленности. Эти проекты, связанные с изучением субъектом собственной родословной, являются социокультурными по своей природе. В них неизбежно происходит осмысление памяти поколений, отражающей культурные достижения и трансформации, осознание вклада представителей рода в культурную историю страны – России.

Включение субъекта в проектную деятельность генеалогического характера создает условия для формирования российской гражданской идентичности. При изучении родословной закономерно происходит не просто знакомство с вехами биографии того или иного представителя рода. Гораздо важнее, что осмысливаются его взгляды, позиции, конкретные поступки, которые, в конечном счете, и определили его место и вклад в культурную историю Отечества, в выработку различных моделей отношений и в становление культурной практики межнационального и межконфессионального взаимодействия, в том числе характерного для Юга России.

Формирование российской гражданской идентичности субъекта рассматривается нами как целостный процесс, «динамический срез»

которого включает две стадии и четыре составляющих их этапа. Они реализуются при изучении субъектом семейно-родовой истории во взаимосвязи с историей Отечества. Это: *бипоколенческая* стадия, включающая ориентационный и фамильный этапы, а также *межпоколенческая* стадия, которая состоит из кланового и гражданско-патриотического этапов.

Опираясь на методологию В. С. Ильина [1], мы проектируем стадии так, чтобы они «развертывали» качественные изменения на поколенческих «ступенях» процесса, а этапы предусматривали количественные изменения, связанные с изучением субъектом семейно-родовой истории как части личной биографии во взаимосвязи с определенной частью истории Отечества. На «финише» каждого этапа образовательные результаты диагностируются как достижение субъектом: 1) родословной ориентировки (ориентационный этап), 2) семейной идентичности (фамильный этап), 3) семейно-родовой идентичности (клановый этап), 4) российской гражданской идентичности (гражданско-патриотический этап).

Диагностика количественно-качественных изменений личности субъекта при изучении семейно-родовой истории во взаимосвязи с историей Отечества осуществляется по обоснованным нами трем группам критериев, сообразным компонентам российской гражданской идентичности – когнитивным, коннотативным, поведенческим. Каждая группа критериев является диагностически значимой по отношению к характеристикам соответствующих компонентов российской гражданской идентичности субъекта.

Когнитивные критерии выявляют осознание субъектом себя гражданином современной России, потомком и наследником граждан Российской империи и Советского Союза на основе знания фактов сопряжения семейно-родовой и отечественной истории в различных социокультурных аспектах. *Коннотативные* критерии отражают эмоционально-патриотическое восприятие и принятие субъектом ценности семьи, рода, родового опыта предков как граждан, наследующих культуры малой и большой Родины-России, и переживание сопричастности к семейно-родовому сообществу, гордости за культурные достижения предков, уважения семейно-родового прошлого и значимости культуры народа, из которого происходят предки, для российского общества. *Поведенческие* кри-

терии фиксируют готовность субъекта к поступкам и действиям, нацеленным на присвоение, сохранение и обогащение семейно-родового опыта, на изучение семейно-родовой истории во взаимосвязи с историей своей Родины, фиксацию и презентацию выявленных фактов и обобщений, уважение к семейно-родовой культуре представителей разных народов и конфессий России.

При изучении субъектом семейно-родовой истории во взаимосвязи с историей Отечества предполагаются количественно-качественные изменения латентного плана в его личности, отражающие «наполнение» структурно-функциональной конструкции российской гражданской идентичности субъекта. Поскольку педагогическое средство латентных изменений, по В. В. Серикову, «...представляет собой некоторую ситуацию как организованную совокупность факторов развития личности, ее качеств, опыта» [6], то основным средством формирования российской гражданской идентичности субъекта мы определили *генеалогические ситуации* в проектной деятельности по изучению семейно-родовой истории во взаимосвязи с историей Отечества.

Проектная деятельность, включающая генеалогические ситуации, определена нами ведущей в формировании российской гражданской идентичности субъекта и реализуется в виде *социокультурных проектов*, основу которых образует изучение родословия. Социокультурные проекты генеалогической направленности способствуют выработке субъектом опыта взаимодействия с родственниками как носителями социокультурной памяти, сотрудниками архивов и музеев как хранителями исторической памяти народов России. Логика проектов открывает субъекту возможность презентаций и оценивания, а также самореализации на основе «субъективирования знания» (П. Г. Нежнов, Б. Д. Эльконин и др.) семейно-родовой истории во взаимосвязи с историей Отечества и ее «ценностно-эмоционального проживания» (Л. П. Разбегаева) в контексте своей личной биографии. Все это, в конечном счете, и продуцирует российскую гражданскую идентичность субъекта.

Общими для социокультурных проектов генеалогической направленности являются: 1) логика проектной деятельности (замысел →

план → реализация → оценка); 2) формат выполнения деятельности субъектом во взаимодействии с другими субъектами (родственники, сотрудники архивов и музеев, научные руководители и др.); 3) ступенчатость и завершенность в виде генеалогического продукта (как комплекса авторских творческих и исследовательских работ по семейно-родовой истории во взаимосвязи с историей Отечества). Инвариантны разворачиваемые внутри социокультурных проектов виды генеалогических ситуаций и их последовательность, адекватная проектной логике: «Организация» → «Действие» → «Творческое обобщение» → «Презентация» → «Анализ и самооценка». Специфические характеристики социокультурных проектов составляют целевые приоритеты и формы организации генеалогических ситуаций в виде особых микроситуаций, а также содержание и способы проектно-исследовательской деятельности, достигаемые «вклады» в формирование российской гражданской идентичности субъекта как представителя семьи, рода и гражданина России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ильин, В. С. Формирование личности школьника (целостный процесс) / В. С. Ильин. – М.: Педагогика, 1984. – 144 с.
2. Когатько, Д. Г. Российская идентичность как культурно-цивилизационный феномен [Электронный ресурс]: дис. ... канд. социолог. наук / Д. Г. Когатько. – СПб, 2007. – 131 с.
3. Логинова, А. А. Формирование гражданской идентичности школьников средствами интернет-проектов [Электронный ресурс]: дис. ... канд. пед. наук / А. А. Логинова. – Самара, 2010. – 229 с.
4. Мазилова, Г. Б. Динамика социальной идентичности личности в современном обществе [Электронный ресурс]: дис. ... канд. псих. наук / Г. Б. Мазилова. – Ярославль, 2006. – 203 с.
5. Российская гражданская идентичность как педагогический ресурс реализации духовно-нравственного развития и патриотического воспитания учащихся: метод. пособие / М. П. Бузский, А. Н. Выршиков, М. Б. Кусмарцев. – Волгоград: Изд-во ВолгГМУ, 2011. – 124 с.
6. Сериков, В. В. Общая педагогика. Избранные лекции / В. В. Сериков. – Волгоград: Перемена, 2004. – С. 86.
7. Формирование гражданской идентичности личности в контексте разработки ФГОС второго поколения [Электронный ресурс] // <http://fgos.isiorao.ru/download/publ.1.php>
8. Шибут, И. А. Социальная и индивидуальная идентичность населения Кольского Севера в контексте региональной идентичности: дис. ... канд. псих. наук / И. А. Шибут. – СПб., 2006. – 198 с.

УДК 323.1
ББК 66.5

А. Е. Песков, Е. А. Кленина***

АДАПТАЦИЯ МОЛОДЕЖИ К ПРОБЛЕМЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

***Волгоградский государственный архитектурно-строительный университет**

****Волгоградский государственный технический университет**

E-mail: * peskov.arck@yandex.ru, ** klenina.el@yandex.ru

В статье рассматривается вопрос о формировании адаптации студентов к проблеме национальной идентичности в эпоху глобализации на примере изучения бытийных основ дихотомии национализм – космополитизм. Показано, что в эпоху глобализма такая общность как нация остается единственной структурой, через которую личность может приобщиться не только к самобытности своих корней, но и к универсальному.

Ключевые слова: национальная идентичность, молодежь, глобализация, национализм, космополитизм, система высшего образования.

*A. E. Peskov *, E. A. Klenina***

ADAPTATION OF YOUTH TO THE PROBLEM OF NATIONAL IDENTITY IN THE ERA OF GLOBALIZATION

***Volgograd State University of Architecture and Civil Engineering**

****Volgograd State Technical University**

The article discusses the formation of students' adaptation to the problem of national identity in an era of globalization on the example of studying the foundations of existential dichotomy of nationalism – cosmopolitanism. It is shown that in the era of globalization such generality as a nation remains the only institution through which a person can join not only to the identity of their roots, but also to the universal.

Keywords: national identity, youth, globalization, nationalism, cosmopolitanism, higher education.

Глобализация современного мира как необратимый процесс современности поставила перед мировым социумом задачу перехода к новому типу социальных отношений. Для того, чтобы решить поставленную задачу, необходимо формирование такого типа молодого поколения, которое бы обладало развитой культурой национальной идентичности и в то же время следовало бы традициям гуманизма и толерантности. И в этом вопросе ключевую роль, на наш взгляд, должна играть система высшего образования.

Однако не стоит забывать, что «...формирование, функционирование и развитие гражданского сознания современной российской молодежи, в том числе и студенчества, происходит в довольно-таки сложных условиях. [...] формирование политического сознания студенчества происходит в том социокультурном пространстве, которое формируют не они сами, а старшие поколения со всеми их комплексами, кризисами, победами и поражениями. Поэтому есть все основания утверждать, что адаптация молодежи к современным условиям и выбор собственных моделей поведения, отношения к власти, политической ориентации и тому подобное происходит в сложных условиях, кото-

рые несколько не облегчают процесс становления личности, профессионала, гражданина и патриота своей страны» [1, с. 34].

Но как можно рассматривать вопрос о формировании адаптации студентов к проблеме национальной идентичности в эпоху глобализации, не исследуя бытийных оснований дихотомии национализм – космополитизм?

Большинство стран и значительная часть населения мира занята сегодня активным утверждением своей «особости», своей национальной или религиозной идентичности. Может это и не случайно, если рассматривать данный пункт с точки зрения развития института демократии. Согласно одной из дефиниций, демократия – это правительство народа, избранное народом и существующее для народа [2, с. 104]. В связи с этим демократическая составляющая любого общества представляет широкие возможности для самоопределения наций.

Хочется заметить, что демократия универсальна по своей природе. История всех народов подтверждает, что города, нации, федерации, общины иммигрантов – могут управляться демократически. В связи с этим нет оснований не доверять демократическому потенциалу, заложенному в каждой традиционной общности. Но

как быть, если добившаяся политической самостоятельности, сама общность начинает угнетать другие общности, не ограничиваясь политическим единством и стремясь к культурному монополизму?

Казалось бы, существует лишь два варианта дальнейшего развития событий. Либо установление полного доминирования одной исторической общности, либо полное дистанцирование политических институтов от всех традиционных структур. Негативные последствия первого варианта общеизвестны. На наш взгляд, второй вариант, если он и не служит лишь прикрытием первого, также морально неприемлем и практически недостижим. Полная нейтральность государственной власти реально возможна только в обществе иммигрантов, в котором все члены в равной степени оторваны от своих исторических корней.

Космополитизм нередко почитается безусловной ценностью, поскольку в различные исторические периоды он очень часто становился объектом беспощадной критики со стороны различных политических сил. Однако для рационального выбора недостаточно только этого основания, поскольку таким образом мы остаемся в рамках логики противника, лишь меняя его идеологические знаки на противоположные.

Современные адепты космополитизма полагают, что человек теперь не будет привязанным к определенной территории и культуре: он будет готов к любым пространственным перемещениям, открыт в равной степени для любых культурных воздействий, что явится лучшей гарантией от крайних форм национализма. Его гибкость и универсальность сделают излишним применение насилия при разрешении любых конфликтов. Авторам эта идея представляется в некоторой степени утопичной, так как, несмотря на всеобщую интеграцию и стратегию устранения межнациональных и межгосударственных барьеров, все же большинство стран не готовы отказываться от своей национальной идентичности.

Имевшие место представления о безусловной вредности всего, что разделяет род человеческий, еще более укрепились в XXI веке. Квинтэссенцию этой идеи можно выразить так: «человечество освободилось благодаря нации, теперь оно должно стать свободными наперекор ей». Поэтому опять актуальна альтернатива – содружество или дезинтеграция. Но такой подход чреват этническим, ментальным, этиче-

ским и др. эклектизмом, поскольку глубинный дух цивилизации чужд внешнему восприятию. Одного интереса к внешней, чужой цивилизации недостаточно: читая только Пушкина и Чехова, нельзя понять глубину русского менталитета, а Восток нельзя понять, читая только «Коран».

Обращение только к внешней «оболочке» социально-культурных феноменов часто приводит к слиянию космополитизма и глобализма, возникшего как следствие включения всех народов в сеть мирового рынка, интернационализации торговли, развития средств транспорта и коммуникаций. Образом жизни все более заметного количества людей становится своего рода «всепланетное кочевничество». Более того, глобализация и массовизация нивелируют образовательные системы, поэтому поверхностная осведомленность восторжествовала над глубоким постижением нетривиальных вещей [3, с. 26].

На наш взгляд, чем яростнее люди отрекаются от своей национальной и культурной идентичности, порой доходя даже до самых крайних форм, тем опаснее будут последствия. Не исключено, что сторонники подобного космополитизма на деле одержимы той же социальной фобией, что и националисты, только одни стремятся избавиться от «чужаков» методом ассимиляции, а другие – методом исключения их из социума. Такой космополитизм, исходя из мысли о принципиальной равноценности всех культур, требует от человека открыться для них, суммировать их в своем сознании. Но таким образом удастся добиться в лучшем случае лишь механического сложения разнородных элементов, а не их органического единства.

Собственные корни можно либо принимать как должное, либо пытаться обрубить, а вот что человеку изначально неподвластно – так это свободно выбирать себе корни. Для того, чтобы развиваться и двигаться вперед, нужна фундаментальная база, которую могут дать только корни. Культурные границы стоит сохранять только потому, что их можно пересекать, узнавать и открывать для себя. Вся мощь как России, так и других стран – в национальной самобытности и разнообразии.

Важнейшим вопросом современного Российского государства является национальный вопрос. Путин В. В. в своей статье «Россия: национальный вопрос» от 23. 01. 2012 года пред-

ставил один из путей сближения национальных интересов через повышение образовательного уровня общества: «Гражданская задача образования, системы просвещения дать каждому тот абсолютно обязательный объем гуманитарного знания, который составляет основу самоидентичности народа» [4]. Более того, «самопознание и на национальном, и на индивидуальном уровнях, создает основу для самоуважения, открывает возможности независимого творческого самоосуществления» [5, с. 3].

Однако стоит заметить, что в современном мире никто уже не может безнаказанно рассматривать свою нацию как избранную. Может показаться, что и само понятие «нация» обречено на исчезновение. Но в эпоху глобализма, на наш взгляд, можно переживать чувство гражданской солидарности только через включение в такую общность как нация. И в этом качестве нация, по мнению авторов, не исчезнет в обозримом будущем, оставаясь единственной структурой, через которую личность может при-

общиться не только к самобытности своих корней, но и к универсальному.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Дулина, Н. В. Студенты вузов: проблема вхождения во взрослую жизнь (По материалам социологических исследований) / Н. В. Дулина, Р. М. Петрунева // Известия ВолгГТУ : межвуз. сб. науч. ст. № 5 / ВолгГТУ. – Волгоград, 2008. – Т. 7. – С. 34–38.
2. Клемина, Е. А. Влияние общественного мнения на политические технологии избирательных кампаний / Е. А. Клемина, А. Е. Песков // Вестник Астраханского государственного технического университета. – 2011. – № 2 (52). – С. 102–108.
3. Щеглова, Л. В. Проблемы формирования личности в современных российских университетах / Л. В. Щеглова // Проблемы духовно-нравственного и патриотического воспитания студентов: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Р. М. Петруневой, Н. В. Дулиной / ВолгГТУ. – Волгоград, 2006. – С. 25–30.
4. Путин, В. В. «Россия: национальный вопрос» / В. В. Путин. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.putin-itogi.ru/2012/01/23/statya-v-v-putina-rossiya-nacionalnyj-vopros/> (дата обращения: 12.03.2014).
5. Щеглова, Л. В. Проблемы самопознания и культурной идентичности в русской философии 30-х – 40-х годов XIX века (П. Я. Чаадаев и Н. В. Гоголь): автореф. дисс. ... д. филос. наук / Л. В. Щеглова. – М., 2001. – 40 с.

УДК 111.1
ББК Ю21

А. П. Стручалина

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРИРОДНОГО И КУЛЬТУРНОГО В ХОЗЯЙСТВЕННОЙ СФЕРЕ

Волгоградский государственный технический университет

E-mail: astruchalina@yandex.ru

Взаимодействие природного и культурного рассматривается в контексте Космо-Психо-Логоса, что позволяет выявить ментальные, в том числе, национальные особенности хозяйственной сферы.

Ключевые слова: ментальное, национальное, природное, культурное, хозяйство.

A. Struchalina

THE INTERACTION OF NATURAL AND CULTURAL IN THE ECONOMIC SPHERE

Volgograd State Technical University

The interaction of natural and cultural considered in the context of the Cosmo-Psycho-Logo that can detect mental, including the national peculiarities of the economic sector.

Keywords: mental, national, nature, culture, economy.

Философия изучает экономику и хозяйство как многоуровневую социокультурную систему. Материально-вещественный уровень составляет природное тело хозяйства (природная среда, ресурсы, инфраструктура для осуществления хозяйственной деятельности и др.), то есть все, что предпослано человеку природой, в том числе и его телесность, все, что он включает своим трудом в хозяйственный оборот. Культурная составляющая (если рассматривать культуру как социальный способ бытия духов-

ного) проявляет себя в мотивах и стимулах трудовой активности, в их ценностной иерархии, в формах культурного освоения хозяйственного пространства (промышленный, ландшафтный дизайн, архитектурные стили и др.).

По мнению автора, эвристически плодотворным для исследования взаимосвязи природного и культурного является применение к хозяйственной сфере модели Космо-Психо-Логоса, разработанной Г. Гачевым [2]. Он использует эти параметры для выявления мен-

тальных особенностей восприятия мира, свойственных разным народам, в том числе их национальных и конфессиональных признаков. Г. Гачев показывает, что картины мира и способы освоения жизненного пространства формируются под воздействием среды природного обитания, особенностей психических структур мировосприятия, способов осуществления мыслительных процедур и их вербализации. Применительно к нашему предмету можно говорить о *хозяйственном Космо-Психо-Логосе*, ведь эта модель универсально характеризует все формы человеческого жизнеустройства и мировосприятия. В отечественной философии начала XX века уже присутствовали идеи встроенности человеческой деятельности в целостное Космическое бытие (В. С. Соловьев, С. Н. Булгаков, школа русского космизма, взгляды евразийцев и др.). Обратимся в связи с этим к работе С. Н. Булгакова «Философия хозяйства». По мнению религиозного мыслителя Божественный Логос задает человеческой деятельности особый смысл, обусловленный *тождеством* его телесности и природного миробытия. Своим трудом, воплощенным в хозяйственной деятельности, человек побеждает разрушительную силу смерти, сохраняет и восстанавливает свое природное бытие – свою жизнь. Он осознает созидательную силу своего труда, его особую роль в поединке жизни и смерти. Хозяйственная жизнь – тоже сфера действия этого поединка. В этом контексте «все человеческое хозяйство может быть рассмотрено как частный случай биологической борьбы за существование [1, с. 30]. Но человек ведет эту борьбу в особой форме – осознанной трудовой деятельности. «В этом смысле хозяйство можно определить как трудовую борьбу за жизнь» [1, с. 42]. С помощью хозяйственной деятельности человек включается в сверхземное космическое бытие, становится сотворцом Бога. «Здесь мировой демиург, вооруженный посохом трудника Геракла и светочем богоборца Прометея, ... выступает под личиной хозяйствующего человечества, не в героической маске или вакхическом исступлении, но в рабочем фартуке и с трезвой расчетливостью» [1, с. 25]. Сверхрациональное, трансцендентное трансформируется в *рационально упорядоченное действие* – в *хозяйственный Логос*. По мнению С. Булгакова в человеке осознает себя Логос мира, и это осознание постепенно и все более точно осуществляется в хозяйственном процессе. Рацио-

нальное, человеческое, присутствующее в хозяйственной деятельности, оказывается воплощением предзаданного Богом смысла. Бог доверяет человеку миссию преобразования природного бытия, его одухотворения и «очеловечивания». «Человек есть микрокосм, распространяющий свое влияние в макрокосме. Этому микрокосму принадлежит центральная, единящая роль в макрокосме, образующем для него периферию, а вместе с тем и объект хозяйственного воздействия» [1, с. 256]. Таким образом космически-онтологическое реализуется в рациональной организации хозяйствования на земле. А гносеологическое, рационально освоенное (разумное ведение хозяйства) обретает онтологические основания в одухотворенной целостности человеческого и космического бытия.

Концепция всеединства и софийности бытия несмотря на религиозные истоки ее рождения присутствует и в нерелигиозном сознании. В школе русского космизма, в его научной ветви (у К. Циолковского, В. Вернадского, Н. Чижевского) она оформляется в идею космического предназначения человечества, осваивающего свой космический дом – планету Земля – и готового выйти за его пределы с особой ноосферной миссией. Что сегодня уже частично осуществляется, в том числе и с целью изучения и создания новых хозяйственных технологий. Козволюционная теория разрабатывает концепцию совместной эволюции природы и человечества, их гармоничного сосуществования. Экофилософия обосновывает парадигму биосферного мышления, осознания особой ценности жизни во всех ее проявлениях и ответственности человека за ее сохранение, защиту от негативных воздействий своей техногенной хозяйственной деятельности. Ученые расценивают появление жизни, человека и его хозяйственной деятельности как геологическое явление, оказывающее влияние на эволюцию планеты. В экономических теориях, где понимание хозяйственной деятельности как природопользования укоренилось давно, тоже происходит переориентация от обоснования потребляющих преобразовательных технологий к приоритету возделывающих, ресурсосберегающих. Хозяйственная деятельность человека как неизбежное условие его жизнеобеспечения рассматривается в системе ценностей глобальной этики (единства человека и природы, толерантности культур разных народов, «благоговения перед жизнью» и ответственности за ее сохранение).

В любой концепции речь идет об органическом *единстве* человека с природой (с окружающей средой и Вселенной) и заданных этим единством *границах хозяйственной свободы*. Идея границы (ограниченности) в хозяйственных отношениях выступает главной смысловой проекцией Логоса на сферу хозяйствования. Логос может выступать от имени Мирового Разума или Бога (в объективном идеализме и богословии) или сводиться к самосознанию человека (в субъективном идеализме и материализме). Такая вариативность допустима, ведь ни философия, ни наука до сих пор не нашли удовлетворительного объяснения истоков человеческой истории. Общим является понимание планетарной роли человека и необходимой осторожности, предусмотрительности, прогнозируемости хозяйственных действий. Логос *предзадан* человеку *трансцендентно* как повеление извне или *трансцендентально* как повеление самому себе вследствие осознания своего природного родства.

В *триединстве* Космо-Психо-Логоса психическое представлено наиболее потаенно как его *эмоционально-волевая* составляющая: в особенностях культурных и психических реакций на потребительские запросы, в мотивации хозяйственной активности, в оценке места труда в системе смысловых ценностей, в степени хозяйственной мобильности, готовности к освоению нового жизненного пространства, в восприятии времени и многом другом, что может быть названо «духом хозяйства». Подобный взгляд на хозяйствующего субъекта уже присутствовал в начале XX века в немецкой исторической школе экономики и в воззрениях русских философов и экономистов. Они рассматривали хозяйствующего человека и как субъекта культуры одновременно. Эта позиция выступала альтернативой «экономизму», утверждающему лидером хозяйственного развития «экономического человека», осуществляющего в своей деятельности как главную цель – материальный успех, что по их мнению, автоматически стимулирует хозяйственную активность. Экономизм избрал объективистскую методологию, стремился обнаружить универсальные экономические законы, одинаково действующие в экономиках всех стран и народов. Это свойственно и классической политэкономии, и марксизму, и маржинализму. «Этот воинствующий экономизм утверждает хозяйственную природу всей культуры и всего человеческого

творчества, ищет хозяйственной подосновы для самых высоких, и казалось бы, наиболее духовных проявлений жизни», – пишет по этому поводу С. Н. Булгаков [1, с. 252].

Поддерживая и развивая социокультурную методологию, обращаем внимание на мнение тех авторов, которые считают, что духовные, культурные свойства хозяйствующих субъектов *имманентно* включены в хозяйственный процесс. Ими сформулированы понятия: «дух капитализма», «национально-экономический генотип», «экономический менталитет» и др., с помощью которых описываются механизмы и формы проникновения ментальных, психологических структур в хозяйственное поведение. В. Зомбарт строил свою концепцию на начальных особенностях в национальной психологии народов, различал «экономические» и «неэкономические народы» [4]. Отечественный исследователь К. Павлов считает, что различия в национальной психологии народов (в пристрастиях, традициях, верованиях) влияют на предпочтения в развитии отдельных отраслей хозяйства, на спрос продукции, ее качество [6]. Ю. Ольсевич выделяет особую роль традиций, моральных норм, которые формировались столетиями, помогая этносам адаптироваться к окружающей среде: «Человек, прежде чем стать субъектом и объектом процесса производства, уже является продуктом необратимой естественной эволюции» [5, с. 11]. Авторы говорят об адекватности, сродстве хозяйственных форм и духовных составляющих хозяйственного поведения. «Формы, в которых народы входят в современную рыночную экономику, могут быть такими же разными, как различны культурные основы их трудовой мотивации. Честный рыночный труд японца базируется на иных мотивациях, чем честный труд американца» [7, с. 8]. Л. Горичева через понятие «экономический менталитет» вскрывает механизм *наследования социальных и духовных ценностей*, определяющих тип хозяйствования. Он формируется под влиянием экономико-географических факторов хозяйственной деятельности, исторической специфики становления этносов, ценностных принципов базовой культуры и определяет национальную модель экономического и социального поведения – культуру производства, потребления и соответствующие мотивации [3, с. 36].

С точки зрения социокультурной методологии многие экономические теории выглядят

упрощенными, так как не учитывают влияние всего многообразия внеэкономических факторов хозяйственного процесса, его развертывание в определенном географическом пространстве, в определенной природной среде, влияние духовных, культурных свойств субъекта деятельности – человека.

Мы уже говорили о смысловой предзаданности хозяйственной деятельности, как ее понимал С. Н. Булгаков. Можно говорить о присутствии Логоса в хозяйстве в более узком смысле – в организационных структурах, в технологиях и в обосновании этих технологий, то есть в *экономике*. В этом случае Логос хозяйства характеризует степень осмысленности хозяйственной деятельности, а с некоторых пор – и степень его теоретической обоснованности (с возникновением экономической теории как науки). Логика нашего анализа приводит к выводу, что Логос хозяйства как его смысл не рождается произвольно. Разумное ведение, теоретическое обоснование хозяйственных технологий имеют генетические истоки, лежащие в особенностях объекта и субъекта деятельности. Задача Логоса как смысла, как идеи – осознание правильных средств совмещения двух базовых составляющих – субъекта и объекта действия. *Экономика* как объективированное действие с предметным, природным и вещным миром и есть – *технология разумного совмещения* объективных, внешних и субъективных, внутренних факторов хозяйственного процесса, что и определяет степень ее жизнеспособности и эффективности. Экономика присутствует в любом хозяйстве, различаются лишь ее технологические типы: потребляющая, возделывающая, преобразующая, воспроизводящая, информационная. На дотеоретическом (ментальном, психо-эмоциональном) уровне она опирается на повседневный опыт, обыденное знание, традиции, верования. Это свойственно *докритической* стадии Логоса. Экономическая теория выводит знание на новый уровень, дополняет доказательностью, состязательностью идей, понятийным оформлением, новыми формами

передачи знания. Наступает *критическая* стадия бытия Логоса. Логос сам проверяет себя. В классической и неклассической науке экономические теории сменяли друг друга, претендуя на универсальность, на утверждение единственной модели разумности. История их осуществления и сменяемости показала бессосновательность подобных претензий. Каждая экономическая теория ограничена в своих объяснительных возможностях, имеет пределы своего применения, свои исторические и культурные границы. Постнеклассическая наука опирается на другую парадигму – множественности вариантов разумности (множественности истин) и ставит перед экономическим знанием другую задачу: перевода парадигмы в синтагму (по определению Г. П. Журавлевой), то есть поиска точек взаимодополнения экономических теорий и порождающих их парадигм. Что подводит к формированию взгляда на хозяйство как единство трансцендентного и природного, антропного и природного, разумного и психо-эмоционального, встроенности его в конкретный Космо-Психо-Логос народа.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Булгаков, С. Н. *Философия хозяйства*. – М.: Мысль, 1990 / С. Н. Булгаков. *Философия хозяйства*. – М.: Мысль, 1990. – 412 с.
2. Гачев, Г. Д. *Национальные образы мира: Космо-Психо-Логос*. – М., 1995 / Г. Д. Гачев. – М., 1995. – 253 с.
3. Горичева, Л. Г. К вопросу о целостности национального хозяйства / Л. Г. Горичева // *Вопросы экономики*. – 1996. – № 9. – С. 148–158.
4. Зомбарт В. *Буржуа*. Этюды по истории духовного развития современного экономического человека. – М.: Наука, 1994 / В. Зомбарт. *Буржуа*. – М.: Наука, 1994. – 443 с.
5. Ольсевич, Ю. О национальном экономическом мышлении / Ю. Ольсевич // *О национальном экономическом мышлении* // *Вопросы экономики*. – 1996. – № 9. – С. 117–131.
6. Павлов, К. *Этноэкономика как научное направление* / К. Павлов // *Этноэкономика как научное направление* // *Общество и экономика*. – 2000. – № 1. – С. 46–59.
7. Фурман, Д. Е. «Капитализмы» тоже бывают разные. Круглый стол «Трудовая этика как проблема отечественной культуры» / Д. Е. Фурман. «Капитализмы» тоже бывают разные // *Вопросы философии*. – 1992. – № 1. – С. 8.

УДК 101.1:316
ББК (Ю)87.3(2)

С. В. Варакин

**ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ «ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ» НА РУССКОЙ ПОЧВЕ
(В. С. Соловьев против Н. Я. Данилевского)**

**Волгоградский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ**

E-mail: varakinsv@rambler.ru

Книга Н. Я. Данилевского «Россия и Европа», вышедшая в 1871 г. вызвала ожесточенные споры в обществе о выборе пути исторического развития российского государства. В пылу полемики, носившей ярко выраженный идеологический характер, выдающийся русский философ Вл. Соловьев, часть ученых и общественных деятелей не смогли увидеть и по достоинству оценить философские инновации Н. Я. Данилевского и его последователей при анализе исторического процесса.

Ключевые слова: политическая культура, культурно-исторический тип, цивилизация, цивилизационный подход, стабильность политической системы.

S. V. Varakin

**PHILOSOPHICAL BASES «THE POLITICAL CULTURES» ON THE RUSSIAN SOIL
(VL. SOLOVIEV AGAINST N. YA. DANILEVSKY)**

**Volgograd branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration**

N. Ya. Danilevsky's book «Russia and Europe», left in 1871 caused fierce disputes in society on a choice of a way of historical development of the Russian state. In the heat of the polemic which had pronounced ideological character, the outstanding Russian philosopher Vl. Soloviev, part of scientists and public figures couldn't see and appreciate philosophical innovations of N. Ya. Danilevsky and his followers in the analysis of historical process.

Keywords: political culture, cultural and historical type, civilization, civilization approach, stability of political system.

Столь характерные для XIX века споры о культурной идентичности русского народа и путях развития российской государственности дали мощный толчок для развития философской мысли в России. И сегодня, спустя почти полтора века, в новых социально-политических условиях эти мысли звучат по-прежнему актуально, но совсем уже по-другому, наполняются иным содержанием и фактически приобретают смысл, который характерен для категории «политическая культура». Поэтому философские основания «политической культуры» на русской почве следует искать именно в эти переломные годы. Однако было бы неким философским упрощением считать, что русская общественная мысль в кризисные, переломные для России годы, которых в истории нашей страны было предостаточно, обращалась к тем или иным аспектам «политической культуры». Для этого необходим определенный уровень развития, как самой философской мысли, так и культурной, социальной и политической среды, в которой эта мысль и появляется. В каких же условиях происходит зарождение, формирование и развитие русской философской мысли, связанной с теми или иными аспектами политической культуры.

Видимо, не случайно, корни «политической культуры» на русской почве были обнаружены консерваторами – Н. Я. Данилевским и К. Н. Леонтьевым. Анализируя противоречивое развитие нашего государства и, пытаясь найти аналогии в истории других государств и мировых цивилизаций, была предпринята попытка разобраться в причинах, которые приводят эти государства и цивилизации к гибели, установить «срок жизни», т. е. длительности их существования, найти в этом процессе закономерности и выявить, чем они обусловлены. Иначе говоря, Н. Я. Данилевский и К. Н. Леонтьев анализировали факторы, влияющие на стабильность существования государств и цивилизаций, т. е., в рамках, имеющихся у них возможностей, исследовали феномен, получивший впоследствии название «политическая культура». При этом мы не отождествляем понятия «культурно-исторический тип» и «политическая культура», а полагаем, что книга Н. Я. Данилевского «Россия и Европа» и последовавшие за ней работы К. Н. Леонтьева, Н. А. Бердяева, П. А. Сорокина, в которых так или иначе рассматривались проблемы стабильности существования политических систем были шагами в направлении появления такой категории, как «политическая культура».

Книга Н. Я. Данилевского «Россия и Европа» вышла отдельным изданием в 1871 году, в самый разгар проведения либеральных реформ и сразу стала предметом жарких споров и дискуссий. Одни авторы, такие как Н. Н. Страхов и К. Н. Леонтьев [10, с. 510 – 515; 11, с. 515 – 525; 12, с. 525–532; 3, с. 279], сразу и горячо поддержали выход книги, другие, например В. С. Соловьев [7, с. 534–535] восприняли этот труд как «литературный курьез». Но когда за короткий промежуток времени – с 1888 по 1895 гг. – это произведение было издано еще три раза, то против него ополчилась вся либерально и прозападнически настроенная общественность. П. Н. Милюков [1, с. 561] достаточно зло иронизировал над «сшитой довольно грубой ниткою историко-философской теорией» Данилевского, а В. С. Соловьев назвал его книгу «кораном всех мерзавцев и глупцов, желающих погубить Россию и уготовить путь грядущему антихристу» [1, с. 563].

Вл. Соловьев подвергает резкой критике, как всю книгу Данилевского, так и отдельные ее положения и выдвигает возражения, которые ясно, на его взгляд, показывают «насколько шаток и неустойчив самый принцип деления человечества на культурно-исторические типы, насколько смутно понятие такого типа, насколько неопределенны границы между этими условными группами, которые Данилевский наивно принимает за вполне действительные единицы» [6, с. 365]. В письме в редакцию журнала «Вестник Европы» от 14 февраля 1889 года Вл. Соловьев пишет: «Действительная моя затея состояла лишь в том, чтобы доказать историческую и логическую неосновательность теории культурных типов» [7, с. 639]. Эта «затея» была предпринята Вл. Соловьевым для того, чтобы:

1. Дать отпор «ползучим» [7, с. 334–335] общественным теориям, которые пропагандируют национализм.

2. Восстановить научную и историческую справедливость, с которой теория Н. Я. Данилевского ничего не имеет общего.

3. Доказать, что книга Н. Я. Данилевского представляет собой в сущности лишь «литературный курьез, за каковой она и была при своем появлении признана всеми компетентными людьми» [7, с. 534–535].

Вл. Соловьев, несомненно, сыграл выдающуюся роль в популяризации работы Н. Я. Данилевского «Россия и Европа». Эта книга про-

извела на него сильное впечатление, и он с жаром принялся доказывать всю неправоту и вредность точки зрения Н. Я. Данилевского. В течение целого ряда лет, Вл. Соловьев печатал критические статьи в отношении взглядов Данилевского, которые впоследствии были объединены одним общим названием – «Национальный вопрос в России». В пылу полемики с защитниками теории Н. Я. Данилевского, Соловьев допускал не только критические замечания в отношении концепции «культурно-исторических типов», но и позволял себе зло иронизировать и даже оскорблять автора «России и Европы» [7, с. 334, 359, 534–535, 562–563, 564].

Вл. Соловьев обвиняет Н. Я. Данилевского в пропаганде национализма, «который уже ничего общего с справедливостью не имеет и выражается в совсем иной формуле. «Наш народ есть самый лучший из всех народов, и потому он предназначен так или иначе покорить себе все другие народы или, во всяком случае, занять первое, высшее место между ними». Такой формулой освящается всякое насилие, угнетение, бесконечные войны, все злое и темное в истории мира». Такую формулу, но в смягченном виде, восприняли от немцев наши славянофилы [7, с. 336–337]. Данилевский же, по мнению Соловьева, отличается от них тем, что «отрицая всякую общечеловеческую задачу, считает Россию и славянство лишь особым культурно-историческим типом, – однако наиболее совершенным и полным (четырёхосновным, по его терминологии), совмещающим в себе преимущества прежних типов» [7, с. 336]. С точки зрения Вл. Соловьева, Данилевский пошел гораздо дальше «коренных славянофилов» (Хомяков, Киреевский, Аксаковы, Самарин). Те хотя бы не отвергали всемирной истории и признавали «хотя лишь в отвлеченном принципе солидарность всего человечества» и «были ближе, чем Данилевский, к христианской идее и могли утверждать ее, не впадая в явное внутреннее противоречие» [7, с. 337]. «Множественность самобытных культурно-исторических типов, вместо единого человечества; независимое и отдельное развитие этих типов, вместо всемирной истории; затем, Россия (со славянством) как особый культурно-исторический тип, совершенно отличный от Европы, и притом тип высший, самый лучший и полный – вот главные положения в книге «Россия и Европа» [7, с. 337–338]. Обозначив эти «противоречия», Вл. Соловьев принялся доказывать

не научный характер воззрений Данилевского. «Главный грех в «системе» Данилевского состоит в том, что она основана на *мнимой* величине, ибо культурно-исторических типов в смысле Данилевского ... не существует, и никогда не существовало в действительности» [8, с. 522]. Вл. Соловьев был убежден, что теория Данилевского «вся сплошь состоит из ошибок и, следовательно, ни в каком случае «естественною системою» быть не может» [8, с. 523]. По мнению известного философа «Система Данилевского «ведь для того только и придумана, чтобы отнять у «Европы» всякое универсальное значение и низвести ее на степень одного из многих типов культуры» [8, с. 524–525]. Вместе с тем, Вл. Соловьев отмечает и некоторые положительные стороны: «Зато Данилевский имеет несомненное преимущество в выражении *национальной* идеи. ... мы имеем, благодаря книге Данилевского, спокойное и трезвое, систематическое и обстоятельное изложение этой идеи в ее общих основах и в ее применении в России» [6, с. 337].

Главную цель, которую преследовал своей книгой Данилевский, состояла в том, чтобы «... поднять национальную самоуверенность в русском обществе и исцелить его от болезни «европейничанья» [6, с. 359]. Вл. Соловьев считает, что автор «России и Европы» не мог «прямым образом доказать великую культурную самобытность России и ее коренную и окончательную отдельность от Европы», поэтому он избрал «для своей цели окольный путь общих теоретических соображений» [6, с. 359]. Для реализации своей цели Данилевский воспользовался, по мнению Вл. Соловьева, идеей культурно-исторических типов, высказанной «трехстепенным» немецким историком Гейнрихом Рюккертом в его «Lehrbuch der Weltgeschichte» [8, с. 534–535, 562–563]. Книга эта вышла на двенадцать лет раньше произведения Данилевского и Гейнрих Рюккерт, будучи историком, «знал, что построить на принципе племенных и национальных культур целую философию истории, т. е. объяснить им историческое развитие человечества или даже только систематически провести этот принцип по всей истории, – дело совершенно невозможное, за которое он и не взялся, ограничившись лишь общими указаниями на (преувеличенное им) значение частных культур» [8, с. 534–535]. Данилевский, который не только не был историком, но и «имел в этой области лишь отрывоч-

ные и крайне скудные сведения, смело построил из односторонней мысли немецкого писателя целую систему всемирной истории, которую и изложил в книге «Россия и Европа» [8, с. 534–535]. Таким образом, реанимированная и воссозданная идея немецкого историка стала, благодаря Данилевскому, *единственной* попыткой «систематического и наукообразного изложения нашего национализма» [8, с. 534–535]. Поэтому, как полагает Вл. Соловьев, «...странно было бы, если бы этот «пространный катехизис» славянофильства не имел успеха в настоящие дни» [8, с. 534–535]. Пожалуй, эта «псевдонаучная теория» Н.Я. Данилевского не вызвала бы столь горячего отклика и резкой отповеди со стороны Вл. Соловьева, если бы не стала столь популярной в российском обществе. Более того, нападки столь известного философа на эту книгу способствовали росту ее популярности и подогревали интерес к ней в течение длительного времени, пока шла полемика относительно культурно-исторических типов. Это произведение просто не могло не появиться, и было заранее «обречено» на успех. Популярность этой книге предопределило следующее обстоятельство: Поражение в Крымской войне показало всю гнилость и отсталость царского самодержавия. Заслуга Александра II состояла в том, что он понял это и начал проводить в России либеральные реформы, направленные на создание благоприятных условий для развития капитализма. Но вскоре стало ясно, что, став на путь модернизации, Россия столкнулась с целым рядом серьезных проблем. Во-первых, наша страна оказалась вынуждена пройти весь тот путь развития, который развитые страны Запада уже прошли и, это обстоятельство предопределило отставание России от стран Западной Европы и США. Во-вторых, сами реформы вызвали неоднозначную реакцию внутри российского общества и самым негативным образом сказались на его стабильности. И, в-третьих, в новой системе международных отношений Россия перестала играть ключевую роль. Таким образом, потеря международного престижа и нестабильность внутри страны вновь обострили вопрос о возможных путях развития России и связанных с ними перспективах. Тогда, как и сегодня, для успеха преобразований, нужна была идея, которая смогла бы объединить всех россиян и вызвать чувство национальной гордости и подъема. И в это время выходит в свет книга Н. Я. Дани-

левского «Россия и Европа», которая была восторженно встречена значительной частью российского общества, и именно это обстоятельство побудило Вл. Соловьева взяться за перо и дать резкую отповедь автору «ультранационалистической книги» [9, с. 645]. На наш взгляд, суть разногласий лежит в идеологической плоскости и стремление Вл. Соловьева отстоять свою позицию заставило его прибегнуть к «доказательству» антинаучности взглядов Н. Я. Данилевского, показать их «вредность» и отнести книгу «Россия и Европа» в разряд литературных курьезов. Все это, а также особенности развития тогдашнего общественного знания не позволили Вл. Соловьеву непредвзято взглянуть на теорию Н. Я. Данилевского и по достоинству оценить ее.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Вайгачев, С. А.* Послесловие к книге Н. Я. Данилевского «Россия и Европа» / Н. Я. Данилевский // Россия и Европа. – М., 1991.
2. *Данилевский, Н. Я.* Россия и Европа / Н. Я. Данилевский. – М., 1991.
3. *Леонтьев, К. Н.* Письма о восточных делах / К. Леонтьев // Записки отшельника. – М., 1992.
4. *Леонтьев, К. Н.* Византизм и славянство / К. Леонтьев // Записки отшельника. – М., 1992.
5. *Леонтьев, К. Н.* Чем и как либерализм наш вреден? / К. Леонтьев // Записки отшельника. – М., 1992.
6. *Вл. Соловьев.* Национальный вопрос в России. Выпуск первый / Вл. Соловьев // Сочинения в двух томах. – Т. 1. Философская публицистика. – М., 1989. – С. 365.
7. *Вл. Соловьев.* Сочинения в двух томах. Т. 1. Философская публицистика. – М., 1989. – С. 639.
8. *Вл. Соловьев.* Национальный вопрос в России. Выпуск второй / Вл. Соловьев // Сочинения в двух томах. – Т. 1. Философская публицистика. – М., 1989. – С. 522.
9. *Вл. Соловьев.* Из литературных воспоминаний. Н. Г. Чернышевский / В.С. Соловьев. Соч. в 2 т. – Т. 2. – С. 645.
10. *Страхов, Н. Н.* О книге Н. Я. Данилевского «Россия и Европа» / Н. Я. Данилевский // Россия и Европа. – М., 1991.
11. *Страхов, Н. Н.* Наша культура и всемирное единство / Н. Я. Данилевский // Россия и Европа. – М., 1991.
12. *Страхов, Н. Н.* Последний ответ г. Вл. Соловьеву / Н. Я. Данилевский // Россия и Европа. – М., 1991.

УДК 294.321
ББК 86.3

М. С. Уланов

СОВРЕМЕННЫЙ БУДДИЗМ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЮГА РОССИИ*

Калмыцкий государственный университет

E-mail: ulanov1974@mail.ru

Статья посвящена анализу состояния современного буддизма в социокультурном пространстве Юга России.
Ключевые слова: буддизм, социокультурное пространство, Юг России, религиозное образование.

M. S. Ulanov

THE MODERN BUDDHISM IN SOCIO-CULTURAL SPACE OF THE SOUTH RUSSIA

Kalmyk State University

This article analyzes the state of Buddhism in modern socio-cultural environment of the South of Russia.
Keywords: Buddhism, socio-cultural space, South Russia, religious education.

Социокультурное пространства Юга России исторически формировалось как поликонфессиональное, полиэтничное, поликультурное образование, имеющее евразийский характер. Особое место в поликонфессиональном пространстве Юга России занимает буддизм, буддийская культура. Буддизм на Юге России традиционно распространен у калмыков, которые исторически были расселены почти по всему региону. В начале XVII века предки калмыков – ойраты, совершив трансконтинентальный (позже ставший и транскультурным) переход из Азии в Европу, добровольно вошли в состав Российского государства.

В течение последнего столетия буддизм, несмотря на различные перипетии истории, сохранил свое место в социокультурном пространстве Юга России. В то же время за прошедший век изменилось само социокультурное (в том числе конфессиональное) пространство Юга России, что, несомненно, отразилось и на положение буддизма. Россия, пройдя через советский период, фактически стала секулярной страной. Политика атеизма привела к мировоззренческим сдвигам в сознании россиян, что нанесло серьезный удар по позициям буддизма

и других традиционных конфессий. В результате трансформации социокультурного пространства религия перестала быть образом жизни для большей части населения России. За время существования советской власти в буддизме, как и в других конфессиях, произошло нарушение баланса между двумя слоями религиозной жизни – интеллектуальной и бытовой. Сохранился главным образом бытовой буддизм, тесно связанный с обрядовой стороной вероучения и традиционной культурой.

Социально-политические перемены, происшедшие в социокультурном пространстве России после начала процесса перестройки, коренным образом изменили религиозную ситуацию в обществе. Начался процесс религиозного возрождения, который не обошел стороной и буддийские регионы, в частности Калмыкию. В то же время перед традиционным российским буддизмом стоит целый ряд проблем, от решения которых зависит его будущее.

На сегодняшний день можно говорить главным образом о возрождении обрядовой сферы буддизма, тогда как попытки наладить широкую масштабную просветительскую деятельность сталкиваются с рядом сложностей. Сохраняется недостаточный уровень подготовки духовенства, что приводит к низкой конкурентоспособности местных лам в сравнении с протестант-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 13-03-00047а.

скими проповедниками, которые занимаются в буддийских регионах достаточно активной миссионерской деятельностью. Несмотря на то, что на учебу в Индию и Монголию время от времени отправляются группы послушников, проблема нехватки подготовленных священнослужителей является одной из наиболее актуальных проблем для современного буддизма в России.

Большинство верующих в Калмыкии имеют еще довольно слабые представления о буддизме. В настоящее время основная часть людей, участвующих в религиозных обрядах, нечетко различает даже самых популярных и общераспространенных божеств буддийского пантеона, не могут определить, кто из них будда, бодхисатва, идам или защитник учения, или объяснить, что означают эти понятия. Серьезной духовной практикой занимается только небольшая часть населения. При этом религиозное мировоззрение многих жителей Калмыкии отличается крайней противоречивостью и эклектичностью. Несмотря на то, что в Калмыкию время от времени приезжают буддийские учителя, которые дают публичные лекции, основная масса населения остается пока в стороне от изучения буддизма [1; 134–135]. Можно отметить, что основной формой религиозной практики калмыков пока остается посещение храмов. Схожая ситуация наблюдается и в других буддийских республиках.

В результате буддийская идентичность в Калмыкии приобретает сегодня во многом черты культурной идентичности. Буддистом человек может считать себя не потому, что он принимает «прибежище в Будде, Дхарме и Сангхе», а потому, что он калмык, бурят или тувинец, который живет в регионе с буддийскими традициями и через эти традиции и национальную культуру ощущает свое духовное родство с буддизмом. Таким образом, буддийская идентичность становится этническим маркером и приобретает двухслойный культурно-религиозный характер. При этом этнокультурная составляющая (участие в праздниках, ношение амулетов, четок и т. д.) заметно превалирует над собственно религиозной стороной, которая зачастую находится в латентном состоянии [подр.: 2].

Храмы в Калмыкии занимаются главным образом обрядовой деятельностью, что приводит к тому, что буддизм для верующих ассоциируется в основном с выполнением определенных

ритуалов. Устойчивость обрядов поддерживается остаточными явлениями этнической родовой общности и психологическими потребностями в привычных формах общения и праздничного времяпрепровождения. В настоящее время посещение буддийского храма, особенно в праздничную службу, воспринимается как соблюдение национальных традиций и обычаев. Фактически, посещение храмов, совершение обрядов, участие в религиозных службах почти никак не отражается на мировоззрении, поведении и социальной психологии населения, для которого традиционные религиозные институты и культы все больше приобретают утилитарный смысл.

Следует отметить, что буддийские культовые службы архаичны и малопонятны большинству прихожан. Религиозный смысл традиционных обрядов зачастую совершенно непонятен присутствующим благодаря употреблению в них тибетского языка. Все это сужает возможности религиозного воздействия традиционных обрядов и превращает их для многих, в особенности для молодых людей, в простую формальность или скучную обрядность. В то же время нужно помнить, что переход службы на национальные языки может иметь и негативные последствия, поскольку отчасти десакрализует обрядность. Кроме того, подобная реформа фактически вытеснит из храмов тибетских монахов, которые являются наиболее подготовленными и образованными представителями буддийского монашеского сообщества современной России.

В целом, для возрождения и нормального развития буддизма в социокультурном пространстве Юга России нужна комплексная программа по организации религиозного просвещения. В первую очередь необходимо наладить просветительскую, переводческую и издательскую деятельность. Кроме того, нужно наладить развитую систему духовного образования, которая бы охватывала не только монахов, но и мирских последователей буддизма. В этом, на наш взгляд, может помочь и опыт западных буддистов, имеющих в своем распоряжении достаточно развитую образовательную систему.

Одновременно с «национальной» тенденцией развития буддизма в социокультурном пространстве Юга России существует и другое направление, которое можно условно назвать наднациональным или глобализированным буддизмом. Данная форма буддизма представлена не-

большими общинами (дхарма-центрами) мирян различных буддийских традиций, которые, как правило, возглавляют приезжие учителя. Верующие, входящие в подобные общины, не имея возможности полностью посвятить себя буддизму, активно занимаются самообразованием, периодически посещают лекции своих духовных наставников. Большинство учителей, дающих учение в данных центрах, одновременно являются наставниками русскоязычных общин и даже западных буддистов.

Наиболее ярким представителем подобного светского общинного наставника является тибетский учитель геше Джампа Тинлей. Несмотря на то, что ученики геше Джампа Тинлея исповедуют традиционную для социокультурного пространства России школу Гелуг, центры, основанные им, можно отнести к глобализированному буддизму в силу организации и методики обучения. На ретриты (углубленную медитационную практику) и лекции в центр геше Тинлея в Бурятии съезжаются не только верующие буряты, но и много буддистов из разных регионов Юга России. Участники ретритов занимаются основательной медитационной практикой, принимая на это время специальные обеты. Подобная более модернизированная и демократичная форма религиозной деятельности способствует привлечению к буддизму большого количества бурятской, калмыцкой и тувинской молодежи. Данная внемонастырская форма буддизма является проявлением его способности адаптироваться к современным условиям жизни.

Геше Джампа Тинлей за счет сокращения второстепенных моментов учения в сжатые временные сроки старается передать весь комплекс философских знаний и медитативных техник, необходимых для духовной реализации. В условиях монастырской системы Тибета подобное обучение исчисляется многими годами. Однако в современный период появилось немало мирских последователей, желающих заниматься серьезной буддийской практикой, не уходя в монастырь или отшельничество. В то же время геше Джампа Тинлей является противником чрезмерной модернизации буддизма, выступая за сохранение национальной специфики российского буддизма. Так, например, в период временного исполнения им обязанностей Шаджин-ламы Калмыкии, Геше Тинлей, понимая стремление народа к сохранению этнического своеобразия, выступил с идеей

возрождения именно калмыцкого варианта буддизма [3; 1].

Глобализированный буддизм на территории Юга России представлен не только традиционной школой Гелуг, но и другими течениями тибетского буддизма – Карма, Сакья, Ньингма. Данные организации можно отнести к глобальному буддизму, как в силу их современного модернистского подхода к обучению и практике, так и из-за их широкого распространения на Западе. В Калмыкии присутствие глобализированного «красношапочного» буддизма весьма значительно. Толчком к появлению здесь общин «красношапочников» стало открытие в 1992 г. Молодежного буддийского центра. При этом инициатором создания центра был Шаджин-лама Тело Ринпоче. МБЦ, позже переименованный в Дхарма-центр, начал активную просветительскую деятельность, включавшую преподавание основ буддизма, тибетского языка и древнеиндийской логики. В дальнейшем в рамках Дхарма-центра стали формироваться религиозные общины мирян, ориентированных на ту или иную из четырех главных школ тибетского буддизма.

Последователи нетрадиционных школ тибетского буддизма в отдельных случаях даже возглавляют приходские общины верующих. Так, буддийскую общину «Падма Цо Дорже Линг» и хурул поселка Ики-Бурул возглавляет Р. Н. Гордеев, являющийся приверженцем традиции Ньингма. Значительно большее число последователей в Калмыкии имеет школа Карма-кагью, представители которой активно пропагандируют идею «светского» или «мирского» буддизма [4; 32].

Глобальные формы буддизма в России, на наш взгляд, неоднородны. Нужно разделять новые общины на те, которые представляют традиционный для России «желтошапочный» буддизм школы Гелуг и активно сотрудничают с традиционными организациями, и те, которые исторически не характерны для нашей страны. В первом случае можно говорить об определенной консолидации неопитов и «традиционных» верующих. Поэтому, например, лекции и посвящения известных тибетских учителей школы Гелуг (Геше Тинлея, Еше Лодой Ринпоче) посещают представители обеих форм буддизма. Своих учеников среди русскоязычных неопитов имеет и Шаджин-лама Калмыкии Тэло Тулку Ринпоче, который предпочитает давать Учение в современной манере. Наличие

общих учителей, несомненно, сближает последователей глобализованного и традиционного буддизма.

Таким образом, наряду с национальной тенденцией развития буддизма в современном социокультурном пространстве Юга России существует и другое направление, которое можно условно назвать глобализованным буддизмом. Глобализованный буддизм более свободен от сложившихся культурных традиций, хотя и не порывает с ними полностью. Феномен глобализованного буддизма объясняется генетической гибкостью и прагматизмом буддизма.

УДК 316.6
ББК 66.3

Т. В. Скворцова

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ДУХОВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЮГА РОССИИ

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

E-mail: stv_27@mail.ru

Статья посвящена анализу основных угроз духовной безопасности российского общества (Юг России) и стратегии их преодоления применительно к подрастающему поколению, формирование у молодежи толерантного сознания.

Ключевые слова: духовная безопасность, национальная безопасность, толерантность, модели толерантности.

T. V. Skvortsova

PROBLEMS OF FORMATION OF SPIRITUAL SECURITY IN THE INTERCULTURAL SPACE OF THE SOUTH OF RUSSIA

Volgograd State Social-Pedagogical University

The article is devoted to analysis of the main threats spiritual security of the Russian society (southern Russia) and strategies to overcome them in relation to the younger generation, formation of the youth tolerant consciousness.

Keywords: spiritual security, national security, tolerance, tolerance model.

Уникальность Юга России ставит перед его исследователями целый ряд вопросов. Народы, населяющие Юг России, говорят на десятках языков, имеют значительные различия в хозяйственной деятельности, их различают культурные традиции. Особенностью данной территории является религиозная мозаичность. В данном регионе живут люди различных конфессий. Конфессиональные отношения не менее значимы, чем этнические. Религия все более играет существенную роль в определении этнической идентичности. Основными религиями на Юге России являются христианство, ислам и буддизм (особое развитие он получил в Калмыкии, где исповедуется его разновидность – ламаизм). Есть представители иудаизма – аш-

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Намруева, Л. В.* К вопросу о религиозной ситуации в Калмыкии в начале XXI в. (по итогам социологического исследования) / Л. В. Намруева // Буддийское духовенство и культура Калмыцкого народа. – Элиста: АПП «Джангар», 2004. – С. 129-137.
2. *Уланов, М. С.* Буддизм в Калмыкии: векторы религиозно-культурной идентичности / М. С. Уланов // Цырендоржиевские чтения – 2008 (IV): Тибетская цивилизация и кочевые народы Евразии: кросскультурные контакты: материалы Международной научной конференции. – Киев: МП «Леся», 2008. – С. 534-542.
3. *Тинлей, Д.* У вас будет калмыцкий буддизм / Д. Тинлей // Известия Калмыкии. 27.01.1994. – С. 1.
4. *Бакаева, Э. П.* Об особенностях современной религиозной ситуации в Калмыкии (Буддизм и «посвященные») / Э. П. Бакаева // Этнографическое обозрение. – 2004. – № 3. – С. 23-38.

кеназы, грузинские и горские евреи, также действуют и другие направления.

В этих условиях сохранение целостности российского государства сочетается с необходимостью развития этнических культур различных народов. На безопасность существования единого государства влияет целый ряд факторов. Особое место в безопасности существования России занимает духовно нравственный аспект. Наряду с другими аспектами национальной безопасности страны, именно духовная безопасность позволяет обществу сохранить целостность страны. Под «духовной безопасностью» понимается совокупность социальных условий, позволяющих воспроизводиться, стабильно функционировать и развиваться обще-

ству как целостной системе на основе ее культурного потенциала» [1]. В определении А. С. Запесоцкого, который определяет духовную безопасность как систему условий, позволяющих культуре и обществу сохранять свои жизненно важные параметры в пределах исторически сложившейся нормы, [2] акцент делается на пределы нормы, выход за которые ведет к распаду страны.

На современном этапе угроз безопасности обществу существует множество, это войны, революции, терроризм, преступность, коррупция, болезни, как физические, так и психические, забвение традиций, духовная агрессия и многое другое. К сожалению, многие проблемы в нашей стране приобрели особую остроту. Как отмечает Тонконогов А. В., развитие социально-философской концепции духовной безопасности современного российского общества является важнейшей научной проблемой. Это обусловлено тем, что процессы, происходящие в духовной сфере, способны оказать как многоаспектно позитивное, так и крайне негативное влияние на развитие России в XXI веке. Поэтому духовная безопасность как важнейший интегральный и во многом уникальный феномен мирового и российского социума нуждается во всестороннем, глубоком научном и, в первую очередь, философском исследовании [3]. Различные аспекты духовной безопасности общества исследуются такими авторами, как Э. М. Андреев, П. Н. Беспаленко, А. И. Кузнецова А. В. Кузнецова, Р. Г. Яновский и другими, но многие проблемы еще ждут своего решения.

К основным угрозам духовной безопасности в нашей стране в первую очередь отнесем:

- Кризис семьи, образования, приводящий к снижению интеллектуального потенциала народа.

- Рост социального неравенства, которое определяется не способностями человека и его трудовыми заслугами, а иными причинами, что и приводит к формированию деструктивных ценностей в обществе.

- Изменение ценностных ориентаций, где преобладающим становится культура западной традиции с культом денег, психологией потребительства.

- Особую опасность представляют СМИ. Возможности их манипулятивного воздействия огромны, поэтому негативные потоки информации разрушают психику, духовный мир, культурные ценности и нормы у подрастаю-

щего поколения. А следствием этого является рост девиантного поведения, особенно в молодежной среде.

Все это и многое другое отражается на социальном самочувствии народа России. В этих условиях начинается поиск причин, а также врагов, нередко ими становятся люди других национальностей, либо другого вероисповедания. Для южного региона характерной чертой является кавказофобия. Она является разновидностью ксенофобии, которая кроме этнофобии включает также мигрантофобию, религиозную ксенофобию.

Решение многих проблем духовно-нравственного состояния общества зависит от политики государства, от ее социальной направленности, но и возможности воспитания подрастающего поколения нельзя не учитывать.

Именно духовно-нравственное состояние подрастающего поколения, которому отводится решающая роль в становлении будущего, является одним из определяющих факторов духовной безопасности общества, а для Юга России это особенно актуально. Здесь подготовка подрастающего поколения к жизни происходит в условиях существования коммуникативных барьеров, имеющих как социальный, психологический, профессиональный, политический, так и этнический характер. Чаще всего именно различия национальной (этнической) и конфессиональной принадлежности и обуславливают отсутствие взаимопонимания. Это связано как с различной интерпретацией одних и тех же понятий, символов, так и с различием мировоззренческих основ. Наиболее эффективным средством предупреждения нетерпимости является воспитание, которому в процессе социализации отводится особая роль. Его основной задачей является формирование духовно-нравственной личности, основу которой определяют жизненные установки и базовые духовно-нравственные качества.

Важно помнить, что возможны два пути формирования личности: толерантный и интолерантный. Такое деление является условным, поведение любого человека может быть как толерантным, так и интолерантным. К сожалению интолерантность может стать устойчивой характеристикой личности.

В этой связи на первый план выходит формирование толерантности, особенно в процессе социализации молодежи. «Возможности толерантности довольно широки, – отмечает К. А. Ло-

тарев, – она объединяет людей, преобразует социум в стабильный организм, при всех его национальных, ментальных, конфессиональных и прочих различиях» [4].

Действительно, толерантность в современных условиях стала глобальной социокультурной проблемой, проявляющейся во всех сферах общества. В Декларации Юнеско толерантность определяется как уважение, принятие иных ценностей и опорных основ мировоззрения.

Понятие толерантности исследуется применительно к различным аспектам человеческого взаимодействия. Выделяется толерантность политическая, национальная, конфессиональная, социальная, являющаяся наиболее сложной, так как во-многом зависит от политики государства, а не от системы формирования личности.

Привлекает внимание выделение В. А. Лекторским моделей толерантности. Он говорит о толерантности как безразличии. При таком понимании толерантность выступает как безразличное отношение к взглядам других. Когда уважение другого происходит пассивно через его непонимание, когда взаимопонимание невозможно, это следующая модель толерантности. Выделяется толерантность как снисхождение, когда терпеливое отношение к взглядам другого дополняется снисходительным отношением к нему как более слабому. И, наконец, как расширение собственного опыта и критический диалог. Здесь на первый план выходит уважение к иной позиции, возможен критический диалог, позволяющий прийти к взаимоизменению своих позиций. Это наиболее плодотворный подход в современных условиях.[5] Такое выделение уровней толерантности позволяет определить этап формирования личности.

Основополагающим методологическим принципом, лежащим в основе формирования толерантной личности, является принцип равноправного диалога культур, предполагающий установление связи, взаимопонимания разных национальных культур, уважение других народов. Этот принцип основывается на представлении о любой этнической культуре, как об уникальной, самобытной, неповторимой системе независимо от ее географического расположения и уровня развития материального производства.

К основным принципам воспитания в духе терпимости следует отнести:

- обучение использованию только мирных средств и отказ от использования насилия при решении конфликтных ситуаций;
- формирование мировоззренческой позиции, где основным является способность к при-

знанию множественности человеческого существования в различных культурных и социальных контекстах.

Средствами формирования толерантной личности могут стать:

- Изучение исторического прошлого, как своего народа, так и историко-этнического прошлого других народов.
- Изучение основных механизмов, как трансляция культуры, так и ее сохранения (обычаи, ритуалы, обряды, нормы и т. д.).
- Анализ этнической культуры (основные занятия, элементы материальной культуры и быта, сфера духовного творчества, выражающаяся в народных обрядах, обычаях, народном творчестве, праздниках, верованиях, проблемы семьи и семейных отношений, языковые особенности и многое другое, что позволит выявить как особенное, так и общее, как результат исторических контактов).
- Исследование ментального содержания этнической культуры (национального характера).
- Изучение истории религий.
- Изучение православной культуры.

Это необходимо делать как через систему образования, так и через просветительские программы, транслируемые средствами массовой информации. Государственная политика должна быть продуманной и действенной, нацеленной на решение проблем молодежи, которая должна поверить в то, что действительно в обществе осуществляются реальные преобразования. Это возможно только с утверждением таких ценностей как творческий труд, социальная справедливость, равенство прав и возможностей, демократические основы власти.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Федоряк, Н. А. Молодежь в системе обеспечения духовной безопасности российского общества: основные угрозы и стратегия их преодоления: диссертация ... кандидата социологических наук : 22.00.04 / Н. А. Федоряк; [Место защиты: ГНУ «Южный федеральный университет»]. – Ростов-на-Дону, 2009. – 175 с.: ил.
2. Запесоцкий, А. С. Гуманитарное образование и проблемы духовной безопасности / А. Запесоцкий // Педагогика. – 02/2002. – № 2. – С. 3–8.
3. Тонконогов, А. В. Духовная безопасность Российского общества в условиях современного геополитического соперничества (социально-философский анализ). МОСКВА – 2011. Диссертация выполнена на кафедре социальной философии Российского государственного социального университета. <http://www.rgsu.net>
4. Лотарев, К. А. «Социальная толерантность в России: пределы и возможности» в сб. Толерантность в России: история и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Волгоград: Изд-во ФГОУ ВПО ВАГС, 2008. – 228 с. – С. 31.
5. Лекторский, В. А. О толерантности, плюрализме и критицизме / В. А. Лекторский // Вопросы философии. – 1997. – № 11. – С. 46–54.

УДК 008
ББК 71.07

О. В. Естрина

**ОТРАЖЕНИЕ ПРИРОДНО-ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПОЛЯ
В РЕГИОНАЛЬНОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ
(на основе анализа казачьего сказочного фольклора)**

Волгоградский государственный технический университет

E-mail: olgaestrina@rambler.ru

Статья посвящена отражению природно-экологического поля в ментальности донского казачества на основе анализа сказочного фольклора.

Ключевые слова: природно-экологическое поле, природно-пространственные категории, ментальность, сказочный фольклор, свое/чужое пространство.

O. V. Estrina

**THE REFLECT OF NATURAL-ENVIRONMENTAL FIELD
IN THE REGION'S MENTALITY
(BASED ON THE ANALYSIS OF THE COSSACK FABLE FOLKLORE)**

Volgograd State Technical University

Article is devoted to the reflect natural-environmental field in the mentality of the Don Cossacks by analyzing fable folklore.

Keywords: natural-environmental field, natural spatial categories, the mentality, fable folklore, his/alien space.

Понятие «ментальность» («менталитет») вводится в научный оборот усилиями Э. Дюркгейма и Л. Леви-Брюля, однако значимым предметом социо-гуманитарных исследований оно становится благодаря трудам французских и российских медиевистов: М. Блока, Л. Февра, Ж. Ле Гоффа, А. Я. Гуревича, М. М. Бахтина, В. Л. Рабиновича и других. Этим термином принято обозначать весь комплекс основных представлений о мире, при посредстве которых человеческое сознание перерабатывает в упорядоченную «картину мира» хаотичный и разнородный поток восприятий и впечатлений от того мира, в котором живет и действует человек [2:215]. Эта целостная картина мира складывается из разнообразных элементов: из верований и навыков мышления, социальных и этических ценностей, представлений о смерти и загробном существовании, толковании возрастов человеческой жизни, а также из отношения к природе и восприятия времени и пространства. Причем восприятие природы и территории, пространства, является одной из наиболее значимых ментальных категорий, составляющих специфику национально сознания [1:28; 6:10–11]. Каждый народ имеет свою историю, традиции, живет в определенной географической и климатической зоне, поэтому мир, который его окружает, наполнен неповторимостью, формирующей своеобразие национально-культурного восприятия действительности. Отража-

ется эта уникальная картина мира в языке: в преданиях и сказках, поговорках и песнях, то есть в той системе знаков, посредством которых человек представляет реальный физический мир через духовный [7:14].

Как было отмечено выше, восприятие пространства, территории, природного окружения, то есть восприятие природно-экологического поля (в терминологии топологической концепции), является одним из основных элементов, формирующим ментальные установки, поэтому находит очень широкий спектр своего отражения в народном фольклоре. В данной статье будет предпринята попытка выяснить, каким образом природно-экологическое поле Нижневолжского региона отразилось в казачьих сказках, какие его объекты были выделены этническим сознанием как наиболее значимые, и каким содержанием была наполнено их восприятие.

Сказочный фольклор, накапливая в своем содержании особую специфику жизнедеятельности этноса и творчески перерабатывая религиозно-мифологические представления и верования, содержит в себе совокупность духовно-нравственных мировоззренческих ценностных установок и способствует формированию и ретрансляции ментальных характеристик, свойственных своему творцу, является, по сути, отражением, или «зеркалом» этнической картины мира. По своей природе, казачья сказка является сложным культурным феноменом, по

типологии она ближе всего стоит к бытовым, «новеллистическим» сказкам, как их определял В. Я. Пропп [8:20]. Сюжет казачьей сказки выстраивается вокруг обыденных событий социокультурной действительности: свадьбы, поездки на ярмарку, семейные неурядицы, ссоры соседей, военная служба. Еще большую реалистичность сказке придает ее частая пространственно-временная актуализация. Рассказчик может упомянуть название станицы, где живут его герои, или место службы казака, сообщить, что события происходили при царе Петре или во время кавказских войн. Тем не менее, несмотря на эту внешнюю схожесть казачьей сказки с преданием или былью, ее природа более сложна и многогранна. Помимо отражения социально-экономических и даже исторических реалий, в ней можно обнаружить более архаичный пласт представлений, отсылающих нас к волшебной сказке, в которой колдун с легкостью превращает человека в волка, Горе-Злосчастье горемыкам судьбу изменяет, а граница между этим и иным миром растворяется. Однако, определить казачью сказку как волшебную, по нашему мнению, не позволяет будничность и ординарность, с которой описываются все чудеса, превращая их в само собой разумеющееся непримечательные события, столь же естественные, как военная служба или свадебный уговор. Да и сами чудеса редко являются основой сюжета, выполняя эпизодическую роль. Таким образом, казачья сказка является сложным синтетическим феноменом, своеобразной моделью отражения действительности, соединяющей бессознательно-символический и осознанно-прогностический аспекты, играя значимую роль в формировании этнической картины мира.

Несмотря на определенную дистанцированность казачьей сказки от сказки волшебной, в отражении пространственно-природных категорий преобладают не реалистические картины, а архаические, мифологические концепты. В силу своей специфики, сказка отражает элементы природно-экологического поля избирательно, выделяя из его реального многообразия своеобразные «маркеры» – наиболее значимые элементы, при помощи которых конструируется пространство сказки. К числу таких маркеров относятся степь, лес, дорога, станица, река, Дон, Волга, территории крымских татар и ногайцев, Кавказ, свое и чужое пространство; каждый из которых наполнен различными смысловыми коннотациями. В силу ограниченно-

сти объема данной работы, невозможно проанализировать все выделенные нами «маркеры», поэтому остановимся на восприятии своего и чужого пространства в казачьих сказках как на наиболее значимом факторе структуризации пространственного мировосприятия.

Пространство казачьей сказки организовано и структурировано, его элементы имеют четко выверенные смыслы. Для казака, свое, привычное, родное пространство – это пространство степи, которое обозначали сходными по смыслу и равнозначными по происхождению понятиями: поле, степь, долина, луг, раздолье, равнина. Обращает на себя внимание, что в казачьей ментальности отсутствует столь свойственное российскому земледельческому мировосприятию пространственная оппозиция поля и селения [9:19]. И территория поселения, станицы, и степное пространство за ним наполнены позитивными, эмоциональными ассоциациями со своим, родным пространством: «Степь, раздолье, на душе птицы поют...» [4:131]. Зачастую именно образ степи становится эквивалентным отображением родины. Возвращение из дальнего путешествия, с войны, из плена всегда сопровождается описанием степных просторов как образа того возжеланного места, к которому так стремился герой: «Исчез туман. Солнце светит. Небо голубое, да степь ковыльная...» [4:122]. Даже споря о самом дорогом на свете, для своего ответа казак обращается к этому же образу степи: «Всего на свете милее родная земля, с ее широкими степями, дремучими лесами, высокими горами и быстрыми реками...» [5:18]. И единственное, что может спасти казака от страшного колдовского морока – запах степной травки – чабреца – запах родного, прогретого солнцем пространства [5:13].

Такая эмоциональность и поэтизация в восприятии степного пространства, его прочное осознание в контексте родины является уникальным элементом казачьей ментальности. Ведь своим стала восприниматься не просто не окультуренная территория, а территория, которая долгое время была чужой, враждебной. Переселявшиеся в XVI–XVII веках на Дон казаки с трудом отвоевывали эти земли у прежних хозяев, чьи имена сохранились в названиях: правый берег Дона был крымским, левый – ногайским, за ним лежала чужая, «задонская ногайская сторона – Дикое поле». И эта ситуация нашла свое яркое отражение в казачьем песенном фольклоре, анализируя который Рудничен-

ко Т. С. делает однозначный вывод: «Своей территорией казаки считали пространство реки. Пространство степи воспринималось как враждебное, чужое... Оппозиция свой/чужой в пространственном аспекте представлялась в модели река/степь» [9:34]. Но в сказочном фольклоре подобные коннотации не присутствуют. Степь однозначно включена в понятие своего, родного пространства. Мало того, в восприятии чужих территорий – турецких, ногайских, кавказских земель – сложно обнаружить упоминаемую Рудниченко Т. С. враждебность. Скорее в смысловых значениях присутствует настороженность, но и интерес, предчувствие чудесности. Это удивительное и диковинное пространство, незнакомое, но манящее. Здесь казак встречает невиданные растения (виноград, персики и т. д.), чудесных лошадей, невиданных красавиц. Да что красавицы, здесь в речках вместо воды чай, а вместо песка – сахар! Одно слово: «Что за страна чудесная такая – Капказ»?! [4:140]. Трагичность воинской службы, ее тяготы и лишения, сохраненные в песенном фольклоре, практически полностью вытесняются из сказки чудесностью, которую приписывают этим территориям, а опасности, с ними связанные, только раздражают казака, становясь поводом для демонстрации удали и находчивости.

Оппозицией своему пространству казачья сказка определяет отнюдь не степь, и даже не загадочный «Капказ», а лес. В казачьей ментальности, накрепко связанной с открытым солнечным пространством степи, лес получает однозначно негативную коннотацию. Темный, враждебный лес смущает казака, ему здесь не уютно, здесь он не так удал и удачлив, как в чужой стороне. Именно здесь с героями происходят всевозможные беды и несчастья: колдун Жогша обращает незадачливого Миньку в волка-зверя, сюда заводит тоскующую по мужу казачку дьявол, здесь мыкается со своим Горем-Злосчастьем Кузя [4:42, 98, 17]. Лес является для казаков тем таинственным и опасным местом, где смыкаются два мира – мир реальный и мир иной. Поэтому-то здесь и происходят всевозможные чудеса, встречаются дивные существа, а выход из леса ассоциируется в сказке с освобождением, избавлением от беды: «И... расступился лес. А вдали степь завиднелась. Вся лазоревая...» [4:59].

Таким образом, в осознании пространства как своего/чужого присутствует достаточно

сложная структура, особенно отчетливо проявляющаяся в членении пространства чужого. Можно сказать, что в качестве крайних оппозиций в сказках выступают степь и лес. Последний является пограничным пространством, связывающим миры, выводящим сказочное пространство за пределы реальности. Это враждебная, чуждая территория, некий архетипический образ, концентрирующий в себе негативные коннотации. Срединное положение в этой пространственной иерархии занимают чужие земли – ногайские, турецкие, кавказские, осваиваемые казаками. В восприятие этих территорий доминирует не враждебность, а настороженность и любопытство. Опасности, которые здесь случаются, не угнетают казака, а напротив, раздражают, а чудеса не пугают, а изумляют.

Безусловно, при анализе своего пространства в казачьей ментальности нельзя обойти стороной такой значимый образ как Дон. В фольклорной песенной традиции Дон является центральным образом, несущим целый спектр значений: это и мифический прародитель (отец, батюшка), жизнедавец и кормилец, это и путь, дорога, соединяющая разделенные части пространства, это и место обитания казаков [9:17]. В сказочных сюжетах образ Дона не столь разнообразен и многогранен, как в песнях, и сводится, в основном, к архетипическому образу прародителя, персонифицированному, с выраженными гендерными признаками: «Дон ты наш, батюшка...» Особое место, отводимое в казачьей ментальности Дону, в сказках подчеркивается не многообразием сюжетов, а значимостью функций, приписываемых реке: только ему одному под силу размякать Горезлосчастье, спасти жизнь пропадающего Кузьмы [4:20]. То есть в сказках, которые к настоящему моменту были проанализированы, Дон выступает в роли высшей силы, жизнедавца, а отнюдь не элемента территории, даже не эквивалента родного места. Нам пока сложно объяснить скудность сказочных сюжетов, посвященных Дону, а ограниченность фольклорных источников не позволяет сделать обобщающие выводы на этот счет. Можно только констатировать, что в казачьих сказках, к настоящему моменту, выявлено достаточно ограниченное количество коннотаций Дона, что не может не вызывать недоумения, учитывая значимость этого образа для казачьей ментальности, однако обнаруженные примеры однозначно демон-

стрируют высокий статус и огромное символическое значение этого концепта.

Если коннотаций образа Дона в казачьих сказках не отличаются многообразием, то другая великая русская река – Волга, напротив, демонстрирует сложность и амбивалентность трактовок. Образ Волги, как и Дона, персонафицирован и несет четкую гендерную определенность: «Матушка.., невестушка». Но столь теплые эпитеты, связанные с Волгой, можно встретить только в былях о Степане Разине, деяния которого были тесно переплетены с этой рекой [5:31]. С другой стороны, в этих сюжетах образ Волги несколько однообразен и акцентируется только как символ родины. В новеллистических сказках можно обнаружить совсем иную ситуацию: образы Волги отличаются разнообразием и эмоциональной наполненностью, она выступает не только как ландшафтный объект, но и как некий субъект бытия, а также как особая пространственная зона, но все эти сигнификаты наполнены негативной коннотацией. На Волгу, от безысходной бедности собирается из родной станицы Ларька, и нет в этом решении ни удали, ни задора [4:63]. Поэтому и нет в сказках ласковых эпитетов, напротив, отчаянье и обида звучат в словах казаков, обращающихся к неприветливой реке: «Ах ты, Волга-мать, река не ласковая, укачала, уработала...» [4:67]. Суровая река, тяжелой работой мучает она непривычных к бурлацкому делу вольных казаков, все силы вытягивает. Так, что ни рукой, ни ногой шевельнуть они не могут. Не жди от нее ни помощи, ни защиты. Даже бегущих из татарской неволи не привлекает Волга: «Подбежали молодцы к Волге, а по ней буря разыгралась. Ходят, гуляют волны и нигде не видно переправы...» [5:37]. Волга-матушка для казака становится суровой матерью, грозной стихией, неласковой и требовательной. Она превращается в феномен, структурирующий пространство, определяющий его периферийные зоны – неуютные, чужие территории, где казак мог оказаться только по недоразумению или по несчастью и где он никогда не почувствует себя «как дома».

Таким образом, можно отметить, что пространство казачьих сказок является сложным структурированным явлением, формирующимся благодаря ряду элементов реального природно-экологического поля, переосмысленных и коннотированных этническим сознанием. Из бесконечного множества объектов реального

природно-экологического поля ментальностью выбираются лишь особо значимые феномены, при помощи которых задается шкалирование пространства в контексте значений свой/чужой, в результате чего формируется несколько зон этих оппозиций. Свое пространство складывается благодаря таким маркерам, как станица, Дон, степь. Объем рассмотренного сказочного фольклора еще не позволяет точно определить их соотношенность, однако анализ других фольклорных источников говорит о безусловном доминировании Дона, как своеобразного Центра ментального пространства, цели всех перемещений и эквивалента родины [9:35]. Вторую зону своего пространства должна организовывать станица, поселение, противостоящая дикому, некультурному пространству степи. Анализ же сказочного фольклора разрушает эту схему: станица как образ дома только подразумевается, но не присутствует в сказке. Дон по числу упоминаний значительно уступает третьему маркеру – степи, но по архетипической нагрузке, безусловно, доминирует, но не в виде пространственного феномена, а как персонафикация отца-прародителя, жизнедавец. Третий же маркер – степь, с которой в казачьих сказках активно связывают концепт родины и которая по количеству упоминаний значительно превосходит реку Дон, в других источниках вообще исключена из символики своего пространства. Можно предположить, что позитивные коннотации, которые приобретает концепт степи в сказке, сложились в силу особенностей исторической ситуации – ситуации переселения и завоевания земель, делавшее границы реального исторического пространства достаточно условными и подвижными, а понятие своей земли лишало строгой определенности. Добавим к этому высокий статус, приписываемый казачьей ментальности процессу освоения пространства [9:35], который, со временем, распространился и на само освоенное пространство, превратив степь в свою родную территорию. Кроме того, следует заметить, что сказка, в отличие от песни, обладает большей пластичностью и возможностью реагировать на эволюционировавшую ситуацию благодаря более активной роли рассказчика. Вероятно, всем этим можно объяснить не только изменившиеся коннотации степного пространства, но и достаточно терпимое отношение к территориям, занимаемым беспокойными соседями: татарами, ногайцами, турками. Это не источник беды,

а скорее, веселой опасности, раззадоривающей казака, а кроме того, источник манящих и забавных чудес, а по совместительству – перспективные территории для новых завоеваний.

Эти чужеземные территории являются одной из зон, формирующих чужое пространство казачьих сказок, причем зоной, достаточно лояльно воспринимаемой. Это так называемая периферия – зона освоения, резервная территория, экотон [3:57]. Иным смыслом наделяются два других элемента чужого пространства. Самой дальней зоной чужого пространства выступает лес – пространство пугающее и враждебное, где смыкается реальность и мир иной. Это своеобразный барьер, край, маргинальная зона казачьих сказок. Выход из леса всегда трактуется сказкой как выход из затруднения, освобождение, избавление. И некое срединное положение в этом чужом пространстве занимает концепт Волги, переполненной амбивалентными коннотациями. С одной стороны, она ассоциируется с родиной, но при этом сухость и неэмоциональность эпитетов заставляет говорить о некоем схематизме и шаблонности. С другой стороны, Волга организует пространство, переполненное негативными смыслами, где не приспособленный к волжским промыслам казак был чужим и потерянным.

Вероятно, на складывание столь сложных и противоречивых значений в определенной степени повлияли как мифологические традиции, приписывающие воде сложный амбивалентный комплекс архетипических значений, так и социокультурные реалии. Во многих религиях и мифологиях вода выступает и как космогонии

ческое начало – начало мира, его колыбель, так и как эсхатологическое явление, несущее этому миру гибель. В рамках социокультурной реальности волжские территории, в отличие от донских земель, не были местом исторической активности казачества и поэтому не сформировали в их ментальности чувства сопричастности. Таким образом, анализ сказочного фольклора позволяет сделать вывод, что именно реальное природно-экологическое поле влияет на выработку системы ментальных представлений, образующих доминанты этнической картины мира, но складывается она из своеобразных маркеров – наиболее значимых природных объектов, выделяемых этническим сознанием и наполняемых особым смыслом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Гуревич, А. Я.* Категории средневековой культуры / А. Я. Гуревич. – М.: Искусство, 1984. – 350 с.
2. *Гуревич, А. Я.* Марк Блок и «Апология истории» / М. Блок // Апология истории, или мастерство историка. – М.: Наука, 1986. – С. 182–231.
3. *Калуцков, В. Н.* Ландшафты в культурной географии / В. Н. Калуцков. – М.: Новый хронограф, 2008. – 320 с.
4. *Когитин, В. В.* Казачьи сказки / В. В. Когитин. – Волгоград: «Ведо», 1992. – 160 с.
5. *Лащилин, Б. С.* Батюшка-Дон: Предания, легенды и были донского казачества / Б. С. Лащилин. – Воронеж: «Серебряная гора», 2006. – 288 с.
6. *Ле Гофф, Ж.* Рождение чистилища / Ж. Ле Гофф; пер. с фр. – Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2011. – 544 с.
7. *Лотман, Ю. М.* Семиосфера / Ю. М. Лотман. – СПб.: «Искусство-СПб», 2010. – 704 с.
8. *Пропп, В. Я.* Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1996. – 365 с.
9. *Рудиченко, Т. С.* Донская казачья песня в историческом развитии / Т. С. Рудиченко. – Ростов н/Д: Изд-во Ростовской государственной консерватории им. С. В. Рахманинова, 2004. – 512 с.

УДК 316.472.3
ББК 60.54

М. Н. Коныгина

ЦЕННОСТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЭТНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В РАЗВИТИИ СОЦИАЛЬНО-ПОМОГАЮЩЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Северо-Кавказский федеральный университет

E-mail: m-konygina@yandex.ru

Статья посвящена рассмотрению ценностно-нормативного содержания этнической культуры как детерминанты социально-помогающей деятельности в России.

Ключевые слова: социальная помощь, социально-помогающая деятельность, ценности этнической культуры.

M. N. Konygina

VALUABLE POTENTIAL OF ETHNIC CULTURE IN DEVELOPMENT SOCIAL HELPING ACTIVITY

North Caucasian Federal University

Article is devoted to consideration of the valuable and standard content of ethnic culture as determinant social to helping activity.

Keywords: the social help, social helping activity, values of ethnic culture.

Важнейшим механизмом, обеспечивающим целостность и устойчивость социального развития, всегда выступала специфическая деятельность (социально-помогающая деятельность), направленная на распределение и перераспределению общественных ресурсов средством оказания социальной помощи, позволяющей решать проблемы нуждающейся части населения, и тем самым, в определенной мере, сохранить социальную стабильность и целостность. Такая социальная деятельность развивается в границах государства под существенным влиянием традиционных ценностей, исповедуемых народами, проживающими в конкретном социокультурном пространстве.

Учитывая сложность и многообразие способов оптимизации социально-помогающей деятельности, ее можно рассматривать как социальный процесс, самостоятельный вид социальной практики, как комплексную социальную практику [1]. Именно такой подход позволяет определить специфику современных видов социально-помогающей деятельности в России, факторы, определяющие ее развитие.

Как социальный процесс социально-помогающая деятельность представляет собой совокупность последовательных действий индивидуального и коллективного субъекта по оказанию социальной помощи, направленных на благополучное изменение социальной ситуации путем преодоления социальных проблем, обусловленных социальной неустойчивостью отдельных категорий населения, которые не в состоянии самостоятельно решить трудную жизненную ситуацию из-за отсутствия или недостатка собственных ресурсов.

Социальное действие субъекта социально-помогающей деятельности представляется как момент самовозобновляющейся деятельности на основе возрастания потребностей в данном виде деятельности. Достижимый в социальном действии результат выступает как новое качество социально-помогающей деятельности, и как следствие – новое состояние общества, сложившегося в процессе деятельности. Мотивационная основа социально-помогающей деятельности соотносится с ориентацией субъекта действия на ценности данного вида труда, формирование которых проходит в конкретном социокультурном пространстве.

Отсюда социально-помогающая деятельность, представляемая как процесс, осуществляемый в реально существующем пространстве и приводящий к социальным изменениям. Та-

кой процесс всегда имеет активного и пассивного участников (субъектов и объектов помощи), целеполагание и мотивацию участников, каналы выполнения отношений, которые могут быть названы компонентами социально-помогающей деятельности. Результат деятельности, фиксируемый как состоявшееся социальное изменение, может быть достигнут и зарегистрирован только в конкретном социальном пространстве. В этом же пространстве возможна оценка эффективности, проводимая в системе ценностей, принятых в обществе, находящемся в социальном пространстве и создающем его.

Как самостоятельный вид социальной деятельности (социальной практики) социально-помогающую деятельность характеризует ее направленность и функциональная заданность, структурно-функциональная организация, характерные черты объектной группы, типологические характеристики субъекта социального действия, специфические отношения между участниками социального взаимодействия.

Как комплексная социальная практика, включающая исторически сложившиеся разнообразные практики оказания социальной помощи (благотворительность, социальное обеспечение, социальная работа и др.), динамично развивающиеся вместе с обществом, социально-помогающая деятельность, задает общую направленность социального развития, формируя социальную сферу и оценивая результаты экономической, политической и других видов социальной деятельности, включенных в систему социальной защиты населения.

Все компоненты социальной помощи и отношения, составляющие социально-помогающую деятельность, в границах государства формируют социальную систему, так как легитимизация получателей социальной помощи, деятельность субъектов социальной помощи, нормы и правила трудового поведения и профессионально-личностного развития специалистов, устанавливается государством под существенным влиянием социокультурных ценностей, исповедуемых народами, проживающими на территории государства.

В современной России ведущим видом социально-помогающей деятельности выступает социальная работа, формирование и развитие которой детерминировано ценностно-нормативным содержанием этнических культурных традиций народов, проживающих в многонациональном российском государстве.

Экзиологический потенциал этнической культуры как детерминанта формирующихся социальных практик помогающей направленности, заложен в содержании ее структурных компонентах (языковой компонент, компонент материальной культуры, соционормативный компонент, этнопсихологический компонент) (Т. А. Сафронова).

Так, языковой компонент является особой формой отражения действительности и специфическим фактором интегрированности этноса, через которую структурируется система моральных ценностей и идеологических установок в обществе. Знание языка основного этноса, в окружении которого живет человек, это важнейший элемент культуры общения в деятельности социального работника. Выполняя функциональные обязанности, он не только должен учитывать специфику этических норм общения в конкретном многонациональном регионе в своей профессиональной деятельности, но, используя гуманистический потенциал этики общения различных этнических культур, развивать и обогащать культуру межнационального общения, этические нормы взаимоотношений.

Этнопсихологический компонент отражает установки людей относительно внутри- и межнационального общения и играет важную роль в процессе культурного взаимодействия. Изучение данного компонента позволяет специалисту учитывать стереотипы поведения представителей различных этносов и их влияние на жизнедеятельность, как отдельного члена общества, так и этнической группы в целом. Данный компонент является ярким примером взаимообусловленности и тесной связи всех выделенных компонентов этнической культуры. Он вытекает из предыдущего (языкового) и находит свое продолжение в последующем (материальном) компоненте.

Компонент материальной культуры отражает сферу жизнедеятельности людей, относящуюся к социально-организованному удовлетворению их витальных потребностей. В процессе адаптации этноса производственная сфера приобретает специфические черты, приспособленные к определенным условиям существования. Этническая общность начинает занимать свою собственную трудовую нишу в хозяйственной структуре страны, которая в значительной степени базируется на стереотипе поведения в экономической области. Специфика трудовой деятельности оказывает воздействие на общественные и семейно-быто-

вые формы культуры, психологию и ментальные характеристики личности, нормы поведения и всей системы жизнедеятельности человека (социальной группы).

Соционормативной компонент этнической культуры, детерминирует и регулирует человеческое поведение через групповой социальный опыт, аккумулированный поколениями людей. Это институты религии, права, морали; обычаи, ритуалы, фольклор и различные социальные структуры. Они выполняют общие социальные и этнокультурные функции как средства стабилизации утвердившихся в данном обществе отношений и их последующего воспроизводства в жизни новых поколений.

Регулятивно-профилактическая деятельность основана на знаниях ценностно-нормативного содержания конкретной этнической культуры, аккумулируемых в ее соционормативном компоненте.

Знание и умелое использование гуманистического потенциала ценностей различных культур, способствуют формированию современных практик социально-помогающей деятельности, отражающих специфику жизнедеятельности людей, проживающих в конкретном социокультурном пространстве. Современная система социально-помогающей деятельности определяет поведение и деятельность субъекта помощи (социальный работник, благотворитель, волонтер и пр.), задает нормативные правила трудового поведения и профессионально-личностного развития специалиста [2].

Учитывая значимость ценностей этнических культур как детерминанта формирования разнообразных социальных практик помогающей направленности и, прежде всего, социальной работы как ведущего вида социально-помогающей деятельности, нами были разработаны требования этического поведения социальных работников, деятельность которых развивается в многонациональном регионе (на примере Ставропольского края).

Так среди базовых принципов, определяющих нормы и стандарты поведения социального работника, практикующего в многонациональном регионе, определяющими являются следующие:

- принцип толерантности к вероисповеданию личности, социокультурной среде ее развития;
- принцип аполитичности, включающий в себя оказание помощи, вне зависимости от

религиозной, политической и национальной направленности;

– принцип интернационализма как основы конструирования отношений;

– принцип ценности этнических культур конкретного региона и значимости народной педагогики как мировоззренческой инструментальной основы социализации и воспитания личности;

принцип ценности использования гуманистического потенциала этноэтикета различных культур в процессе формирования культуры межнационального общения и др. [3].

В заключении следует отметить, что этническая культура основана на ценностях, связанных с разнообразными потребностями и интересами представителей той или иной социокультурной группы. Традиционные социокультурные ценности и нормы имеют широкие возможности для социализации и культурной

самореализации личности, что является определяющим в рассмотрении этнической культуры как детерминанты социально-помогающей деятельности, цели и задачи которой соотносятся с необходимостью гармонизации социальных отношений, основанных на восстановлении социальных функций человека, его адаптации и самореализации в конкретном социокультурном пространстве.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Коньгина, М. Н.* Структура социально-помогающей деятельности / М. Н. Коньгина // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. – Кострома, 2011. Т. 17, № 5–6. – С. 258–262.

2. *Коньгина, М. Н.* Социологическое исследование социально-помогающей деятельности: рассмотрение личностных параметров ее субъекта / М. Н. Коньгина // Перспективы науки. – Тамбов, 2011. – № 5 (20). – С. 48–52.

3. *Профессионально-этические основы социальной работы: учеб. пособие. 2-е изд. / М. Н. Коньгина, Е. Б. Горлова. – М.: Москва: Академический Проект, 2011. – 187 с.*

УДК 37. 018. 7

ББК 74

В. В. Гриценко, О. Г. Никитина, Л. П. Шустова

ПРОБЛЕМА РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИКУЛЬТУРНОГО ПОДХОДА В СОЦИАЛЬНОМ ВОСПИТАНИИ

**Муниципальное бюджетное образовательное учреждение дополнительного
образования детей Детско-юношеский центр №3 г. Ульяновска**

E-mail: duts3@mail.ru

Статья посвящена анализу проблемы реализации поликультурного подхода в социальном воспитании в условиях дополнительного образования, описанию многообразия субкультур, образующих социокультурное пространство воспитательной организации.

Ключевые слова: социальное воспитание, поликультурный подход, социокультурная среда, поликультурность личности, толерантность, идентичность, субкультура.

V. V. Gritsenko, O. G. Nikitin, L. P. Shustova

PROBLEM OF REALIZATION OF POLY CULTURAL APPROACH IN SOCIAL EDUCATION

**Municipal budgetary educational institution additional
education of children Child junior center No. 3 Ulyanovsk**

Article is devoted to the analysis of a problem of realization of polycultural approach in social education in the conditions of additional education, to the description of variety of the subcultures forming sociocultural space of the educational organization.

Keywords: social education, polycultural approach, sociocultural environment, multicultural personality, tolerance, identity, subculture.

В условиях глобализации и поликультурного общества возрастает потребность в становлении толерантной и одновременно самобытной личности на основе ее приобщения к пространственно-временной многомерности культуры. Реализация данной потребности стано-

вится одной из важных задач социального воспитания.

В рамках программы развития инновационных процессов в образовательных учреждениях Ульяновской области в УДОД ДЮЦ № 3 г. Ульяновска на основе анализа философской, со-

циологической, психологической и педагогической литературы была разработана теоретическая *модель поликультурного подхода в социальном воспитании*. Данная модель опирается на понимание социального воспитания как особого вида относительно контролируемой социализации в рамках воспитательных организаций. Результатом поликультурного воспитания является оптимальное сочетание культурной толерантности и идентичности личности, обозначаемое нами термином «поликультурность».

Это качество личности выступает как один из важнейших аспектов ее социализованности и проявляется в когнитивном, эмотивном и конативном аспектах. В условиях воспитательной организации поликультурность личности формируется в процессе со-бытия различных контактных субкультур: этнических, гендерных, конфессиональных, возрастных и др.

Разработанная нами теоретическая модель опирается на концепции, идеи и базисные категории поликультурности [1], а также на концепцию социализации в контексте социального воспитания А.В. Мудрика, которое определяется им как возвращение человека в ходе планомерного создания условий для его относительно целенаправленного позитивного развития и духовно-ценностной ориентации [3]. Выделяя эти признаки и соотнося их с поликультурным подходом, мы конкретизируем их следующим образом:

- одной из ведущих *целей* социального воспитания мы считаем становление *поликультурности* личности;
- главным интегративным *средством* социального воспитания является *культура воспитательной организации*;
- управляемость социальным воспитанием говорит о принципиальной *возможности соотнесения и взаимообогащения* субкультур, пересекающихся в воспитательной организации;
- педагог может являться ведущим *агентом социализации* в рамках воспитательной организации в случае обладания богатой и позитивной *профессионально-личностной культурой*;
- в условиях нестабильной социокультурной ситуации и снижения воспитательного потенциала значимых для ребенка факторов социализации именно воспитательная организация призвана выполнять *ведущую роль* в развитии поликультурности личности.

Одной из важнейших составляющих социализованности воспитанника является его *поликультурность*, которая характеризуется через два диалектически связанных ее аспекта. Первый, соответствующий социальной адаптированности, представлен *толерантностью* личности по отношению к многообразию взаимодействующих с ней культур. Второй аспект, соответствующий социальному обособлению, представлен *социокультурной идентичностью* человека, являющей собой своеобразный сплав интериоризированных культур и продуцируемые им самим культурные ценности. Толерантность и идентичность личности, рассматриваемые как взаимодополнительные и взаимодетерминированные составляющие поликультурности, выступают как *цели-результаты* воспитания.

Для более детального изучения сущности и условий успешного формирования поликультурности целесообразен анализ *трех аспектов*: когнитивного, эмотивного и конативного (поведенческого). Выделенные аспекты социокультурной толерантности и идентичности отражают *последовательность педагогических действий* в рамках поликультурного социального воспитания:

- обеспечение *знания* воспитанником контактных субкультур и особенностей собственной культуры;
- создание условий для проживания и *эмоционального переживания* поликультурных ситуаций;
- формирование адекватного *поведения*, отражающего социокультурную толерантность и идентичность воспитанника на основе рефлексии собственных знаний и чувств.

Следующим необходимым для осуществления поликультурного социального воспитания моментом, с нашей точки зрения, является разграничение понятий «воспитательная организация», «социокультурная среда» и «воспитательное пространство».

Воспитательная организация – это объединение людей (педагогов и воспитанников), созданное на общественной или государственной основе для решения воспитательных задач.

Социокультурная среда представляет собой совокупность общественных, социальных и духовных условий, окружающих человека, взаимодействующих с ним и определяющих процесс его социализации [2].

Воспитательное пространство, в отличие от социокультурной среды, охватывает не

только педагогически освоенную ее часть, но и специально и целенаправленно создаваемую (корректируемую, обогащаемую «со-бытием» субъектов воспитания) «педагогизированную» сферу социальной среды [4].

С нашей точки зрения, воспитательное пространство представляет собой *поле пересечения* различных культур, *встречу* этих культур, т. е. их взаимопродъявление, взаимооткрытие и взаимообогащение, что и обозначается как «со-бытие».

Наконец, третий момент, на котором стоит остановиться в контексте нашего исследования – это определение *многообразия субкультур*, образующих внутреннее социокультурное пространство любой воспитательной организации. К таковым субкультурам относятся:

Этнические субкультуры. Учитывая, что наше общество не может быть названо строго мононациональным, любая воспитательная организация в той или иной степени является многонациональной. Даже если носителями иных этнических культур являются отдельные педагоги и воспитанники, их культуры должны быть равно представлены в воспитательном пространстве организации.

Гендерные субкультуры. Большинство воспитательных организаций являются гетерогенными по половому признаку. При этом проблема взаимоотношений мальчиков и девочек остается одной из самых актуальных. Решение этой проблемы невозможно без целенаправленной работы по формированию гендерной толерантности и идентичности. Только в этом случае объективное длительное сосуществование полов в рамках воспитательной организации становится их культурным «со-бытием».

Коллективные субкультуры. Воспитательная организация, как правило, состоит из ряда первичных коллективов – школьных классов, кружков, секций, отрядов и т. п. Каждый из коллективов обладает неповторимой культурой, интегрирующей в себе формируемую педагогами организационную культуру и неформальную субкультуру. Коллективной субкультурой мы будем называть в дальнейшем совокупность этих двух культур, находящихся в той или иной степени выраженном противоречии. В связи с этим возникают новые проблемы, связанные с организацией «со-бытия» первичных субкультур в рамках воспитательной организации и целенаправленное разрешение противоречия между формализованной и нефор-

мальной составляющими культуры первичного коллектива и культуры воспитательной организации в целом.

Профессиональные субкультуры. В контексте социального воспитания данный вид субкультур имеет специфику, проявляющуюся в принадлежности только к одной профессии – педагогической, и к одному субъекту социального воспитания – педколлективу. В связи с этим «со-бытие» профессиональных субкультур в воспитательной организации разворачивается в процессе разрешения межгрупповых (группы учителей предметников, педагогов-единомышленников и пр.) и межличностных профессионально-культурных противоречий.

Возрастные субкультуры. В рамках воспитательных организаций возрастные субкультуры чаще всего представлены группами воспитанников, находящихся на разных стадиях развития (от младшего школьного до раннего юношеского возраста), а также группами педагогов, находящихся на разных возрастных этапах. В обобщенном виде возрастные субкультуры можно подразделить на детскую, подростковую, юношескую и взрослую. В более обобщенном – на детскую и взрослую. Становится очевидным обеспечение взаимопознания, взаимоприятия и взаимообогащения детской и взрослой субкультур в процессе социального воспитания.

Семейные субкультуры. Каждый человек является, в первую очередь, носителем субкультуры своей семьи, которую он транслирует во взаимодействии с педагогами и сверстниками в воспитательной организации. Очевидно, что такая трансляция может иметь как негативный, так и позитивный характер, что не может не сказываться на протекании социального воспитания.

Конфессиональные субкультуры. В современной социальной ситуации наблюдается тенденция конфессионализации общества. Во-первых, растет число негосударственных конфессиональных воспитательных организаций: православных гимназий, медресе и т. п. Во-вторых, растет и число верующих (или соблюдающих религиозные отправления) детей, посещающих государственные воспитательные организации. И если в первом случае реальна опасность формирования интолерантной моноконфессиональной культуры, проявляющейся вне организации, то во втором не менее реальна опасность внутренних межличностных кон-

фликтов на почве иноконфессиональности. Решение данной проблемы представляется нам на сегодняшний день наиболее сложным.

Конечно, поликультурность любой воспитательной организации не ограничивается наличием описанных субкультур, мы остановились лишь на наиболее типичных примерах.

Резюмируя вышесказанное, подчеркнем, что *сущность поликультурного подхода* в социальном воспитании заключается в следующем:

- **признанию и принятию многообразия культур**, включенных (или пересекающихся) в процесс социального воспитания, и максимально возможное изучение их воспитательно-го потенциала;

- **развитию толерантности** педагогов и воспитанников по отношению к многообразию и разнообразию субкультур, представленных в воспитательной организации;

- **поддержке социокультурной идентичности** субъектов социального воспитания;

- **увеличению воспитательного потенциала** организационной культуры воспитательной организации в процессе ее продвижения к культуре взаимодействия, создающей благоприятные условия для совместного бытия («события») субкультур и субъектов воспитания и культурной идентификации каждого из них.

Анализ результатов данных, полученных в ходе констатирующего эксперимента, а также результаты интервью и бесед с педагогами позволяют выделить ряд проблем поликультурности, характерных для УДОД ДЮОЦ № 3 г. Ульяновска как воспитательной организации, и тех условий и ресурсов, которые существуют в данной организации для их решения.

В качестве **основных проблем** мы выделяем следующие:

1. Недостаточное внимание педагогов к наличию представителей молодежных субкультур в их объединениях, слабая информированность о возможности использования их позитивных

аспектов и нейтрализации негативных в воспитательной работе.

2. Проблема недостаточной поддержки становления гендерной идентичности старших подростков в условиях искажения и смены гендерных стереотипов в современной социокультурной ситуации.

3. Проблема формирования толерантности детей к контактным коллективным субкультурам в условиях территориальной разобщенности объединений и становления собственной коллективной идентичности в условиях кратковременности контактов детей в объединении.

4. Проблема формирования возрастной толерантности самих педагогов.

5. Проблема становления этнической идентичности подростков и недостаточной готовности педагогов к поддержке ее становления.

6. Проблема недостаточной компетентности педагогов в конфессиональной сфере, осложняющей взаимодействие с воспитанниками и проявление их веротерпимости, а также воспитания ее у подростков.

Решение данных проблем будет осуществляться в рамках основных направлений и содержания деятельности по реализации поликультурного подхода в социальном воспитании учащихся в условиях УДОД.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Евлешина, Н. А. Поликультурный подход в социальном воспитании / Н. А. Евлешина, Н. Н. Никитина, В. Р. Ясницкая // Вестник Российского научного гуманитарного фонда. – 2010. – № 4 (61). – С. 105–114.

2. Мануйлов, Ю. С. Средовой подход в воспитании / Ю.С. Мануйлов. – М.; Н. Новгород: Изд-во Волго-Вят. акад. службы, 2002.

3. Мудрик, А. В. Социализация вчера и сегодня / А.В. Мудрик. – М.: Московский психолого-социальный институт, 2006. – 432 с.

4. Управление воспитательной системой школы: проблемы и решения / Под ред. В. А. Караковского, Л. И. Новиковой, Н. Л. Селивановой, Е. И. Соколовой. – М.: Педагогическое общество России, 1999.

УДК 378.013
ББК 74.480

Э. Д. Кондракова

ПОЛИКУЛЬТУРНАЯ СРЕДА И МЕЖЭТНИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИННОВАЦИОННОГО ВУЗА

Пятигорский государственный лингвистический университет

E-mail: kondrakova@pglu.ru

Статья раскрывает основные подходы к формированию у студенческой молодежи навыков межкультурного взаимодействия и роль инновационного вуза в данном процессе. Основное внимание автор уделяет образовательно-воспитательной институциональной среде межкультурной коммуникации и межкультурного диалога, детерминированной объективными потребностями – геополитическим положением Пятигорска как административного центра СКФО, полиэтничным составом студентов ПГЛУ, миссией вуза как университета, открывающего и преобразовывающего мир с целью достижения взаимопонимания между различными нациями и народами, формирования национального самосознания и эффективного развития самих традиционных культур.

Ключевые слова: поликультурная среда, межкультурное взаимодействие, инновационное высшее учебное заведение, воспитательная система вуза, компетентностное образование, проектная деятельность.

E. D. Kondrakova

MULTICULTURAL ENVIRONMENT AND ETHNIC INTERACTION IN THE ACTIVITY OF INNOVATIVE UNIVERSITY

Pyatigorsk State Linguistic University

The article reveals the main approaches to the formation of the student youth skills interethnic interaction and the role of innovative university in the process. Main attention is paid to education and upbringing of the institutional environment, intercultural and interethnic polylogue, deterministic objective needs – Pyatigorsk geopolitical position as the administrative center of North Caucasian Federal District, multiethnic composition PSLU students, the university's mission as a university, discover and transform the world with the aim of achieving mutual understanding between different nations and peoples, formation of national identity and the effective development of traditional cultures themselves.

Keywords: multicultural environment, interethnic interaction, innovative university, the university educational system, competence education, the project activity.

Проблема поликультурности и межкультурного взаимодействия приобретает в настоящее время все больший вес во всем мире и является адекватной реакцией на столь радикальные вызовы, как нарастание глобализации, межличностные, межгрупповые, межкультурные конфликты, различные дискриминационные явления. Сегодня, как никогда ранее, стало важным понимание того, что в разнообразии культурных, исторических, философских и религиозных взглядов, представлений и верований необходимо учиться находить единство и гармонию, без которых все это богатство не только не имеет смысла, но и небезопасно для человека и его будущего.

Россия – самая многонациональная держава, в которой сочетаются черты, связанные с традициями и обычаями разных народов. В многонациональном российском государстве всегда уделялось особое внимание воспитанию молодежи в духе уважения к другим культурам и их носителям.

Сегодня перед образовательными учреждениями, в числе которых Пятигорский государ-

ственный лингвистический университет, стоит задача сформировать у учащейся молодежи систему ценностей, связанных с реальностью модели мира; помочь им овладеть способами и навыками последовательной мыслительной деятельности в межкультурной коммуникации; сформировать личностные качества, необходимые человеку при его интеграции в иную культуру.

Наш университет как современный инновационный вуз Российской Федерации, являясь субъектом общей системы общественно-политических, социокультурных отношений, а также межкультурной, межкультурной коммуникации, вносит существенный вклад в реализацию государственной социальной политики России на основе соответствующих законов, указов Президента РФ В. В. Путина и современных политических доктрин, среди которых выделяется Указ «О достижении межнационального согласия» от 17.05.2012 и «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» от 19.12.2012. Сказанное особенно значимо на Северном Кавказе, в полиэтничных, поликонфес-

сиональных субъектах Северо-Кавказского федерального округа.

В Пятигорском государственном лингвистическом университете, расположенном в самом сердце этого региона, создана образовательно-воспитательная институциональная среда межкультурной коммуникации и межэтнического диалога. Такая среда детерминирована объективными потребностями – геополитическим положением Пятигорска как административного центра СКФО, полиэтничным составом студентов ПГЛУ (у нас получают образование представители 65-ти национальностей), миссией нашего вуза как университета, открывающего и преобразовывающего мир с целью достижения взаимопонимания между различными нациями и народами, формирования национального самосознания и эффективного развития самих традиционных культур.

Сегодня в ПГЛУ обучаются более 5500 студентов среднего и высшего профессионального образования, магистрантов, аспирантов, стажеров, около 2000 слушателей системы непрерывного образования. В его дружной семье – посланцы 56-ти регионов России и 26-ти зарубежных государств: уроженцы всех субъектов Северного Кавказа, других областей и краев России, в том числе весьма отдаленных от Кавказских Минеральных Вод, – Татарстана, Якутии, Республики Коми, Республики Бурятия, Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского автономных округов, Приморского, Алтайского и Краснодарского краев, Тульской, Читинской, Пермской, Калининградской, Оренбургской областей, из Москвы и Санкт-Петербурга, из Афганистана, Великобритании, Вьетнама, Германии, Греции, Египта, Ирана, Испании, Китая, Ливана, Мексики, Судана, США, Франции, Южной Кореи, из стран ближнего зарубежья.

Концептуальная основа формирования навыков межкультурного взаимодействия обеспечена в ПГЛУ в результате разработки и реализации комплекса взаимосвязанных концепций:

- концепция университета как модели поликультурного гражданского общества и профессионального сообщества;
- концепция формирующегося креативного инновационного университета; концепция университета как центра многоцветья языков и культур;
- концепция университета как центра миротворчества, площадки и медиатора взаимодействия государства и гражданского общества;

– концепция университета как площадки государственно-конфессионального и межкультурного взаимодействия.

Успешная реализация данных концептуальных составляющих превращает наш университет в площадку, где не только говорят о межнациональной дружбе и любви к другим культурам, а где действительно дружат и любят.

Образовательно-воспитательная институциональная среда вуза содействует включению обучающихся в различные формы межкультурного, межкультурного, межнационального общения, что является залогом воспитания студенческой молодежи в духе гуманизма, духовности, миротворчества, толерантного и уважительного отношения к различным культурам и религиям, межнациональной дружбы и сотрудничества.

Компонентами этой среды являются:

– образовательные программы всех уровней, включая подготовку кандидатских и докторских диссертаций;

– эффективное взаимодействие ученых, экспертов, а также студенческого актива ПГЛУ с органами власти и управления Пятигорска, Ставропольского края, СКФО, с институтами гражданского общества (НКО, НКА) в упрочении межэтнического диалога, в оптимизации студенческой поликультурной среды, снижении рисков северокавказского молодежного дискурса;

– этнокультурные тренинги и интерактивные акции в Центрах национальных культур;

– межэтническое взаимодействие студентов – представителей разных национальностей, превентация интолерантности, национализма и ксенофобии в системе целевых внеаудиторных мероприятий и мер.

В университете развивается широкая сеть Центров языков и культур, выполняющих образовательные, научно-практические и культурно-просветительские функции. На данный момент действуют 13 таких Центров: Центр итальянского языка и культуры, Центр арабского языка, изучения ислама и исламской культуры, Центр китайского языка и культуры, Центр иврита и израильской культуры, Центр польского языка и культуры, Центр русского языка и культуры, Центр северокавказских языков и культур, Центр англистики и американистики, Центр франкофонии, Центр испанистики, Центр немецкого языка и культуры, Центр армянского языка и культуры, Центр греческого языка и культуры.

ПГЛУ – это первый и единственный государственный вуз Российской Федерации, в котором осуществляется подготовка экспертов и преподавателей по направлениям «Теология» и «Государственное и муниципальное управление», по уникальному профилю «Государственно-конфессиональные отношения» одновременно с православным и исламским блоками профессиональных дисциплин. Этот инновационный опыт ПГЛУ получил высокую оценку Администрации Президента Российской Федерации. С 1 июня 2011 года при поддержке Полномочного представителя Президента в СКФО Александра Хлопонина отделение теологии ПГЛУ преобразовано в Институт государственно-конфессиональных отношений.

Современный инновационный вуз РФ выступает не только образовательной и воспитательной площадкой, но и местом формирования широких практико-прикладных компетенций студенческой молодежи в сфере межэтнических, межконфессиональных отношений, этносоциальных, этнополитических отношений СКФО, РФ, Европы и мира. В реализации названных направлений мы опираемся на неотъемлемую часть компетентностного образования – проектное содержание деятельности, которое меняет образовательную практику, дает возможность студентам проявлять собственные инициативы, замыслы, разворачивать личностное содержание деятельности участникам образовательного процесса. Вовлекая студентов в единое поле деятельности, ПГЛУ создает уникальное пространство общей корпоративной культуры, в котором студенты ощущают себя единым коллективом, в то же время получая множество возможностей для национальной самоидентификации и самовыражения. Именно эта дружественная, творческая, объединяющая среда, в которую погружаются студенты, начиная с первого курса, с первого дня обучения, нейтрализует конфликтность и создает предпосылки для эффективного взаимодействия.

ПГЛУ – признанный центр миротворчества на Северном Кавказе, университет, ориентированный на решение социально-культурных проблем региона. На базе университета проведено 6 Международных конгрессов в рамках реализуемой программы «Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру», инициированной руководством и учеными Пятигорского государственного лингвистического университета. Масштабные форумы, проходя-

щие уже в течение нескольких десятков лет, направлены на решение неотложных проблем сохранения и упрочения мира, дружбы и добрососедства на Северном Кавказе в частности и в мире в целом гуманитарными средствами. Достаточно сказать, что VI Международному конгрессу (октябрь 2010 года) был определен более широкий формат: «Россия – Большой Кавказ – Мировое сообщество». Это подтверждает ту огромную роль, которую способна выполнить образовательная и научная общественность, ведомая чувством глубокой ответственности за судьбу страны. Благополучия можно достичь только на пути созидания, но не разрушения. С этих позиций вклад коллектива Пятигорского государственного лингвистического университета в дело практического миротворчества, в развитие научных и образовательных связей трудно переоценить.

Студенческая молодежь нашего вуза самостоятельно иницирует и проводит миротворческие акции, тренинги толерантности, мероприятия, направленные на интеграцию и популяризацию национальных культур. В подобной работе окончательно стираются барьеры, поэтому совместную творческую деятельность мы смело называем миротворческой. Разрабатывая и реализуя подобные проекты, молодежь собственными силами стремится преодолеть стереотипы и создать поле для мирного сосуществования и межэтнического взаимодействия, преобразуя мир в направлении сотрудничества разных народов, людей разных национальностей.

В числе таких проектов отметим:

– Молодежный совет по межэтническим отношениям. Созданный студентами, Совет является координационным и совещательным органом, обеспечивающим позитивное бесконфликтное взаимодействие разных национальных групп обучающейся молодежи, а также сотрудничество с общественными объединениями, для содействия в адаптации приезжих студентов в новой образовательной и бытовой среде.

– Центр Дружбы. Проект призван привлечь иностранных учащихся и представителей разных национальностей для знакомства с историей, культурой и традициями различных народов и стран в период первого года обучения для воспитания толерантного, терпимого отношения к окружающим, привития навыков работы в одной команде с представителями разных культур и народов. В рамках проекта представители Совета студентов приняли участие во

Всероссийском симпозиуме студенческого актива «Новые лидеры новой России» в г. Санкт-Петербург в октябре 2012 г. Данный проект был включен в число лучших проектов, обсуждаемых на симпозиуме, и вызвал большой интерес среди организаторов и участников форума.

– Миротворчество. Проект направлен на формирование позитивного имиджа Северного Кавказа в России и за рубежом силами общественно активной творческой и талантливой молодежи СКФО, укрепление культурных и общественных связей между субъектами СКФО, регионами России, странами ближнего зарубежья посредством вовлечения молодежи других регионов в инсценировки обрядов, обычаев и традиций народов Кавказа, а также используя возможности сети Интернет и медиапространства.

– Волонтерский центр ПГЛУ «ПРОФИ-СОЦИ-ЛИНГВА» (центр по подготовке волонтеров к Олимпийским играм «СОЧИ-2014») продвигает волонтерские ценности в регионе, для чего решает в том числе следующие задачи: популяризация идей добровольчества в молодежной среде; развитие социальной системы, создание оптимальных условий для распространения волонтерского движения и активизации участия студентов и преподавателей в социально значимых акциях и проектах; привлечение молодежи к участию в добровольной безвозмездной помощи; налаживание сотрудничества с социальными и коммерческими партнерами для совместной социально значимой деятельности; создание и использование межрегиональных и международных связей с другими общественными (волонтерскими) организациями для совместной социально значимой деятельности в рамках Северо-Кавказского федерального округа; воспитание у студентов активной гражданской позиции, формирование лидерских и нравственно-этических качеств и др.; поддержка и реализация социальных инициатив молодежи; координация деятельности волонтеров Северо-Кавказского федерального округа.

– Тропой горцев. Проект ориентирует на популяризацию достопримечательных мест Северного Кавказа, его культурного наследия, а также на формирование толерантного отношения в обществе к народам Северо-Кавказского региона, отражая мудрость и величие каждого народа, проживающего на территории СКФО. Среди самых ярких событий проекта: экскурсия на Чегемские водопады с посещением мемориального дома-музея великого балкарского поэта Кайсына Кулиева, поездка в Даргавское ущелье, где находится знаменитый исторический памятник «Город мертвых».

– Фестиваль «Россия – наш общий дом» ко Дню национальностей. В конце учебного года (в апреле) мы проводим региональный фестиваль дружбы «Россия – наш общий дом!» для студентов СКФО. В программу фестиваля входит: презентация блюд национальной кухни «Пир на весь мир», круглый стол и большая концертная программа. В праздничном хороводе дружбы объединяются ребята и девушки разных национальностей.

– Вуз – территория толерантности. В рамках данного проекта стартовала программа «Ясный взгляд»; Музей истории ПГЛУ осуществил проект «Мы – одна семья»; состоялся концерт, посвященный Дню народного единства «Все мы вместе, но мы разные»; тренинг «Сила толерантности», основанный на современных технологиях формирования политической, этнической и религиозной толерантности.

Сегодня мы с полным правом можем утверждать, что в нашем университете создана эффективная модель притока, трансформации и применения современных знаний, умений, навыков, приемов образовательной, интеллектуальной, общественно-политической деятельности в сфере межэтнических отношений, этнокультурных и этнополитических процессов. Пятигорский государственный лингвистический университет, будучи современным инновационным вузом, включен в систему межрегиональных и международных связей, расширяющих социальные, политические и мировоззренческие горизонты студенчества в сфере прав человека и гражданина, прав меньшинств, профилактики «языка вражды», нейтрализации расизма, религиозного экстремизма, этноцентризма. Целостная система, созданная и совершенствуемая в ПГЛУ, направлена на воспитание гражданина России, патриота и человека с активной жизненной позицией, с инновационным мышлением, на формирование личности, овладевшей культурой межнационального и межконфессионального общения, способной не только уважать иные культуры, но и противостоять экстремизму и терроризму, нарушениям норм правопорядка.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Борытко, Н. М. Система профессионального воспитания в вузе / Н. М. Борытко. – М., 2005.
2. Воспитательная система ПГЛУ / Стратегия 2020 ПГЛУ: От традиционного университета к креативному инновационному университету, к Университету Будущего. Комплекс стратегических и методических документов ПГЛУ. – Пятигорск: ПГЛУ, 2011.
3. Горбунов, А. П. ПРОФИ-СОЦИ-ЛИНГВА 2012-2016. Программа стратегического развития на 2012–2016 годы ФГБОУ ВПО «Пятигорский государственный лингвистический университет». Пятигорск: ПГЛУ, 2012.

УДК 84.0:37.035.6-057.875.200
ББК [84 – 9:50]: 74.58

Л. П. Егорова

ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СРЕДСТВАМИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Северо-Кавказский Федеральный университет

E-mail: egorova-lp@mail.ru

В статье раскрывается роль учебного курса литературы народов Северного Кавказа в формировании общероссийской национальной идентичности

Ключевые слова: идентичность, этническое и национальное, имагология, иннонациональный характер.

L. P. Egorova

BUILDING UP NATIONAL IDENTIFY BY MEANS OF BELLES LETTRES

The North Caucasus Federal University

Under consideration is the role of the academic course North Caucasus peoples literature in building up general russian national identity.

Keywords: identity, ethnic and national, imagiology, other national character.

В Северо-Кавказском федеральном университете в процессе формирования общероссийской национальной идентичности большую роль играет предусмотренный учебным планом бакалавриата учебный курс «Литературы Северного Кавказа и литературное краеведение».

Как известно, в литературном процессе северокавказского региона участвует около двадцати литератур: осетинская, адыгские, абазинская, карачаевская и балкарская, ногайская, чеченская и ингушская, литературы народов Дагестана, русская литература Ставрополя. Этот поистине необъятный материал представляет собой важнейшую культурно-эстетическую ценность, формирующую идентичность на разных уровнях. «Художественная литература лучше всего знакомит народ с народом» (М. Горький), вызывая интерес к его жизни, быту, искусству, обеспечивая понимание его места в полиэтничном государстве.

Теоретико-методологические основы изучения курса «Литературы народов Северного Кавказа» разрабатывались и разрабатываются в рамках одноименной лаборатории при кафедре отечественной и мировой литературы. На протяжении нескольких десятилетий лаборатория накопила опыт научной, образовательной и культурно-просветительной деятельности по формированию общероссийской идентичности. При этом учитывалось, что художественная литература *самодостаточна* и надо не навязывать ей пропагандистские цели и задачи, а признать необходимость деполитизации литературного образования. Художественное произ-

ведение должно изучаться как феномен, воздействующий на эстетические, а через них и на нравственные чувства читателя, поднимающий его духовный мир на уровень общечеловеческих ценностей. Комплексное воздействие художественной литературы на читателя при необходимой акцентуации тех или иных проблем способствует решению следующих задач:

– раскрыть идейно-эстетический и нравственный потенциал художественной литературы, способствующий укреплению мира и дружбы народов на юге России, с учетом новых геополитических реалий;

– исследовать пути современного художественного решения кавказской темы в русской классической литературе и русской литературе XX–XXI веков; дать интерпретацию литературного наследия в новой социокультурной ситуации;

– Изучать истории литератур Северного Кавказа в контексте всероссийского литературного процесса, уделяя особое внимание современному состоянию северокавказских литератур, их роли в стабилизации обстановки в полиэтничном регионе;

– выявить новое в проблематике исследований в области литературных связей; раскрыть значение перевода как одной из ведущих форм литературных связей и взаимодействия, которая, являясь средством межкультурной коммуникации, способствует укреплению общероссийской национальной идентичности;

– выявить роль литературоведения и критики, педагогики, методики преподавания лите-

ратуры в гуманизации межэтнических отношений; показать необходимость совершенствования методологического и теоретического арсенала научных исследований.

С начала 2000 г. при кафедре функционирует Музей региональной литературы и литературного краеведения под руководством проф. А. А. Фокина. Научный аспект проводимый лабораторией и музеем работы обеспечивает необходимое информационное поле и теоретические предпосылки изучения конкретного материала. Этот аспект за последнее десятилетие представлен нашими монографиями «Литературы народов Северного Кавказа» (2004), «Русские писатели на Северном Кавказе» (2007), «История литературы Ставрополя. XX век» (2012), сборниками научных статей под ред. А. А. Фокина: «Русская литература на Северном Кавказе» (2011), «Современная литература Северного Кавказа: герои, сюжеты, поэтика» (2011), материалами Международных научных конференций, проведенных нами на базе Сочинского государственного университета «Художественная литература и Кавказ» (2005, 2007) и др.

Теоретические предпосылки изучения курса отрабатываются на основе междисциплинарных связей. Так, курс «Литературы народов Северного Кавказа» помогает разобраться в теоретической проблеме соотношения понятий «этническое» (гр. *ethnos* - народ) и «национальное». В советский период они употреблялись как синонимы, и, в основном, широко распространенным было понятие «нация» (лат. *natio* - народ) по отношению ко всем народам полиэтнического сообщества. Но в 1990-е годы понятие «нация», «национальный» стало связываться лишь с государственными функциями и атрибутикой, а все народы, входящие в состав полиэтнического сообщества (в Российскую Федерацию), характеризовались как этносы, имеющие характерные особенности. Понятие «нация» относится к народу, имеющему свою государственность; говорят о так называемой «титularной нации» (так, например, называют русских, давших свое название государству: Россия). Но другие этносы, являющиеся субъектами Российской Федерации, реализуют свои национальные интересы вкуче с титульной нацией. Повторим строки ногайского поэта Исы Капаева: «Мы в могучую державу прочно спяны навек и величие по праву делит каждый человек». Понятие «национальная идентичность»

указывает на осознание всеми этносами и их представителей своей принадлежности к одному государству, как было в годы Великой Отечественной войны [1]. У граждан РФ необходимо формировать *общероссийскую* национальную идентичность. В художественном произведении понятие национальная гражданская идентичность органически связана с характером этноса, его ментальностью, сложившимся у него образом мира [2].

Органическое единство этнических и национальных особенностей каждого народа позволяет говорить о его этнонациональной ментальности [3], и, следовательно, о его этнонациональной идентичности. В литературоведении раскрывается художественное воплощение обеих составляющих двуединого понятия. И если при раскрытии понятия «национальное» акцентируется *общность* государственных интересов всех народов, составляющих Федерацию, то «этническое» раскрывает культурно-историческое, языковое своеобразие каждого народа, его мифологию, обряды, обычаи, этикет, психологические особенности характера, формы художественной культуры. На индустриальном и постиндустриальном этапах развития человечества этническое испытывает нивелирующие влияния более распространенных культур, что при всей объективности этого процесса несет в себе и негативные стороны. Сохранение этнического своеобразия культур всех народов Российской Федерации является важнейшей задачей, решаемой с помощью образования. Опираясь на художественные произведения, необходимо выделить так называемую общечеловеческие ценности, присущие всем народам мира (любовь к матери, к детям, любовь к родной земле, ее природе и т. д.), обретающие у каждого народа неповторимое этническое воплощение.

Другой важнейшей теоретической проблемой учебного курса является глубокий анализ инонациональных характеров, точнее – характеров этносов, создаваемых представителями литератур других этносов. В наши дни (в связи со становлением новой научной дисциплины – имагологии), такой, в общем-то, традиционный для литературоведения аспект называют имагологическим [4]. И его значимость для формирования общероссийской национальной идентичности трудно переоценить: постоянно переkreщающиеся оценки жизни, быта, культуры разных этносов и создают в художественной

литературе полюса притяжения и отталкивания, формируя в итоге общее поле интересов, цементирующее российскую государственность. Начало этому процессу положила русская классика (Пушкин, Лермонтов, Л. Толстой и многие другие). Эта тенденция была продолжена как русскими писателями XX–XXI веков, так и представителями многочисленных литератур Северного Кавказа. Образ русского человека, освобожденный от унифицированной, откровенно пропагандистской заданности советского периода в произведениях северокавказских авторов имеет особо важное значение.

Курс «Литературы народов Северного Кавказа» знакомит обучаемых с краткой историей литературы отдельных северокавказских этносов, разных по языку, ментальности, глубинным истокам. Но в своей совокупности эти литературы имеют немало общего, что является следствием региональной общности этносов – их исторического развития, взаимодействия и взаимообогащения культур, общности традиций его народов. Студенту, особенно филологу, важно увидеть, как типологическое единство литератур Северного Кавказа, общие мотивы, образы, традиции, рожденные общностью исторического, культурно-этнического сосуществования, так и единство, являющееся следствием постоянного взаимодействия северокавказских литератур, а также русско-кавказских литературных связей.

Наиболее очевидны общие мотивы в литературах разных этносов и, прежде всего, мотив героического подвига в годы Великой отечественной войны *всех народов* Советской России. Этот подвиг продолжает вдохновлять и современных писателей. Приведем, как пример, оборону Брестской крепости. Эта тема была поднята еще в 1950-е гг. в художественно-документальных книгах русского писателя Сергея Смирнова, наиболее известной из которых стала «Брестская крепость» (1964). Но позже рядом с нею стали книги писателей других этносов. В книгах освещалось героическое участие чеченцев и ингушей в годы Великой отечественной войны, и в это же время, вопреки законам логики и нравственности, было совершено выселение их близких, а сами герои тоже были отправлены в ссылку. Писателей Северного Кавказа особенно привлекает, что в обороне Брестской крепости приняли участие 300 героев из ЧР и РИ. Над этой темой много лет работал известный чеченский прозаик Халид Ошаев

(1897–1977), автор книги «Брест – орешек огненный», изданной в 1968 г. и переизданной в 1990 г. В 2012 г. вышла повесть «Шагнувший в бессмертие» ингуша Бориса Шадыжева, получившая большой резонанс и переизданная за пределами Ингушетии. Она посвящена последнему защитнику Брестской крепости, офицеру Советской армии – ингушу Уматгирею Барханову. Впечатляющая концовка повести: Барханов «двигался вдоль плаца <...>. Он торопился опередить фашистов, чтобы его не скосила автоматная очередь. Уматгирей вынул из кобуры пистолет и выстрелил себе в висок. И упал. Упал лицом на Запад...». Только на Запад, только лицом к врагу, как этого требовал кодекс горской чести, и герою отдали честь даже немецкие офицеры. Подвиг всех народов России в Великой отечественной войне широко освещается и в русской литературе Ставрополя, и в каждой из литератур республик Северного Кавказа.

Общие для всех литератур темы и проблемы, рассмотренные в каждом разделе учебного курса, посвященном литературе того или иного этноса, на следующем этапе должны быть рассмотрены обобщенно и стать предметом рефератов, докладов на научных конференциях, курсовых и выпускных квалификационных работ. Студенты опираются на широко известные труды сотрудников Института мировой литературы Р. Ю. Юсуфова, К. К. Султанова, которые помогут им продолжить работу в этом направлении; на работу Р. Я. Фидаровой «Северокавказский литературный регион как общность особого типа»; на монографию А. Х. Мусукаевой «Северокавказский роман» (Нальчик, 1993) и последующие работы ее многочисленных учеников, рассматривающих ту или иную проблему на всем массиве северокавказской прозы; труд «Кавказский феномен русской прозы» (Пятигорск, 2001) В. И. Шульженко и его дальнейшие работы, расширяющие проблему художественного текста до «кавказского текста» в литературах, включая, русскую литературу; работы А. М. Казиевой и Т. З. Толгурова, исследующих северокавказскую поэзию как единство и др. Указанные и многие другие авторы помогут выявить черты семантически-художественной общности литератур Северного Кавказа, сходство этапов их становления, типологию жанрового развития, общие темы и проблемы, близость характеров и конфликтов, философско-эстетический потенциал обра-

зов кавказской природы могут быть представлены в едином проблемном контексте. Так, проблему «Личность и национальное бытие в северокавказской прозе 1970-х гг.» следует рассмотреть на примерах повестей 1970-х гг. карачаевца М. Батчаева, ногайца И. Капаева, аварца М. Расула и др. Значение этих произведений заключается в художественном открытии молодого героя, сопоставимого с героями русской, так называемой, молодежной прозы. Он ищет и находит гармонию со своим этномиром, но к середине 1990-х гг. такая гармония была утрачена (повести лакца Хачилавы и аварца Рустама Гаджиева). В наши дни та же проблема отношений личности и этноса поднимается в романе «По закону гор» ингушского писателя Берса Евлоева, герой которого вновь пытается обрести гармонию с этномиром.

Обращаясь к религиозным мотивам весьма актуальным для современных северокавказских литератур (образ «Мост Сират» стал общим местом для многих произведений), мы, тем самым, проясняем и проблему идентичности человека, живущего в межконфессиональном пространстве и проблеме ментальности, под которой понимается образ мышления, духовная

настроенность как отдельного человека, так и того сообщества, к которому он принадлежит.

При всем региональном своеобразии художественного решения указанных общих проблем и мотивов, они вписываются в общероссийский литературный контекст, позволяя воспитывать толерантное отношение и уважение к духовным ценностям всех народов России и укрепляя общероссийскую национальную идентичность.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Егорова, Л. П.* Единство народов СССР в 1941–1945 гг. как национальная идея (на материале художественной литературы) / Л. П. Егорова // Вестник Ставропольского государственного университета. Т. 65. – 2009. – С. 191–199.
2. *Попова, М. К.* Национальная идентичность в литературоведении / М. К. Попова, В. В. Струков // Филологические записки Воронежского государственного университета. – Выпуск 15. – 2000. – С. 244–254.
3. Этнациональная ментальность в художественной литературе. – Ставрополь: СГУ, 1999. – 260 с.
4. *Егорова, Л. П.* Литературоведческие аспекты имажологии (инновации и традиции) / Л. П. Егорова // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2007. – № 1–2. – С. 31–39.

УДК 314.72
ББК 60.7

И. П. Макаренко

**ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ
В УСЛОВИЯХ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Невинномысский государственный гуманитарно-технический институт

E-mail: makarenko.nggti

Статья посвящена анализу системы государственного регулирования миграционных процессов на федеральном уровне и в субъектах Российской Федерации.

Ключевые слова: миграция, этнический конфликт, интеграция, миграционное законодательство, Ставропольский край.

I. P. Makarenko

**LEGAL FRAMEWORKS OF PREVENTION OF ETHNIC CONFLICTS
IN THE CONDITIONS OF MIGRATORY PROCESSES IN RUSSIAN FEDERATION**

Nevinnomyssk State Humanitarian-Technical Institute

Article is devoted the analysis of system of state regulation of migratory processes at the federal level and in subjects of the Russian Federation.

Keywords: migration, ethnic conflict, integration, the migratory legislation, the Stavropol territory.

Мировые процессы интеграции и глобализации, активизация происходящих миграционных потоков, как в мире, так и в России, когда происходит интернализация культурных норм и ценностей, требуют усиления внимания к проблеме адаптации нормативно-правовой базы российской миграционной политики к новым условиям социально-экономического и демографического развития России.

Миграция населения – это любое территориальное перемещение населения, связанное с пересечением как внешних, так и внутренних границ административно-территориальных образований с целью смены постоянного места жительства или временного пребывания на территории для осуществления учебы или трудовой деятельности независимо от того, под преобладающим воздействием каких факторов оно происходит – притягивающих или выталкивающих [1].

Миграционная ситуация в регионах России контрастна: ряд территорий (Сибирь, Дальний Восток) имеет отрицательный механический прирост населения, другие (Центральный, Северо-Западный и Южный федеральные округа) –

привлекательны и для иммигрантов и для внутренних мигрантов.

Для Ставропольского края, с учетом его геополитического положения на Юге России, характерна высокая интенсивность миграционного обмена. На западе и юго-западе Ставропольский край граничит с Краснодарским краем, на северо-западе с Ростовской областью, на севере и северо-востоке с Калмыкией, на востоке с Дагестаном, на юго-востоке с Чеченской Республикой, на юге с Северной Осетией-Аланией, Карачаево-Черкесской и Кабардино-Балкарской республиками.

Миграция является одной из сложнейших политических и социальных проблем. Анализ отечественной литературы позволил выделить две противоположные точки зрения на миграцию. С одной стороны, в условиях естественной убыли населения РФ, подчеркиваются позитивные экономические эффекты миграции. С другой – сторонники ограничения миграции расценивают ее как конфликтогенный фактор.

В Ставропольском крае исследования миграционной политики проводятся чаще всего на основе этноконфликтологического подхода.

Понятие «этнический конфликт» трактуется как конфликт между группами людей, принадлежащих к различным этносам. Это особая форма социального или политического конфликта, обладающего некоторыми особенностями:

– в конфликтующих группах усматривается разделение по этническому признаку;

– стороны ищут поддержки в этнически родственной или этнически дружественной среде;

– в отдельных видах этноконфликтов этнический фактор стремится к политизации;

– новые участники солидаризируются с одной из сторон конфликта исходя из общей этнической идентичности, даже если эта позиция им не близка;

– этноконфликты чаще всего не являются ценностными и происходят вокруг тех или иных объектов и интересов групп.

К факторам провоцирующим этнические конфликты относятся: социально-экономическая неустроенность, экстремистская идеология, этническая, национальная и религиозная дискриминация, отсутствие надлежащего государственного управления.

Полиэтнический характер миграционных потоков на Ставрополье часто служит прикрытием для противоборства политических и иных сил. Разжигание конфликта интересов и идентичностей между мигрантами и постоянными жителями провоцирует рост ксенофобии в крае, что, в свою очередь, может привести к институционализации политического экстремизма на этнической почве в виде создания объединений и движений граждан, выступающих за ограничение миграции на государственном уровне.

Поэтому миграционная политика РФ должна поставить плотный правовой заслон той стороне миграции, которая несет в себе элементы провокации любого конфликта. В данном случае речь идет о всевозможных концепциях борьбы с нелегальной миграцией, криминализации в сфере миграции, регулирования трудовой миграции, социализации и адаптации мигрантов к условиям проживания в России, обеспечении национальной безопасности страны в миграционной сфере и т. д.

В отличие от нравственных и религиозных правил, правовые нормы однозначны, они закреплены в законах и других актах и санкционированы государством. Из этого следует, что правовая оценка предпосылок и самого конфликта имеет официальный характер и не мо-

жет быть изменена под давлением одной из сторон или под воздействием общественных настроений и пристрастий [3].

Базисом построения современной российской миграционной политики выступает концепция прав и свобод человека. Для беспрепятственной реализации прав мигрантов в соответствии с международными стандартами и взятыми Российской Федерацией в этой связи обязательствами в настоящее время в нашей стране действует ряд законодательных актов. Прежде всего, это относится к общепринятым принципам и нормам международного права и международным соглашениям. Правовую основу миграционной политики составляет Конституция Российской Федерации. Особое место среди конституционных норм принадлежит положениям, закрепляющим право на жизнь (ч. 1 ст. 20); право на свободу и личную неприкосновенность (ч. 1 ст. 22); право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени (ч. 1 ст. 23); равенство всех перед законом независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств (ч. 2 ст. 19); признание и гарантированность прав и свобод человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права (ч. 1 ст. 17); право на свободу передвижения и выбор места пребывания и жительства как граждан Российской Федерации, так и иностранцев (ч. 1 ст. 27); право на свободу выезда за пределы России как граждан, так и иностранцев (ч. 2 ст. 27); принцип двойного гражданства (ч. 1 ст. 62); право на политическое убежище иностранным гражданам в соответствии с общепринятыми нормами международного права (ч. 1 ст. 63); право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ограничение этого права допускается только по решению суда) (ч. 2 ст. 23); право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения (ч. 2 ст. 26); право на свободу совести, вероисповедания (ст. 28); право на свободу мысли и слова (ч. 1 ст. 29); право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом (исключение составляют сведения, относящиеся к государственной тайне, перечень ко-

торых определяется федеральным законом) (ч. 4 ст. 29); право на объединение, включая право создавать профессиональные союзы для защиты своих интересов (ч. 1 ст. 30); право иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им единолично, так и совместно с другими лицами (ч. 2 ст. 35); право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию (ч. 1 ст. 37); право на жилище (ч. 1 ст. 40); право на охрану здоровья и медицинскую помощь (ч. 1 ст. 41); право на образование (ч. 1 ст. 43); право судебной защиты своих прав и свобод (ч. 1 ст. 46) [2].

Также законодательство Российской Федерации в области миграции составляют федеральные законы «О гражданстве Российской Федерации» от 31 мая 2002 г., «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» от 25 июля 2002 г., «О беженцах» от 19 февраля 1993 г., «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» от 15 августа 1996 г., «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в РФ» от 18 июля 2006 г., Концепции регулирования миграционных процессов в Российской Федерации от 1 марта 2003 г., иные федеральные законы, указы Президента Российской Федерации, постановления Правительства Российской Федерации и другие нормативные и правовые акты Российской Федерации.

Правовое регулирование миграционных процессов в России охватывает широкий круг проблем: визовый и безвизовый режимы въезда и выезда, свободы передвижения и выбора места жительства, российское гражданство, правовой статус мигранта, его личные, социальные,

имущественные и иные права, обеспечение и защита прав мигрантов.

Функции миграционной политики в России включают в себя: совершенствование системы иммиграционного учета и контроля; обеспечение национальной безопасности и управление миграционными конфликтами; защиту законных интересов, прав и свобод мигрантов; формирование установок толерантности, интеграцию ориентиров политической культуры, высокого уровня правосознания как в принимающем сообществе, так и среди мигрантов; продвижение общечеловеческих ценностей, толерантности, культуры мира в систему образования и воспитания подрастающего поколения, пропаганда позитивных примеров межэтнического взаимодействия.

Таким образом, государственная национальная политика, обеспечивая равные возможности, должна быть ориентирована на создание условий, позволяющих каждой этнической группе, при объединении в единое общество, сохранить свои культурные идентичности. Стимулирующие меры в отношении мигрантов должны стать приоритетным направлением государственной миграционной политики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Воробьева, О. Д. Миграционные процессы населения: вопросы теории и государственной миграционной политики / О. Д. Воробьева // Проблемы правового регулирования миграционных процессов на территории Российской Федерации / Аналитический сборник Совета Федерации ФС РФ. – 2003. – № 9(202). – С. 35.
2. Конституция Российской Федерации. – М.: Проспект, 2013. – 32 с.
3. Юридическая конфликтология / под ред. В. Н. Кудрявцева. – М.: РАН, 1995. – 98 с.

УДК 342
ББК 67.400

Е. А. Гунаев

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОРГАНОВ ВЛАСТИ И НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ
ОБЪЕДИНЕНИЙ В РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МИГРАЦИОННОЙ
ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
(на примере Республики Калмыкия)***

ФГБУН Калмыцкий институт гуманитарных исследований Российской академии наук

E-mail: gunayev@yandex.ru

В статье на примере Республики Калмыкия рассматривается деятельность органов власти и национально-культурных объединений диаспор по адаптации и интеграции мигрантов, формированию конструктивного взаимодействия между мигрантами и принимающим сообществом.

Ключевые слова: мигранты, адаптация, интеграция, принимающее сообщество, взаимодействие, национально-культурные объединения.

Е. А. Gunayev

**THE INTERACTION OF AUTHORITIES AND NATIONAL-CULTURAL ASSOCIATIONS IN THE
IMPLEMENTATION OF STATE MIGRATION POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION
(ON THE EXAMPLE OF REPUBLIC OF KALMYKIA)**

Kalmyk Institute for Humanities research Russian Academy of Sciences

In the article on the example of the Republic of Kalmykia the activities of authorities and national-cultural associations of diasporas on adaptation and integration of migrants, the formation of constructive interaction between migrants and the host community.

Keywords: migration, adaptation, integration, host community, interaction, national-cultural associations.

Одним из условий формирования и реализации государственной миграционной политики Российской Федерации является создание условий для адаптации и интеграции мигрантов, защита их прав и свобод, обеспечение социальной защищенности [3].

Работу по решению задачи содействия адаптации и интеграции мигрантов, формированию конструктивного взаимодействия между мигрантами и принимающим сообществом в рамках своих полномочий организует Отдел Федеральной миграционной службы России по Республике Калмыкия. Реализация данной задачи имеет целью: «установление тесных контактов с лидерами национальных диаспор, этнических сообществ и землячеств иностранных граждан, находящихся на территории Республики Калмыкия, использование влияния диаспор для профилактики нарушений иностранными гражданами российского миграционного и уголовного законодательства; профилактику и недопущение возникновения условий скрытого проявления экстремизма в деятельности

диаспор, предупреждение нелегальной миграции» [1, С. 54].

В Республике Калмыкия действуют следующие национально-общественные объединения, диаспоры: Казахский культурный центр «Жерлестер»; Армянский культурный центр «Эребуни»; Общественная организация «Азербайджанский конгресс»; Калмыцкое республиканское общество калмыцко-корейской дружбы; Калмыцкая общественная организация «Дагестанская диаспора»; Общественно-культурное объединение чеченцев «Согласие» («Барт»); Общественная организация «Культурный центр турок-месхетинцев»; Культурно-экономическая общественная организация азербайджанцев «КЭОАК»; Общественный фонд туркмен Республики Калмыкия «Бирлик» («Единство») и др. [1, С.54]. Всего организовано взаимодействие с 12 национальными объединениями, в том числе: 7 – официально зарегистрированными и 5 – землячествами, действующими без регистрации и образования юридического лица [2, С. 27].

В целях организации работы с этническими сообществами и национально-культурными организациями по вопросам разъяснения требований миграционного законодательства Российской Федерации в августе 2007 г. создан и проводит постоянную работу Общественно-кон-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований секции истории ОИФН РАН «Нации и государство в мировой истории» в рамках проекта «Этнокультурная политика в мультиэтническом регионе РФ: конструирование этничности».

сультативный Совет при ОФМС России по Республике Калмыкия. Ежегодно утверждается план работы и состав Общественного совета при Отделе [1, С.54].

В 2011 г. в состав ОКС введены представители православной, буддистской и мусульманской религиозных конфессий. В том же году с Духовным управлением мусульман Калмыкии, Калмыцкой епархией Русской Православной Церкви и Централизованной религиозной организацией «Калмыцкий Центральный Буддийский монастырь «Геден Шеддуп Чой Корлинг» заключены соглашения о взаимодействии и сотрудничестве [1, С.54].

Заседания Общественно-консультативного совета при Отделе Федеральной миграционной службы по Республике Калмыкия были посвящены вопросам организации изучения русского языка иностранными гражданами, реализации мер противодействия коррупции, разъяснения порядка осуществления трудовой деятельности иностранных граждан в Российской Федерации, соблюдения миграционного законодательства и др.

Для успешной организации работы в сфере содействия интеграции иностранных граждан в российское общество приказом руководителя ОФМС России по Республике Калмыкия от 15.08.2011 г. № 181 создана рабочая группа содействия. В 2012 г. членами группы содействия интеграции и руководителями 14 территориальных подразделений ОФМС России по Республике Калмыкия организовано и проведено 55 рабочих встреч с лидерами национальных диаспор, в 2013 г. проведена 61 встреча с руководителями национальных объединений. Целью встреч являлось: обсуждение обстановки внутри национальных диаспор, их проблемах и нуждах, возможных фактах дискриминации и нарушений прав мигрантов, различных протестных настроениях, уровне криминализации, а также степени интеграции в российское общество, разъяснение норм миграционного законодательства Российской Федерации, норм и правил поведения, сложившихся в российском обществе и культурно-исторических традиций. Просьб и жалоб для принятия мер реагирования миграционной службой высказано не было. [1, С.55; 2, С.27].

ОФМС России по Республике Калмыкия проведены семинар-совещание с работодателями и главами национальных диаспор по разъяснению требований миграционного законодательства в части оформления приглашений

иностранцам для осуществления трудовой деятельности, «круглый стол» с иностранными студентами, обучающимися в высших заведениях республики по вопросам правового характера. В Калмыцком госуниверситете проведена лекция для иностранных студентов о порядке оформления приглашений на въезд на территорию Российской Федерации, о порядке оформления многократной обыкновенной учебной визы, об осуществлении миграционного учета иностранных граждан по месту пребывания. В ВУЗе обучается и стажировается 134 иностранных граждан, на основании трудового соглашения работает 4 преподавателя-иностранца. Студенты являются гражданами следующих стран: Китайской Народной Республики (70), Монголии (12), Киргизской Республики (9), Республики Казахстан (6), Республики Бенин (4), Республики Ирак, Республики Конго, Японии, Литовской Республики, Республики Таджикистан, Азербайджанской Республики [1, С.58-59].

В настоящее время бесплатных курсов по изучению русского языка в республике не имеется. Главам религиозных конфессий – православной, буддийской и мусульманской церквей, функционирующих в Калмыкии, с которыми в 2011 г. ОФМС России по Республике Калмыкия заключены Соглашения о сотрудничестве, было предложено открыть в приходах курсы по изучению русского языка для мигрантов. В Калмыцком государственном университете функционируют платные курсы для иностранных студентов [1, С.54; 2, С.27].

Поддержка и развитие национально-культурных объединений, регулирование вопросов миграции относятся и к сфере деятельности властей региона. В этой связи, в Республике Калмыкия приняты специальные нормативные акты, где регулируются указанные вопросы. Так в Республике Калмыкия в 2002 г. была принята Концепция демографического развития Республики Калмыкия на период до 2015 года, в которой фиксировались задачи, в том числе в области миграции и расселения:

– повышение эффективности использования миграционных потоков путем достижения соответствия их объемов, направлений и состава интересам социально - экономического развития республики;

– обеспечение интеграции мигрантов в общество и формирование толерантного к ним отношения.

В этой связи в данной области были определены следующие приоритеты и направления:

– создание экономических условий для сокращения эмиграционного оттока населения и сохранения научно-технического, интеллектуального и творческого потенциала Республики Калмыкия;

– создание системы эффективной защиты законодательно закрепленных прав вынужденных мигрантов на территории республики;

– оказание помощи в трудоустройстве;

– создание условий для получения образования;

– с целью формирования толерантного отношения к мигрантам «оказание содействия в развитии культур других народностей, проживающих в республике, на основе равноправного межнационального, культурного взаимодействия» [6].

На повышение роли национально-культурных центров в общественно-политической и социально-экономической жизни республики было направлено одноименное распоряжение Главы Республики Калмыкия от 14 мая 2004 г. [7]. Распоряжением Главы Республики Калмыкия от 14 января 2010 № 4-рг поручалось создать подразделение по вопросам национальной политики, взаимодействия с некоммерческими организациями и возрождения казачества на территории Республики Калмыкия в структуре одного из органов исполнительной власти Республики Калмыкия [5]. В настоящее время данные вопросы находятся в ведении Министерства культуры Республики Калмыкия [4]. На реализацию национально-культурной политики направлены республиканские и муниципальные целевые программы.

Таким образом, сферами взаимодействия органов власти (прежде всего территориального органа Федеральной миграционной службы, а также органов государственной власти и местного самоуправления Республики Калмыкия)

и национально-культурных объединений в сфере реализации государственной миграционной политики Российской Федерации являются: разъяснение миграционного законодательства, защита прав и свобод мигрантов, профилактика криминализации в среде мигрантов, содействие интеграции иностранных граждан в российское общество.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Доклад о результатах и основных направлениях деятельности Отдела Федеральной миграционной службы по Республике Калмыкия на 2012 год и плановый период 2013, 2014 и 2015 годов – Элиста, 2012. – 125 с.

2. Доклад о результатах и основных направлениях деятельности Отдела Федеральной миграционной службы по Республике Калмыкия на 2013 год и плановый период 2014, 2015 и 2016 годов – Элиста, 2014. – 92 с.

3. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Президентом РФ) // Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».

4. Постановление Правительства Республики Калмыкия от 16 декабря 2013 г. № 571 «Об утверждении Положения о Министерстве культуры Республики Калмыкия» // <http://gov.kalmregion.ru/authority/oiv-rk/9455-2013-10-10-11-00-23> (дата обращения - 12.03.14)

5. Распоряжение Главы Республики Калмыкия от 14 января 2010 № 4-рг «О создании подразделения по вопросам национальной политики, взаимодействия с некоммерческими организациями и возрождения казачества на территории Республики Калмыкия в структуре одного из органов исполнительной власти Республики Калмыкия» // Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».

6. Распоряжение Правительства Республики Калмыкия «О принятии необходимых мер по реализации Концепции демографического развития Республики Калмыкия на период до 2015 года» от 3 июля 2002 г. № 336-р. // Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».

7. Распоряжение Президента Республики Калмыкия от 14 мая 2004 г. № 43-рп «О повышении роли национально-культурных центров в общественно-политической и социально-экономической жизни Республики Калмыкия» // Хальмг Үнн. – 2004. – 19 мая.

УДК 316.342.6
ББК 60.54

Т. П. Волкова

ВЗАИМОСВЯЗЬ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ МОЛОДЕЖИ И ПРОЦЕССОВ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ В РЕГИОНЕ

Уральский государственный университет путей сообщения

E-mail: miss.tatjanapavlovna@yandex.ru

Статья посвящена вопросам социальной защиты молодежи от безработицы, а также влиянию на эти процессы трудовой миграции, в т.ч. по Свердловской области

Ключевые слова: молодежь, занятость, профессиональное образование, рынок труда, миграция, управление трудовой миграцией.

T. P. Volkova

RELATIONSHIP OF SOCIAL SECURITY OF YOUTH AND PROCESSES OF LABOUR MIGRATION IN THE REGION

Ural State University of Railway Transport

The article deals with social protection of young people from unemployment and the influence on these processes of labour migration on these processes, including Sverdlovsk region.

Keywords: youth employment, vocational training, labor market, migration, management of labour migration.

Социальная защита молодежи от безработицы выступает сегодня одним из приоритетов государственной политики занятости в России. Для обеспечения занятости молодежи, прежде всего, важно определение потребности территорий и работодателей в рабочих кадрах и специалистах – выпускниках всех уровней профессионального образования. Необходима организация целевой профессиональной подготовки и разработка комплекса мер по закреплению молодых рабочих кадров и специалистов в труднедостаточных сегментах экономики. Серьезные направления преодоления безработицы и бедности среди молодежи – разработка региональных программ по созданию рабочих мест для молодежи, заключение с работодателями договоров по трудоустройству ее на работу по приобретенной в учебном заведении профессии (специальности).

Отметим, что вопросы занятости, как впрочем, и вопросы уровня повышения доходов различных профессиональных групп, находятся на пике «исследовательского олимпа». Ситуация в экономике весьма непростая. Как пишут некоторые экономисты: «Уровень безработицы фактически занижен в 4–5 раз», «социальная политика развита слабо» [1, с. 29, 70].

В период прохождения «нижней точки экономического спада», на наш взгляд, эффективными могли бы стать такие меры, как «отсечение» заканчивающей обучение молодежи (школьников и студентов) от рынка труда путем продления срока их обучения в школах

и вузах. Свидетельство тому – двухступенчатая подготовка – бакалавриат, магистратура. Действенными могли стать и такие меры, как целевая профессиональная подготовка под спрос на определенные специальности.

В данном случае, отметим адаптацию профессионального образования к потребностям рынка труда, многопрофильность образовательных программ, обучение и переобучение молодежи по так называемым интегрированным профессиям (специальностям). К ним можно отнести: штукатур – облицовщик – плиточник – маляр. А также, тракторист – машинист – ремонтник. Далее: секретарь – офис-менеджер – инспектор отдела кадров; бухгалтер – кассир – пользователь ЭВМ и др.

Образование молодежи в период неблагоприятной экономической конъюнктуры следует рассматривать в качестве определенной меры преодоления безработицы. Продолжение образования в данных экономических условиях должно иметь в значительной степени социальную составляющую, а в случае улучшения экономической ситуации после обучения молодежь беспрепятственно выходит на рынок труда.

Перспективными направлениями содействия занятости молодых безработных граждан, на наш взгляд, является их вовлечение в сферу предпринимательства, самозанятость.

Одна из важных и острых проблем – проблема трудовой миграции населения. Обострение конкурентной борьбы за рабочие места между местными жителями и приезжими моло-

дыми гражданами. На наш взгляд, разработка механизма регулирования занятости и управления трудовой миграцией приобретает особую актуальность, т.к. значение миграции в сбалансированности рабочих мест и рабочей силы и в целом по стране, и по отдельным ее территориям оказывает чувствительное давление на рынок труда. Если разумно управлять миграционными потоками, то они, вероятно, будут положительно встречены в тех районах, где имеются свободные рабочие места и возможности для самозанятости (например, в сельском хозяйстве). Если же учитывать половозрастной состав мигрантов, то можно также спрогнозировать улучшение демографических показателей в местах их прибытия.

Ныне коренным образом поменялась ситуация в Свердловской области и Екатеринбурге, имевшая место 20 лет назад, когда в основном прибывали бывшие беженцы из Казахстана и других стран СНГ [2, с. 74–76]. Сегодня постоянно увеличивается миграционный поток из Ар-

мении, Кыргызстана, Узбекистана, Таджикистана в Россию, на Урал. Возможно, в ближайшее время будут пребывать и граждане Украины.

Заметим следующее, например, целью прибытия на территорию России через аэропорт «Кольцово» г. Екатеринбурга иностранные граждане указали (в 1м полугодии 2009 г.) работу – 33 658 чел., таким образом, эти мигранты рассчитывают на официальное трудоустройство, что на тот период составляло 55,8 % общего количества въехавших иностранцев [3, с. 3]. Всего же на учете в миграционной службе стоят сотни тысяч человек. Если ранее этот процесс носил стихийный характер, и о трудовых контрактах не было речи, то сегодня решаются вопросы плановой медицинской помощи, проблемы мест проживания, повышения квалификации, вопросы профсоюза трудовых мигрантов и многое другое.

Приведем официальную статистику – данные Министерства экономики Свердловской области.

Характеристика миграционной ситуации в Свердловской области за 2006–2010 гг., чел. [4, с. 114]

Показатели	Число прибывших	Число выбывших	Миграционный прирост (+) снижение (-)
2006 год			
Миграция – всего	70855	62922	7933
из нее: в пределах России			
международная миграция в т. ч.:	4310	1271	2859
– со странами СНГ и Балтии	3957	714	3243
– с другими зарубежными странами	173	557	-384
2007 год			
Миграция – всего	74910	66054	8856
из нее: в пределах России	68973	64876	4097
международная миграция в т. ч.	5937	1178	4759
– со странами СНГ и Балтии	5669	679	4990
– с другими зарубежными странами	268	499	-231
2008 год			
Миграция – всего	67902	58563	9339
из нее: в пределах России	61662	57566	4096
международная миграция в т. ч.	6240	997	5243
– со странами СНГ и Балтии	5949	564	5385
– с другими зарубежными странами	291	433	-142
2009 год			
Миграция – всего	54927	49057	5870
из нее: в пределах России	49581	48267	1314
международная миграция в т. ч.	5346	790	4556
– со странами СНГ и Балтии	4873	416	4457
– с другими зарубежными странами	12	473	374

Окончание таблицы

Показатели	Число прибывших	Число выбывших	Миграционный прирост (+) снижение (-)
2010 год			
Миграция - всего	57627	53739	3888
Из нее: в пределах России	54190	52891	1304
международная миграция в т.ч.	3432	848	2584
– со странами СНГ и Балтии	3109	440	2669
– с другими зарубежными странами	323	408	-85

Проблемы рациональной, отвечающей интересам государства и регионов миграционной политики становятся на данном этапе наиболее актуальными и злободневными, поскольку механический приток молодого населения в конкретные регионы, носит двоякий характер. С одной стороны, неконтролируемая и неуправляемая внешняя и внутренняя миграция не способствует стабилизации ситуации в регионе, провоцирует социально-экономическую напряженность и конфликты на национальной почве. С другой стороны, прибывающие мигранты, могут реально восполнить территориальные демографические потери, характерные для старопромышленного региона России.

Отметим, что произошла либерализация в миграционной сфере, благодаря принятию Закона РФ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в РФ». Государство, на наш взгляд, все-таки еще ограничивает себя функциями регистратора скорости, объема мигрантов, а о качестве трудовых миграционных потоков, потребности экономики и различных ее отраслей в услугах мигрантов, речи не идет. Определенную положительную роль может сыграть социологическое сопрово-

ждение потока мигрантов. Здесь можно упомянуть совместный проект «Общество и мигранты», разработанный Межнациональным информационным центром (Свердловская область) и Институтом «Открытое общество» (Таджикистан), а также информацию Управления Федеральной Миграционной Службы по Свердловской области, где результаты повторных социологических исследований могут являться практическим основанием прогнозирования и предвидения столь сложных и малоуправляемых процессов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Горшков, А. В. Экономика России: вчера, сегодня, завтра / А. В. Горшков. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2013. – 115 с.
2. Уральский регион как социум: Материалы XI Уральских социологических чтений. – Челябинск, 1998. – 336 с.
3. Достойный труд – основа стабильного общества [Текст]: материалы Междунар. науч.- практ. конф. (Екатеринбург, 16 октября 2009 г.): в 2 ч. / отв. за вып. В. П. Иванников, Н. З. Шаймарданов – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. Экон. ун-та, 2009, Ч. 1. – 171 с.
4. Социально-экономическое положение Свердловской области. Январь-декабрь 2010 года [Текст]: аналитический обзор. – Екатеринбург, 2011.

УДК 37.03; 37.017; 261
ББК 60.5; 50.3

С. А. Таран

О МЕТОДАХ ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Северо-Кавказский федеральный университет
E-mail: taranservey2004@mail.ru

В статье предложены методы формирования российской гражданской идентичности путем интеграции духовно-нравственного воспитания в образовательный процесс.

Ключевые слова: образование, духовность, нравственность, семья, система ценностей, любовь.

S. A. Taran

METHODS OF FORMING THE RUSSIAN CIVIL IDENTITY

The North Caucasus Federal University

The paper proposes methods for the formation of Russian civic identity through the integration of spiritual and moral education in the educational process.

Keywords: education, spirituality, morality, family, system of values, love

Известно, что воспитание полноценного человека возможно, когда его развитие идет одновременно в трех направлениях взаимодействия с внешним миром: человек – природа, человек – общество, человек – Бог. Только такой человек может идентифицировать себя гражданином. Максимальный объем знаний по каждому направлению воспитуемый получает в трех разных социальных институтах: соответственно в учебном заведении, в семье, в Церкви (если речь идет о православном). Естественно, рассматриваемые вопросы пересекаются, и дополняют друг друга. В результате вырастает не только профессионал своего дела и полезный член общества, но и любящий муж, заботливый родитель, благодарный сын или дочь. Это идеальная ситуация, когда информация, полученная из трех источников, не противоречива.

Но так бывает не всегда: в школе ребенок знакомится с теорией Дарвина, дома – с инопланетной концепцией происхождения человека, в храме – с тем, что его создал Бог. Подобная ситуация и с ответами на вопросы «Какова цель жизни?», «Почему мы болеем и умираем?», «Как быть счастливым?», «Что такое любовь?», «Сколько надо зарабатывать денег?» и так далее. В результате в голове ребенка одновременно присутствуют десятки взаимоисключающих взглядов, мнений, идей, при этом он не может оценить их как истинные или ложные. Взрослый не может ему помочь, поскольку у него самого утрачен или не сформирован этот критерий, а идеи рассматриваются как устаревшие или новые, обычные или смелые, модные или пуританские, смелые или обыденные. Ребенку нужны четкие границы в поведении, четкие ответы на вопросы, четкие границы между добром и злом. В противном случае наступает дезориентация, результатом которой являются депрессии, психозы, расторможенность в поведении, быстрая утомляемость, низкая успеваемость, неуправляемая агрессия, и другие отклонения, вплоть до психофизических [5]. Зачастую у ребенка формируется неправильное представление о мире, цели жизни, семье, деньгах, власти.

Изменить это покалеченное мировоззрение в зрелом возрасте очень сложно, следовательно, необходимо еще в начальной школе сформировать непоколебимые устои, на основании которых у ребенка сформируется истинная система ценностей, которую он пронесет через всю свою жизнь, которая повлияет на целеполага-

ние во всех сферах деятельности. Во многих российских городах успешно действуют православные гимназии в которых, как, например, в частном общеобразовательном учреждении «Православная Свято-Успенская гимназия города Ставрополя Ставропольской и Невинномысской епархии Русской Православной Церкви» помимо общеобразовательной программы, например, «Школа России» реализуются дополнительные образовательные услуги православного содержания. При этом особая роль отводится взаимодействию в данной сфере начальной школы и родительской общественности.

Духовное состояние ребенка зависит от духовного состояния его родителей, от участия в церковных службах, таинствах, и подготовки к ним. Максимальный результат при этом достигается, если вся семья, или хотя бы один из родителей готовится к ним и участвует вместе с ребенком. Тогда последний видит сплоченность и единство семьи и начинает осознавать важность происходящего. Родитель объясняет смысл каждого действия, каждой молитвы. Необходимые знания можно получить и у сотрудников гимназии и из соответствующих книг. Ребенку интересно и не так трудно. Значительное внимание уделяется внеклассным мероприятиям, проводимым с участием родителей. Важное место занимает выполнение домашнего задания именно с родителями, которые должны при этом, поддерживать тесную связь с учителем. И незаметно сами родители начинают понимать, что им это нужно не меньше чем ребенку. Начинают регулярно участвовать в богослужениях и таинствах, работать над собой. В результате укрепляется семья, формируются основные элементы гражданской идентичности и у детей и у взрослых.

На следующем этапе развития абитуриент поступает в высшее учебное заведение, наступает совершеннолетие, проявляется самостоятельность, а приоритетность мнения родителей и их контроль снижаются. Здесь важна правильная позиция и поддержка со стороны руководства высшего учебного заведения, в котором студент пребывает ежедневно, грамотная организация кураторства. Но если профессиональное образование в России традиционно готовит будущего специалиста ко всем аспектам трудовых отношений, то по вопросам создания собственной семьи он вынужден обращаться к различным противоречивым источникам, находясь при этом под постоянной информаци-

онной атакой деструктивной направленности большинства средств массовой информации. В результате по официальным данным Государственного комитета по статистике средний индекс разводимости в Ставропольском крае за последние три года превышает 50 %, причем свыше 35 % – в первые пять лет. [1]. Подобная ситуация является характерной и для других регионов РФ. Налицо кризис института семьи как основного источника и индикатора формирования гражданской идентичности.

Очевидно, что разработанный и апробированный в рамках кураторских часов цикл бесед о духовно-нравственных основах семьи и карьеры не решит всех проблем молодых людей, но он дает направление развития, знания, методы и средства с помощью которых человек сможет сделать правильный выбор, избежать появления конфликтных ситуаций, правильно распределить обязанности. Начинать беседы следует на первом курсе со второго семестра, когда основная адаптация позади [6]. Рассматриваемые темы при этом следующие:

1. Любовь, брак, карьера.
2. Преступление и грех.
3. Планирование семьи и карьеры.
4. Дети и подчиненные.
5. Иерархия в семье и на работе.
6. Вредные привычки, страсти и здоровый образ жизни.

Первая беседа начинается с вопроса о возможности вступления в брак по любви [2]. Большая часть присутствующих обычно отвечает положительно и ошибается, поскольку не понимает подлинного значения термина «любовь». Поэтому для объяснения отношений между мужчиной женщиной вводится термин «влюбленность», который характеризуется проявлением эгоизма, пылкостью чувств, короткой продолжительностью и наличием причины влюбленности. Любви же свойственны жертвенность, вечность и отсутствие причины. Названные характеристики объясняются на конкретных примерах из произведений классической литературы, искусства, музыки, жизни самих слушателей. Дается формулировка термина «любовь» сформулированная И. Шугаевым [2]: «Любовь – это единение двух людей, которое рождается в браке и взращивается в течение 10–15 лет совместной жизни». Также раскрывается смысл брака, П. Гумеровым [3] на основе публикаций психотерапевта А. В. Курпатова [4]: «Без любви даже самый богатый че-

ловек на земле не будет счастлив... Любовь как настоящее чувство между мужчиной и женщиной возможна только в браке... И только в браке остается возможность найти ту душевную близость, которая не позволит не чувствовать себя одинокими». В качестве иллюстрации семья сравнивается с мешком, который трясут, положив туда два острых камня (супруга). Если они обточатся, то семья сохранится. Но когда вырастает настоящая любовь, тогда два камня сливаются в один [2].

У слушателей часто возникает вопрос: «Не привычка ли это?». Необходимо пояснить, что привычка вырабатывается на 21-й раз и точно также можно от нее избавиться, либо привыкнуть к чему-то другому. А человек потерявший любимого чувствует себя как инвалид, боль и с годами не утихает, он никогда не найдет замену. Привычка не дает полноты счастья, корень которого и в морфологическом и в духовном смысле «часть»: «ты часть меня, я часть тебя», то есть любовь.

Также необходимо коснуться темы первой любви, поясняя при этом на конкретных исторических примерах, что: «...это еще не любовь, а только первая серьезная влюбленность... это первое чувство рождающейся любви... Все, что совершается впервые оставляет глубокий след... Брак, где первая любовь осталась на всю жизнь единственной, будет самым счастливым» [2]. Следует также предостеречь слушателей от «любви с первого взгляда», поскольку влюбленность подобна наркотику [2, 7].

Потом можно задать вопрос: «Как признаваться в любви?» и выслушав ответы дать следующие пояснения, подтвержденные примерами. «Я люблю тебя» = «я» + «ты», это еще не любовь. Любовь начинается с появления понятия «мы» [2]. Необходимо отметить, что раньше предлагались всегда рука и сердце и пояснить смысл этого.

Далее рассматриваются этапы развития отношений в семье. И. Шугаев выделяет три основных этапа: жених – невеста, муж – жена, отец – мать [2]. По нашему мнению, необходимо добавить еще один: дедушка – бабушка. Так на первом этапе жених и невеста, искренне пытаются показать все лучшее, что в них есть, стремятся соответствовать своим идеалам. На втором этапе раскрывается истинная сущность каждого из супругов. Часто влюбленность в это период проходит и либо перерастает в хрупкую еще любовь, либо исчезает безвозвратно, и лю-

ди живут «по привычке» или расходятся. Здесь необходимо правильно сориентировать слушателей на построение нормальной семьи и возвращение любви, рассмотрев различные светские и религиозные методы. Когда появляются дети, наступает третий этап и супруги вынуждены заботиться о них по принципу любви – жертвуя собой и пока не получая ничего взамен. Свыше 35 % разводов приходится на первые пять лет семейной жизни, свыше 22 % на вторые пять лет [1]. Тут надо прояснить, что настоящая любовь возникает только тогда, когда супруги начинают безвозмездно заботиться о третьем – о своем ребенке, что окружив его лаской, заботой, любовью мы получим то же самое в ответ. Четвертый этап характеризуется уходом повзрослевших детей и повторным привыканием супругов друг к другу и их влиянием на семьи детей. Более 15 % разводов приходится на браки продолжительностью 20 и более лет, и этот процент имеет тенденцию к росту [1]. Здесь необходимо дать правильное понимание «собственных» достижений супругов, являющихся на самом деле результатом деятельности всей семьи, последствий необдуманных шагов.

Что касается вопроса о правильном выборе супруга, то И. Шугаев [2] формулирует интересное противоречие о необходимости и невозможности узнать будущего супруга до брака, и предлагает три варианта его разрешения: желание иметь от этого человека детей, срок знакомства до брака не менее года, по воле родителей (духовника). Необходимо проанализировать совместно со слушателями эти варианты и по возможности научиться применять все три при выборе супруга.

Далее следует перейти к методам анализа и построения правильного баланса интересов семьи и работы в жизни супругов. Рассмотреть сущность карьеры и профессионализма, как с точки зрения работника, так и работодателя. Эти и все остальные вопросы следует изучать, используя знания гуманитарных, естественных, богословских и других наук, иллюстрируя видео, аудио и текстовыми примерами.

Опросы студентов инженерно-строительных специальностей Северо-Кавказского федерального университета 270115.65 «Экспертиза и управление недвижимостью», 270105.65 «Городское строительство и хозяйство», 270800.62 – «Строительство», проводимые до рассматриваемых бесед показали, что в жизненных целях на

первом месте стоит материальное благополучие (30 % опрошенных). Еще около 50 % озвучивают второе место, на котором стоит некое создание семьи и появление детей. 10 % дают конкретные формулировки жизненных целей в той же последовательности. И только около 10 % на первое место ставят семью и личный духовно-нравственный рост, а материальные блага – на второе. По итогам проведения бесед появляется более четкая формулировка целей и в два раза увеличивается количество тех, кто на первое место ставят семью и духовно-нравственный рост, а у остальных опрашиваемых в перечне целей появляется духовность и нравственность.

Таким образом, эффективное формирование российской гражданской идентичности должно строиться на образовательно-воспитательной системе включающей традиционную религиозную составляющую как основу устойчивости государства. Только правильное духовно-нравственное воспитание как неотъемлемый элемент образовательного процесса, позволяет получить добросовестного работника, грамотного, эффективного и популярного руководителя, активного гражданина, примерного семьянина и истинного представителя своей конфессии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Брачность и рождаемость в ставропольском крае в 2012 г. СТАВРОПОЛЬСТАТ. Экспресс-информация : Электронный ресурс. Режим доступа: http://stavstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/stavstat/resources/07_4479804f84c9809a18bf9b972d8349/EXP_BR-12.DOC
2. Шугаев, И. Один раз на всю жизнь: Беседы со старшеклассниками о браке, семье и детях. – 6-е изд., испр., доп. / И. Шугаев. – М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2009. – 208 с.
3. Гумеров, П. Он и она: в поисках супружеского согласия. / П. Гумеров. – М.: Издательство Московской патриархии, 2009. – 192 с.
4. Курпатов, А. В. Конфликты в семье / А. В. Курпатов. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. – 96 с.
5. Авдеев, Д. Как сохранить душевное здоровье ребенка и подростка / Д. Авдеев. – М.: Институт проблем формирования христианского отношения к психическим заболеваниям, 2010. – 176 с.
6. Образование в современном российском регионе: качество, состояние, проблемы, тенденции : монография / Е. В. Каргаполова, И. В. Аксюткина, И. В. Беседина, Ю. Л. Дмитриева, Н. М. Качуровская, С. Б. Медведев, М. А. Семенова, С. А. Таран, Ю. А. Шуклина ; под ред. Е. В. Каргаполовой. – Волгоград : Волгоградское научное издательство, 2013. – 194 с.
7. Зорин, К. В. Время обнимать и время уклоняться от объятий / К. В. Зорин. – М.: Русский хронограф, 2009. – 352 с.

УДК 316.356.4 (+316.654)
ББК 60.5

А. В. Войтов

ОБРАЗ ВРАГА КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ЮГА РОССИИ*

Волгоградский государственный аграрный университет

E-mail: alexvoy@mail.ru

Статья посвящена анализу существования и конструирования образов в общественном сознании, в частности образа «врага», как одного из инструментов формирования идентичности населения Юга России.

Ключевые слова: этнические общности, образ в общественном сознании, социальная идентичность.

A. V. Voytov

THE IMAGE OF «THE ENEMY» AS A TOOL OF FORMATION OF IDENTITY OF THE POPULATION OF THE SOUTH OF RUSSIA

Volgograd State Agrarian University

The article is devoted to analysis of existence and construction of images in the public consciousness social mind, in particular the image of «the enemy» as a tool for the formation of identity of the population of the South of Russia.

Keywords: ethnic community, the image in the public consciousness, social identity.

Социальная структура населения Юга России включает ярко выраженные этнические, конфессиональные, лингвистические и этнохозяйственные компоненты. В условиях сложной и порой противоречивой истории межкультурного взаимодействия в данном регионе, миграционной активности, неоднородности локальных (субрегиональных) единиц и продолжительности их включенности в общее административное образование (ЮФО, СКФО), возникают трудности при формировании единого социокультурного пространства. Подобное социокультурное пространство Юга России может быть сформировано, а также сохранено посредством конструирования социальной идентичности как одного из важнейших показателей общественного сознания. В рамках социальной идентичности могут взаимодействовать различным образом разнородные компоненты, такие как гражданская, этнокультурная, конфессиональная, территориальная и другие идентичности. В некоторых условиях указанные компоненты могут дополнять друг друга, а в некоторых – противоречить. Так в 90-е годы XX-го века на Юге России можно было наблюдать конфликт этнической и гражданской идентичности. Однако в дальнейшем при укреплении гражданской идентичности в регионе присутствовали межэтнические конфликты на бытовом уровне.

Одной из определяющих причин и компонентов идентичности населения может служить территориальная целостность. Так жители одного города не идентифицируют себя с жителями другого («Волгоградцы» – «Волжане»), и в данном случае идентификация (самоидентификация) может сформироваться стихийно. Сложнее ситуация обстоит при более масштабном рассмотрении общей территории: Южный Федеральный Округ, Северо-Кавказский Федеральный Округ, Сибирский Федеральный Округ и т. д., население которых может назвать себя «южане», «кавказцы», «сибиряки» и т. п., однако подобная идентичность стихийно сформироваться не может, для этого необходимо специальное информационное воздействие. Подобное информационное воздействие могут осуществить агенты, обладающие необходимыми ресурсами, в данном случае рассматриваются агенты, способные повлиять на общественное сознание.

Общественное сознание представляет собой определенным образом упорядоченный комплекс взглядов и убеждений, образов и символов, формирующихся под массивным воздействием средств массовой информации и стереотипов массовой культуры, политических организаций, структур образования и воспитания, религиозных организаций и др.

Массовое сознание возникает стихийно, как результат естественного стремления человека упорядочить разнородный эмпирический материал, сложить из противоречивых элементов житейского опыта относительно целостную картину мира.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований по теме «Эволюция «образа врага» в сознании русского общества в годы Первой мировой войны (по материалам центральной печати)», проект № 14-31-01231.

Наличие образов в массовом сознании такая же неотъемлемая часть как наличие в нем норм и правил, однако образы представляют не прямое руководство к действию или бездействию, а некую ориентацию на «другого», воплощенного в этом образе.

В ходе проведенного Денисовой и Клименко социологического исследования [1] особое внимание на наш взгляд необходимо уделить распределению ответов на вопрос о том, что объединяет респондентов с людьми, проживающими в их местности, среди прочих причин таких как язык, исторические судьбы, религия (важная в большей степени для мусульман), традиции, обычаи, образ жизни важное место в структуре ответов занял ответ «общие беды». На наш взгляд «общие беды» могут быть приравнены к «общему врагу», как некое общее негативное условие вокруг которого может сплотиться население определенной территории. В рамках указанного опроса актуальными для нашей тематики является вопрос о субъекте, способном объединить людей, проживающих в одной местности. Большая часть респондентов указывает различные уровни власти (областная администрация, районная, отдельные деятели), а также образовательные учреждения, общественные организации и средства массовой информации. Таким образом, мы можем говорить о весьма эффективном и востребованном использовании органами власти собственных (административных) ресурсов, а также средств массовой информации для формирования идентичности населения Юга России, используя образ «врага», как одну из форм «общей беды».

Образ врага – это представления, возникающие у социального (массового или индивидуального) субъекта о другом субъекте, воспринимаемом как несущий угрозу его интересам, ценностям или самому социальному и физическому существованию, и формируемые на совокупной основе социально-исторического и индивидуального опыта, стереотипов и информационно-пропагандистского воздействия. Образ врага, как правило, имеет символическое выражение и динамический характер, зависящий от новых внешних воздействий информационного или суггестивного типа[2].

Существует точка зрения, согласно которой «образ врага» – это всего лишь искусственная пропагандистская конструкция, своекорыстно формируемая в массовом сознании «сверху». Она получила распространение в перестроеч-

ный и постсоветский период в контексте атаки на коммунистическую систему, которую обвиняли во всех смертных грехах, в том числе в продуцировании «образа врага» как инструмента консолидации «тоталитарного общества». В этом было немало правды, но далеко не вся правда, поскольку подход был основан на «двойных стандартах» в оценке «демократического» Запада и «тоталитарного» Востока.

Безусловно, образ врага имеет символический характер, является динамичным, изменчивым, но далеко не всегда выступает инструментом «политики правящей группы общества» (например, субъект восприятия может как раз противостоять этой группе, и она сама быть «врагом»).

Долгое время в истории современного Юга России «общей бедой», а соответственно и «врагом» был и остается терроризм. При всем прочем для создания подобного «врага» государство по определению не должно применять усилий, напротив государство должно бороться с подобным явлением. Однако комментируя террористические акты, раскрывая личности террористов власти различных уровней, а также СМИ конструируют «образ врага» – образ террориста, указывая его национальность, место жительства, религию и др. характеристики, что может быть использовано не для сплочения всего населения и создания общей идентичности, а напротив, для формирования этнической и религиозной враждебности (предвзятости) и стигматизации, что крайне недопустимо в условиях многоконфессионального и многонационального проживания народов и наций Юга России.

В ходе исследования 1999 года среди наиболее популярных ответов на вопрос о наличии «врага» третье место заняли чеченцы, боевики Дудаева, Басаева, Радуева, ведущие войну на Северном Кавказе, террористы (в сумме упоминания такого рода выросли за последние годы с 16 примерно до 30 %) [3].

В современном мире, учитывая глубокий политический, а также национальный и культурный кризис столь территориально близкой к Югу России страны как Украина в качестве потенциального «врага» могут быть восприняты националисты-радикалы. То как политическое руководство России, используя средства массовой информации, будет конструировать данный образ и будет ли он восприниматься «врагом» зависят не только взаимоотношения с нашими географическими соседями, но и собственная социальная идентичность, в особен-

ности такого сложного со всех точек зрения региона как Юг России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Денисова, Г. С. Особенности региональной идентичности населения Юга России [Текст] / Г. С. Денисова, Л. В. Клименко // СоцИс. – 2013. – № 07. – С. 25–34.

2. Сенявская, Е. С. Противники России в войнах XX века (Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества) / Е. С. Сенявская. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2006. – 288 с.

3. Дукельский, В. Ю. Скажи мне, кто твой враг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.cpolicy.ru/projects/c_society/109.html, свободный

УДК 365.24

ББК 60.8

Д. П. Ануфриев

ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ЮГА РОССИИ (на примере Астраханской области)

Астраханский инженерно-строительный институт

E-mail: adp_2000@mail.ru

На основе результатов прикладного исследования в Астраханской области выявлена динамика регионального профиля комплекса проблем, связанных с обеспеченностью жильем. Показана взаимозависимость уровня предоставления и стоимости жилищно-коммунальных услуг и социального самочувствия населения, связанного с уровнем его доходов и перспективами проживания на территории региона.

Ключевые слова: жилищно-коммунальный комплекс, социально-экономическая система, прикладное исследование, регион.

D. P. Anoufrieв

HOUSING AND UTILITY COMPLEX IN THE SOCIO-ECONOMIC SYSTEM OF THE SOUTH OF RUSSIA (FOR EXAMPLE OF ASTRAKHAN REGION)

Astrakhan Institute of Civil Engineering

Based on the results of applied research in the Astrakhan region, the author revealed the dynamics of regional profile of the complex of problems connected with housing. The author shows the interdependence of level of provision and cost of housing and communal services and social wellbeing of the population, associated with the level of income and prospects of stay on the territory of the region.

Keywords: Housing and public utilities, socio-economic system, applied research, region.

Жилищно-коммунальный комплекс является важнейшим элементом социально-экономической системы региона, во многом определяющим качество жизни и социальное самочувствие населения [см., например, 3, 4, 8–10]. Таким образом, актуальным представляется исследование динамики регионального профиля социально-экономических проблем жилищно-коммунального комплекса с помощью мониторинговых опросов населения. На основе данных исследований становится возможным управление развитием регионального жилищно-коммунального комплекса путем построения его математической модели [более подробно см.: 2, 5–7, 10].

В Астраханской области подобная работа ведется в Астраханском инженерно-строительном институте исследовательскими группами под руководством автора настоящей статьи. Первая волна мониторинга была проведена

в декабре 2012 г. (N = 700), вторая волна – в марте 2013 г. (N = 690), третья волна – в ноябре 2013 г. (N=700). Технические параметры исследования следующие: исследование проводилось методом анкетирования по месту жительства; выборка стратифицированная, квотно-маршрутная; квотируемые признаки – пол, возраст, тип поселения; погрешность выборки – 3 %.

Динамика ответов респондентов на вопрос о привлекательных и непривлекательных чертах деятельности строительного и жилищно-коммунального комплексов региона (см. табл. 1) интерпретируется следующим образом. Снижение выборов варианта ответа, связанного с высадкой зеленых насаждений, можно объяснить сезонными природно-климатическими условиями: пик положительных ответов на этот вопрос приходится на май, когда природа радуется зелеными красками.

Таблица 1

Ответы респондентов на вопрос: «В чем по Вашему опыту, состоят особенности в деятельности строительного и жилищно-коммунального комплексов Астраханской области, их привлекательные и непривлекательные черты?» (в % %)*

Привлекательные черты	Январь 2013 г.	Май 2013 г.	Ноябрь 2013 г.	Непривлекательные черты	Январь 2013 г.	Май 2013 г.	Ноябрь 2013 г.
Производится большая работа по благоустройству, высадке зеленых насаждений, поддержанию чистоты	1,1	24,8	0	Работа по благоустройству и поддержанию чистоты проводится слабо, очень мало зеленых насаждений	46,9	33,6	0,1
Добрые, душевные работники	4,1	8,6	14,1	Неприветливые работники	7,7	9,7	2,6
Жилищно-коммунальный и строительный комплексы региона перспективны, много возможностей для инициативных людей	2,0	10,0	6,9	Деятельность жилищно-коммунального и строительного комплексов заглохла, не любят инициативу	8,4	7,8	3,6
В области происходит большое привлечение средств государственного бюджета в сферу строительства и жилищно-коммунального хозяйства	0	6,7	12,7	В области нег достаточного государственного финансирования сфер строительства и жилищно-коммунального хозяйства	0,7	15,1	9,0
Доступные цены на жилье и услуги жилищно-коммунального хозяйства	2,5	2,8	8,6	Высокие цены на жилье и услуги жилищно-коммунального хозяйства	8,0	17,2	58,3
Сдерживают свои обещания	1,0	2,3	14,0	Не сдерживают свои обещания	9,1	0,7	14,6
Другое	1,0	0,4	0	Другое	1,3	0,8	0
Затрудняюсь ответить	1,1	22,2	29,4	Затрудняюсь ответить	6,0	10,6	8,0
Отказ от ответа	87,2	22,6	14,3	Отказ от ответа	12,9	4,5	3,8
*Допускалось выбрать не более трех вариантов ответов							

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что от первой волны к третьей на 10 % увеличилось число респондентов, которые считают, что в строительном комплексе и комплексе ЖКХ региона работают добрые и приветливые люди, при этом на 7 % снизилось количество респондентов, выбравших противоположный по значению ответ. Также увеличилось (на 12,7 %) количество положительных выборов варианта «в области происходит большое привлечение средств государственного бюджета в сферу строительства и жилищно-коммунального хозяйства», а число выборов противоположного по значению ответа снизилось от второй волны к третьей на 6,1 %. Значительно уменьшилось количество затруднившихся выбрать хотя бы одну привлекательную черту деятельности жилищно-коммунального комплекса региона, то есть люди стали выражать определенно больше позитивных оценок его деятельности и меньше негативных. Данная тенденция сама по себе является положительной

оценкой деятельности профильного регионального министерства и требует дальнейшей работы по ее закреплению. Тем более, что динамика выборов других вариантов ответов иллюстрирует важнейшие проблемы деятельности комплексов строительства и ЖКХ. Так, одновременно выросло количество респондентов, выбравших противоположные по значению варианты ответов «сдерживают свои обещания», «не сдерживают свои обещания». Хотя, безусловно, количество выборов варианта «сдерживают свои обещания» имеет большую позитивную динамику. Вышеобозначенную позитивную тенденцию практически сводит на нет стремительный рост (на 50,3 %) ответов тех респондентов, которые главной непривлекательной чертой деятельности комплексов строительства и ЖКХ в регионе считают высокие цены на жилье и услуги жилищно-коммунального хозяйства. Данная проблема, на наш взгляд, в большей степени общегосударственная, чем региональная характер и поэтому требует волевого

управленческого решения на федеральном уровне с учетом материальных возможностей и потребностей населения, так как имеет острый социальный характер, влияющий на качество жизни и социальное самочувствие населения.

Таблица 2

**Ответы респондентов на вопрос:
«Нуждаются ли Вы в улучшении жилищных
условий?» (в %%)**

Варианты ответов	Январь 2013 г.	Май 2013 г.	Ноябрь 2013 г.
Не нуждаюсь	39,0	30,0	35,0
Нуждаюсь и планирую улучшить	23,5	25,4	25,7
Нуждаюсь, но нет фи- нансовой возможности	34,6	41,9	36,4
Затрудняюсь ответить	1,5	2,3	1,9
Отказ от ответа	1,4	0,4	1,0

Около четверти астраханцев нуждаются в улучшении состояния жилищных условий и планируют сделать это, но более трети не имеют соответствующей финансовой возможности (см. табл. 2). На 3,2 % (с 9,4 до 12,6 %) увеличилось количество «нищих», то есть той группы населения, у которой с большой долей вероятности проблема обеспечения жильем стоит наиболее остро, но самостоятельно, без государственного субсидирования они ее решить не смогут. Кроме того, на 5,4 % (с 17,9 до 12,4 %) уменьшилась группа «зачиточных», то есть тех, кто при определенных условиях наряду с «богатыми» мог бы приобрести жилье; подобная ситуация не способствует росту хозяйственной активности в области регионального жилищного строительства. При этом количество респондентов, у которых оплата жилищно-коммунальных услуг в общей структуре расходов семьи составляла до 20 % снизилось на 7,3 % (с 30,7 до 23,4 %). Также уменьшилась доля лиц, у которых до 20–40 % в структуре расходов семьи составила покупка продуктов питания. При этом доля лиц, ответивших, что в структуре расходов их семьи расходы на продукты питания составляют 81–100 %, увеличилась с 1,8 % в первой волне до 4,8–4,9 % по результатам второй и третьей волн. Соответственно, рост цен на тарифы в сфере ЖКХ также привел к уменьшению количества тех астраханцев, которые могли откладывать сбережения на крупные покупки, такие как квартира. Число респондентов, счи-

тающих настоящее время неподходящим для крупных покупок, выросло (см. табл. 3).

Таблица 3

**Ответы респондентов на вопрос:
«Если говорить о крупных покупках для дома,
таких как мебель, холодильник, бытовая техника,
телевизор, то как Вы полагаете, сейчас в целом
хорошее или плохое время для того, чтобы делать
такие покупки?» (в %%)**

Варианты ответов	Январь 2013 г.	Май 2013 г.	Ноябрь 2013 г.
Плохое время для соверше- ния крупных покупок	15,1	21,0	18,7
Ни хорошее, ни плохое вре- мя для совершения покупок	45,0	45,2	50,4
Хорошее время для соверше- ния крупных покупок	14,0	12,2	10,7
Не знаю	20,4	17,8	15,6
Отказ от ответа	5,5	3,8	4,1

Только 5–6 % опрошенных по результатам трех волн полностью устраивает деятельность строительного и жилищно-коммунального комплексов Астраханской области, около 20 % в целом довольны, но их многое не устраивает, 9–12 % не устраивает деятельность строительного и жилищно-коммунального комплексов, но они привыкли и не собираются что-то в ней менять. 6–9 % считают, что в других регионах деятельность строительного и жилищно-коммунального комплексов лучше, и хотели бы переехать туда. 7–13 % ответили, что в зарубежных странах деятельность строительного и жилищно-коммунального комплексов лучше, и хотели бы жить за границей. Необходимо отметить, что количество выбравших этот вариант ответа снизилось от первой волны к третьей на 6 %. Но не может не тревожить то обстоятельство, что даже по скромным подсчетам практически каждый шестой житель региона как конкретного социально-экономического пространства имеет запрос на выезд с данной территории. Данное утверждение актуально как для текущего состояния дел в регионе, так и для дальнейшей перспективы. Так, на вопрос «Как Вы полагаете, в ближайшие 12 месяцев Ваше материальное положение улучшится, ухудшится или останется приметно таким же, как сейчас?» на 5,8 % (с 11,5 до 17,3 %) увеличилось число ответов «ухудшится»; также обращает на себя внимание значительное (24–30 %) число затруднившихся ответить. При этом перспективы жизни всех россиян астраханцы оценивают по-

иному: в масштабах страны на 5,6 % (с 32,3 до 37,9 %) выросли нейтральные оценки («жизнь большинства останется такой же, как сейчас») и несколько выросло число ответов «улучшится» (на 1,4 %, с 7,3 до 8,7 %) при снижении ответов «ухудшится» на 2,1 % (с 29,2 до 27,1 %). Таким образом, астраханцы более уверенно оценивают перспективы жизни в России в целом, чем на пространстве своего региона.

Таким образом, изучение динамики в отношении жителей Астраханской области к деятельности жилищно-коммунального комплекса позволило выявить следующие значимые тенденции:

1) откладывание крупных покупок, в том числе жилья, из-за роста тарифов в ЖКХ и стоимости продуктовой потребительской корзины. Соответственно, не приходится прогнозировать значительного оживления активности потребителей на рынке жилья и увеличения объемов жилищного строительства. Выход автору статьи видится в снижении издержек и стоимости жилья путем расширения номенклатуры жилищного фонда, включающего как доступное жилье социального найма, так и элитную застройку. Кроме того, необходимо удовлетворить запрос населения на индивидуальное строительство путем государственного субсидирования создания соответствующей инфраструктуры на площадках под застройку;

2) снижение привлекательности перспективы проживания на территории конкретного региона – Астраханской области – и деструктивные практики выезда коренного населения региона, замещение его приезжим населением. В приграничном регионе подобные практики могут привести к снижению обороноспособности страны. Данные обстоятельства требуют создания не только региональных, но и федеральных целевых программ закрепления коренного населения на территории области, в том

числе и путем предоставления доступного жилья, государственного субсидирования площадок под строительство.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Ануфриев, Д. П.* Жилище как элемент социально-экономической системы региона (опыт прикладного исследования) / Д. П. Ануфриев // Вестник МГСУ. Научно-технический журнал по строительству и архитектуре. – 2014. – № 2. – С. 187–196.
2. *Ануфриев, Д. П.* Управление строительным комплексом как социально-экономической системой: постановка проблемы / Д. П. Ануфриев // Промышленное и гражданское строительство. – 2012. – № 8. – С. 8–10.
3. *Бобков, В.* Влияние кризиса на уровень и качество жизни / В. Бобков // Экономист. – 2010. – № 4. – С. 66–78.
4. *Михайлова, Л. И.* Социальное самочувствие и восприятие будущего россиянами / Л. И. Михайлова // СОЦИС. – 2010. – № 3. – С. 45–49.
5. Новые конструкции и технологии при реконструкции и строительстве зданий и сооружений / под общ. ред. Д. П. Ануфриева. – Москва: Ассоциация строительных вузов, 2013. – 208 с.
6. Регион: пространство смыслов и содержаний / Д. П. Ануфриев, А. Ю. Арясова, Е. О. Беликова, Н. В. Дулина, И. Н. Наумов, В. А. Парамонова, М. А. Симоненко, В. В. Токарев В.В. – Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2013. – 294 с.
7. Современный российский регион: оценка состояния и тенденции развития / Д. П. Ануфриев, А. Ю. Арясова, Л. В. Боронина, Е. С. Дегтярева, Н. В. Дулина, С. В. Каргаполов, Н. А. Овчар, В. В. Токарев. – Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2012. – 185 с.
8. Социокультурный портрет Тюменской области : коллективная монография / науч. ред. Г. Ф. Ромашкина, В. А. Юдашкин. – Тюмень : Изд-во Тюменского государственного университета, 2011. – 356 с.
9. *Ускова, Т. В.* Жилищно-коммунальное хозяйство муниципалитета: состояние, проблемы, тарифное регулирование / Т. В. Ускова, А. С. Барабанов. – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2013. – 88 с.
10. *Фокин, В. Я.* Территориальная мобильность населения в контексте поисков счастья / В. Я. Фокин // Экономические и социальные перемены : факты, тенденции, прогноз. – 2013. – №4 (28). – С. 70–82.

УДК 314.3
ББК 60.5

Б. В. Иджаева

**РЕПРОДУКТИВНЫЕ УСТАНОВКИ И ЦЕННОСТЬ СЕМЬИ
В ОБЩЕСТВЕННОМ МНЕНИИ МОЛОДЕЖИ РЕСПУБЛИКИ КАЛМЫКИЯ***

Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН

E-mail: ibaira@list.ru

Статья посвящена исследованию репродуктивных установок молодежи Республики Калмыкия на материале результатов социологического опроса, проведенного в 2012 г.

Ключевые слова: репродуктивное поведение, репродуктивные установки, демографическая ситуация, депопуляция, рождаемость, ценность, молодежь.

B. V. Idzhaeva

**REPRODUCTIVE PREFERENCES AND FAMILY VALUES
IN PUBLIC OPINION YOUTH REPUBLIC OF KALMYKIA**

The Kalmyk Institute for Humanities research, RAS

The article is devoted to the study of reproductive attitudes of youth in the Republic of Kalmykia on the material results of the sociological survey conducted in 2012.

Keywords: reproductive behaviour, reproductive preferences, demographic situation, depopulation, birth rate, the value, the youth.

Репродуктивное поведение является одним из главных факторов рождаемости. Оно закладывается в раннем возрасте, поэтому основной социальной группой, требующей внимание в исследованиях репродуктивного поведения, является молодежь.

Сложившаяся в последнее время демографическая ситуация в России, депопуляция населения потребовала принятия со стороны государства активных действий для исправления ситуации. Так были приняты концепции демографического развития, внедрены социально значимые национальные проекты «Доступное жилье», «Здоровье», «Образование», в которых определены основные приоритеты человеческого потенциала: повышение рождаемости, качество жизни, снижение смертности и увеличение продолжительности жизни. Результатом осуществления мероприятий, предусмотренных данными проектами, стало повышение уровня рождаемости: общий коэффициент рождаемости увеличился с 10,4 % в 2006 г. до 12,4 % в 2009 г., однако коэффициент фертильности, несмотря на рост с 1,29 в 2006 г. до 1,54 в 2009 г., не обеспечивает нулевой естественный прирост населения [1, С. 132].

В Республике Калмыкия в 2000–2009 гг. отмечался некоторый рост рождаемости, что свя-

зано в первую очередь, что в детородный период вступило достаточно многочисленное поколение женщин, родившихся в 80-е годы. Так число женщин в возрасте 20–29 лет на 01.01.2010 г. составило 24,3 тыс. чел., что на 17,5 % выше, чем на начало 2000 г., на 13,7 % выше, чем в 2002 г., но на 17,0% ниже, чем в 1989 г. [2, С. 6]. В 2009 г. уровень рождаемости населения республики был на 21,8 % выше среднероссийского уровня (12,4 промилле).

Начавшийся устойчивый подъем рождаемости в 2000 г. обусловлен еще и реализацией отложенных в 1990-е гг. рождений, так наряду с ростом рождаемости, наблюдается увеличение среднего возраста матери при рождении ребенка (с 26,2 лет в 2000 г. до 27,2 лет в 2009 г.). Наибольший рост рождаемости за 2000–2009 гг. отмечался в старших возрастных группах: у 25–29 летних женщин он составил 35,0 %, 30–34-летних – 43,5 %, 35–39-летних – 81,3 % [2, С. 8].

В связи с этим интересен факт, как молодежь определяет ценность семьи и детей. Социологическое исследование Института социологии РАН, посвященное ценностным ориентациям и нравственным установкам молодежи, показало, что в «массовом сознании российской молодежи «жизненный успех» – это, прежде всего, крепкая семья и дети...» [3, С. 131].

Для молодых жителей республики также главной ценностью является «счастливая семейная жизнь» (см. табл. 1). Об этом говорят результаты социологического опроса, проведенного сотрудниками КИГИ РАН в 2012 г.

* Статья подготовлена в рамках проекта КИГИ РАН «Современная молодежь и традиционная культура (на примере Калмыкии)» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре».

Социологический опрос был посвящен изучению репродуктивных установок молодежи Калмыкии. Его объектом стали жители республики в следующих возрастных группах: от 18 до 20 лет – 26,7 %, 20–29 лет – 52,3 %, 30–35 лет – 18,4 %, оставили без ответа – 2,6 % респондентов. Исследование было проведено по квотной выборке, которая составила 652 человека, из них 42,6 % мужчин, 55,8 % – женщин.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Что для Вас является важным в жизни?»

Важное в жизни		В %
1	Хорошее отношение с людьми	10,8
2	Интересная работа	9,3
3	Счастливая семейная жизнь	20,6
4	Душевное спокойствие	7,8
5	Развлечения	1,8
6	Материальная обеспеченность	13,1
7	Хорошее образование, специальность	5,7
8	Независимость от других, самостоятельность в жизни	6,3
9	Здоровье	16,2
10	Признание и любовь окружающих	2,1
11	Спокойствие и благо других	2,6
12	Самосовершенствование и духовное развитие	3,8

Помимо ценности семьи (20,6 %) молодые люди республики отметили как важное здоровье (16,2 %) и материальную обеспеченность (13,1 %).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Сколько детей лучше всего иметь в семье?»

Количество детей	В %
Ни одного	0,2
1	7,7
2	36,7
3	40,3
4	6
5	4,4
7	0,6
8	0,3
10	0,3
Затрудняюсь ответить	3,5

Для определения репродуктивных установок молодых людей был задан ряд закрытых вопросов о количестве детей в семье. Так, большинство респондентов считают, что лучше всего иметь в семье троих (40,3 %) или двоих (36,7) детей. 7,7 % опрошенных отметили вариант – один ребенок.

Далее респондентам был задан вопрос об их собственной позиции о количестве детей, которые они планируют иметь. Большинство молодых людей планируют иметь 2 или 3 ребенка 41,3 % и 31 % соответственно. Отметим, что мнение о желаемом количестве и собственным планированием различно. Если в вопросе о «лучшем» количестве детей в семье большая часть отметила цифру 3, то в отношении собственных планов большинство респондентов собирается иметь двоих детей.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «Сколько всего детей собираетесь иметь в своей семье?»

Количество детей	В %
Ни одного	1,2
1	11,3
2	41,3
3	31
4	5,1
5	3,4
6	0,2
7	0,3
8	0,2
10	0,3
Затрудняюсь ответить	5,8

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос: «Сколько детей вам хотелось бы иметь при всех необходимых условиях?»

Количество детей	В %
Ни одного	0,5
1	6,4
2	32,4
3	35,1
4	9,7
5	8,7
6	0,2
7	1,1
8	0,2
10	0,8
Затрудняюсь ответить	5,1

Результаты опроса свидетельствуют об устойчивости мнения по поводу желаемого количества детей в семье. На большую чем трое детей многодетность настроено небольшое количество респондентов. Так, даже при всех необходимых условиях большинство молодых людей желает иметь два – три ребенка (см. табл. 4).

Таким образом, в результате опроса выяснилось, что подавляющее большинство молодых людей Калмыкии считают семью основной ценностью в жизни. Статистические данные, свидетельствующие о высоком уровне рождаемости в республике, находят подтверждение в социологических исследованиях, посвященных изучению репродуктивных установок. Так, молодежь Калмыкии в большинстве своем на-

строена на рождение двоих и более детей, что говорит о тенденции доминирования традиционных установок в общественном мнении молодежи Республики Калмыкия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Калачикова, О. Н. Некоторые аспекты репродуктивного поведения студенческой молодежи / О. Н. Калачикова // Высшее образование в России. – 2012. – № 3. – С. 132–136.
2. Развитие демографических процессов в Республике Калмыкия в 2009 г. Аналитическая записка. Федеральная служба государственной статистики Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по РК. – Элиста, 2010. – 37 с.
3. Горшков, М. К. Молодежь России: социологический портрет / М. К. Горшков, Ф. Э. Шереги. – М.: ЦСПиМ, 2010. – 592 с.

УДК 234.21:378

ББК 60.7

Б. С. Павлов

К ВОПРОСУ О РЕЛИГИОЗНОСТИ УРАЛЬСКИХ СТУДЕНТОВ

Институт экономики УрО РАН

E-mail: pavlov_boris@mail.ru

Статья посвящена анализу некоторых аспектов религиозной культуры уральских студентов в системе высшего профессионального образования России. В представленной статье использованы материалы двух комплексных региональных исследований по проблемам конфессионального поведения студентов, проведенных авторами в 2010–2013 гг. в Институте экономики УрО РАН. Социологи раскрывают противоречивость религиозного сознания студентов, неоднозначность мотивов и причин их участия в организационно-пропагандистских акциях Российской Православной Церкви, рассчитанной на студенческую аудиторию.

Ключевые слова: студенческая молодежь, образование, православная церковь, семья, ценность, православная культура, религиозное сознание.

B. S. Pavlov

TO THE ISSUE OF THE RELIGIOSITY OF THE URAL STUDENTS

Institute of Economics at the Russian Academy of Sciences (Ural branch)

Article is devoted to the analysis of religious culture of Ural students in the system of higher professional education of Russia. Materials of two complex regional investigations in the problems of confessional behavior among students held by the authors in 2005–2012 in the Institute of Economics of the UB of the RAS in the given article. Sociologist revealed inconsistency of religious consciousness of students, ambiguity of motifs and causes of their participation in propaganda actions of Russian Orthodox Church, targeted to student audience.

Keywords: student youth, education, Russian Orthodox Church, family, values, culture, sin, religious consciousness.

В истории российского общества церковь всегда выступала в качестве особого института воспитания молодежи, причем не только религиозного, но и патриотического, гражданского, а также участвовала в становлении национального самосознания молодого поколения. Как известно, в начале XX века советская власть резко ограничила функции религиозных организаций, в первую очередь – Русской Православной церкви (здесь и далее – сокращенно – РПЦ), отделив ее от государства. Тем самым, государство практически ликвидировало вос-

питательную функцию, законодательно «ограничив» школу (как, собственно, и все институты системы общего и профессионального образования) от РПЦ.

Об отношении современной молодежи к ценностям религии и елигиозной культуре можно судить по данным одного из наших исследований. В феврале-марте 2013 гг. – был проведен социологический опрос 510 учащихся средних и старших классов 15 общеобразовательных школ Кировского района г. Екатеринбурга и 300 учащихся 9 школ ЗАТО «Лесной» Свердлов-

ловской области, связанный с анализом процессов социализации и подготовки молодых горожан к будущей взрослой жизни. Нашим юным респондентам задавался вопрос: «Ниже перечислены некоторые жизненные ценности, к которым может стремиться взрослый человек. Выберите пять «самых-самых» важных для Вас» – нами были получены следующие ответы (% от общего числа опрошенных по каждой группе; в числителе – учащиеся г. Екатеринбурга, в знаменателе – г. ЗАТО «Лесной»:

– хорошие товарищи, верные друзья	– 81 / 77
– хорошее здоровье	– 72 / 78
– возможность обучения в ВУЗе на любимую профессию	– 68 / 69
– хорошие родители	– 57 / 62
– возможность самому зарабатывать деньги для собственных нужд	– 61 / 51
– материальное благополучие, экономическая независимость,	– 52 / 47
– содержательный, интересный досуг	– 47 / 44
– хорошие жилищные условия	– 40 / 49
– сознание того, что приносишь пользу людям	– 31 / 30
– порядочность, совесть, доброе имя	– 30 / 33
– чувство безопасности от насилия, воровства	– 29 / 29
– вера в Бога	– 21 / 13

Прежде всего, не может не удивлять практическая идентичность в распределении ответов у юных горожан в большом и малом городах. Разница по различным позициям в пределах статистической погрешности. Подобную схожесть в ценностных ориентациях мы связываем, по преимуществу, с воздействием на молодежь *единого* в городах *информационно-идеологического поля* создаваемого Интернетом телевидением, радио и другими СМИ [1].

Небезынтересно и другое. «Вера в Бога», как жизненная ценность была выбрана каждым пятым (21 %) респондентом в Екатеринбурге и в ЗАТО «Лесной», соответственно – 13 %. Не углубляясь в анализ этого феномена, отметим, что в настоящее время религиозность (например, факт причисления себя к верующим в молодежной среде) часто имеет, в большинстве своем, ситуативный характер, в ней проявляется скорее не устойчивая мировоззренческая позиция, а умонастроение, «элементы мо-

лодежной субкультуры» отличающиеся значительной подвижностью. Нередко люди называют себя православными или мусульманами, воспринимая эти религии как существенный элемент культурной традиции того народа, к которому они принадлежат.

Сегодня РПЦ стремится восстановить утраченные связи и расширить свое присутствие в российских вузах. Свидетельством такого стремления, в частности, может служить выступление Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, в частности он говорил: «Стоит задача интенсифицировать свидетельство Православной Церкви в вузах России. Церковь входит и должна все глубже и глубже входить в самую жизнь российского студенчества, делить его радости и скорби, иметь его не объектом попечения, но стать неотделимым от него субъектом» [2]. О пристальном внимании РПЦ к студенчеству можно судить по практическим делам Церкви. Вот некоторые купюры из сообщений *информационного агентства Екатеринбургской Епархии*: [3].

- «В Санкт – Петербурге пройдет межвузовский творческий конкурс, посвященный Татьянинному дню.

- В Московской области состоится конференция «Молодежь и религия».

- В Архангельске открылось студенческое православное кафе.

- При учебных заведениях среднего Урала появляется все больше домовых храмов:

- в православной школе на улице Ясной Екатеринбурга несет служение храм во имя Святого Страстотерпца Царевича Алексия;

- в Уральском горном университете восстанавливается храм во имя святителя Николая Чудотворца»

- еще один храм во имя святой мученицы Татианы появился на уральской земле. Он открыт в стенах Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии».

Общий для всех наук о религии, включая социологию религии, принцип – принцип опоры на эмпирические данные. Этот конституирующий научные знания о религии принцип одновременно является разделительной чертой между научным подходом к изучению религии и феноменологическим, философским и теологическим. Социолог, изучая религию, имеет дело с тем, что доступно чувственному восприятию. Поэтому в религию как предмет социологического анализа он не включает сверхъестественное, ограничиваясь только эмпириче-

скими данными. Социолог занимается только тем, что можно наблюдать и подлежит проверке. Он не может удовлетворяться общим впечатлением или теологическими аргументами в подтверждение, например, тезиса о том, что религиозная вера вызывает и обуславливает нравственное поведение. Только эмпирические данные могут подтвердить или опровергнуть это утверждение. Социолог должен получить эти данные, и только располагая ими, он может строить теоретические модели [4].

Авторами статьи предпринята попытка рассмотреть некоторые аспекты поведения молодых россиян, связанные с таким феноменом общественного сознания, как «*Вера в Бога*». В представленной статье использованы материалы комплексного исследования по проблемам жизненных ценностей и ориентаций уральской студенческой молодежи. Социологический опрос проводился автором статьи

В 2010 г. автором статьи был проведен опрос 680 студентов старших курсов Уральского государственного технического университета (УГТУ-УПИ)¹ на технических и гуманитарных факультетах. Предмет исследования – уровень и характер причастности молодых людей к религиозной культуре. В ходе исследования респондентам, предлагалось ответить на вопрос «*Верите ли Вы в Бога, и, если да, то к какому вероисповеданию Вы себя относите?*». Были получены следующие ответы (% от общего числа опрошенных – 680 чел.)

– в Бога не верю	– 14
– в Бога верю, но не отношу себя ни к какому вероисповеданию	– 31
– в Бога верю, отношу себя к православию	– 47
– в Бога верю, отношу себя к Исламу	– 3
– в Бога верю, отношу себя к прочим конфессиям	– 5

Почти половина опрошенных студентов (47 %) считают себя православными. Данный факт вполне можно считать одним из аргументов в пользу сотрудничества вуза и РПЦ, но с одной оговоркой. Почему студенты, у которых практически отсутствуют признаки канонического религиозного поведения, ассоциируют себя именно с православием. Что это: дань моде, исторической традиции («русский значит православный»)? На наш взгляд, это,

прежде всего, может быть связано с религиозностью их родителей. Не последнюю роль в самоопределении опрошенных мог сыграть также и тот факт, что почти все они когда-то прошли обряд крещения. Так на вопрос «*Крещены ли Вы?*» утвердительно ответили 97 % опрошенных из группы православных. Вполне возможно, большинство таких студентов мысленно ставят знак равенства между понятиями «крещенный» и «православный».

Как показывают многочисленные социологические опросы, посвященные проблеме религиозности российского населения, за самоназванием «православный» редко стоит нечто большее, чем просто слова. Как правило, среди людей, считающих себя православными крайне мало тех, кто старается соблюдать хотя бы основные предписания Православной Церкви. Например, православному христианину предписано посещать храм каждое воскресенье и во все великие праздники. Опрос показал, что опрошенных студентов, считающих себя православными, только каждый десятый (10 %) посещает церковь регулярно, каждый двенадцатый (8 %) – раз в месяц и чаще, и лишь двое из каждой сотни (2 %) – каждую неделю. Подавляющее же большинство таких респондентов либо вообще не бывают в Храме (6 %), либо посещают его, но нерегулярно (77 %).

Конечно, эту группу студентов нельзя называть добросовестными прихожанами, а скорее (*на манер протодиакона Русской Православной Церкви, профессора Московской духовной академии Андрея Кураева*) – «захожанами». Но факт остается фактом – они, все же, приходят в храм. Другой вопрос, с какой целью? Чтобы как-то прояснить этот вопрос мы спросили студентов: «*Если вы редко бываете в Церкви, то в эти редкие случаи, что служит поводом к его посещению?*». Как выяснилось, список поводов к посещению храма у группы православных студентов весьма обширен (% от общего числа опрошенных 680 чел.):

– желание помолиться (в тяжелой жизненной ситуации; перед важным делом)	– 78
– желание исповедаться и причаститься	– 74
– «большие» церковные праздники (Рождество, Пасха и др.)	– 71
– отпевание усопшего	– 66
– желание поговорить (посоветоваться) со священником	– 65
– крещение детей	– 58

¹ В настоящее время – Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

- желание хотя бы ненадолго отвлечься от повседневной суеты – 54
- венчание новобрачных – 53
- другое – 49

Известно, что в православии к числу восьми греховных страстей отнесены: *чревоугодие, блуд, сребролюбие, гнев, печаль, уныние, тщеславие, гордыня*. Грех для христиан – это не просто проступок или провинность, но и само желание не следовать заповеданному; а также нечто, противоречащее человеческой природе (ведь человек создан по образу и подобию Божию), порочность человеческого существа, проявление его падшей природы, которую он приобрел при грехопадении.

С точки зрения православия – пишет протоиерей Серафим Слободской, - «Грех, или зло есть нарушение закона Божия. Грех – это «причиняемый себе вред, объективно возникающий вследствие нарушения законов нормального человеческого существования. Грехом человек отдаляет себя от Бога. Исполнение заповедей необходимо не Богу, а человеку. Последствия причиненного себе вреда называют *наказанием*, а страдание от последствий – *воздаянием*. Греховные помыслы суть искушения» [5]. Осознают ли такую тесную взаимосвязь «грех-наказание» уральские студенты? Мы спросили у студентов «*Верите ли Вы в то, что Бог наказывает людей за их прегрешения?*». Утвердительно ответили чуть больше половины опрошенных (52 %), отрицательно – каждый четвертый-пятый (22 %). Остальные 26 % затруднились ответить на вопрос.

Логично было бы предположить, что наши респонденты, давшие утвердительный ответ, будут стараться (склонны) избегать тех поступков, за которыми, на их взгляд, «последует кара божья». Однако, по мнению многих священников сегодня слово «грех» «постепенно лишается своего истинного содержания, и в результате воспринимается как нечто запретное, но чрезвычайно привлекательное, что очень хочется совершить, хотя по непонятным причинам это очень не нравится Богу».

Для того чтобы прояснить представления молодежи о грехе, в исследовании студентам задавался вопрос: «*Какие из перечисленных поступков, действий, на Ваш взгляд являются грехом?*». Вот какие мы получили ответы (% от общего числа опрошенных в группе; в числителе – массив в целом – 680 чел.; в знаменателе – студенты, причисляющие себя к православию – 330 чел.):

а) «тяжкий грех»	
– убийство	– 89 / 93
– самоубийство	– 80 / 84
– аборт	– 72 / 78
– проституция	– 64 / 72
– измена (жене / мужу)	– 61 / 66
– гомосексуализм	– 52 / 56
– употребление легких наркотиков	– 50 / 63
б) «грех средней тяжести»	
– ложь в личных интересах	– 43 / 51
– пьянство	– 43 / 50
– употребление матерных слов	– 25 / 36
– развод в семье	– 25 / 34
– курение	– 25 / 33
в) практически «не грех»	
– посещение стриптиз-бара	– 13 / 20
– половые отношения до вступления в брак для ДЕВУШКИ	– 13 / 19
– половые отношения до брака для ЮНОШИ	– 9 / 13
– сокрытие доходов от налоговой инспекции	– 12 / 14

Учитывая, что все перечисленные в таблице варианты действий с точки зрения Православной Церкви в большей или меньшей степени являются грехом, то ответ на первый, поставленный нами вопрос напрашивается сам собой – представления студенческой молодежи о грехе в целом весьма далеки от канонических правил Православной Церкви. Для заинтересованного и компетентного читателя, приведенные в таблице данные, наш взгляд, являют серьезный предмет для размышлений о состоянии не только духовной культуры и морали передового, *наиболее образованного* отряда российской молодежи – студенчества [6].

Исследование показало, что соотносительная разница ценностных ориентаций и нравственных оценок большинства асоциальных проявлений в различных социально-демографических группах весьма незначительна. Так, «пьянство» не считают грехом 57 % всех опрошенных студентов, в том числе 50 % – «православные». Небезынтересны и данные ответов на этот же вопрос двух групп студентов: мужчин и женщин. «Аборт» считают грехом – 66 % мужчин-респондентов и 78 % – женщин; «Гомосексуализм» – соответственно – 64 / 41 %; «Проституция» – 59 / 69 %; «Измена (жене/мужу)» – 57 / 65 %; «Пьянство» - 37 / 48 % и т. д. [7].

Согласно результатам социологических исследований, проводимых, в частности Социологическим центром Ю. Левады и Институт социально-политических исследований (ИСПИ) РАН, динамика религиозности в стране в течение последнего – десятилетия XX – первые годы XXI в. имела тенденцию к экстенсивному росту. Количество людей, с большей или меньшей определенностью относящих себя к верующим, в течение 1990-х гг. возрастало и к концу века составило от 70 до 74 % взрослого населения страны [8].

Однако, говорить о «религиозном возрождении» в России в постсоветский период как феномене духовной жизни общества, как характеристике массового сознания *преждевременно*. В действительности имеет место возрождение религиозных институтов, выражающееся в количественном росте религиозных объединений, духовных школ, развертывании издательской деятельности и т.п. Религиозность же тех, кто считает себя верующим, часто имеет ситуативный характер, в ней проявляется скорее не устойчивая мировоззренческая позиция, а умонастроение, отличающееся значительной подвижностью. Нередко люди называют себя православными или мусульманами, воспринимая эти религии как существенный элемент культурной традиции того народа, к которому они принадлежат [9].

Сегодня все чаще можно слышать утверждения о том, что российское общество переживает духовно-нравственный кризис. Несомненно, сложившееся положение является отражением перемен, произошедших в общественном сознании и государственной политике. Российское государство лишилось четкой и однозначной официальной идеологии, а общество – духовных и нравственных идеалов. В результате этого резко ослабла роль институтов социализации подрастающих поколений (в первую очередь, семьи, школы, системы профессионального образования) рассогласованность усилий которых привела к ограничению возможностей полноценного социально-гражданского становления и «размытости» духовно-нравственных ориентиров молодежи.

По мнению ряда исследователей, которое мы разделяем, произошло усиление роли Русской Православной Церкви, которая за последние двадцать лет из «пережитка прошлого» и фактора негативной социализации, с которым «нужно бороться», превратилась в один из ощу-

тимых источников российской духовности. Государство обратило внимание на позитивную, примиряющую и объединяющую роль Церкви – носительницы общечеловеческих, общемировых ценностей, а церковь обратилась к государству за поддержкой в достижении определенных социальных, просветительских и религиозных целей.

В документе под названием «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви» перечислены более пятнадцати «областей соработничества» Церкви и государства, некоторые из которых тесно связаны с проблемами социализации и духовно-нравственного воспитания молодежи. Одной из таких областей является сотрудничество Церкви и высшей школы, имеющее давнюю традицию и прервавшееся в годы революции.

Вместе с тем, наши исследования позволяют сделать вывод о существенном противоречивом характере религиозности студенческой молодежи. Может ли это служить поводом к отказу сотрудничества вуза и Церкви? На наш взгляд – нет. Уральская студенческая молодежь (*не исключением здесь являются и студенты других регионов России*) занимает достаточно открытую позицию по отношению к религии, вообще, и по отношению к Церкви, в частности, и во многом готова к диалогу с ее представителями. Однако эффективность такого диалога будет во многом зависеть от формы сотрудничества, которую выберет администрация и общественные организации вуза.

В заключении, хотелось бы отметить, что данная статья является попыткой обрисовать один из аспектов взаимодействия Высшей школы и Православной Церкви – социализация и духовно-нравственное воспитание студенческой молодежи. Но перед нами стоит еще ряд вопросов, на которые до сих пор нет научно обоснованных ответов: Как «приживутся» религиозные компоненты в вузах? Какие последствия будет иметь это нововведение? Действительно ли взаимодействие вуза и Церкви будет способствовать нравственному оздоровлению студенческой молодежи?

Вопросы не столь просты и однозначны, ибо их решение должно основываться не на преимущественной реализации амбиций государства или РПЦ. Здесь поставлены «на кон» процесс и результаты формирования гражданской зрелости, моральных устоев и профессионализма будущих молодых специалистов российского социума. Одним словом – будущее России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Павлов, Б. С. Девиантная субкультура уральских тинейджеров и общественная безопасность в регионе // Управленец. – 2013. – № 5. – С. 74–78.

2. Сигнаевская, О. Р. «Мир человека» в условиях возрождения религиозной культуры: философско-антропологический аспект. Дискуссия: журнал научных публикаций. Екатеринбург, 2011. № С. 80–83.

3. Дайджест новостей домовых храмов (1–15 ноября 2005) [Электронный ресурс] Режим доступа // <http://www.today.ru/text/34756.html>. (дата обращения: 22.5.12).

4. Татаркин, А. И. Академическая наука и население региона: опыт конкретного социологического исследования / А. И. Татаркин, Б. С. Павлов, В. Л. Берсенев // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 36. – С. 5–12.

5. Протоиерей Константин Гипп. Грех - болезнь или преступление? // сайт Православного журнала «Фома» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.foma.ru>. (дата обращения: 14.6.12).

6. Павлов, Б. С. Над опасным «социальным Придоньем» (о девиантной субкультуре подростков) / Б. С. Павлов // Социологические исследования. – 2013. – № 2. – С. 69–80.

7. Павлов, Б. С. Предбрачное поведение уральской молодежи / Б. С. Павлов // Россия и современный мир. – 2013. – № 3. – С. 144–153.

8. Гараджа, В. И. Социология религии. – М.: ИНФРА-М, 2005; Мчедлов, М. П. О религиозности российской молодежи // Социол. исслед. – 1998. – № 6. – С. 107–111.

9. Берсенев В. Л. Особые грани современной российской экономики и не только / В. Л. Берсенев, С. Г. Важнин, Б. С. Павлов // Экономика региона. – 2011. – № 1. – С. 264–267.

УДК 316.472.4
ББК 60.54

Е. В. Мельникова, Г. Ю. Русанов***

ВЛИЯНИЕ КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ РАЗЛИЧИЙ НА ФОРМИРОВАНИЕ ИНВЕСТИЦИОННЫХ МОТИВОВ

Волгоградский государственный технический университет

E-mail: *evm.34@yandex.ru, **george.rusanov@mail.ru

Статья посвящена анализу влияния религиозных течений на формирование инвестиционных мотивов. Для уточнения отношения к различным видам инвестирования было рассмотрено несколько ключевых религиозных конфессий.

Ключевые слова: религиозные течения, социальная ответственность, инвестирование, инвестиционные фонды, этика.

E. V. Melnikova, G. Y. Rusanov

THE INFLUENCE OF CONFESSIONAL DIFFERENCES ON FORMATION INVESTMENT MOTIVES

Volgograd State Technical University

Article is devoted the analysis influence of religious trends on the formation of investment motives. To clarify the relationship to different types of investment has been reviewed several main religious denominations.

Keywords: religious trends, social responsibility, investment, investment funds, ethics.

В современном обществе все семь миллиардов живущих на земле человек верят. Кто-то верит в Бога, кто-то в то что Его нет; разум, справедливость, в прогресс. Вера образует важнейшую часть мировоззрения человека, как личность, его жизненную позицию, нравственность, убеждения. Исходя из этого создаются определенные нормы, по которым человек действует и мыслит.

На данном этапе развития человеческой культуры существует множество религий и религиозных институтов. Каждый в отдельности влияет на различные сферы жизни и деятельности человека. Социологи, историки, политологи пытаются определить религию как один из фак-

торов, который определяет успешность и самобытность различных обществ. Многие ученые в наши дни изучают влияние религии на человека, в том числе и на экономическую деятельность.

Религия оказывала активное воздействие на поведение верующих в сфере экономики с древнейших времен. Экономический успех был достигнут в тех странах, где определенные религии стимулировали экономическую деятельность путем создания соответствующего нравственного фона, нравственных норм и трудовой этики. Так же религия может тормозить экономический прогресс путем объявления обогащения греховным и возведения смирения плоти в высший идеал.

По своей сути динамично развивающаяся экономика базируется на развитом финансовом рынке страны. Можно сделать вывод, что религия один из факторов влияющий на фондовый рынок и инвестиционную привлекательность в целом. Религиозные направления способны внести существенную роль в распределение инвестиций.

Макс Вебер – один из величайших немецких философов, культурологов, социологов, работу которого «Протестантская этика и дух капитализма» относят к числу классических произведений социологической мысли, – регламентирует лучшие результаты, достигаемые протестантами в сравнении с католиками в финансовой сфере [1].

Большинство религиозных течений можно отдельно охарактеризовать по отношению к финансовым вложениям.

По утверждению Джонатана Херсона в его статье *Invest Like a Buddhist Monk*, много особенностей, свойственных успешным инвесторам, были взяты из буддистской философии. Так, четыре основы буддизма – рационализм, прагматизм, эмпиризм и скептицизм – полностью сопутствуют правилам, которые следует соблюдать при инвестировании. В целом буддизм не ограничивает инвесторов в их вложениях, однако суть религии идет вразрез с идеей материальных накоплений [2].

Что касается ислама, то тенденция вкладывать свои средства по исламским законам, за последние годы увеличивается, несмотря на то что ограничения, выдвигаемые религией, более жесткие для бизнеса, по сравнению с другими религиозными течениями. Инвесторы избегают “грешных” акций фирм, получающих прибыль от алкоголя, азартных игр и порнографии. Не приемлемо инвестировать средства в производство, каким-либо образом связанное со свиной. Помимо того, таким инвесторам запрещено вкладывать деньги в фирмы, основную долю прибыли которых составляет доход от процентов. Один из основных паевых фондов, предлагающий стратегии исходя из мусульманских законов, – *Amana Mutual Funds* – уверяет: неиспользование облигаций и любых других процентных бумаг защищает предпринимателей от инфляции и позволяет вкладывать деньги в долгосрочные проекты.

Практика иудаизма для инвесторов начинается с диверсификации портфеля. Инвестирование по законам этой религии практически не

ограничивается, но при этом правоверным иудеям не разрешается нарушать библейский этикет, а социально ответственное инвестирование напрямую связано с принципами инвестирования, ориентированного на иудаизм. Некоторые учения рассматривают инвестирование в страны спонсирующие терроризм, как табу. Инвестирование в табачные компании так же считается как поощрение греха.

Православная церковь направляет инициативу инвесторов скорее на сферы общества, нуждающиеся в финансировании, преподнося идею личного обогащения порочной и не свойственной православному укладу, что является не благотворительным условием для достижения главных целей инвестирования. Например, православие занимает большую долю из исповедующих религий в Российской Федерации, в совокупности с неразвитым фондовым рынком, это негативно влияет на динамику экономического роста. В 2004 году церковь даже оформила документ под названием «Свод нравственных принципов и правил в хозяйствовании», призывающий людей бизнеса действовать исходя из основных заповедей Библии.

Инвестор, желающий увеличить свои сбережения в соответствии с ценностями католицизма, избегают отдавать свои деньги фирмам, которые выплачивают внутренние бонусы неженатым парам. Они стараются ограничить инвестиции в компании, поддерживающие контрацептивы и аборты, а так же исследования оружия массового поражения и эмбриональных стволовых клеток. Среди одобренных компаний, находятся фирмы, пропагандирующие экологическую ответственность и поддерживающие профсоюзы.

Самая разнообразная в плане инвестирования конфессия – Протестантизм. Она объединяет несколько течений – от консервативных до либеральных. К примеру, в английской церкви существует этическая инвестиционная группа советников, которая активно вовлекает корпорации по различным вопросам. Они предостерегают инвесторов от «грешных» акций, инвестированных в алкоголь, табак, азартные игры и в клонирование. Кроме того, существует ограничение на финансовые вложения в компании, которые наносят вред окружающей среде. Существуют и другие направления протестантских инвестиционных фондов. Фонд *Guidestone* старается следить о «моральной и этической стороне своей деятельности», приобретая акции

Apple, Google и ряда нефтяного сектора компаний. Евангелистский фонд Timothy Plan избегает акций компаний вроде Playboy Enterprises, предпочитая скупать бумаги ExxonMobil [3].

В современном мире инвестиционная привлекательность многих объектов инвестирования может принципиально отличаться в зависимости от религиозных взглядов инвесторов. Это необходимо учитывать при продвижении и позиционировании объекта инвестирования на том или ином рынке в различных странах. При позиционировании важно выделять и учитывать главные мотивы целевого сегмента инвестирования. Принимая во внимание разнообразие религиозных взглядов в сегментах, нужно учитывать, что и их инвестиционные мотивы

могут принципиально отличаться. Поэтому, при продвижении на различных рынках, следует делать акцент не только на способ получения дохода, процент риска, но и на социальной ответственности объекта инвестирования, в зависимости от религиозной предрасположенности сегмента.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Collins, R. Introduction to Max Weber's «The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism / R. Collins/ = Mode of access: <http://www.nimbus.ocis.temple.edu/~ychoi/protest.html>
2. Herson, J. Invest like a buddhist monk. URL: <http://www.gurufocus.com/news/26438/invest-like-a-buddhist-monk>
3. Хамраева, В. Очищенные инвестиции [Электронный ресурс]. URL: <http://pbwm.ru/articles/ochischennye-investitsii>

УДК 316.347

ББК 60.545-26 (2Рос-4Вог)

М. М. Самчук

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ И РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОРЫ В РАЗВИТИИ ОБЩЕСТВА (на примере Волгоградской области)

Волгоградский государственный технический университет

E-mail: iks@vstu.ru

Статья посвящена этнокультурному и религиозному факторам развития общества, этнокультурным и религиозным взаимодействиям, определяющим социокультурный портрет региона.

Ключевые слова: полиэтничность, поликонфессиональность, культура, диалог.

М. М. Samchuk

ETHNO-CULTURAL AND RELIGIOUS FACTORS IN THE DEVELOPMENT OF SOCIETY (ON THE EXAMPLE OF VOLGOGRAD REGION)

Volgograd State Technical University

The article is devoted to ethnic and cultural and religious factors of social development, ethno-cultural and religious interactions in determining the socio-cultural portrait of the region.

Keywords: multi-ethnicity, confessions, culture dialogue.

В современных условиях развития общества все большую актуальность приобретают этнокультурный и религиозный факторы. Процессы глобализации оказывают значительное влияние на понимание статуса и функции религии. Религия в процессе сохранения этнической идентичности играет чрезвычайно важную роль, а в ряде случаев даже оказывается решающей.

Следует сразу отметить, что российское общество отличалось и отличается культурно – этническим и конфессиональным разнообразием. Эти особенности характерны и для Нижневолжского региона. Его уникальность обусловлена тем, что в настоящее время на территории региона проживают представители более 190 этносов [2, С13].

Этот факт и предопределил его уникальную роль в междивизиональном диалоге, в обмене культурными ценностями, в развитии общества, народов, государства. Эта роль принадлежала региону веками и тысячелетиями, в его истории нашло свое отражение все многообразие этнических, культурных, конфессиональных процессов. Открытая и обширная зона Нижней Волги диктовала взаимодействие и пересечение различных культур, территория издревле заселялась народами разного этнического происхождения, носителями русской, татарской, казахской, украинской, еврейской, немецкой и других этнических культур. Народы, населяющие этот регион, имеют тюркские, славянские, финно-угорские корни.

Этничность достаточно сложная смесь менталитета и культуры, которая с одной стороны характеризует народ, с другой – объединяет и отличает его от других сообществ. Характеристики этничности весьма многочисленны. Этническое самосознание является результатом широкой идентификации. Основными формами идентификации являются этническая, гражданская, территориальная, культурная, языковая, религиозная, обрядовая, расовая, антропологическая, психологическая и др., которые соответствуют социокультурной среде. Человек при этом не только ощущает сопричастность к своему роду, но и осознает субъективную, социально-психологическую привязанность к объективно существующим компонентам этнической реальности, определяет свое место в этническом мире. В силу этого человек формирует «образ Я – этнического субъекта», представителя определенной этнической общности. Тем самым этническая самоидентификация является фактором формирования представления о себе как об этническом субъекте, одним из уровней становления этнического самосознания. Этничность возрастает или ослабевает в соответствии с внешними обстоятельствами. Кроме всего, она конфронтационна. Межэтнические конфликты происходят между отдельными представителями, социальными группами различных этносов. Причины, ведущие к ним, многообразны. Они могут быть связаны с рядом факторов: этнопсихологическим, социокультурным, социально-экономическим, политическим. Предупредить кризисы в межнациональных отношениях возможно на основе создания определенных условий для решения правовых, экономических, политических, социально-психологических проблем и процесса удовлетворения духовно-нравственных интересов и потребностей в результате сохранения и развития национальных культур. Значительную помощь в этом направлении оказывают официально зарегистрированные национальные объединения. Они осуществляют на территории Волгоградской области широкую деятельность, и, прежде всего, объединяют представителей того или иного этноса в рамках одного сообщества. Руководящий аппарат, осуществляет координацию деятельности членов общины и налаживает взаимодействие с органами власти и другими национальными организациями. Во многом благодаря этому сотрудничеству в регионе удается поддерживать благо-

приятную, мирную обстановку в сфере межнациональных отношений и национальной безопасности. При существующих социальных проблемах в регионе важно помогать представителям своего этноса в трудных жизненных ситуациях: поддерживать экономически, помогать в адаптации мигрантов, оказать благотворительную помощь, юридическую поддержку, помощь в оформлении и сборе документов, содействие в получении гражданства. Большое значение имеет деятельность, направленная на культурное развитие, ориентированное на сохранение и поддержание традиций, самобытности, языка данной этнической общности. Во многом, данная деятельность направлена не только на сохранение собственных традиций, но и на межкультурный обмен, развитие толерантности в обществе. Количество общественных организаций этнокультурной направленности различное. По состоянию на 01.02.2012 г. на территории области действует 58 национальных общественных объединений. Из них 37 общественных организаций, 17 национально-культурных автономий, 4 фонда [[http://www/volganet.ru](http://www.volganet.ru)]. По данным на 01.07.2013 в регионе зарегистрировано уже 62 общественных объединения, из них 49 национальных общественных организаций, 9 национально-культурных автономий, 4 фонда. [3, С. 82]. Русские создали в общей сложности 4 организации: 2 общественных, 1 культурный центр, 1 фонд. Особую нишу занимают казачьи организации – их количество достигло 5, а всего в области создано 251 казачье общество. По 6 различных организаций создали азербайджанцы и армяне, 5 – евреи, 4 – немцы, 2 – корейцы, цыгане, татары, казахи, поляки, узбеки; по 1 организации – китайцы, вьетнамцы, каракалпаки, ингилойцы-эры, дагестанцы, афганцы, мордва, осетины, греки, арабы, ингуши, грузины, украинцы, белорусы, чеченцы, Карачаево-Черкессия, Кабардино-Балкария. Существуют также областная общественная организация развития культуры «Дом дружбы» и Ассоциация «Союз национальных общественных объединений», которые координируют деятельность всех социально ориентированных некоммерческих организаций [3, СС.82–84].

Безусловно, все перечисленные направления деятельности национальных общественных организаций носят созидательный характер и способствуют стабилизации обстановки в регионе, развитию толерантности, сохранению

культурного богатства и разнообразия Волгоградской области.

Национальные общественные объединения являются неотъемлемым составным компонентом системы гражданского общества в РФ, способствующим всестороннему развитию инициативы и самодеятельности граждан в решении вопросов этносоциального развития населения. В нашем регионе открыты и успешно действуют официальные представительства ряда республик – субъектов РФ (Дагестана, Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Калмыкии, Чеченской республики, Северной Осетии). Это дополнительно способствует полноценному социально-культурному развитию граждан, относящих себя к определенным этническим общностям на территории Волгоградской области, а также является мощным стимулом для межрегионального торгово-экономического, культурного, научно-технического сотрудничества и взаимодействия.

В основе единства любого этноса помимо общности языка, территории и исторической судьбы всегда лежит определенная система ценностной регуляции, укорененная в соответствующей религиозной традиции. Полиэтничность тесным образом взаимосвязана с поликонфессиональностью и имеет в регионе исторические корни. Еще в VIII в. Нижняя Волга и Северный Кавказ входили в состав Хазарского Каганата, который отличался этими характеристиками. Границы Хазарии были достаточно неустойчивыми, а население весьма пестрым. Значительную роль играли евреи, в результате чего правящие круги исповедовали иудаизм. О наличии различных религий и их многочисленных последователей свидетельствует тот факт, что в столице государства Итиле, которая находилась в низовьях Волги, было семь судей: два – для мусульман, два – для иудеев, два – для христиан и один – для представителей других религий.

В период татаро-монгольского нашествия (до начала XIV в.) в регионе преобладал тюркоязычный шаманизм, имело место и влияние несторианства. С середины XIII в. в Нижнем Поволжье появляется христианство. Во второй половине XIII–XIV вв. увеличилось влияние католической церкви. На территории Золотой Орды проповедовали католические миссионеры. В этот период появился и буддизм. С начала XIV в. доминирующее положение начинает занимать ислам [4, СС. 144–146]. Середина XVI в.

стала определенным рубежом в истории региона. Междуречье Волги и Дона вошло в состав Российского государства. В 20-е гг. XVI в. происходит приток в Поле и на Дон русского населения, невзирая на требование Ивана III в 1502 г. к княгине Аграфене Рязанской «велеть казнити» тех, кто «пойдет самодурью на Дон, в молодечество». В 30–70-е гг. Усиливается поток переселенцев на Дон с различных окраин России и уже в 1548 г. встречается упоминание об «остроге» у Волго-Донской Переволоке. Регион становится прибежищем не только для беглых крепостных православных. В результате Церковного раскола в XVII в. на его территории появились старообрядцы, различные сектантские группы (субботники, молокане, хлысты и т. д.).

В XVII в. на территории Нижней Волги в результате миграции появились ойраты, которые пришли с территории Западной Монголии. Они создали Калмыцкое Ханство. Кроме этого они были носителями еще одной мировой религии – буддизма. XVIII век внес свои изменения в конфессиональный портрет региона. Политика Екатерины II привлекла немцев, которые создали здесь многочисленные поселения. Появление новых поселенцев привело к распространению протестантизма и римско-католического вероисповедания.

Таким образом, исторический процесс формирования региона шел не только по многонациональному пути, но и поликонфессиональному. На территории региона были представлены все мировые религии, их направления, секты, национальные религии и т. д. В период существования российской империи государственной религией было православие, но это не мешало не только присутствию, но и развитию других конфессий[1].

Советский период резко изменил положение и деятельность всех религиозных объединений. В политике Советского государства присутствовали диаметрально противоположные положения относительно религиозных воззрений. Де-юре Конституция СССР – одна из самых демократичных в мире, закрепляла свободу совести. Но де-факто политика государства была направлена на разрушение религиозных верований различными способами и методами: от атеистической, антирелигиозной пропаганды, финансовых и юридических ограничений деятельности религиозных организаций до административного преследования верующих. Такая политика была связана с тем, что религии

принадлежит важная роль в формировании духовных ценностей населения. Поэтому была предпринята попытка ликвидации огромной социокультурной роли религии. Но удалось лишь подорвать, но не уничтожить, духовно-интегрирующую социальную функцию религии. На рубеже XX–XXI вв. в регионе, как и во всей стране, начался процесс возрождения религии. Но этот и без того сложный процесс становится в значительной степени сложнее в полиэтническом и поликонфессиональном регионе, так как касается не только христианства, но и других, как мировых, так и локальных, национальных религий.

Возрождение и дальнейшее развитие религии зависит от действий религиозных организаций и их служителей, от умонастроений различных слоев населения, от их воспитания, от взаимоотношений между конфессиями и между конфессиями и государственной властью. Именно власть является гарантом соблюдения прав граждан на свободу совести. Легитимный плюрализм религий соответствует сложившейся ситуации в Волгоградской области. На ее территории по данным на 2001 г. действовало всего 327 религиозных организаций и сооружений [8, С.42]. В настоящее время их количество увеличилось до 404 религиозных организаций, которые принадлежат 22 вероисповеданиям [3, С.84; 6].

Что свидетельствует о развитии конфессий. Наиболее быстрыми темпами развивается православие. В 2001 г. на территории региона было зарегистрировано 194 прихода, а в 2012 г. – 239. Количество монастырей увеличилось до 9. Количество Старообрядческих общин возросло до 10. Римско-католическая церковь сохранила на территории области 5 приходов, 1 – Армянская апостольская церковь, 1 организация Церкви Божьей Матери «Державная». Значительно увеличилось в области за последние два десятилетия число протестантских организаций – их в настоящее время 107. В области действует 22 организации Евангельских христиан-баптистов, 14 – Евангельских христиан, 23 – Христиан веры евангельской (ХВЕ), 17 – Адвентистов седьмого дня (АСД), 4 – лютеран, 20 – Свидетелей Иеговы, зарегистрированы также по одной организации Новоапостольской, Методистской церковью, Армии спасения, 2 организации Церкви Иисуса Христа святых последних дней (мормоны). Все 22 мусульманские религиозные организации на территории области исповедуют традиционный для нашего региона суннит-

ский вариант ислама. Небольшая часть верующих относится к шафиитскому мазхабу, часть – к шиитам. Большая часть общин объединена в Региональное духовное управление мусульман Волгоградской области, которое входит в состав Центрального духовного управления мусульман России. Иудаизм в регионе представлен 6 общинами, три из которых относятся к хасидизму. На территории области зарегистрированы 2 буддистские общины. Буддизм представлен 2 организациями, которые представляют два направления религии: направление тибетского буддизма Ваджраяна (Алмазный путь), к которому относится школа Карма Кагью и направление Махаяны (школа Гелугпа). Индуизм представлен 1 организацией – Общество сознания Кришны (вайшнавья).

В Волгоградской области зарегистрированы и действуют религиозные организации, запрещенные законом в других государствах, например, Свидетели Иеговы. Они отказываются от существующей общественной системы и от официальных церквей, поэтому их можно отнести к альтернативным движениям. В целом же религиозные организации обладают значительным авторитетом и принимают активное участие в решении социальных проблем.

РПЦ и другие религиозные организации в основном занимаются миссионерской, благотворительной деятельностью, оказывая помощь социально незащищенным группам населения: детям-инвалидам, сиротам, многодетным семьям, больным (алкоголикам, наркоманам). Так, Армия Спасения, например, разработала программы социальной деятельности: «Уход на дому», «Тюремное служение», программу реабилитации инвалидов «Надежда» и т. д. Мормоны организуют бесплатные курсы по изучению английского языка, а также проводят акции по оказанию гуманитарной помощи учреждениям социальной защиты и медицины. Евангелическо-Лютеранская церковь в Волгограде проводит теологические семинары, концерты, занятия по изучению немецкого языка. Огромное внимание уделяется молодежи. В общине организовывается молодежный досуг «Классик – кафе», создан молодежный хор «Поющие ангелочки», проводятся мероприятия, направленные на укрепление семьи – «Семейные воскресенья». Большинство религиозных организаций, особенно РПЦ, имеют воскресные школы, как для детей, так и для взрослых [5]. Основные направления работы воск-

ресных школ: образовательное, воспитательное, трудовое, эстетическое, оздоровительное, содействие семье.

Таким образом, каждая религиозная организация, конфессия стремится расширить сферу своей деятельности, и хотя их действия направлены на развитие духовной сферы, достаточно сложно избежать столкновения интересов, межконфессиональных конфликтов. Решить эти архисложные задачи возможно при помощи воспитания толерантности с одной стороны, а затем, с другой стороны в процессе диалога культур укрепить соответствующие и выработать новые ценностные интеграторы населения – общие для всего региона.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Государство и религиозные организации Нижней Волги и Дона в XX веке: Сб. документов и материалов: Каталог культовых зданий / Сост. О. Ю. Редькина, Т. А. Савина; под ред. М. М. Загорулько. – Волгоград: ГУ «Издатель», 2002.

2. Доклад об итогах Всероссийской переписи населения 2010 года по Волгоградской области. – Волгоград, 2012. – 58 с. – С. 13.

3. Межэтнические и конфессиональные отношения в Южном федеральном округе. Экспертный доклад / Под ред. В. А. Тишкова, Л. Л. Хоперской, В. В. Степанова. – М. – Ростов-на-Дону, 2013. – 114 с. (84)

4. Недашковский, Л. Ф. Этно-конфессиональные процессы в Нижнем Поволжье в золотоордынское время / Л. Ф. Недашковский // Вопросы истории. – 2008. – № 9. – С. 144–146.

5. Религии и религиозные организации Волгограда: Информационно-методический справочник / Под общ. ред. С. Б. Антоновой. – Волгоград, 2005. – 184 с.

6. Религиозные организации (28 февраля 2012) // Официальный портал губернатора и Правительства Волгоградской области (<http://www.volganet.ru>).

7. Самчук, М. М. Духовная сфера региона: поликонфессиональность / М. М. Самчук, А. А. Самчук // Человек, культура, общество: межвуз. сб. научн. тр. / Отв. ред. Н. В. Дулина, И. А. Небыков, О. В. Естрина / Вып. 6. – ГОУ ВПО «Волгогр. гос. техн. ун-т». – Волгоград, 2009. – С. 172–181.

8. Экономическая энциклопедия регионов России. Волгоградская область / Глав. редкол.: Ф. И. Шамхалов (гл. ред.) и др., редкол. тома О. В. Иншаков и др. ЗАО НПО «Экономика», ВолГУ. – ЗАО «Издательство «Экономика», 2005. – С. 42–503.

ББК 60.545.1

О. А. Найдя, О. С. Косивцова

РОЛЬ ПРАВА В РЕГУЛИРОВАНИИ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Волгоградская академия физической культуры

E-mail: kosivcovaos@mail.ru

Статья посвящена проблеме реализации права по вопросам межнационального взаимодействия законодательства Российской Федерации на примере Волгоградской области.

Ключевые слова: межнациональные отношения, экстремистская деятельность, межэтнические конфликты.

O. A. Naida O. S. Kosivtsova

THE ROLE OF LAW IN REGULATION INTERNATIONAL INTERACTION

Volgograd Academy of Physical Culture

The article deals with the right of international cooperation on legislation of the Russian Federation on the example of the Volgograd region.

Keywords: international relations, extremist activities, interethnic conflicts.

Россия многоконфессиональное и многонациональное государство. Игнорировать, а тем более недооценивать, проблемы обострения межрелигиозных, межэтнических, межнациональных отношений крайне опасно и недопустимо. Для успешного межнационального взаимодействия органам государственной, муниципальной власти и правоохранительных органов необходимо владеть знаниями, умениями и навыками в сфере регулирования межэтнических и межконфессиональных отношений и на основе комплексных знаний осуществлять грамот-

ные действия, обеспечивающие в регионах страны в целом политическую стабильность и правопорядок.

По данным Генпрокуратуры России, число экстремистских преступлений непрерывно росло с 2006 года. В 2006 году было зарегистрировано 263 преступления, в 2007 – 358, в 2008 – 460, в 2009 – 548. В 2010–2011 годах в ряде крупных городов России была пресечена деятельность более 50 радикальных националистических групп. В 2012 году зарегистрировано 637 преступлений экстремистской направленности,

в том числе 24 террористических акта. В январе 2013 года уже зарегистрировано 32 преступления террористической направленности и 48 преступлений экстремистской направленности. Учитывая национальные и религиозные особенности Северного Кавказа рост экстремизма в стране становится реальной угрозой национальной безопасности.

По данным исследования, большая доля вероятности открытых конфликтов на национальной почве составит 35,6 % – вполне вероятно, а по мнению 3,6 % – неизбежна. При этом, 14,2 % из числа опрошенных в случае возникновения конфликта на национальной почве указали на свое обязательное участие.

В настоящее время, на территории Российской Федерации выработаны комплексы мер по межнациональному взаимодействию, в том числе, что касается этноконфессиональной конфликтологии.

Разработаны основные правовые акты, определяющие правовые основы борьбы с экстремизмом на почве этноконфессиональной конфликтности, а именно: Федеральные законы «О противодействии экстремистской деятельности» [1], в котором определены правовые и организационные основы противодействия экстремистской деятельности, «О свободе совести и о религиозных объединениях» [2], «О национально-культурной автономии» [3], «Об общественных объединениях» [4]. За проявления экстремизма на почве межэтнической и межконфессиональной розни, Российским законодательством предусмотрена уголовная и административная ответственность.

К правовым основам межнационального взаимодействия относятся целый ряд указов Президента Российской Федерации и постановлений Правительства Российской Федерации. Один из основных – Указ Президента Российской Федерации «О мерах по обеспечению согласованных действий органов государственной власти в борьбе с проявлениями фашизма и иных форм политического экстремизма в Российской Федерации» от 23 марта 1995 года № 310 (в редакции от 3 ноября 2004 года).

В начале 2006 года работает Общественная палата Российской Федерации – со слов Председателя Правительства России В. В. Путина, структура, которой, станет «площадкой для согласования позиций по важнейшим вопросам государственной политики» [5], в том числе в сфере этноконфессиональных отношений в российском обществе.

Определены курирующие органы исполнительной власти, по взаимодействию с религиозными и общественными организациями, региональными отделениями федеральных политических партий. При высших должностных лицах республик, краев и областей, образованы совещательные консультативные органы.

Создаются и функционируют в органах местного самоуправления структурные подразделения, отвечающие за сферу межнациональных отношений. В ряде регионов работают экспертные, консультативные, учебно-методические и межнациональные советы при органах государственной власти, объединяющие представителей власти, религиозные организации, руководителей этнических общественных, представителей научного сообщества.

На территории Российской Федерации реализуется огромный комплекс мер по межнациональному взаимодействию на религиозной и этнической основе. К сожалению, принятые меры не оказывают значимого влияния на развитие ситуации, связанной с проявлениями межконфессиональной и межэтнической конфликтности. Напротив, в последние годы в нашей стране наблюдается обострение ситуации, связанной с экстремистскими проявлениями

На сегодняшний день, высокую опасность представляют международные террористические и экстремистские организации, преступная деятельность которых распространяется по разным регионам нашей страны.

По итогам Всероссийской переписи населения за 2010 года на территории Волгоградской области проживают более 130 представителей разных национальностей.

На сегодняшний день, Волгоградская область является одним из самых многонациональных государственно-территориальным образованием, данный факт накладывает свой отпечаток на общее состояние межнациональных отношений в регионе. Этническая ситуация относительно стабильна. На территории Волгоградской области русские расселены равномерно, в большинстве ее районов их численность является преобладающей.

По данным Министерства юстиции РФ по Волгоградской области в начале 2012 года на всей территории Волгоградской области было зарегистрировано более 60 национальных общественных организаций (национально-культурных автономий, благотворительных фондов регионального, городского и районного значе-

ния, национальных общественных объединений). Помимо этого, без регистрации на территории области осуществляют свою деятельность национальные организации, объединяющие соотечественников Республики Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесской Республики и Республики Мордовия, турок-мехетинцев.

Для поддержки межконфессионального и межнационального согласия в Волгоградской области, для профилактики конфликтов на межконфессиональной, социальной и этнической почве, пропаганды толерантности Министерство культуры Волгоградской области и Министерство образования и науки Волгоградской области по плановой основе проводятся образовательно-воспитательные, культурно-массовые и спортивные мероприятия, направленные на патриотическое и духовное воспитание молодежи, уважение к культуре и религиям других народов.

В Волгоградской области на 2012–2015 годы, проводится социологические исследования состояния межнациональных и межконфессиональных отношений в рамках республиканской целевой программы «Профилактика терроризма и экстремистской деятельности в области, информационно-пропагандистская работа по профилактике терроризма и экстремистской деятельности. Руководством и специалистами Министерства культуры Волгоградской области, правоохранительными органами, регулярно проводятся с руководителями культурно-национальных центров рабочие встречи, где освещаются участия данных центров в проводимых в Волгограде и области культурно-массовых мероприятиях, сохранения и укрепления межнационального согласия, предотвращения социальных, межнациональных и межрелигиозных конфликтов.

Широкое определение экстремистской деятельности показано в Законе Российской Федерации, определив его, в том числе как «публичное оправдание террористической деятельности и терроризма; возбуждение национальной, религиозной, социальной или расовой розни; пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, национальной, расовой, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии; нарушении прав, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии».

К сожалению, как показывает практика, практически все межэтнические конфликты последних лет начинались с происшествий в молодежной среде. Сам первоначальный инцидент как правило, не имеет никакого отношения к этнической принадлежности его участников. Но, по логике развития этнического конфликта, если хотя бы одна сторона рассматривала его как национальный, он таким и становится: сначала только в общественном мнении, а затем и в действительности. Ярким примером тому служат события 1 мая в поселке Вишневка Палласовского района между местными чеченцами и казахами, где по мнению правоохранительных органов, конфликт носил бытовой характер, который в последствии был переведен в межнациональное противостояние.

Эмоциональность конфликтов с участием представителей различных национальностей весьма высока, это приводит к тому, что люди начинают искать причины практически любого конфликта именно в межэтнических различиях. Важно учитывать, что любая форма политического, гражданского или вооруженного противоборства, в которой одна из сторон или стороны действуют, мобилизуются или страдают по признаку этнических различий и является этническим конфликтом. Как показывает практика последних лет, экстремистам достаточно легко удается направлять недовольство участников конфликта в русло межэтнических противоречий. Например: после взрыва автобуса террористкой – смертницей, который и спровоцировал нарастание антимусульманских настроений. Ночью 24-го октября 2013 года неизвестные хотели поджечь мечеть. Несколько домов с мусульманами злоумышленники закидали зажигательной смесью. Данные инциденты связывают с терактом совершенном в Красноармейском районе г. Волгограда.

Мы видим, что совершенствование законодательства составляет основу государственной политики по противодействию экстремизму. Тем не менее, но законодательство не будет эффективно, если не будет подкреплено реализацией практике. Разговор, в данном случае идет о комплексе мер, прежде всего, административного и политического характера, направленных на пресечение и предупреждение экстремистской деятельности.

Для предупреждения экстремизма на этнической основе, необходимо усилить контроль со стороны органов государственной власти

субъектов Российской Федерации и муниципальных органов власти в местах компактного расселения представителей национальных диаспор и землячеств, за развитием процессов в том числе зарубежных.

Целесообразно дальнейшее ужесточение и повышение ответственности не только за экстремистскую деятельность, но и за пренебрежение мер по ее пресечению и профилактике. В основном, политические процессы, тесно связанные с экстремизмом, основываются на протяжении длительных периодов и, как правило, на виду у органов государственной власти субъектов Федерации и местного самоуправления. Игнорирование развития подобных процессов, приводят к всплескам насилия и конф-

ликтов, которые приобретает межнациональную окраску.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Федеральный закон от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (ред. от 29.04.2008).
2. Федеральный закон от 26 сентября 1997 года № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» (ред. от 30.11.2010).
3. Федеральный закон от 17 июня 1996 года № 74-ФЗ «О национально-культурной автономии» (ред. от 09.02.2009).
4. Федеральный закон от 19 мая 1995 года № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» (ред. от 22.07.2010).
5. Выступление на первом пленарном заседании Общественной палаты Российской Федерации 22 января 2006 г.

УДК 159.922.4
ББК 88.37

В. А. Соломонов

ПРЕДПОСЫЛКИ К СОЗДАНИЮ БЛАГОПРИЯТНОГО СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КЛИМАТА В ПОЛИЭТНИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЯХ*

Северо-Кавказский федеральный университет

E-mail: vlads67@mail.ru

В статье рассматриваются полиэтнические особенности социально-психологического климата в коллективе, оказывающие воздействие на продуктивность совместной деятельности.

Ключевые слова: социально-психологический климат, полиэтнические организации, конфликты, ценности, управление.

V. A. Solomonov

BACKGROUND OF THE FAVORABLE SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL CLIMATE IN MULTIETHNIC ORGANIZATIONS

The North Caucasus Federal University

This article discusses features multiethnic socio-psychological climate in the team, have an impact on the productivity of joint activities.

Keywords: socio-psychological climate, multiethnic organization, conflicts, values, management.

Социально-психологический климат выступает внешним проявлением различных групповых феноменов в виде поведенческих и речевых актов. Как социальный феномен это одна из сторон жизнедеятельности и взаимоотношений людей. Он неодинаков в разных коллективах и по-разному оказывает влияние на членов коллектива. Его влияние сказывается, прежде всего, на психологическом самочувствии людей. Климат проявляется, главным образом, в таких групповых эффектах:

– сплоченность как степень единства действий (поведения) членов организации в условиях свободного выбора вида этих действий из нескольких возможных вариантов;

– взаимная совместимость (взаимная приемлемость) как возможность бесконфликтного общения и согласованности действий членов организации в условиях их совместной деятельности;

– состояние уровня идентификации, понимаемого как сознательное, внутренне мотивированное принятие членом группы (в отличие от пассивной адаптации) целей, ценностей и норм групповой жизни и др.

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект 14-00-00882.

Социально-психологический климат можно определить, как психическое состояние, интегрированным образом отражающее особенности его жизнедеятельности, как качественную сторону отношений межличностных, проявляемая в виде совокупности психологических условий, способствующих или препятствующих продуктивной деятельности совместной и всестороннему развитию личности в группе. Это состояние включает в себя когнитивный и эмоциональный компоненты, оно также характеризуется различной степенью осознанности.

Северокавказский регион имеет специфические этнопсихологические особенности, которые связаны с историей. На протяжении всей истории в качестве своеобразного моста связывал переднюю Азию с причерноморскими степями и всей Юго-Восточной Европой. Становлению на Северном Кавказе эффективных и результативных форм управления в определенной степени препятствуют утвердившиеся в массовом и индивидуальном сознании стереотипы об архаичной традиционности Северного Кавказа, о кавказцах как людях резко отличающихся по своему менталитету от других жителей России.

В полиэтнических организациях возможны конфликты ценностей, что создает определенные трудности для достижения эффективного и результативного управления. Однако, по мнению многих исследователей, упорядоченный механизм взаимодействия в организациях эффективен тогда, когда он укоренен не только в писаных (кодифицированных) правилах и нормах, но и в не писаных нормах, ценностных системах, образцах поведения. Иными словами, становление эффективного и результативного управления организациями возможно через оптимизацию полифонии социокультурных традиций России и формирования приемлемых для большинства членов общества правил игры [4].

На рис. 1 показаны результаты, проводившегося с вузах Ставрополя и Невинномысска в 2014 году в котором приняли участие представители как русского этноса (более 200 студентов), так и представители этносов Северного Кавказа, оценки утверждения «Я хотел бы стать более терпимым человеком по отношению к другим». Так 68 % представителей русского этноса и 82 % представителей этносов Северного Кавказа ответили положительно на этот вопрос.

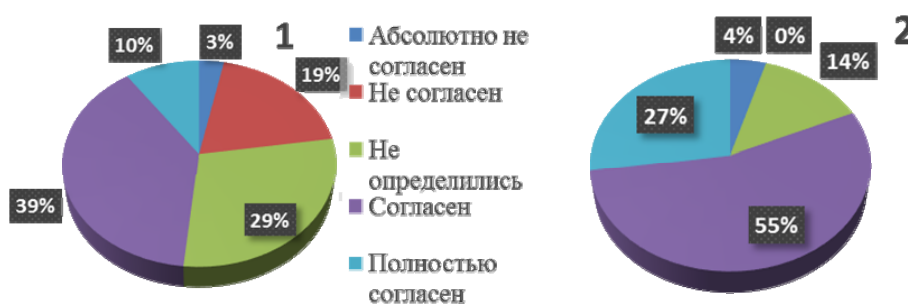

Рис. 1. Результаты оценки утверждения «Я хотел бы стать более терпимым человеком по отношению к другим» (1 – представители русского этноса, 2 – представители этносов Северного Кавказа)

На Северном Кавказе, как и во всем современном российском обществе, все еще нет консенсуса по базовым ценностям. Хотя нельзя согласиться и с теми авторами, которые пропагандируют «генетические» антагонистичность и несовместимость различных этнических, конфессиональных и иных региональных практик. Становлению на Северном Кавказе эффективных и результативных форм управления в определенной степени препятствуют утвердившиеся в массовом и индивидуальном сознании стереотипы об архаичной традиционности Северного Кавказа, о кавказцах как людях резко отличающихся по своему менталитету от других жителей России.

В результате исследования согласны с утверждением «К некоторым нациям и народам трудно хорошо относиться» 55 % и 46 % соответственно (рис. 2).

Управление социально-психологическим климатом – процесс сложный, связанный с тем, что климат проявляет себя интегрально, как общий – положительный или отрицательный – нравственно-психологический фон внутриколлективных отношений. Управление социально-психологическим климатом включает в себя осуществление следующих мероприятий:

– управление процессом формирования содержательных психологических компонентов климата (норм, ожиданий, ценностей, устано-

вок, традиций, группового мнения и настроения);

– оптимальный подбор, расстановка, обучение и периодическая аттестация руководящих кадров;

– комплектование первичных коллективов

с учетом фактора психологической совместимости;

– опора на наиболее авторитетных, активных членов коллектива;

– предупреждение и разрешение межличностных конфликтов.

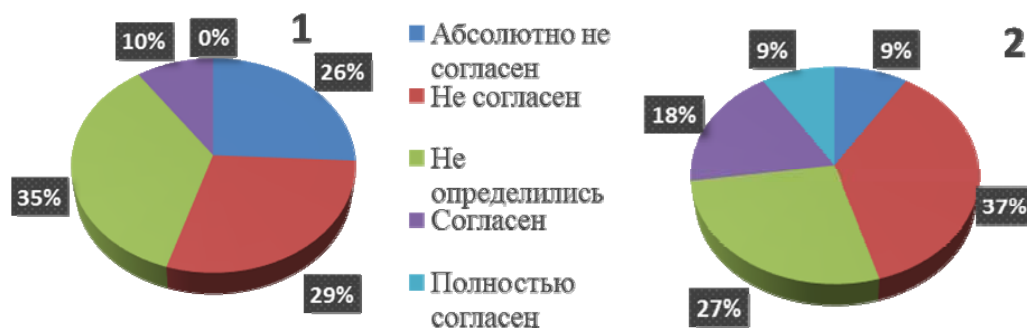

Рис. 2. Результаты оценки утверждения «К некоторым нациям и народам трудно хорошо относиться» (1 – представители русского этноса, 2 – представители других этносов Северного Кавказа)

На рис. 3 показаны результаты, утверждения «В споре может быть правильной только одна точка зрения». Так 48 % представителей

русского этноса и 39 % представителей этносов Северного Кавказа ответили положительно на этот вопрос.

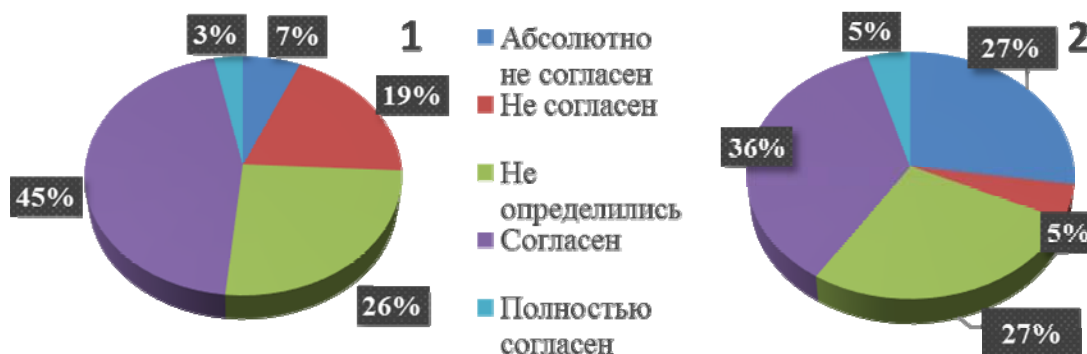

Рис. 3. Результаты оценки утверждения «В споре может быть правильной только одна точка зрения» (1 – представители русского этноса, 2 – представители других этносов Северного Кавказа)

Этнопсихологические особенности организаций проявляются в социально-психологическом климате. Климат как социально-психологический феномен это одна из сторон жизнедеятельности и взаимоотношений людей в полиэтнических общностях. Он проявляется, главным образом, в таких групповых эффектах:

– сплоченность как степень единства действий (поведения) членов организации в условиях свободного выбора вида этих действий из нескольких возможных вариантов;

– взаимная совместимость (взаимная приемлемость) как возможность бесконфликтного общения и согласованности действий членов организации в условиях их совместной деятельности;

– состояние уровня идентификации, понимаемого как сознательное, внутренне мотивированное принятие членом группы (в отличие от пассивной адаптации) целей, ценностей и норм групповой жизни и др.

По результатам оценки утверждения «Даже если у меня есть свое мнение, я готов выслушать и другие точки зрения» Не согласных с этим утверждением не было (рис. 4).

На эффективность создания благоприятного социально-психологического климата влияют многие факторы, в том числе качественный состав группы. Наряду с профессионализмом ее членов, их психологической совместимостью между собой, оптимальным распределением ролей, важное значение имеет национальный

состав коллектива. Исследования, проводимые М. А. Корговой, выявили, что более чем на 80% исследуемых предприятий самого многонационального региона России – Северного Кавказа работают мононациональные управленческие

команды [3].

В нашем исследовании на утверждение «Человек, который думает не так, как я, вызывает у меня раздражение» 65 % и 53 % респондентов (рис. 5).

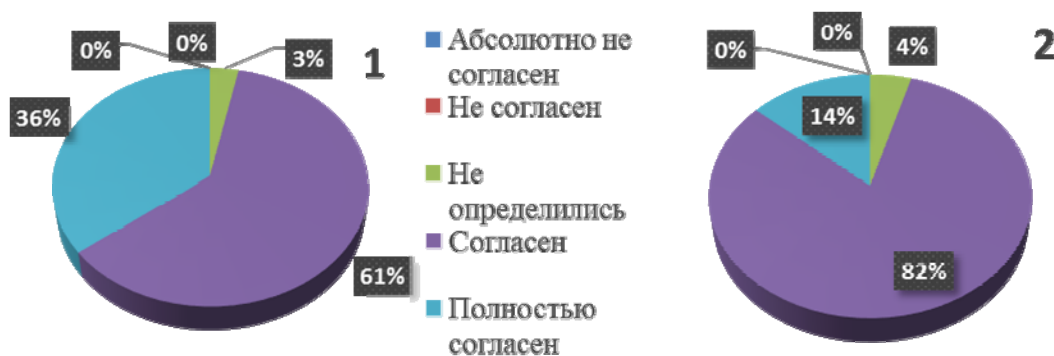

Рис. 4. Результаты оценки утверждения «Даже если у меня есть свое мнение, я готов выслушать и другие точки зрения» (1 – представители русского этноса, 2 – представители других этносов Северного Кавказа)

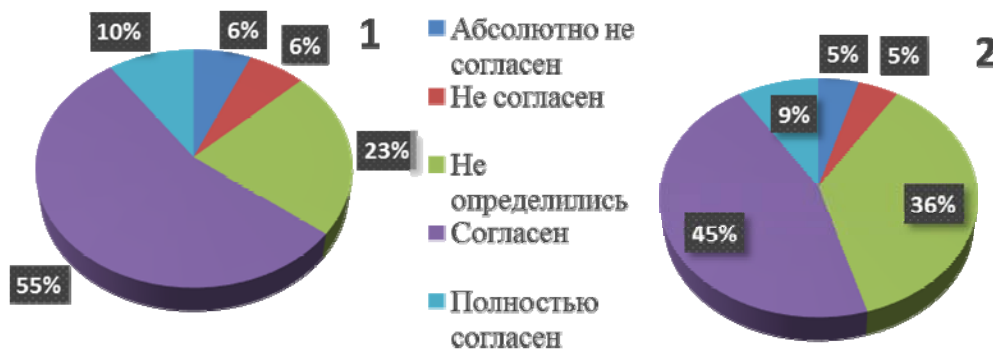

Рис. 5. Результаты оценки утверждения «Человек, который думает не так, как я, вызывает у меня раздражение» (1 – представители русского этноса, 2 – представители других этносов Северного Кавказа)

Во избежание проблем в работе полиэтнических организаций и создание благоприятного социально-психологического климата деятельность руководителя направлена не только на решение профессиональных задач, но и на особенности общечеловеческого взаимодействия, культуры межнациональных отношений, закономерностей трудового общения между представителями различных этнических общностей, моральных и нравственных норм межнационального сотрудничества. реализация данных требований на практике позволит управленцу:

- более эффективно претворять в жизнь идеи гуманизма и равенства людей всех народов и народностей в их повседневной жизни и деятельности;

- предвидеть социальные последствия определенных процессов в обществе, их позитивные или негативные стороны, влияющие на харак-

тер взаимоотношений представителей этнических общностей;

- находить на основе совместных усилий, кооперации интеллектуальных и социальных сил всех народов реальные и надежные пути для подлинного сотрудничества, безболезненного решения спорных вопросов, предотвращения напряженности и конфликтов в межнациональных отношениях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Головин, С. Ю. Словарь практического психолога / С. Ю. Головин. – Томск, 1998.
2. Клушина, Н. П. Особенности управления организациями на Северном Кавказе / Н. П. Клушина, В. А. Соломонов // Вестник СевКавГТУ, № 5 2011. – С. 120–122.
3. Коргова, М. А. Проблема работы многонациональных команд в организациях и возможные пути их решения / М. А. Коргова // Журнал «Управление персоналом». – 2004. – № 10.
4. Рашковский, Е. Б. На оси времен: Очерки по философии истории / Е. Б. Рашковский. – М. 1999. – С. 208.

УДК 159.9
ББК 88.4 я73

О. С. Хамзяева

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ ПОЛИЭТНИЧЕСКОГО РЕГИОНА КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ

Астраханский инженерно-строительный институт

E-mail: hamzyaeva77@mail.ru

В статье изложены результаты исследования ценностных ориентаций студентов 1–4 курсов технического вуза Астраханской области по национальному признаку. Рассмотрение базовых жизненных ценностных ориентаций является фактором успешной социально-психологической адаптации. Исследование проводилось по методике М. Рокича «Ценностные ориентации».

Ключевые слова: ценностные ориентации, социально-психологическая адаптация, полиэтничный регион, этнические группы, этническая принадлежность.

O. S. Hamzyaeva

VALUABLE ORIENTATIONS OF STUDENTS POLYETHYLENE CONICAL REGION AS A SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL ADAPTATION

Astrakhan Institute of Civil Engineering

The article presents the results of studies of value orientations of students of 1-4 courses of technical University of the Astrakhan region on a national sign. Consideration of basic life value orientations is a factor of successful social and psychological adaptation. The study was conducted by the Rokich's technique «Value orientation».

Keywords: value orientation, socio-psychological adaptation, multiethnic region, ethnic group and ethnicity.

В современном российском обществе в условиях кризиса государственной идеологии очень остро стоит вопрос об определении молодыми людьми смыслообразующих жизненных ценностей. Несомненно взаимозависимость таких ценностей и образа жизни многих молодых людей, ведь их отсутствие является одной из важнейших причин распространения среди молодежи алкоголизма, наркомании, роста преступности и числа самоубийств. Происходит размывание, изменение ценностных ориентаций, норм поведения, самих процессов социализации и адаптации. Это приводит к обострению, усложнению процессов вхождения человека в изменяющийся социум. Поэтому необходимо и актуально изучение соответствующих ценностных ориентаций, выявление их особенностей, психологических проявлений и механизмов. Наличие устойчивой структуры ценностных ориентаций является одним из условий успешной социально-психологической адаптации молодежи.

«Понятие «ценностные ориентации трактуется как ключевой компонент массового сознания; «рефлексивно сознаваемое» относительно устойчивое отражение в сознании личности или какой-либо общности людей ценностей, признаваемых ими в качестве важных, необходимых, полезных материальных благ и идеалов, стратегических жизненных целей и общих ми-

ровоззренческих ориентиров. Ценностные ориентации определяют образ жизнедеятельности молодежи во всех сферах социума, а также формы социокультурного взаимодействия между молодыми людьми при обмене социальной информацией» [2, с. 16–17].

Изучение системы ценностных ориентаций студенческой молодежи служит инструментом для выявления изменений, происходящих в отношении перспектив получения высшего образования, профессиональной подготовки под воздействием социально-экономических реалий современного периода развития общества. Общее направление реформ экономической и социальной жизни в нашей стране существенно изменило ситуацию в области высшего образования, в системе жизненных ценностей, иерархии мотивов выбора профессии молодыми людьми.

В Астраханском инженерно-строительном институте лабораторией социально-психологических исследований кафедры философии, социологии и лингвистики с 2003 г. проводятся исследования по изучению ценностных ориентаций студенческой молодежи, а именно студентов технического вуза [более подробно см. 1, 2, 5].

В 2013 году в рамках работы лаборатории было проведено исследование ценностных ориентаций по классической методике М. Роки-

ча [3, с. 26] среди 1–4 курсов. В рамках данной статьи мы рассмотрим специфику ценностных ориентаций студентов по такому критерию как этническая принадлежность. Всего было опрошено 679 студентов, из них русские – 361 чел. (53 %), казахи – 3 чел. (10,8 %), татары – 58 чел. (8,6 %), народы Кавказа – 152 чел. (22,4 %), другие национальности – 35 чел. (5,2 %).

Система ценностных ориентаций определяет содержательную сторону направленности личности и составляет основу ее отношения к окружающему миру, другим людям, себе самой, фундамент мировоззрения и ядро мотивации жизненной активности. Респондентам предлагалось последовательно ранжировать ценности по двум спискам: терминальные ценности (цели жизни) и инструментальные ценности (средства достижения жизненных целей). Важнейшими являются терминальные ценности – это основные цели человека, они отражают долгосрочную жизненную перспективу, то, что он ценит сейчас и к чему стремится в будущем. Терминальные ценности определяют смысл жизни человека.

Если обратиться к распределению полученных ответов, то мы видим, что в отношении терминальных ценностей (ценностей-целей) (см. табл. 1) на 1–2 места народы Кавказа, татары и казахи ставят ценности семейной жизни и здоровья. У представителей данных этнических групп всегда высоко ценится семья, а вступление в брак считается естественной необходимостью. У русских ценность любовь, как духовной, так и физической близости с любимым человеком занимает второе место. Известно, что именно в студенческом возрасте личность больше всего интересуется ценности взаимоот-

ношений. Любовь проходит через всю жизнь человека, но особо остро она проявляется юношеском возрасте, когда чувства связаны с созданием семьи, установлением длительных и прочных отношений. Ценность счастливой семейной жизни русские ставят на 4-е место, осознавая, что учеба требует больших финансовых затрат и семейная жизнь в данном возрасте обременительна. Ценность любви у казахов, татар и народов Кавказа находится на 4–6 месте. В стране с традиционными коллективистскими ценностями имею безусловную значимость ценности любви, дружбы и семьи, и на наш взгляд, при выборе этих ценностей большую значимость сыграл возраст респондентов, а не этничность.

На 3-е место народы Кавказа ставят жизненную мудрость, татары – наличие друзей, а русские и казахи – активную деятельную жизнь. Значительные расхождения между этническими группами можно наблюдать при выборе таких ценностей-целей как материально обеспеченная жизнь (6–9 место), интересная работа (5, 10-е места), творчество (14–16 место), общественное признание (11–13 место). Один из самых низких рейтингов в системе ценностей студенческой молодежи занимают ценности красоты природы и искусства, развлечения (16–18). Можно сказать, что эстетические ценности для студентов технического вуза не актуальны, так как «технари» в большей степени направлены на практическую и аналитическую деятельность. Не уделяется особого внимания и творчеству, это, скорее всего, связано с тем, что специальность инженер-строитель требует, прежде всего, технического склада ума.

Таблица 1

Распределение терминальных ценностей (ценностей-целей) в этнических группах

Ценности-цели	Этносы			
	Русские	Народы Кавказа	Татары	Казахи
Здоровье (психическое и физическое)	1	1	2	2
Любовь (духовная и физическая близость с любимым человеком)	2	6	4	5
Счастливая семейная жизнь	4	2	1	1
Наличие хороших и верных друзей	5	8	3	4
Материально обеспеченная жизнь (отсутствие материальных затруднений)	9	7	7	6
Жизненная мудрость (зрелость суждения и здравый смысл, достигаемые жизненным опытом)	8	4	11	3
Активная деятельная жизнь (полнота и эмоциональная насыщенность жизни)	3	3	6	9

Окончание табл. 1

Ценности-цели	Этносы			
	Русские	Народы Кавказа	Татары	Казахи
Уверенность в себе (внутренняя гармония, свобода от внутренних противоречий, сомнений)	7	18	17	15
Развитие (работа над собой, постоянное физическое и духовное совершенствование)	11	10	9	13
Интересная работа	10	5	5	10
Познание (возможность расширения своего образования)	17	15	14	17
Общественное признание (уважение окружающих, коллектива, товарищей по работе)	13	13	9	11
Свобода (самостоятельность, независимость в суждениях и поступках)	6	11	10	8
Продуктивная жизнь (максимально полное использование своих возможностей, сил и способностей)	16	9	8	12
Счастье других (благополучие, развитие и совершенствование других людей, всего народа, человечества в целом)	15	12	12	14
Развлечения (приятное, необременительное времяпрепровождение, отсутствие обязанностей)	12	17	16	7
Творчество (возможность творческой деятельности)	14	16	15	16
Красота природы и искусства (переживание прекрасного в природе и искусстве)	18	14	13	18

В распределении ценностей-средств представителями самых крупных этнических групп, проживающих на территории Астраханской области, результаты получились следующие (см. табл. 2). Так, на первые места респонденты поставили аккуратность (чистоплотность, умение содержать в порядке вещи, порядок в делах) (1–

2 место), воспитанность (хорошие манеры) (2–3 место), образованность (широта знаний, высокая общая культура) (3–4 место), твердая воля (умение настоять на своем, не отступать перед трудностями) (4–7 место). Это ценности-средства составляют интегрирующее ядро, и этничность в их выборе мало проявляется.

Таблица 2

Распределение инструментальных ценностей (ценностей-средств) в этнических группах

Ценности-цели	Этносы			
	Русские	Народы Кавказа	Татары	Казахи
Воспитанность (хорошие манеры)	1	2	2	3
Аккуратность (чистоплотность), умение содержать в порядке вещи, порядок в делах	2	1	1	1
Ответственность (чувство долга, умение держать слово)	4	9	3	5
Образованность (широта знаний, высокая общая культура)	3	3	4	4
Самоконтроль (сдержанность, самодисциплина)	5	13	10	11
Жизнерадостность (чувство юмора)	6	8	8	9
Исполнительность (дисциплинированность)	10	7	7	14
Независимость (способность действовать самостоятельно, решительно)	16	12	15	2
Рационализм (умение здраво и логично мыслить, принимать обдуманные, рациональные решения)	12	10	9	12
Эффективность в делах (трудолюбие, продуктивность в работе)	14	16	14	16
Терпимость (к взглядам и мнениям других, умение прощать другим их ошибки заблуждения)	8	6	11	8

Окончание табл. 2

Ценности-цели	Этносы			
	Русские	Народы Кавказа	Татары	Казахи
Твердая воля (умение настоять на своем, не отступать перед трудностями)	7	4	5	7
Смелость в отстаивании своего мнения, своих взглядов	15	11	6	6
Широта взглядов (умение понять чужую точку зрения, уважать вкусы, обычаи, искренность)	13	15	13	10
Чуткость (заботливость)	9	5	12	13
Непримиримость к недостаткам в себе и других	11	14	16	15
Высокие запросы (высокие требования к жизни, высокие притязания)	17	17	17	17

На последних местах находятся высокие запросы (высокие требования к жизни, высокие притязания) – (17-е место), эффективность в делах (трудолюбие, продуктивность в работе) – (14–16 место), непримиримость к недостаткам в себе и других (15–16 место). Эти ценности-средства проявляют отрицаемые ценности, то есть те, которые отрицаются большинством опрошенных вне зависимости от этнической принадлежности.

В интегрирующем резерве находятся такие ценности-средства, как рационализм (умение здраво и логично мыслить, принимать обдуманные, рациональные решения) (9–12 место), самоконтроль (сдержанность, самодисциплина) (10–13 место), чуткость (заботливость) (9–13 место), широта взглядов (умение понять чужую точку зрения, уважать вкусы, обычаи, искренность) (13–15 место). Особое внимание заслуживает распределение следующих ценностей-средств в иерархии: независимость (способность действовать самостоятельно, решительно). Так русские, казахи и татары ставят данную ценность на 12-е и 16-е места, а народы Кавказа на 2-е место. Стремление к достижению цели и самостоятельности характеризует студентов как целеустремленных людей, их мотивационной целью является успех личности через самостоятельный подбор действий.

Ценность смелость в отстаивании своего мнения распределилась следующим образом: татары, народы Кавказа – 6-е место, казахи – 11-е место, русские – 15-е место.

Терпимость (к взглядам и мнениям других, умение прощать другим их ошибки и заблуждения) занимает с 6-го по 11-е места. Студенты исследуемых этнических групп склонны проявлять толерантность.

Можно сделать вывод, что, этничность слабо проявляется среди учащейся молодежи Астраханской области, о чем свидетельствует сходство среди представителей различных националь-

ных групп в выборе интегрирующих и отрицаемых ценностей-средств и ценностей-целей.

Изучение системы ценностных ориентаций студенческой молодежи служит инструментом для выявления изменений, происходящих в отношении перспектив получения высшего образования, профессиональной подготовки под воздействием социально-экономических реалий современного периода развития общества. Общее направление реформ экономической и социальной жизни в нашей стране существенно изменило ситуацию в области высшего образования, в системе жизненных ценностей, иерархии мотивов выбора профессии молодыми людьми.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Арясова, А. Ю. Потенциал и особенности адаптации учащейся молодежи Астраханской области: опыт социологического, психологического и политического анализа / А. Ю. Арясова, Е. В. Каргаполова, Л. А. Лебединцева, С. Б. Медведев, С. Н. Рымарович, О. С. Хамзяева. – Астрахань: АИСИ, 2011. – 160 с.
2. Арясова, А. Ю. Ценностные ориентации молодежи в содержании государственной информационной политики. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук по специальности / А. Ю. Арясова. – М., 2008. – 95 с.
3. Большая энциклопедия психологических тестов. – ЭКСМО, 2007. – 416 с.
4. Вершинина, Н. А. Трансформация системы ценностных ориентаций студенчества / Н. А. Вершинина // Ломоносовские чтения. – 2002. – Т. 1.
5. Каргаполова, Е. В. Особенности социально-психологической адаптации будущих инженеров в образовательной среде вуза / Е. В. Каргаполова, О. С. Хамзяева // Проблемы высшего технического образования в России и за рубежом (к 50-летию Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления): материалы международной научно-методической конференции. Улан-Удэ, 4–5 июня 2012 г. – Улан-Удэ, 2012. – С. 206–221.
6. Мадди, С. Р. Теории личности: сравнительный анализ / С. Р. Мадди. – СПб, 2000. – 539 с.

УДК 159.9
ББК 88.5

А. В. Черняева, А. С. Карасева

**НОМИНИРУЮЩИЕ РЕАЛИИ ИМИДЖА СТУДЕНТА
В УСЛОВИЯХ МНОГОГРАННОСТИ И ДИНАМИЧНОСТИ
ПОЛИКУЛЬТУРНОГО ВУЗА**

Волгоградский аграрный государственный университет

E-mail: AMBA81@mail.ru

В статье рассматривается имидж студента как способ передачи особенностей культуры в молодежной среде. Авторы анализируют состояние, и принимают решение по оптимизации психологических условий личностного потенциала студентов.

Ключевые слова: адаптация, проект, коммуникативные технологии, имидж.

A. V. Chernyaeva, A. S. Karaseva

**NOMINATING REALITIES IMAGE OF THE STUDENT IN THE CONDITIONS
OF VERSATILITY AND DYNAMISM OF A POLY CULTURAL
HIGHER EDUCATION INSTITUTION**

Volgograd State Agrarian University

In article analyzes image of the student as a way of transfer of features of culture in the youth environment is considered. Authors analyze a state, and make the decision on optimization of psychological conditions of personal potential of students.

Keywords: adaptation, project, communicative technologies, image.

Выработка установки уважения социальных, религиозных и этнических различий «других» через когнитивное освоение культурного многообразия. Важным аспектом данного процесса выступает диалог культур, как противопоставление специфическому социокультурному комплексу негативных стереотипов массового сознания (инвалиды, мигранты, сексуальные меньшинства и др.). При этом в качестве предпосылок успешной психологической адаптации студентов к условиям вуза относят личностные качества: стрессоустойчивость, общительность, креативность и др. Активное включение студентов в проективную деятельность позволяет оптимизировать закономерности реакций студента на адаптационные процессы, как посягательство на его психологический комфорт. Личностные стратегии в период адаптации способствуют социальной незащищенности, что обусловлено ущемлением привычного жизненного стереотипа первокурсников, проявляющегося в необходимости неожиданной смены привычной психологической микросреды, побуждает студентов к осторожности, вызывает опасения, провоцирует к неприятию, одиночеству, сопротивлению.

Психологический аспект стимулирования социальной солидарности заключен в преодолении психических барьеров и фобий через формирования позитивных установок кон-

руктивного поведения в рамках регулярных тематических встреч.

Глубина коммуникативных знаний и умений позволяет наиболее полно собирать, корректировать и использовать информацию о состоянии социального самочувствия студентов в период адаптации и возможной деятельности молодежных субкультур.

Социокультурный запрос и психологические особенности в период адаптации это личностный выбор студента быть успешным лидером общественного мнения в молодежной среде. При этом сохраняется инвариант этнического культурного многообразия особенно там, где ведущим фактором выступает социально-одобряемая активная жизненная позиция.

Успешное взаимодействие личности с членами собственной группы и представителями других групп отличающихся по разным признакам и стереотипам массового сознания, способствует снятию барьеров относительно себя и окружающих.

Это обосновано требованиями к мотивации предполагающей профессиональную осведомленность, высокий уровень ценностных и духовно-нравственных ориентаций, которые определяют целостный коммуникативно-личностный облик. Здесь недостаточно только набора профессиональных знаний, коммуникативных умений и соответствующих психологических

качеств. Речь должна идти об определенном уровне целостного коммуникативно-личностного развития специалиста.

Обоснованию психологических детерминант компетентного коммуникативного развития личности посвящены труды Л. С. Выготского, 1982; А. А. Бодалева, 1983; В. А. Кан-Калика, 1979; А. А. Леонтьева, 1998; С. Л. Рубинштейна, 1989; В. В. Рыжова, 1994; Л. А. Петровской, 1989.

Коммуникативные способности представлены в имеющихся психологических исследованиях как владение информацией, заключенной в житейских и научных понятиях (тезаурус), а также владение стратегиями и тактиками речевого поведения, способами самопознания и познания.

Важным направлением политики Волгоградского государственного аграрного университета и в частности Института непрерывного образования выступает соотношение имиджа студента как компонента национальной истории поликультурного вуза. Мониторинг эффективности социальных молодежных проектов по формированию имиджа студента показал наличие широкого спектра коммуникативно-управленческого комплекса, что сопряжено с аккумуляцией образовательных, информационно-сетевых и гуманитарных технологий корпоративной культуры [1].

Корпоративную культуру определяют общие ценности, сотрудничество, организационное поведение.

Имидж стал неотъемлемой частью любой организации, направляющей свои действия на формирование благоприятного образа в условиях рыночной экономики и конкуренции [2]. ВУЗы сегодня не только напрямую связаны с обществом они в первую очередь влияют на его развитие и состояние. Педагогические и финансовые условия в деятельности образовательного учреждения в современных условиях дополняют друг друга.

Формируя имидж вуза, формируется имидж образованного российского человека. В данном случае имидж образовательного учреждения формируется для взаимодействия в развитии образования и общества в целом [3].

Имидж студента вуза включает в себя совокупность внешних особенностей и внутренних личностных качеств студента, которые способствуют эффективности образовательной деятельности.

Психологическая фрагментация, в формате консультационного опроса студентов Института непрерывного образования, показала своеобразный запрос на общение в рамках тематических встреч по формированию имиджа студента, возможность прямого обмена опытом и обсуждение актуальных проблем через интерактивный проект, который получил название «Школа имиджа студента».

В данном контексте ресурс тематических мероприятий воспринимается как «компенсация» при решении психологической проблемы «свой-чужой». Основные задачи реализации проекта по формированию имиджа студента состоят в воспитании образа «единство через разнообразие», поиске психологического баланса между «вчера, сегодня, завтра» [4].

«Школа имиджа студента» – это инновационный проект ориентации молодежной активности в социально-одобряемое русло, основан на глубоких личных взаимоотношениях и высоким социальном статусе содействия широкому спектру вопросов. Технология персонифицированного интерактивного взаимодействия, нацеленная на высокий уровень групповой динамики и постоянный обмен мнениями. Поэтому существенным условием «Школы имиджа» является приобретение навыков конструктивного поведения, умения планировать собственное время, осознание сильных и слабых сторон в конкретных ситуациях.

Оптимальное коммуникативно-личностное развитие и диалогизация сознания личности обеспечиваются в условиях специально организованного социального проекта «Школа имиджа студента», встроенного в процесс профессиональной подготовки и комплексно осуществляемого на духовно-эстетическом, операциональном и мотивационном уровнях личности.

Духовно-эстетический компонент как обогащение чувственного опыта через эстетическое познание и творческое видение мира повышает уровень коммуникативно-личностных возможностей личности студента с приобщением его к разным модальностям духовно-эстетической жизни человечества. Развитие эстетического восприятия способно формировать среду, в которой становится возможным осознание и принятие себя. Эстетическая составляющая включает индивидуальную и групповую работу, которая является составной частью совместной коммуникативной деятельности студентов, а также способствует стабилизации

эмоционального состояния с учетом всех аспектов повседневной жизни.

Операциональная подготовка включает в себя выработку системы умений и действий, связанных с реализацией своего коммуникативного потенциала (обогащение приемов общения со сверстниками, формирования спонтанности и творчества в нерегламентированном общении, оптимизации поведенческих действий, отработку конструктивных поведенческих паттернов в различных ситуациях).

Обучение индивидуализированным приемам взаимодействия в молодежных группах предполагает полифункциональные занятия в сочетании с применением разнообразных технологий: социально-психологические ситуации, групповые тренинги, игровые технологии.

Структурирование работы участников тематической группы осуществляется, главным образом, за счет фокусировки их внимания на значимой для них теме индивидуального, парного, микрогруппового или макрогруппового характера упражнений.

В данном проекте мотивационная подготовка направлена на выработку позитивных конструктивных установок, содействие мотивации к самореализации [5]. При этом делается упор на четыре важных технологии работы, каждая из которых, ориентирована на определенный

сегмент целевой аудитории: самопознание; самопрезентация; планирование времени; имиджелогия.

При построении проекта «Школа имиджа студента» мы исходили из понимания психологической устойчивости студентов к многообразию мира, этническим, социальным, культурным и мировоззренческим различиям.

Развитие в человеке общечеловеческих добродетелей делает его более открытым в общении, более диалогичным, оптимизирует процесс адаптации студентов в условиях многогранности и динамичности поликультурного вуза.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Скаткина, Г. А. Программа корпоративной социальной ответственности (CSR) [Электронный ресурс] / Г. А. Скаткина. – <http://www.ci-journal.ru/events/670/8th-prussia-forum-2014>.
2. Горбаткин, Д. А. Подходы к формированию имиджа организации в среде современных менеджеров [Электронный ресурс] / Д. А. Горбаткин. – http://www.ci-journal.ru/article/82/200701image_organization.
3. Брекенридж, Д. PR 2.0: новые медиа, новые аудитории, новые инструменты [Текст] / Д. Брекенридж. – М.: Эксмо, 2010. – 272 с.
4. Шепель, В. М. Имиджелогия. Как нравиться людям [Текст] / В. М. Шепель. – М.: Народное образование, 2002. – 437 с.
5. Фельсер, Г. Психология потребителей и реклама [Текст] / Георг Фельсер. Пер. с нем. – Х.: Изд-во «Гуманитарный центр», 2009. – 704 с.

УДК 316.472.4
ББК 60.54

А. В. Тарасов

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СТУДЕНТОВ ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Волгоградский государственный университет

E-mail: taracov1@yandex.ru

Статья посвящена рассмотрению вопросов межнационального и межконфессионального взаимодействия студентов Волгоградского государственного университета. Описаны основные цели и пути их достижения.

Ключевые слова: студенты, национальность, межконфессиональное взаимодействие, Волгоградский государственный университет.

А. V. Tarasov

INTERETHNIC AND INTERRELIGIOUS INTERACTION OF STUDENTS OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

Volgograd State University

Article is devoted issues of interethnic and interreligious interaction Volgograd State University students. The basic goals and ways to achieve them are described.

Keywords: students, nationality, interfaith cooperation, Volgograd State University.

Рассмотрение проблемы межнационального и межконфессионального взаимодействия в рам-

ках социокультурного пространства Юга России автор начинает с цитаты современного гуру

менеджмента, доктора Ицхака Адизеса.

«Организацией надо управлять так, чтобы она сохраняла жизнеспособность тысячи лет. Возьмем, к примеру, католическую церковь. Она существует уже две тысячи лет и без труда протянет еще столько же. Почему? Потому что сформирована системой ценностей, с которой солидаризируется каждый, кто принадлежит к данной организации», – пишет в своей книге «Идеальный руководитель» доктор Адизес.[1]

Таким образом, основным фактором оказывающим влияние на сохранение жизнеспособности любой организации, по мнению Адизеса, является система ценностей, которую разделяет каждый, кто принадлежит к данной организации.

Волгоградский государственный университет ставит перед собой задачу по формированию единой системы ценностей для студентов, и я хотел бы вам представить те шаги, которые уже сделаны для ее решения.

Цель, которая стоит перед ВолГУ следующая: формирование патриотически-ориентированной личности специалиста, обладающего социально-ценностным отношением к обществу, государству, развитыми потребностями в межпоколенной преемственности ценностно-смыслового опыта служения Отечеству, толерантной в поликультурной среде жизнедеятельности, компетентного и успешного в сфере профессиональной деятельности.

Условно, мы можем выделить 3 больших блока межнациональной и межконфессиональной политики университета:

1. Научно-практическое обсуждение проблем и поиск путей их решения.

2. Мероприятия, направленные на знакомство студентов с разными национальными культурами.

3. Мероприятия, направленные на единение всего студенчества, независимо от национальности или вероисповедания.

Теперь подробнее о каждом блоке:

В рамках блока «Научно-практическое обсуждение проблем и поиск путей их решения», Волгоградский государственный университет организует круглые столы и научно-практические конференции по вопросам толерантности в современном российском обществе, терпимости в рамках студенческой корпорации. Стоит сказать, что особое внимание отдается именно практическим проблемам взаимодействия. Об этом могут свидетельствовать и названия меро-

приятий: «Толерантность! Твой выбор!», а также полемические диалоги на тему «Национальные ценности в межкультурной коммуникации: целевые установки и ограничители». Таким образом, студенты активно включаются в обсуждение конкретных практических проблем, с которыми они сталкиваются или могут столкнуться в реальной жизни, в быту.

В рамках блока «Мероприятия, направленные на знакомство студентов с разными национальными культурами» проводится целый ряд мероприятий. В нашей стране проживают люди различных народностей, и у каждого такого этноса есть своя культура, свои традиции и обычаи.

Знакомство с жизненным укладом других народов вносит большой вклад в укрепление межкультурного диалога и сотрудничества. Волгоградский государственный университет по праву можно назвать территорией дружбы народов: здесь учатся студенты более чем 30 национальностей. В ВолГУ многое делается для того, чтобы студенты, сохраняя традиции и ценности своей национальной культуры, успешно интегрировались в мультикультурное пространство региона и страны. И нет лучшего способа понять другого человека, кроме как познакомиться с его культурой, менталитетом, литературой, в том числе и устным народным творчеством. ВолГУ подготовил сборник «Сказки народов Волгоградской области». В ВолГУ ежегодно проводится Фестиваль национальных культур – настоящий праздник толерантности, на котором студенты знакомят друг друга с национальными песнями, танцами, обычаями и даже блюдами национальной кухни.

Более того, хотелось бы отметить, что танцевальные коллективы «Эйфория», «Улары» и индивидуальные исполнители, студенты ВолГУ Рустам Абдулаев и Александра Докучаева – победители XXX Международного фестиваля-конкурса детских, юношеских, взрослых и профессиональных творческих коллективов «Колорит Казани» в рамках международного проекта «Берега Надежды». Танцевальные коллективы, которые отметил выше, исполняют танцы разных народов. А Рустам Абдулаев, являясь превосходным певцом, неоднократно представлял, как свой родной университет, так и город, жителем которого он теперь является.

И третий блок, который является самым крупным и значимым «Мероприятия, направленные на единение всего студенчества, независимо от национальности или вероисповеда-

ния». В рамках данного направления проводится огромное количество мероприятий, нет времени все их сейчас осветить, но кое-какие акценты попробую расставить.

В рамках Студенческих экологических акций «Расти!» в 2013 году было проведено 15 мероприятий, направленных на озеленение и очистку памятных мест города и региона, охраняемых природных зон, а также проведение информационно-просветительской работы по формированию экологической культуры молодежи, в том числе проведение исследовательских работ, конференций, семинаров. Подобные акции не только способствуют тому, что город становится чище и красивее, но и прививает студентам любовь к родному городу, ведь кроме уборки идет знакомство с историей города. Отдельно хотелось бы отметить Торжественную закладку Парка Дружбы возле спортивной площадки общежития Волгоградского государственного университета, приуроченная ко Дню народного единства. В акции приняли участие студенты ВолГУ, проживающие в общежитии, т. е. ребята, приехавшие с других регионов и даже с других стран. И название «Парк дружбы» – тоже не случайно. Министр по делам национальностей и казачеству администрации Волгоградской области Чернов Сергей Николаевич был одним из участников данной акции.

Экскурсионные программы по историческим местам Волгоградской области и России, а также историко-патриотические слеты, форумы, проекты, в сумме 25 мероприятий, организованных Волгоградским государственным университетом. Участники данных мероприятий понима-

ют, насколько тесно исторически связаны жители нашей страны, представители разных национальностей и вероисповеданий. Происходит знакомство с культурой и традициями разных регионов – Татарстан, Элиста и др.

Данный вопрос имеет большую значимость для студенчества университета. И чтобы укрепить взаимодействие студентов, представляющих разные национальности и разные страны, активисты вышли с инициативой создания Консультационного межнационального совета и Международного студенческого совета.

Стоит сказать, что нет плохих национальностей, религий или культур. Есть плохие люди, создающие иллюзию превосходства одних над другими.

Из триумфального ритуала римских полководцев заимствована фраза: «Помни, что ты только человек!». Ее повторял триумфатору специально приставленный для этой цели глашатай. Тогда они звучали как предостережение против установления тирании.

Сегодня так можно сформулировать жизненный принцип любого человека, независимо от его социального статуса, места проживания, пола, нации и возраста.

Мы живем в одной стране, на одной планете, и мы все взаимосвязаны, мы все принадлежим одной национальности, которая называется – человечество.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Адизес, И. Идеальный руководитель / пер. с англ. / Ицхак Калдерон Адизес. – Альпина Бизнес Букс, 2007. – 261 с.

УДК 37.061
ББК 74.00

Н. Г. Красноруцкая

ЭКОЛОГИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА ВУЗА

Калмыцкий государственный университет

E-mail: nadyaelista@yandex.ru

Статья посвящена раскрытию проблемы экологизации социокультурного образовательного пространства вуза как основы обеспечения духовно-нравственной безопасности студенческой молодежи в современной социокультурной ситуации.

Ключевые слова: экологизация, духовно-нравственная безопасность, студенчество, социокультурная среда, социокультурное образовательное пространство.

N. G. Krasnorutskaya

ECOLOGY SOCIO-CULTURAL EDUCATIONAL SPACE OF UNIVERSITY

Kalmyk State University

The article is devoted to coverage of the problem of ecologization of socio-cultural educational space of University as the basis of ensuring the spiritual and moral security of the students in the contemporary socio-cultural situation.

Keywords: ecological, spiritual-moral security, the students, socio-cultural environment, socio-cultural educational environment.

Изменения социокультурной среды современного общества оказала влияние на развитие культурного мира молодежи, значительную часть которой, составляют студенты. Современная социокультурная ситуация в которой находится студенчество характеризуется расширением рамок социального взаимодействия, нарастанием информационных потоков, культурным многообразием, изменением нормативно-ценностной системы и моделей социального поведения. Негативные социальные факторы, к которым относятся девальвация духовных и культурных ценностей, снижение нравственности, распространение чуждых нравственных ценностей и культов, оказывают вредное влияние на студенческую молодежь и снижают ее духовно-нравственную безопасность. В свою очередь, духовно-нравственная безопасность является одной из составляющих национальной безопасности государства, которая представляет систему условий, позволяющая обществу сохранять свои жизненно важные культурные, этические и интеллектуальные нормы [2]. В связи с этим значительно усиливается проблема духовно-нравственной безопасности студенчества.

Как отмечается в исследованиях О. Н. Яницкого «пределы безопасности заложены в «средовом постулате»: среда, как природная система или как социальная сеть, производящая общество, не застрахована от природных мутаций и социальных опасностей» [5, с. 27]. В методологии научного исследования данный постулат трактуется как средовый подход, сущность такого подхода заключается в том, что определенная среда формирует личность.

Средовый подход в педагогических исследованиях рассматривается в качестве инструментальной методологии и представляет собой систему взаимодействия студента с социокультурной образовательной средой, направленных на превращение среды в средство становления будущего специалиста. Формирование социокультурной среды направлено на приведение характеристик инновационной образовательной среды в соответствие с целями формирования культуры у студентов вуза.

В отечественной педагогике среда рассматривается через отношение к процессу образования, как организованное образовательное пространство, как социокультурное простран-

ство. Социокультурная среда – это многомерное пространство, в котором обитает человек и которое отражает всю совокупность условий его жизнедеятельности. Таким образом, социокультурную среду вуза можно определить как пространственный континуум, который наполнен определенным культурным содержанием, в котором внимание, прежде всего, акцентируется на нормах и ценностях культуры.

Обеспечение духовно-нравственной безопасности студенческой молодежи во многом определяется развитием духовно-нравственной среды, защиты ценностей, норм, народных традиций, идеалов, смыслов человеческой жизни. Особую значимость данный вопрос приобретает на этапе профессиональной подготовки студента в вузе, связанной с адаптацией в новой среде, социализацией, формированием своей жизненной позиции. В этот период большая роль в становлении личности молодого человека, его социализации принадлежит высшему учебному заведению и его социокультурному пространству. В Докладе Римскому клубу «Нет пределов обучению» были определены принципиально новые задачи образования, направленные на обучение, стимулирующее инновационные изменения в культуре и социальной среде и было определено как «инновационное обучение» [3]. Эти задачи и сегодня актуальны, инновационное обучение сегодня должно быть ориентировано на создание социокультурного образовательного пространства как необходимого условия формирования профессионально компетентной, социально активной, творческой личности специалиста при изменении социокультурной ситуации.

Что же касается социальной безопасности студенчества, то здесь защита жизни, здоровья, благополучия, прав и свобод студента является главной, непосредственной целью образования. Обеспечение социальной безопасности студенческой молодежи продиктовано, прежде всего, тем, что студенчество – наиболее активная и чувствительная к социальным инновациям часть молодежи. Наличие данных характерных черт у студенчества обусловлено такими особенностями молодого возраста, как неустойчивость ценностных установок, отсутствие окончательной сформированности характера, реактивность в отношении перемен, происходящих в социокультурной среде. В то же время, студенчество обладает тем набором социальных показателей как образованность, социальная

активность, инновационный потенциал, которые обеспечивают более высокую их адаптивность в новых социокультурных условиях.

Ведущим условием социальной безопасности выступает экологизация социальной среды, основная цель которой состоит в проникновении современных экологических идей и ценностей во все сферы общественной жизни [1]. Экологическое состояние социальной среды определяется целостностью функционирования социума и проявляется в субъективном ощущении комфортности, социального самочувствия личности и общества.

Разворот образования к проблеме экологизации образовательного пространства как качественной характеристики профессионального образования вполне совпадает с новыми тенденциями проявления социокультурной миссии высшей школы, которая оформляется таким образом, что на смену «формированию специалиста» приходит «содействие становлению образованного человека». С этой точки зрения назначение российской системы образования состоит в формировании у студента способности ориентироваться в сложном социальном мире и успешной социокультурной самореализации.

Изучение вопросов экологизации социокультурного образовательного пространства вуза имеет особое значение для обеспечения духовно-нравственной безопасности студенчества. Это обуславливает необходимость проектирования и моделирования социокультурного пространства обучения и жизнедеятельности студенческой молодежи в вузе. Это в свою очередь требует создания специально организованного пространства социализирующей деятельности, обладающего способностью формирования субъектной, творчески самостоятельной, духовно-нравственной личности.

И здесь уместным будет привести высказывание американского социолога Дж. Коулмана о зависимости организации вузов и индивидуальных достижений студенческой молодежи и даже их последующая профессиональная карьера. По его мнению, роль учебного заведения состоит не только в том, чтобы транслировать культурные ценности, но и самим быть таковым [4]. Это является весьма важным аспектом проектирования социокультурного образовательного пространства и создания условий, способствующих духовно-нравственной безопасности студенчества.

Социокультурное образовательное пространство включает в себя основные сферы жизнедеятельности студента, в которых студент учится, проживает в общежитиях, занимается творчеством, наукой, спортом, проводит досуг, общается. Не претендуя на полную характеристику социокультурного образовательного пространства вуза, остановлюсь на тех сферах, которые, по моему мнению, будут способствовать экологизации образовательного пространства и развитию духовно-нравственной безопасности студенчества, это: социально-психологическая, духовно-нравственная, информационная и физкультурно-оздоровительная среды.

Формирование социально-психологической среды способствует развитию гармоничного коллектива, межличностных отношений ближайшего окружения, форм и способов совместной жизнедеятельности участников образовательного процесса – их учебные, досуговые, формальные и неформальные связи и отношения. В создании экологического пространства межличностные отношения играют первостепенную роль. В этом случае вуз является благоприятной средой развития отношений между студентами, между студентами и преподавателями на основе взаимодействия, общения и сотрудничества, снижения напряжения, трений и разногласий.

Сегодня в Калмыцком госуниверситете (КалмГУ) обучаются не только российские студенты разных национальностей, но и более 210 иностранных студентов, что делает актуальным формирование социокультурной толерантности студенческой молодежи. В связи с этим, важнейшим условием социальной безопасности в современном обществе является развитие у студентов культуры межэтнической культуры, межэтнического диалога и сотрудничества, основанной на ценностях гражданского согласия, признания и уважения плюрализма идентичностей и культур.

Особая роль в культивировании духовных ценностей в студенческой среде КалмГУ принадлежит этнопедагогике. Практическое использование элементов народной педагогики, направленных на воспитание и формирование жизненно необходимых духовных индивидуальных качеств личности студента в естественных условиях, позволят ему безболезненно адаптироваться в социокультурном пространстве, как университета, так и во внешней среде.

В немалой степени духовно-нравственная безопасность студентов зависит от их физического здоровья. В связи с этим физкультурно-оздоровительная сфера в вузах представлена инфраструктурой учреждений спорта и здравоохранения, все, что обеспечивает поддержание здоровья студента, развитие его физических и психических способностей. Следует отметить, что наличие спортивных залов, стадионов, санатория-профилактория, Центра здоровья в КалмГУ, оздоровление студентов по линии студенческого профсоюза в санаториях России еще не гарантирует защиту здоровья студентов. Исследования данной проблемы среди студентов инженерно-технологического факультета КалмГУ показали, что только 28 % студентов от общего количества обучающихся на факультете, принимают участие в спортивно-массовых мероприятиях, многие студенты уклоняются от занятий по физической культуре.

Существенно влияет на здоровье молодого человека курение, употребление алкоголя, отсутствие культуры питания и другие негативные факторы здорового образа жизни. Поэтому для обеспечения духовно-нравственной безопасности студенчества необходимы поддержание и совершенствование здоровья студентов через использование здоровьесберегающих технологий во время учебного процесса, популяризацию традиционной системы здорового питания как одного из элементов этнической культуры народа, региона.

Информационная сфера, способствующая формированию культуры, нравственности студента представляет базу данных, содержащая культурно-исторический опыт нашего народа. В КалмГУ она представлена библиотеками, электронной библиотечной системой, Интернет-ресурсами, музеями, средствами массовой информации (газета «Калмыцкий госуниверситет», информационные плакаты, стенды и др.).

Анализ состояния социокультурного пространства вуза и определение путей его экологизации особенно востребованы в контексте нового закона «Об образовании», реализации ФГОС ВПО. Это определяется значимостью гуманизации социокультурного образовательного пространства вуза в интересах сохранения и улучшения физического, психического, здоровья, социального самочувствия студенческой молодежи. Это в свою очередь определяет необходимость выявления факторов экологизации социокультурного образовательного простран-

ства вуза, которые влияют на экологию студента; оценки воздействия экологических факторов социокультурного образовательного пространства вуза на студента и потребностью в проектировании технологий оптимизации экологического состояния социальной среды жизнедеятельности студенчества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гольцова Е. Экология социальной среды / Е. В. Гольцова. – Иркутск, ИГУ, 2006. – 189 с.
2. Керимешева, О. А. Этнопедагогика и культура безопасности: учеб. пособие / О. А. Керимешева, Н. Г. Иглина. – Новосибирск: АРТА, 2011. – 184 с.
3. Коптюг, В. А. Конференция ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, июнь 1992 г.): Информ. обзор / СО РАН; В. А. Коптюг. – Новосибирск, 1993. – 63 с.
4. Коулман, Дж. Капитал социальный и человеческий / Дж. Коулман // Общественные науки и современность. – 2001. – № 3. – С. 122–139.
5. Яницкий, О. Н. Экология города: Зарубежные междисциплинарные концепции. – М.: Наука, 1984. – 240 с.

УДК 37.013
ББК 74.05

*А. В. Штыров**, *Н. В. Казанова***

ОТКРЫТОЕ ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК ПОЛЕ ДЛЯ САМООБРАЗОВАНИЯ

* Волгоградский государственный социально-педагогический университет

** Волгоградский государственный технический университет

E-mail: * ipi@vspu.ru, ** nvk-work@yandex.ru

В статье излагается концепция проектирования виртуальных образовательных сред открытого типа, с помощью которых можно структурировать открытое информационное пространство с целью превращения его в поле эффективной образовательной деятельности.

Ключевые слова: образовательная среда, открытое информационное пространство, сетевые структуры, образовательная деятельность, самообразование.

*A. V. Shtyrov**, *N. V. Kazanova***

OPEN INFORMATION SPACE AS ARENA FOR SELF-EDUCATION

*Volgograd State Socio-Pedagogical University

**Volgograd State Technical University

The article describes the design concept of open virtual learning environments, through which you can structure an open information space in order to make it effective in the field of educational activities.

Keywords: educational environment, an open information space, network structure, educational activities, self-education.

Несмотря на активное использование новых информационно-коммуникационных технологий, образовательная система сегодня в основном сохраняет черты, сложившиеся до начала периода компьютеризации. В частности, она до сих пор функционирует в основном в закрытых пространствах, построенных по иерархическому принципу. Даже дистанционное образование, используя в качестве технологической основы компьютерную сеть, как правило, имитирует традиционную образовательную схему, предлагая изучение предметных курсов в иерархически организованной системе «учитель-ученик». Между тем, огромными возможностями для организации образовательного процесса обладает сетевая модель организации образовательных сообществ. Современные уча-

щиеся, привыкшие к существованию в открытом пространстве, свободному обмену информацией, социальному взаимодействию по сетевому типу. Попадая в замкнутое пространство образовательного учреждения, они вынуждены «переключаться» на существование в совершенно иной среде, правила которой зачастую им непонятны и в силу этого неприемлемы. Способы мотивации обучаемых, предлагаемые организаторами этих сред для повышения эффективности образовательного процесса, часто оказываются не только недостаточными, но и оказывают обратное действие. Стремясь получить большую свободу в поиске нужной информации, выборе траектории и темпов освоения учебного материала, учащиеся обращаются к дистанционным образовательным ресурсам,

размещенным в сети, но в большинстве случаев сталкиваются все с той же иерархической организацией, закрытостью, различного рода ограничениями, неэффективной мотивацией. Это приводит к значительному снижению эффективности образовательного процесса, что ведет к ряду негативных последствий в общественной жизни в целом. Здесь можно назвать падение престижа научной работы, старение кадров научно-исследовательских и образовательных учреждений, «утечку мозгов» за границы России, распространение среди населения антинаучных представлений об окружающем мире и недоверия к «официальной» науке.

Нельзя сказать, что в системе образования (как мировой, так и российской) не предпринимаются меры по исправлению сложившейся ситуации [1]. Одним из первых в мире подобную инициативу проявил Массачусетский технологический институт (MIT), провозгласив «политику открытого доступа» [2]. В нашей стране подобные новации также имеют длительную историю. Активно разрабатываются и внедряются новые образовательные стандарты, проводятся школьные и внешкольные мероприятия (олимпиады, конкурсы, в том числе организуемые дистанционно с помощью Интернета, например: <http://info.olimpiada.ru/>; <http://turlom.olimpiada.ru/> и многие другие), создаются и действуют школы и кружки различной направленности, в том числе дистанционные (например, <https://metaschool.ru/>; <http://mathbaby.ru/>). Но большинство этих мероприятий и сообществ, даже использующих технологии дистанционного взаимодействия, достаточно изолированы и используют иерархическую модель организации образовательной среды.

В то же время какие-либо принципиально новые методы организации образовательной среды, ориентированные на поддержание функционирования субъектов образовательного процесса в открытом информационном пространстве, в частности, на самообразование, пока что не являются достаточно хорошо разработанными. Следовательно, назрела необходимость разработки, теоретического обоснования и практической апробации соответствующих методик. На наш взгляд, это позволит увеличить эффективность образования, обеспечить рост интереса учащихся к исследовательской деятельности, сформировать способность к самостоятельному критическому мышлению и устойчивый познавательный интерес по отношению к окружающему миру.

Одно из фундаментальных свойств информационного пространства Интернета – его открытость, доступность для всех. В этом и его достоинство, и проблема. Открытость информационных ресурсов позволяет получить к ним доступ любому заинтересованному лицу в любой необходимый момент, не ограничиваясь пространственно-временными рамками образовательного учреждения, работающего по утвержденной программе. Это, несомненно, плюс для самообразования.

Главную же проблему открытого информационного пространства как образовательной среды мы видим в том, что учащийся, лишенный педагогического сопровождения, может очень просто в этом пространстве «потеряться», сбиться с пути. Иначе говоря, он может оказаться не в состоянии найти необходимую информацию, а найдя – самостоятельно ее освоить, преобразовать в лично значимое знание. Следовательно, выходя в открытое информационное пространство с целью самообразования, субъект образовательного процесса должен иметь возможность найти там надежного проводника, способного оказать ему необходимую педагогическую и научно-методическую поддержку.

Обеспечить взаимодействие субъектов образовательного процесса в открытом информационном пространстве на новом уровне, удовлетворяющем требованиям сегодняшнего дня, можно, по нашему мнению, с помощью целенаправленного проектирования и создания виртуальных образовательных сред открытого типа, построенных по сетевому принципу.

Для осуществления этого проекта необходимо решить ряд задач, как на практическом, так и на теоретическом уровне. Так, необходимо:

- разработать теоретические принципы проектирования виртуальных образовательных сред открытого типа, адекватных открытому информационному пространству современного общества;
- разработать методики осуществления эффективного взаимодействия субъектов образовательного процесса в таких средах, в частности, посредством создания организованных по сетевому принципу виртуальных учебных групп;
- разработать способы поддержки (курирования) деятельности субъектов образовательного процесса в данных средах;
- провести пробное проектирование виртуальной образовательной среды в соответствии с разработанными методиками;

- создать комплекс средств методической, педагогической, научной, программно-технологической поддержки функционирования среды;
- провести практическую апробацию созданной среды, а также комплекса разработанных методик и средств с целью их дальнейшей корректировки, дополнения и развития.

Одной из существенных частей данной среды, непосредственно предназначенной для организации взаимодействия субъектов образовательного процесса, должен стать портал доступа в среду. Мы считаем, что портал должен представлять собой открытый информационный ресурс, предоставляющий субъектам образовательной деятельности в среде доступ ко всей необходимой информации, инструментам обучения и взаимодействия друг с другом, а также выступающий в качестве единой платформы для систематизации знаний, обмена опытом и подготовки учащихся и педагогов, организации, освещения и обсуждения учебно-исследовательских проектов, публикации и популяризации результатов совместной учебной и исследовательской деятельности. Помимо собственно предоставления доступа к среде всем заинтересованным лицам, важной функцией портала является интеграция элементов среды. Они могут быть представлены в виде «площадок», информационных ресурсов, выполняющих каждый свою функцию и в то же время взаимодополняющих друг друга, связанных системой гипермедиа-ссылок. Среди таких площадок могут быть, например, «энциклопедия», предоставляющая доступ к необходимой информации; «лаборатория», предоставляющая субъектам образовательного процесса возможности и инструментарий для проведения виртуальных экспериментов (а также инструкции по проведению экспериментов реальных и публикации соответствующих материалов); «клуб», где работающие в среде учащиеся и педагоги могут обмениваться мнениями, задавать друг другу вопросы и получать ответы на них, проводить дискуссии, создавать виртуальные учебно-исследовательские коллективы для решения каких-либо задач; «турнирное поле», где будут организовываться различные конкурсы, викторины. Важно отметить, что инициатива организации подобного рода мероприятий может исходить от каждого пользователя портала, так как это диктуется сетевой, неиерархической структурой виртуальной образовательной среды.

Главными принципами проектирования виртуальной образовательной среды являются принципы открытости ее для всех желающих, равноправия субъектов образовательного процесса, доступности всей необходимой учебной информации и инструментов по ее обработке, особого внимания к положительной мотивации и постоянному поддержанию заинтересованности субъектов образовательного процесса, функционирующих в данной среде. Мы считаем, что в условиях открытого информационного пространства и образовательная среда должна носить открытый характер и обеспечивать сетевое, а не иерархическое взаимодействие субъектов образовательного процесса. Обучение в подобной среде должно быть построено по сетевому принципу, на базе равноправия субъектов образовательного процесса, быть доступным всем действующим в данном пространстве субъектам, несмотря на их географическое положение, степень мобильности и т. п. В подобных условиях мотивация субъектов образовательного процесса, их заинтересованность как в результате, так и в самом процессе приобретает особое значение.

Важной принципиальной особенностью виртуальных образовательных сред должна стать их доступность для всех возрастных категорий, начиная с младшего школьного возраста. Это позволит с раннего возраста начать формирование у детей целостной научно-рационалистической картины мира, повышать качество их знаний, развивать критическое мышление, подготавливая их к осуществлению активной самостоятельной мыслительной деятельности в более зрелом возрасте. Этому также будет способствовать то обстоятельство, что в проектируемой среде учащимся будет предоставлена возможность не только решать задачи и ставить эксперименты (как виртуальные, так и реальные), но и принимать участие в обсуждении проблем общефилософского, мировоззренческого характера, тесно связанных с представлениями человека об окружающем мире и своем месте в нем.

Виртуальная образовательная среда будет также обеспечивать доступ к качественной, верифицированной учебной информации, современным учебным методикам, высококвалифицированным специалистам тем учащимся, которые обычно лишены этого доступа в силу ряда причин (географическое положение, состояние здоровья и т. п.). Одной из важнейших

функций сред должно стать целенаправленное выявление среди таких учащихся лиц, склонных к исследовательской деятельности в области естественных наук, поддержание у них соответствующего интереса, мотивация к дальнейшему развитию в данном направлении.

Таким образом, открытое информационное пространство может и должно стать эффективным полем для образования и самообразования личности. Но для этого оно должно быть особым образом организовано, структурировано. Предлагаемая нами концепция виртуальных образовательных сред открытого типа является, по нашему мнению, эффективным и адекват-

ным современным потребностям общества и личности средством структурирования открытого информационного пространства в образовательных целях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Лобанов Ю. И., Колосов Д. Э. Самообразование в условиях информационного общества // Управление образованием: теория и практика. – 2012. – № 3. – С. 93–100. [Электронный документ]. – Режим доступа: <http://iuorao.ru/20120930/224-2012-10-02-09-07-17>
2. MIT Faculty Open Access Policy / [Электронный документ] Режим доступа: <http://libraries.mit.edu/scholarly/mit-open-access/open-access-at-mit/mit-open-access-policy/>

УДК 378.622.801.7

Л. П. Самойлов, С. Н. Сидорова

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ ИНЖЕНЕРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ЮГА РОССИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

**Волжский политехнический институт (филиал)
Волгоградского государственного технического университета**
E-mail: Svetlatok@yandex.ru

В статье рассматриваются современные подходы к развитию системы подготовки инженерных кадров в соответствии с требованиями современного мира, вопросы совершенствования качества высшего образования, стратегии развития современной системы инженерного образования на герменевтической основе.

Ключевые слова: инженерное образование, гуманитаризация, герменевтика, смысл, понимание, ситуация понимания, компетентность, смыслодеятельность.

L. P. Samoilov, S. N. Sidorova

ENGINEERING EDUCATION DEVELOPMENT STRATEGY OF SOUTH RUSSIA IN MODERN ARRANGEMENTS

Volzhsy Polytechnical Institute (branch) of VSTU

This article discusses the modern approaches to the development of the systems of engineers training in accordance with the requirements of the modern time, issues of improving the quality of higher education, strategy of development of modern engineering education system on hermeneutical basis.

Keyword: engineering education, humanitarization, hermeneutics, meaning, understanding, understanding, competence.

Российская экономика, в настоящее время, находится в стадии развития по ряду показателей. Однако, для придания тенденции устойчивого и динамичного характера необходим переход к инновационной модели развития по всем направлениям, включая не только применение высоких технологий, наращивание интеллектуального капитала, широкое распространение инновационных подходов, но и достижение высокого качества современной образовательной, научной и технологической деятельности, формирование новых знаний и представлений во всех сферах человеческой деятельности.

Стратегия индустриально-инновационного и образовательного развития России, в этой час-

ти требует активного развития в вузах инновационных исследований международного уровня, позволяющих создать условия для прорывного развития базовых отраслей экономики Юга России. Одним из таких направлений вполне может стать развитие инженерного образования на знаниево-смысловой основе. Обращение к такой основе обеспечит не только более эффективную подготовку инженерных кадров для инновационной работы во всех сферах личносно избранной профессиональной деятельности, но и подготовит будущих специалистов к работе в высокотехнологической сфере.

Современные потребности глобальной экономики в современном инженерном знании рез-

ко меняют характер инженерного образования, требуя, чтобы современный специалист владел гораздо более широким спектром ключевых компетенций, чем освоение узкоспециализированных научно-технических и инженерных дисциплин. В качестве основного условия перехода к такому образованию необходимо отметить обновление методологии и содержания инженерного образования на инновационной основе. В фундаменте такой основы должны лежать не только передовые знания, ведущие компетенции, но и субъективный смысл.

Действительность, с которой придется столкнуться будущему инженеру – это мир смыслов, обусловленных духовной и материальной человеческой деятельностью, мир, в котором предстоит жить, который необходимо понимать и преобразовывать. Только в горизонтах передовых знаний, осмыслении и понимании этих знаний могут быть в полной мере раскрыты и реализованы такие тенденции развития образования, как гуманизация и гуманитаризация, фундаментализация и индивидуализация (С. В. Галенко) [1: 13].

Современное общество часто называют обществом, основанном на знаниях, подчеркивая тем самым фундаментальную роль знаний в жизни человека. Однако знания не определяют отношение будущего специалиста к окружающим людям, своей профессиональной деятельности, изучаемым в вузе наукам, своему профессиональному долгу. Только смысл, который будущий инженер находит в тех или иных знаниях определяет это отношение, он есть то, что создает переход от настоящего к будущему (или от прошлого к настоящему) (А. А. Брудный) [2: 123]. Вовлекая студента в сложный процесс движения от «смыслов для других» к «смыслам для себя» инженерное образование создает условия для формирования профессиональной и личностной идентичности будущего специалиста, его смыслодеятельностной компетентности. Следовательно, основная задача образования – обеспечить человека системой смыслов и целостным смысловым опытом для ориентации и деятельности в современном мире. Такой подход в большей степени соответствует существующим реалиям и позволяет добиться необходимого уровня гуманитаризации, фундаментализации и профессионализации инженерного образования, обеспечить, при сохранении лучших традиций отечественной инженерной школы, гармоничное

единство знаний, понимания, опыта, традиций, личностного развития, компетентности, культуры и смысла [7].

Методологическим и научным контекстом, в котором наиболее значимо проявила себя категория «смысл», была герменевтика – наука и искусство понимания текстов и постижения смыслов. Многовековой опыт герменевтики в области смыслового освоения действительности способен внести существенный вклад в развитие современного инженерного образования. Человек, мир, культура – это «пространства смыслов», а значит и сфера действия понимания как деятельности со смыслами. Инженерное образование, построенное с учетом герменевтических традиций способно вести речь как о простых причинно-следственных объяснениях мира, так и о формировании особого типа мышления, построенного на культурно-смыслодеятельностной основе, об особых слоях личностной культуры, компетенций и опыта, как компонента содержания инженерного образования. С позиции герменевтики, современное образование – это «не то, чему человека учили, а то, что он в этом понял» [2] и как, на основе своего понимания и накопленного смыслового опыта, он реализует свой личностный и профессиональный потенциал в избранной сфере жизнедеятельности. И в этом контексте «учить пониманию – новая задача и новый критерий получения современного образования» [3: 28]. О значимости работы в данном направлении убедительно свидетельствуют материалы Международной комиссии по образованию для XXI века под эгидой ЮНЕСКО (1998 г.). В частности, в докладе ее председателя Ж. Делора [4] отмечается, что образование должно «обеспечить каждому возможность понять другого во всем его своеобразии и мир в его хаотичном движении к некоему единству». В реалиях формирующегося информационно-техногенного общества герменевтика способна предложить новое измерение человека и специалиста – человека понимающего. Наиболее радикально переосмысление феномена понимания было осуществлено М. Хайдеггером. Понимание в его онтологической концепции – это не методологическая процедура познания социальных явлений, а способ, которым конституировано человеческое бытие в целом, специфический способ существования человека. Еще дальше пошел, своей трактовке Х.-Г. Гадамер. Понимание, согласно этому философу,

есть универсальный способ освоения мира человеком.

Внесение в образование идей герменевтики не означает отказа от достижений мировой и отечественной инженерной школы, – концептуальные установки герменевтики просто не позволяют этого сделать. Важно, чтобы ее тысячелетний опыт развития, философско-онтологический статус, гуманитарно-методологическая база и общечеловеческие идеи были в полной мере востребованы инженерным образованием XXI века. С позиции образования построенного на герменевтической основе инженер – это компетентный специалист, готовый осуществлять развитие Цивилизации, на основе общечеловеческих ценностей Культуры, способный видеть целое во всем богатстве составляющих его частей, проявлений и отношений («герменевтический круг»), осмысливать связи и взаимозависимости между явлениями, а также последствия, вытекающие из действия этих связей и взаимозависимостей; это личность, обладающая развитой герменевтической культурой основанной на понимающем отношении к окружающему миру, толерантности, рефлексии, чувстве ответственности за свои поступки, сопричастная судьбам мира, способная чувствовать и осознавать «единство всего» и «связь всего со всем». С таких позиций понимание (как «решение задачи на смысл») приобретает экзистенциальный статус, который не обуславливается только деятельностью сознания, а становится способом бытия человека в мире, где проявляется его позиция, система ценностей, смысловая ориентация [6].

Опыт, которым способна поделиться герменевтика с педагогикой, это, прежде всего, опыт работы с окружающей действительностью несущей в себе «отпечаток» человека, не просто существующего, но наделяющего смыслом все к чему прикасается, включая самого себя. Высший тип герменевтического опыта характеризуется открытостью «Я» по отношению к «Ты», готовностью вступить в диалог, услышать, принять, и понять другого во всей его «инаковости» и проявлениях (результатах деятельности, поступках, мнениях и пр.). Такой герменевтический субъекторавный и смыслонаполненный диалог участников образовательного процесса неизбежно несет в себе этическое содержание, где понимание выполняет не только операционально-познавательную или личностно-развивающую функции, но и нравственно преобразующую.

Герменевтический подход в инженерном образовании предполагает органическое единство науки и творчества, онтологического и методологического, естественнонаучного и гуманитарного, рационального и иррационального, знания и смысла, объяснения и понимания, логического и эмоционального образно-интуитивного, познания и самопознания. Целью инженерного образования, построенного на основе герменевтического подхода, является создание условий для личностно-смыслового развития специалиста, – его способностей к осуществлению сложных форм смыслодеятельности. Суть герменевтического подхода применительно к инженерному образованию состоит в том, что: а) основой данного образования является диалог с текстами культуры, а ведущим методом – диалектика вопроса и ответа, в ходе которой последовательно возникают и разрешаются вопросы к культуре; б) в качестве текстов культуры выступают как реальные результаты деятельности человека (осваиваемая дисциплина, научная теория, производственный процесс, машины и их детали, человек и его поступки, архитектурные сооружения и пр.), так и потенциальные (подлежащие преобразованию в тексты в соответствии с замыслом специалиста предметы труда); в) текст культуры рассматривается как своего рода «мыслящая структура», как «интеллект – собеседник» (В. В. Иванов); г) особой смыслообразующей средой и герменевтическим «инструментом» для создания и толкования текста рассматривается язык (изучаемой науки, культуры, невербального и вербального общения и пр.); д) понимание, как процедура решения «задачи на смысл» выполняет функцию универсального, комплексного механизма смыслового развития личности; е) образовательный процесс строится на основе специфических принципов герменевтики («круг целого и части», «лучшего понимания», «контекстуального подхода», «неотделимости понимания текста от самопонимания интерпретатора», «возвышения над противоположностью субъекта и объекта», «языковой достаточности» и пр.); ж) процесс обучения и воспитания строится на нарративной основе герменевтической спирали, в ходе развертывания которой в педагогическую и профессиональную реальность вплетаются различные учебные, профессиональные и общекультурные тексты; конкретная ситуация развития-рассказывания; контексты педагога, студентов и авторов текста;

комплекс социальных, психологических, педагогических, этических и других факторов; лично значимые проживания-переживания преподавателя и студентов.

Основу содержания смыслоориентированного инженерного образования, построенного на герменевтической основе, составляет целостный опыт смыслодеятельности в личностной, учебной, профессиональной и социальной сферах, который представлен совокупностью следующих структурных компонентов: опытом смыслопоиска, опытом смыслотворчества, опытом рефлексии и опытом объяснения. Это обеспечивает целостность формирующегося опыта и его адекватность требованиям современного инженерного образования.

Источником целостного опыта смыслодеятельности является специфическая деятельность, важнейшими компонентами которой являются: смыслопоиск (выявление, постижение или реставрация смысла текста), смыслотворчество (наделение смыслами реальных или потенциальных текстов, творческое преобразование смысла текста, порождение смыслов и текстов), смысловая рефлексия и объяснение, как предпосылка «объясняющего понимания». Специфическим средством формирования данного вида опыта выступает ситуация понимания, в которой понимание, как процедура «движения в смыслах» (Г. И. Богин) и решения «задач на смысл» (А. Н. Леонтьев, Д. А. Леонтьев), выполняет функцию универсального, комплексного механизма смыслового развития личности. Понятием «ситуация», следуя В. В. Серикову, мы обозначаем «некоторый «сгусток» коллизий, возникающих в сфере отношений человека с окружающим его миром. «Ситуацией» для личности становится то, что затрагивает ее ценностную сферу, статусные характеристики ее бытия. Ситуация развивает личность потому, что побуждает ее функционировать, ставит воспитанника перед необходимостью проявить себя как личность. Здесь вступает в действие известный психологический закон: развивается то, что проявляется» [5: 88].

Определяя ситуацию понимания текста в качестве комплексного средства смыслового развития личности студента, мы неизбежно сталкиваемся с необходимостью создания системы, обеспечивающей через различные виды смыслодеятельности циклическое «нарастание» смыслового опыта и понимания. Система ситуаций понимания призвана обеспечить посту-

пенное восхождение по герменевтической спирали к целостному опыту смыслодеятельности, движение от низкого уровня смыслового развития к более высокому. Ступеньками такого движения, определяющими его траекторию, фазы и эффективность, а также целевые, содержательные и процессуальные компоненты на каждом этапе работы со студентами, является последовательный набор ситуаций понимания текста, которые, в соответствии с логикой герменевтического подхода и концепцией построения смыслоориентированного инженерного образования, выступают в качестве комплексного психолого-педагогического средства формирования смыслового опыта во множестве его составляющих и контекстов [8].

Искомые ступени движения («Обретения голоса», «Собирания Я», «Открытия Ты», «Обнаружения Мы», «Раскрытия Я-возможностей», «Сотворения для Мы», «Обретения профессиональной (предметной) идентичности»), представленные через соответствующий набор ситуаций понимания текста («Вопрошание», «Диалог с текстом», «Творческое понимание», «Перевод», «Диалог с Автором», «Самопонимание», «Метафора», «Нонсенс», «Альтернативный текст», «Неожиданный ракурс», «Нахождение сходного в различном», «Применение текста» и др.), образуя виток спирали, являются частями целого – системы учебных ситуаций, ориентированных на эффективное смысловое развитие личности будущего инженера, формирование его инженерной компетентности и герменевтической культуры.

Обращение к траектории кругового движения по «герменевтической спирали» не случайно. В философском дискурсе круговое движение, когда речь идет о круговом характере развития, считается закономерным. Движение по прямой всегда конечно, так как имеет начальную, срединную и конечную точки, а свойства кругового движения – первичность, непрерывность. Об этом в свое время говорил еще Аристотель. В своей работе «Категории» он говорит о том, что круговое движение первичнее прямолинейного, так как оно более совершенно. Движение по кругу начинается из любой точки, оно может быть бесконечно долгим и непрерывным (никакой другой вид движения не обладает такими свойствами). Подобного же мнения придерживался и Г. В. Ф. Гегель в своей работе «Наука логики». М. Хайдеггер эту идею возвел уже в ранг методологического

принципа (см. герменевтический круг). Таким образом «если любой процесс можно описать как круг, цикл, имеющий характер вращения, обращения, возвращения, то это применимо и к человеческой жизни».

В разработанной системе учебных ситуаций, смыслодеятельность востребует достаточно широкий спектр личностных функций, свойств сознания, качеств мышления, компетенций. В связи с этим возникает необходимость уточнения и выделения тех из них, которые доминируют в каждой конкретной ситуации. Выделение в абстракции доминирующих личностных проявлений и компетенций сделано с целью показать развивающие возможности предлагаемых ситуаций. В реальных же условиях функции переплетаются между собой и потому практически неотделимы друг от друга. Дополняя вышесказанное о представленных учебных ситуациях следует отметить, что все они не имеют четко выраженных границ и могут в ходе учебного процесса легко переводиться одна в другую. Возможен вариант «вложенных форматов», когда одна ситуация включает в себя содержательные элементы другой.

Многолетняя апробация указанных ситуаций, в ходе работы со студентами, показала, что каждая из них, отражая специфику определенных аспектов феномена понимания, активизирует личностный потенциал студента, формируя у него целостный опыт смыслодеятель-

ности. Таким образом, инженерное образование, построенное на основе герменевтической традиции, способно вести речь не только о простых причинно-следственных объяснениях мира, но и об особых слоях личностной культуры, компетенций и опыта, как компонентах содержания современного инженерного образования. Таким образом, приоритет остается не за традиционным знанием, а за синтезом объективного знания и субъективного смысла.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Галенко, С. В.* В ожидании образовательной революции: проблемы смысла и понимания // *Alma Mater*. – 1997. – № 6. – С. 6 – 13.
2. *Брудный, А. А.* Психологическая герменевтика: учеб. пособие. – М.: Изд-во Лабиринт, 1998. – 336 с.
3. *Кавтарадзе, Д. Н.* Обучение и игра. Введение в активные методы обучения. – М.: Моск. психолого-социальный институт, Флинта, 1998. – 192 с.
4. *Делор, Ж.* Образование: сокрытое сокровище. Доклад Междунар. комиссии по образованию для XXI века, представленный ЮНЕСКО. – М.: UNESCO, 1996. – 295 с.
5. *Сериков, В. В.* Общая педагогика: Избр. лекции. – Волгоград: Перемена, 2004. – 278 с.
6. *Самойлов, Л. П.* Совершенствование системы инженерного образования на герменевтической основе / Самойлов Л. П., Сидорова С. Н. // *Вестник Тверского гос. ун-та. Серия: Педагогика и психология*. – 2012. – № 4. – С. 141–150.
7. *Самойлов, Л. П.* Инженерное образование России в контексте глобальных проблем современности / Самойлов Л. П., Сидорова С. Н. // *Инновации в образовании*. – 2012. – № 10. – С. 25–32.
8. *Сидорова, С. Н.* Опыт смыслотворчества как гуманитарный компонент высшего образования / Сидорова С. Н., Самойлов Л. П. // *Alma Mater – Вестник высшей школы*. – 2013. – № 2. – С. 78–81.

УДК 371.13
ББК 74.5

Е. Е. Чудина

ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЛИЧНОСТНОЕ САМОРАЗВИТИЕ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ КАК ОСНОВА ТОЛЕРАНТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СТУДЕНТОВ

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

E-mail: echudina@mail.ru

В статье показана актуальность толерантного взаимодействия в конструктивных взаимоотношениях представителей разных национальностей. Представлена специфика толерантного взаимодействия студентов в образовательной среде вуза. Показаны различные аспекты толерантности. Выделена взаимосвязь профессионально-личностного саморазвития преподавателя с толерантным взаимодействием студентов.

Ключевые слова: преподаватель, студент, саморазвитие, профессиональное саморазвитие, толерантность, процесс обучения, высшая школа, толерантное взаимодействие.

E. E. Chudina

PROFESSIONAL AND PERSONAL SELF-DEVELOPMENT OF THE TEACHER AS BASIS OF TOLERANT INTERACTION OF STUDENTS

Volgograd State Social-Pedagogical University

Relevance of tolerant interaction is shown in article in constructive relationship of representatives of different nationalities. Specifics of tolerant interaction of students in the educational environment of higher education institution are presented. Various aspects of tolerance are shown. The interrelation of professional and personal self-development of the teacher with tolerant interaction of students is allocated.

Keywords: teacher, student, self-development, professional self-development, tolerance, training process, the higher school, tolerant interaction.

Волгоградская область находится в составе Южного федерального округа и составляет 0,7 % территории Российской Федерации. В процессе многовекового совместного проживания и взаимодействия на территории Волгоградской области представителей славянских, тюркских, романо-германских, семитских, фино-угорских народов складывались прочные традиции добрососедства, взаимопонимания и уважения, межнационального диалога и веротерпимости. Уникальный цивилизационный облик Нижнего Поволжья исторически сформировался под воздействием многих мировых религий, языческих верований и этнокультурных влияний различных народов. Так, на Нижней Волге возникали поселения, в которых жили православные, лютеране, католики, староверы, баптисты, молokane, мусульмане, буддисты и др. Часто в пределах одного населенного пункта рядом селились представители различных этнических общностей. Сейчас эти традиции постепенно утрачиваются. Зачастую народы Волгоградской области живут в атмосфере враждебности и духовной изоляции [4]. Учитывая специфику современной социокультурной ситуации, возникает необходимость в признании толерантного взаимодействия в качестве основы конструктивных взаимоотношений представителей разных национальностей. Психолого-педагогические основы толерантного взаимодействия представлены в исследованиях Л. В. Байбородовой, Г. С. Плюшкина, Е. В. Семеновой, Л. И. Семиной, В. В. Скворцова, Т. А. Чистякова, С. В. Чистяковой, Е. П. Рожченкова [3, с. 4].

Мы рассматриваем толерантное взаимодействие студентов в вузовской среде как процесс, в котором участники характеризуются равенством позиций, правом на признание, принятие, уважение и понимание со стороны разных взаимодействующих субъектов современного учебно-воспитательного процесса вуза (преподавателей, студентов, администрации, представителей молодежных объединений). Готовность студента выполнять разные социальные роли, разрешать конфликты, сформированность навыков общения, умение выстраивать гармоничные отношения с представителями разных национальностей, природой и самим собой – наиболее яркие черты такого взаимодействия.

Особую актуальность в воспитании толерантного взаимодействия приобретает учебно-воспитательный процесс современного вуза, где взаимодействуют между собой представи-

тели разных национальностей. Собственный педагогический опыт работы со студентами Волгоградского государственного социально-педагогического университета естественно-географического факультета показывает существенное изменение национального состава студентов. Студенты данного факультета сегодня – это казахи, армяне, русские, татары, чеченцы – которые вместе друг с другом постигают основы профессии педагога и овладевают основами учебно-исследовательской деятельности. Национальный фактор играет огромную роль в процессе формирования и проявления индивидуальных, личностных и субъектно-деятельностных качеств человека. Под его воздействием развивается совершенно своеобразный индивид с присущим только его этническому типу умом, чувствами, способностями, интересами, формами поведения.

Поэтому, проблема толерантного взаимодействия многогранна и воспитательный аспект ее решения выступает как актуальная животрепещущая составляющая современного образования. Толерантность как основа такого взаимодействия характеризует идеальные отношения между людьми и может входить в культурный арсенал того или иного сообщества в качестве культурной нормы и моральной ценности. Толерантность выступает в первую очередь как проблема этическая, проблема взаимодействия людей в контексте современной культуры, в соответствии с моральными нормами и этическими установками, предъявляемыми современной культурой и формируемыми ею. Толерантность в законодательных актах представлена «Декларацией принципов терпимости», принятой Организацией Объединенных Наций; «Концепцией модернизации Российского образования на период до 2010 г.», где сформулированы важнейшие задачи воспитания: формирование духовности и культуры, инициативности, самостоятельности, толерантности, способности к успешной социализации в обществе и активной адаптации на рынке труда [2, с. 10].

Способность принять иную точку зрения становится одной из характеристик человека, обладающего устойчивыми социальными и нравственными убеждениями, способного усваивать и перерабатывать новую информацию, способного к социальной адаптации и социальному творчеству [1, с. 30].

Данные обстоятельства подчеркивают необходимость пересмотра педагогического взаи-

модействия как ведущего условия профессионально-личностного саморазвития со студентами в образовательном процессе, особенно в курсе педагогики при изучении вопросов культуры межнационального, межэтнического общения, национального своеобразия воспитания.

Для осуществления толерантного взаимодействия со студентами нами была взята за основу авторская модель профессионально-личностного саморазвития учителя, как процесса целенаправленного, качественного, самоизменения личностной сферы педагога, обеспечивающего саморазвитие личности студентов, через реализацию целеобразующей, рефлексивной, нормативной, активного взаимодействия функций в развитии педагога. Компоненты саморазвития – самосознание, самооценка, самоорганизация самоуправления [5, с. 148]. Профессионально-личностное саморазвитие является фактором профессионального роста современного преподавателя высшей школы и обязательным условием индивидуально-личностного развития студентов. Педагог не может обеспечить развитие студента, не демонстрируя ему собственное саморазвитие в поведении, деятельности, поступках. В этом случае педагогический процесс характеризуется включенностью и преподавателя и студента в процесс взаимопознания и взаиморазвития. Поэтому ориентир на профессионально-личностное саморазвитие преподавателя способствует воспитанию толерантного взаимодействия студентов.

Самоорганизация как компонент профессионально-личностного саморазвития преподавателя характеризующийся осознанием, учетом и выработкой отношения к внешним целям, позволяет укреплять дружеские отношения между студентами разных районов Волгоградской области, уважать и знать культурные традиции представителей разных типов поселения. Поэтому, в процессе изучения педагогики межнационального общения, студенты на занятиях выявляли наиболее яркие положительные и отрицательные качества личности представителей разных национальностей (русских, белорусов, украинцев, народов Северного Кавказа, Средней Азии) и предлагали способы перевоспитания последних. Особенно показательным в этом случае стало взаимодействие в микрогруппах, в составе которых оказалась на выбор самих студентов казахи, русские и дагестанцы. Сначала возникли трудности с определением некоторых положительных и отрицательных ка-

чества народов Северного Кавказа, но обмен мнениями, общение с родственниками вне занятия, обращением к фрагментам литературных произведений позволило решить эту проблему и значительно расширить знания культуры народов Северного Кавказа.

Самоуправление как компонент профессионально-личностного саморазвития преподавателя вуза включает в себя ряд последовательно разворачивающихся этапов: анализ противоречий, прогнозирование, целеполагание, формирование критериев, оценки качества, принятие решений к действию, контроль, коррекция и способствует организации межличностного общения студентов разных национальностей. Как показывает практика, общение не может быть беспредметным. Таким образом, для создания условий организации межличностного общения необходимо найти или создать реальные и осознаваемые «точки соприкосновения». Наиболее эффективными формами работы в этом случае являются подготовка воспитательных мероприятий для школьников во время прохождения педагогических практик в школе и в летнем загородном лагере. Активное общение, обмен опытом между участниками взаимодействия являются одним из условий снижения напряженности и отчужденности, позволяет выстраивать конструктивные отношения с окружающими в запутанных ситуациях неопределенности.

Совместное житнетворчество в рамках итоговых мероприятий, помогает студентам и подросткам повысить свою самооценку, способствующую их самореализации. Финальные мероприятия характеризуются сотрудничеством студентов разных национальностей с учащимися, реализующими общую цель деятельности. На этом фоне, постоянным является толерантное взаимодействие, что достаточно хорошо прослеживается в отчетах студентов по итогам летней и педагогической практик. Стремление ребят сохранять свою принадлежность к данной группе, заинтересованность научным творчеством и демонстрация знания культуры и обычаев оказываются существенными показателями в процессе толерантного взаимодействия.

Самооценка в структуре профессионально-личностного саморазвития преподавателя показывает ценностное отношение к качествам личности и обеспечивает процесс решения педагогических ситуаций студентами, в которых проявляются проблемы межнационального и меж-

этнического взаимодействия. Процесс решения педагогических ситуаций в данном случае – это не только знание алгоритма решения педагогических ситуаций, но и учет традиций и обычаев разных национальностей. Также в процессе изучения педагогических дисциплин наиболее эффективным приемом воспитания толерантного взаимодействия студентов стала разработка моральных дилемм, связанных с проблемой выбора между разными ценностями, особенностями обычаев и национальных праздников.

Опытно-экспериментальная работа по толерантному взаимодействию студентов на основе профессионально-личностного саморазвития вузовского преподавателя проводилась нами в течение 7 лет на базе естественно-географического факультета с разным составом студентов и подтвердила свою эффективность для совер-

шения современного образовательного процесса высшей школы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Борытко, Н. М.* В пространстве воспитательной деятельности / Н. М. Борытко. – Волгоград, Перемена, 2001. – 181 с.
2. *Евдокимова, О. Н.* Развитие навыков толерантного взаимодействия у студентов технических вузов: автореф. дис. ... канд. пед. наук / О. Н. Евдокимова. – Челябинск, 2008. – 24 с.
3. *Панченко, И. А.* Развитие толерантного взаимодействия подростков во Всероссийском детском центре «Орленок»: дис. ... канд. пед. наук / И. А. Панченко. – Магнитогорск, 2005. – 209 с.
4. Постановление Волгоградской области от 19 сентября 2002 года № 11/397 «Об областной целевой программе «Этносоциальное развитие населения Волгоградской области» на 2003–2005 годы.
5. *Чудина, Е. Е.* Становление профессионально-личностного саморазвития будущего учителя в вузе / Е. Е. Чудина // Сибирский педагогический журнал. – 2013. – № 3. – С. 147–151.

УДК 378.046.4
ББК 74я73

В. Ю. Розка

ГЕНДЕРНОЕ ОБУЧЕНИЕ ПЕДАГОГОВ В СИСТЕМЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Волгоградская государственная академия последипломного образования

E-mail: RozkaVU@yandex.ru

Статья посвящена анализу особенностей гендерного обучения педагогов на курсах повышения квалификации.

Ключевые слова: гендерный подход, гендерная культура педагога, дополнительное профессиональное образование педагогов, андрагог.

V. U. Rozka

GENDER EDUCATING OF TEACHERS IS IN SYSTEM OF ADDITIONAL TRADE EDUCATION

Volgograd State Academy of post-diploma education

The article is sanctified to the analysis of features of the gender educating of teachers on the courses of in-plant training.

Keywords: gender approach, gender culture of teacher, additional trade education of teachers, andragog.

В современном состоянии педагогической теории и образовательной практики ярко проявляется противоречие между личностной (адресной) ориентацией содержания Федерального государственного образовательного стандарта второго поколения (ФГОС 2009, 2010) и отсутствием у педагогов опыта учета гендерных стереотипов как сдерживающего фактора при проектировании образовательной ситуации на уроке/внеурочной деятельности. Эффективность снятия этого противоречия зависит от набора педагогических средств, что неизбежно приводит к тому, что репродуктивные технологии с их ориентацией на передачу суммы знаний

и интериоризацию способа оперирования ими, сменяются деятельностными, личностно ориентированными, где главным является смысл деятельности.

Одним из инструментов, способствующих обретению субъектом образовательной деятельности смыслов собственной деятельности, выступает опыт разрешения педагогами гендерно-окрашенных противоречий в своей повседневной профессиональной деятельности.

Постановка вопроса о личностном педагогическом опыте обусловлена содержанием образования и процесса обучения педагогов их профессиональных целей, потребностей и опы-

та, где одним из важнейших измерителей выступает образ своего профессионального «Я», рассматриваемый в аспекте социокультурного пола – гендера.

Т. А. Зяткина подчеркивает, что ориентация процесса подготовки педагога в системе постдипломного образования на отдельные актуальные задачи практики ограничивает пространство его профессиональной деятельности рамками выделенных задач и не позволяет учесть изменения, происходящие в его педагогической практике. И справедливо подчеркивается, что не сами задачи педагогической практики должны стать целью подготовки педагога, а его собственное развитие [1], то есть должна быть очевидной и динамика его роста и рефлексия по поводу достигнутого результата курсового обучения.

Индивидуальный педагогический опыт является одним из результатов социального опыта, наряду с историческим/культурным опытом данного общества или отдельных его слоев, впитавшим в себя все гендерные предубеждения. Этот опыт, выступая частью социальной практики педагога, позволяет увидеть действительность шагов, предпринимаемых им по формированию социального опыта своих учеников, что в свою очередь создает условия для внесения необходимых коррективов, изменения аспектов интерпретации тех или иных социальных фактов и явлений.

Спланировав содержание учебных занятий с учетом специфики системы дополнительного профессионального образования педагогов (ДПО) можно создать условия для формирования их гендерной компетентности, понимаемой, как способность мужчин и женщин замечать ситуации гендерного неравенства в окружающей их жизни; противостоять сексистским, дискриминационным воздействиям и влияниям, самим не создавать ситуации гендерного неравенства [2].

На этапе проектирования содержания гендерного обучения педагогов в системе ДПО учитываются три группы особенностей субъекта обучения.

Социальный статус обучаемых (учителя-предметники, воспитатели дошкольных образовательных учреждений, педагоги дополнительного образования детей, мастера производственного обучения, руководители образовательных учреждений и др.). Данными характеристиками определяется круг вопросов, под-

лежащих рассмотрению, осуществляется учета степень вовлеченности каждой категории обучающихся на курсах повышения квалификации в повседневную жизнь своего образовательного учреждения и определение степени возможного влияния на трансляцию информации, полученной в ходе курсовой подготовки.

Социально-психологические особенности обучающихся на курсах повышения квалификации предрасполагают к тому, что каждый из них уже имеет профессиональное образование, и он рассчитывает в рамках курсовой подготовки расширить/углубить свои знания по преподаваемой им учебной дисциплине, освоить современные методы передачи и контроля знаний своих собственных обучающихся. Он обладает определенным, зачастую многолетним, продуктивным опытом работы, а, значит, и собственной оценкой степени его эффективности, которая может иметь как конструктивную, так и неконструктивную природу.

Основная идея современного дополнительного образования связана с переходом от дидактико-методической модели профессиональной подготовки к непрерывному профессионально-педагогическому самосовершенствованию, преобразованию себя для решения задач усложняющейся креативной педагогической деятельности [3] и она не может уместиться в рамки часто задаваемой извне модели гендерного неравенства. Лишь установка на отказ от пассивного принятия педагогами «ожидаемых» исполнительских ролей, а постоянный поиск новых источников самореализации педагога, как личности, может стать вектором, направленным на выход из этой ситуации.

Выделенные особенности ДПО предрасполагают к поиску адекватной модели обучения. Образовательная ситуация, формирующаяся с учетом этих обстоятельств, исключает установку на механическое воспроизведение/запоминание каких-либо научных текстов, советов или алгоритмов, пусть даже и доказавших свою непререкаемость или уникальность, а выводит учебное занятие в область практико-ориентированных действий, поиска личных ценностей и смыслов педагогов.

Педагога, ознакомившегося с гендерной проблематикой, необходимо вооружить знаниями не столько о теоретической сути научной проблематики, добываясь при этом терминологической чистоты, сколько анализу существующей в его педагогической практике си-

туации, когда гендер не воспринимается как критерий ее оценки. Сверхзадача андрагогов, работающих в системе ДПО – создать ситуацию для того, чтобы педагог осознал необходимости коррекции своей повседневной профессиональной деятельности с учетом гендерных особенностей его обучающихся.

Концептуально такое видение гендерного образования уместается в понятие *образовательная среда* образовательного учреждения ДПО [4]. У образовательной среды учреждения в системе ДПО есть несколько специфических особенностей. Это – постоянная сменяемость состава обучающихся, разные темпы и уровни освоения учебного материала (первая и высшая квалификационные категории) и то, что слушатель курсов, будучи активным субъектом образовательной деятельности, одновременно выступает в трех разных ипостасях – в роли заказчика образовательной услуги/ее главного исполнителя, и оценщика степени ее эффективности, что выводит андрагогов на уровень постоянного поиска и коррекции ценностно-смыслового содержания образовательных программ.

С. Л. Рыков фактически задает вектор системе ДПО, когда указывает на то, что «гендерная культура педагога – это совокупность социально значимых знаний, навыков и умений полоролевого взаимодействия в социальной и профессиональной среде, отражающая степень сформированности у педагога необходимых нравственно-этических качеств, а также выработанные педагогической практикой ценности, традиции, способы, модели, правила и нормы действий, направленные на совместное решение мужчинами и женщинами задач совместной деятельности» [5].

Позиция А. П. Тряпицыной и Н. Ф. Родионовой [9], рассматривающих профессиональную компетентность как «интегральную характеристику педагога, определяющую его способность решать профессиональные проблемы и типичные профессиональные задачи, возникающие в реальных ситуациях профессиональной педагогической деятельности, с использованием знаний, профессионального жизненного опыта, ценностей и наклонностей», вполне коррелирует с таким видением гендерной культуры педагога.

Е. Н. Каменская же, разработавшая трехзвенную модель гендерной компетентности педагога, углубляется в содержание самой его деятельности. Мотивационно-волевой, функциональ-

ный и рефлексивный компоненты рассматриваются ею как интегративный, целостный продукт педагогической деятельности, который не может быть представлен по отдельности [7].

Наша практика доказала, что формирование андрагогом комплексного образа гендерной компетентности педагога зависит от целого ряда моментов:

- начальных целевых установок – показать проблему, заострить ее, побудить слушателей к самооценке, провокация на последующее изучение гендерной проблематики или в случае с подготовленной аудиторией – поиск наиболее эффективных вариантов разрешения межполовых конфликтов, развития гендерной толерантности, воспитания культуры бесконфликтного поведения и т. п.;

- ситуации, требующей на выходе определенного уровня обученности, овладения профессиональными компетенциями – смогут видеть, определять, корректировать, учитывать и т. п.;

- установленных сроков обучения – модуль, так как просвещение – *одноактная схема* или организация постоянно-действующего семинара по проблеме – обучение;

- учет особенности субъекта обучения (возраст, пол, степень принятия позиции ученичества, готовность к самоанализу собственной педагогической практики и т. п.)

Содержание гендерного обучения педагогов определяется характером целей. Наша практика показала оптимальность предложения А. Н. Кузибецкого [8] рассматривать цель трехзвенно, как со стороны педагога, так и со стороны слушателя, обучающегося на курсах повышения квалификации. Сосуществование во взаимосвязи *номинального* (означенного) результата обучения, который может быть лично отчужденным от слушателя курсов; *ценностного* результата обучения, как личностной значимости для него; *смысловой* составляющей результата обучения, где упор делается на определение значимости деятельности, которую необходимо сделать слушателю курсов повышения квалификации, для достижения лично значимого результата.

Эффективность занятия зависит от того, насколько слушатель курсов повышения квалификации считает его значимым для решения *своих жизненных проблем*, будь то обретение опыта передачи ученикам учебного материала, если его это интересует или самосовершенствование, соотнесение своих профессиональных

компетенций и достижений с уровнем современной науки. Но возрастет она лишь тогда, когда каждый из слушателей курсов повышения квалификации *реально увидит* процесс изменения своего собственного состояния, *отметит* свой рост, *осознает причины* возникновения нового качества собственных знаний и умений. То есть обретет опыт разрешения гендерно-окрашенных противоречий в своей повседневной практике.

Расширение образовательного пространства системы дополнительного профессионального образования педагогов для проявления индивидуальности и развития самореализующейся личности каждого субъекта образовательной деятельности, обретение ими опыта формирования приемов равноправного партнерства мужчин и женщин во всех сферах жизнедеятельности и станет в ближайшей перспективе основанием для освобождения образовательного процесса российских школ от наиболее жестких гендерных стереотипов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Затямина, Т. А.* Подготовка педагога-музыканта в системе постдипломного образования: монография / Т. А. Затямина. – Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2008. – С. 10.
2. *Столярчук, Л. И.* Гендерный подход в условиях непрерывного образования / Л. И. Столярчук // Известия

Волгогр. гос. пед. ун-та. Сер. «Педагогические науки». – 2012. – № 4(68). – С. 33–37.

3. *Сергеев, Н. К.* Педагогическая деятельность и педагогическое образование в инновационном обществе: монография / Н. К. Сергеев, В. В. Сериков. – М.: Логос, 2013. – 363 с.

4. *Артюхина, А. И.* Образовательная среда высшего образовательного заведения как педагогический феномен: монография / А. И. Артюхина. – Волгоград: Изд-во ВолгМУ, 2006. – С. 24.

5. *Рыков, С. Л.* Гендерная культура преподавателя вуза: сущность, основные признаки и уровни проявления / С. Л. Рыков // Гендерные исследования в образовании: проблемы и перспективы: сб. науч. ст. по итогам Междунар. науч.-практ. конф. Волгоград, 15–18 апр. 2009 г. – Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2009. – С. 73.

6. *Родионова, Н. П.* Профессиональная компетентность как результат педагогического образования / Н. П. Родионова, А. П. Тряпицына // Постдипломное образование: проблемы, опыт, перспективы. – СПб., 2004. – С. 18.

7. *Каменская, Е. Н.* Гендерная компетентность педагога: понятие, структура, уровни / Е. Н. Каменская // Гендерные исследования в образовании: проблемы и перспективы: сб. науч. ст. по итогам Междунар. науч.-практ. конф. Волгоград, 15–18 апр. 2009 г. – Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2009. – С. 44–49.

8. *Кузибецкий, А. Н.* Культурно-компетентностная модель общего образования: основные приоритеты / А. Н. Кузибецкий // Урок в современном образовательном учреждении: теоретические модели, инновационный опыт, факторы и условия эффективности: материалы международных педагогических чтений. Волгоград, 17–18 апреля 2008 г. / Под ред. проф. А. Н. Кузибецкого. – Волгоград: Издательство ВГИПК РО, 2008. – С. 15–17.

УДК 373.5
ББК Ч 442.00

А. В. Соловьева, М. М. Самчук

ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ СТАРШЕКЛАССНИКОВ КАК ОСНОВА МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНОГО И МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ДИАЛОГА

Волгоградский государственный технический университет

E-mail: iks@vstu.ru

Статья посвящена выявлению особенностей моделирования процесса формирования ценностных отношений старшеклассников как основы межконфессионального и межнационального диалога.

Ключевые слова: ценность, ценностные отношения, межконфессиональный и межнациональный диалог, моделирование педагогического процесса.

A. V. Solovyjova, M. M. Samchuk

THE PROCESS OF FORMATION OF VALUABLE RELATIONSHIPS HIGH SCHOOL STUDENTS AS THE BASIS OF INTERFAITH AND INTERETHNIC DIALOGUE

Volgograd state technical University

The article is devoted to revealing of peculiarities of simulation of the process of formation of valuable relationships high school students as the basis of interconfessional and interethnic dialogue.

Key words: value, value relations, inter-confessional and inter-ethnic dialogue, simulation teaching process.

В период социальных преобразований в современном российском обществе особую акту-

альность приобретает процесс формирования ценностных мировоззренческих основ и обес-

печение на основе общественного согласия преемственности между поколениями. В настоящее время степень сформированности толерантности становится индикатором зрелости политической, юридической и психологической культуры, показателем нравственности нации, ее общественного сознания. Терпимость выступает как необходимое условие мира в том или ином регионе, позитивной динамикой его социально-экономического развития.

Благоприятный социально-психологический климат для осуществления межконфессионального и межнационального диалога необходимо создавать последовательно в воспитательных и образовательных учреждениях различного типа и уровня. При этом следует учитывать, что в поликультурной образовательной среде многонационального государства большую роль играет межэтническая и межконфессиональная толерантность, которую можно считать нормой гражданского демократического общества, а также ключом к решению сложных задач развития личности.

Поликультурное образование – процесс освоения подрастающим поколением этнической, общенациональной и мировой культуры в целях духовного обогащения и развития его планетарного сознания, формирования готовности и умения жить в многокультурной, полиэтнической среде (О. В. Гукаленко, Г. Н. Казиллов, М. Н. Кузьмин,

А. В. Мазуренко, Л. Л. Супрунова, Л. М. Сухорукова и др.) [2].

Обучение подрастающего поколения культуре мира и воспитание в нем чувства толерантности означает построение и развитие социальных отношений, основанных на принципах свободы, справедливости, демократии, терпимости и солидарности, отказа от любых видов насилия. Данный тип социальных отношений, как известно, предусматривает предотвращение конфликтов на ранней стадии их развития с помощью ликвидации (либо минимизации) порождающих их причин путем установления диалога и ведения переговоров.

Для того, чтобы научить современную молодежь ценить и понимать культуру своего народа, уважать культуру других этносов и религий, необходимо вносить изменения в содержание учебно-воспитательного процесса во всех образовательных учреждениях страны. Решение этой непростой задачи в рамках общеобразовательной школы лежит в контексте совме-

щения учебных программ, включающих объем необходимых общих знаний, с глубокими знаниями народной культуры, с формированием потребности и способности ориентироваться в самой разнообразной информации о культуре других народов и конфессий. Кроме того, ознакомление школьников с особенностями культуры своего и других народов способствует формированию у них объективного видения мира, воспитанию цивилизованных граждан страны. Знание же ими богатства межнациональных и межконфессиональных особенностей обеспечивает развитие культуры взаимодействия, взаимопонимания и взаимоуважения, гармонизацию их интересов и устремлений. Только в данных условиях совершается поворот к новому типу взаимоотношений между людьми – диалогу культур.

Таким образом, одной из актуальных целей современной педагогики является формирование у современных школьников ценностных ориентаций и ценностных отношений. Наиболее сензитивным периодом для этого служит старший школьный возраст.

В этой связи важнейшей задачей исследователя является конструирование модели педагогического процесса, направленного на формирование у старшеклассников ценностных отношений, а также ее обоснование. Модель есть изображение, схема, описание какого-либо объекта или их системы [5, с. 481], отображающее в более простом, уменьшенном виде структуру, свойства, взаимосвязи, взаимоотношения между элементами исследуемого объекта и облегчающие получение информации об интересующем нас объекте [3, с. 360–361]. Процесс формирования у старшеклассников ценностных отношений необходимо понимать как процесс целенаправленного развития личности, в ходе которого образуется, осознается и принимается личностный смысл той или иной ценности.

Основанием для конструирования модели процесса формирования у старшеклассников ценностных отношений выступают: теория целостного педагогического процесса (В. С. Ильин, В. В. Краевский, А. М. Саранов, Н. К. Сергеев); деятельностный подход к организации педагогического процесса (А. Н. Леонтьев, П. Я. Гальперин); идеи личностно ориентированного подхода в образовании (В. В. Сериков, Е. А. Крюкова); идеи ценностного подхода в образовании (Е. В. Бондаревская, А. В. Кирьякова, Л. П. Разбегаева); специфика уровневых ха-

рактических отношения к ценности, определяющих процесс формирования как движения личностных характеристик (С. Л. Рубинштейн); особенности психологической основы, представленной процессами смыслообразования, смыслоосознания, смыслоустойчивости (Д. А. Леонтьев).

Целостность педагогического процесса проявляется в организации строго определенной последовательности его этапов: ЦЕЛЬ – СРЕДСТВО – РЕЗУЛЬТАТ. Системообразующим фактором выступают цели этапов, которые организуют используемые средства в определенную систему. Степень реализации потенциала каждого средства определяется соответствием поставленным целям содержания педагогического процесса. Целостность процесса обучения означает высокий уровень его эффективности в формировании не только отдельных качеств личности, но и всей структуры личности в целом.

В основе теории деятельностного подхода заложены идеи о том, что личность в активной форме должна присваивать исторический опыт человечества, одним из важнейших элементов которого является опыт присвоения ценностей; основы концепции поэтапного формирования умственных действий (П. Я. Гальперин), характеризующие процесс получения знаний в результате выполнения учащимися системы действий.

Двусторонний характер педагогического процесса определяет значимость личностно ориентированного подхода при конструировании модели процесса формирования у старшеклассников ценностных отношений. Данный подход предполагает создание условий для наиболее полного развития личности в процессе взаимодействия и ориентацию педагогического процесса на потребности и возможности личности. Основными характеристиками этого подхода являются саморазвитие, личностно-смысловая сфера, рефлексия как формы самопроявления личности. В основе концепции личностно ориентированного образования находится методологический принцип единства планов воздействия – внешнего (процессуального) и внутреннего (психологического). Такое образование направлено на формирование различных форм личностного опыта.

Организация учебного материала для конструируемого процесса должна осуществляться на основе ценностного подхода в образовании, ориентированного на присвоение школьниками

гуманистических ценностей. Определение педагогических средств каждого этапа конструируемого процесса в рамках данного подхода способствует максимально эффективному использованию ценностного потенциала гуманитарных дисциплин для формирования у старшеклассников ценностных отношений.

Психологической основой для моделирования обозначенного процесса выступают выделенные Д. А. Леонтьевым процессы смыслообразования, смыслоосознания и смыслоустойчивости [4]. В психологических исследованиях проблема ценностей как регуляторов деятельности и общения долгое время сохраняла методологический контекст аксиологических отношений как субъект-объектных. Оценки субъекта направлены при этом на внешнюю по отношению к нему действительность – физический мир, мир социума, мир идеального (в том числе и объективированных в нем ценностей). Предложенная В. Н. Мясищевым трактовка субъективных ценностей расширила контекст реализации ценностных отношений, включив в него общение людей. В концепции субъект-объектных взаимодействий, представленной теорией деятельности А. Н. Леонтьева, понятие субъективных ценностей в некоторой степени ассоциировалось с понятием значимости, предполагавшим связи индивидуальной представленности значений с эмоционально-мотивационной сферой. Переход от понятия субъективных ценностей к понятию личностных ценностей возможен на основе раскрытия их роли в саморегуляции субъекта, активно относящегося не только к внешнему, но и к собственному внутреннему миру. Субъективное принятие или отвержение первоначально лишь переживаемых или лишь известных состояний или содержаний сознания могут не только сигнализировать о личностных смыслах субъекта, но и становиться для него специальной формой активности, предполагающей в динамике самосознания определенные этапы решений – личностных решений о допустимости и близости этих смыслов к собственному Я.

Если предположить, что личностные ценности выступают специфической формой функционирования смысловых образований в личностных структурах, то можно указать их психологические корни: они формируются и проявляются именно в актуальной регуляции решений субъекта о его предпочтениях. Таким образом, личностные ценности функционируют

как определенный уровень развития или актуализации смысловых образований личности.

В данном исследовании исходным является положение о том, что «личность – не столько законченный продукт, сколько процесс» [1, с. 19].

Изменчивость, динамичность заложены в природу смысловых структур и систем. С позиции динамики смыслообразования смысловые структуры понимаются как превращенная форма жизненных отношений субъекта [4]. Сама эта форма определяется структурами человеческой деятельности и сознания, в функционирование которых вторгаются практические жизненные отношения, принимая форму смысловых структур. Любой структурный элемент личности тем самым включен одновременно, по меньшей мере, в два определяющих его движения: со стороны формы – в непрерывное движение структур деятельности и сознания субъекта, в практику, в которой место и функции любого элемента отнюдь не являются неизменными, а со стороны содержания – в более медленное, но вместе с тем и более гибкое движение системы отношений субъекта с миром, более или менее резкие изменения которых в течение жизни человека отражаются в более или менее адекватных изменениях системы смыслов. Динамичность личностных структур прямо вытекает из их функций – сложной регуляции жизнедеятельности субъекта на фоне постоянно изменяющихся условий и ситуаций. Поэтому непрерывное изменение, развитие личности – затрагивающее ее в тех или иных частностях или целиком, плавное или скачкообразное – является способом ее существования [6].

В литературе предлагается различать «большую» и «малую» динамику смысловых образований. «Под «большой» динамикой смысловых образований понимаются процессы рождения и изменения смысловых образований личности в ходе жизни человека, в ходе смены различных видов деятельности (К. Хорни). Под «малой» динамикой смысловых образований понимаются процессы порождения и транс-

формации смысловых образований в ходе движения той или иной особенной деятельности» [4, с. 14]. В данном исследовании мы опираемся на механизмы «малой» динамики.

Д. А. Леонтьев, поставив проблему перехода от структурно-функционального к динамическому анализу смысловой сферы личности и смысловой регуляции деятельности, выделил три класса смысловых процессов: смыслообразование – расширение смысловых систем на новые объекты и порождение новых производных смысловых структур; смыслоосознание – восстановление контекстов и смысловых связей, позволяющих решать задачу на смысл объекта, явления и действия; смыслостроительство – содержательная перестройка жизненных отношений и смысловых структур, в которых они преломляются.

Таким образом, педагогу необходимо учитывать данный механизм при моделировании процесса формирования у старшеклассников ценностных отношений как основания для межконфессионального и межнационального диалога.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Будинайте, Г. Л. Личностные ценности и личностные предпочтения субъекта / Г. Л. Будинайте, Т. В. Корнилова // Вопросы психологии. – 1993. – № 5. – С. 99–105.
2. Кобесашвили, Н. Л. Формирование культуры межнациональной и межконфессиональной толерантности у студентов регионального вуза. Диссертация на соискание степени к. п. н. по специальности 13.00.01 «Общая педагогика» [Электронный ресурс] / Н. Л. Кобесашвили. – Режим доступа: www.dissercat.com/content/formirovanie-kultury-mezhethnicheskoi-i-mezhkongfessionalnoi-tolerantnosti-studentov-regiona
3. Кондаков, Л. И. Логический словарь-справочник / Л. И. Кондаков. – М.: Наука, 1976. – 720 с.
4. Леонтьев, Д. А. Динамика смысловых процессов / Д. А. Леонтьев // Психологический журнал. – 1997. – № 6. – Т. 18. – С. 13–27.
5. Философский словарь / Под ред. И. Г. Фролова. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Политиздат, 1991, т. 2. – 560 с.
6. Франкл, В. Человек в поисках смысла / В. Франкл. – М.: Прогресс, 1990. – 189 с.

УДК 378.032
ББК 4448.005

*Т. И. Чечет**, *Ю. В. Борисова***, *Е. Ю. Ионкина****

**ФОРМИРОВАНИЕ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ И ТОЛЕРАНТНОСТИ
КАК ОСНОВНЫХ КАЧЕСТВ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОМ
ПРОСТРАНСТВЕ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ**

Волгоградский государственный технический университет

E-mail: *titschl@yandex.ru, **juliette.b@bk.ru, **katya_dzhandalie@mail.ru

Статья посвящена анализу таких основных качеств личности в современном межнациональном пространстве как критическое мышление и толерантность, а также системе методов и приемов формирования этих качеств в процессе обучения иностранным языкам.

Ключевые слова: критическое мышление, толерантность, межнациональное пространство, иностранные языки, методы обучения.

T. I. Chechet, J. V. Borisova, E. Yu. Ionkina

**FORMATION OF CRITICAL THINKING AND TOLERANCE AS THE MAIN PERSONALITY
QUALITIES IN THE PRESENT INTERETHNIC SPACE BY FOREIGN LANGUAGES TEACHING**

Volgograd State Technical University

The article is devoted to the analysis of such main personality qualities in the present interethnic space as critical thinking and tolerance. It also deals with the system of methods used in the formation of these qualities by foreign languages teaching.

Keywords: critical thinking, tolerance, interethnic space, foreign languages, teaching methods.

Фундаментальными особенностями мира, с которыми сталкивается в настоящее время человек, являются ускоряющиеся изменения, с одной стороны, и межконфессиональные и межнациональные конфликты, с другой. Современное человечество нацелено на глобальные утверждения прав человека, на свободное самостоятельное развитие независимо от систем государственного устройства, национальных, региональных, расовых особенностей, социокультурного развития. Оно вплотную приблизилось к осознанию исторической необходимости развития человеческой индивидуальности и личности, поощрения неповторимости каждого человека в межнациональном пространстве. Успешное функционирование этого пространства возможно при наличии у каждого человека таких основных черт личности как критическое мышление и толерантность [1, 2, 3, 4]. Каждое звено общества может внести свой вклад в воспитание у человека миролюбия, уважения к правам другого человека, имеющего порой другие взгляды и представления на жизнь в силу своей принадлежности к другой национальности или конфессии. Но ключевая роль в формировании критического мышления и толерантности принадлежит системе образования. При организации учебного процесса в вузе преподавателю каждого предмета необходимо сделать приоритетным формирование критиче-

ски мыслящей и толерантной личности. Предмет «Иностранный язык» в силу своего содержательного насыщения обладает для этого большим потенциалом. Отсюда построение системы наиболее эффективных методов и приемов обучения иностранному языку в рамках построения межнационального пространства остается одной из актуальных задач современности.

Воспитание в духе толерантности начинается с обучения людей тому, в чем заключаются их общие права и свободы, дабы обеспечить осуществление этих прав, и с поощрения стремления к защите других. Несомненно, обучение – одна из важнейших функций педагога, и сам процесс обучения обладает большим развивающим потенциалом. Но готовность студентов к саморазвитию, самообразованию предполагает развитие определенной системы отношений студентов к окружающему миру, к другим людям, к самим себе.

Фокус педагогического сознания общества смещается в сторону сущностного понимания человека: признания его активности, свободы выбора, принятия и уважения его уникальности, т. е. толерантности. Есть несколько подходов к пониманию толерантности. Чаще всего это понятие трактуется как синоним терпимости. С критикой такого подхода выступил В. А. Лекторский. Он рассматривает четыре возможные модели толерантности, которым соответствуют

реально существовавшие и существующие философские концепции: толерантность как безразличие, толерантность как невозможность взаимопонимания, толерантность как снисхождение и терпимость как расширение собственного опыта и критический диалог [3].

Из вышеперечисленных моделей последняя нам представляется плодотворной в современной ситуации. Толерантность в этом случае выступает как уважение к чужой позиции в сочетании с установкой на взаимное изменение позиций в результате критического диалога. Этой точке зрения придерживается и Р. Р. Валитова, определяющая толерантность как заинтересованное отношение к другому, желание прочувствовать его мироощущение, которое побуждает к работе разум уже потому, что оно – иное, чем-то не похожее на собственное восприятие действительности [5].

Современный мир – это мир постоянно возрастающего объема быстро устаревающей информации. Это мир, где идеи постоянно реструктурируются, перепроверяются и переосмысливаются. В сегодняшней социокультурной ситуации собственное мышление нужно постоянно адаптировать к мышлению других, где следует уважать не только стремление к ясности, точности, логичности (основным признакам сформировавшегося мышления), но и сохранять уважение к другим участникам языкового пространства, которые могут выражать отличные точки зрения в силу принадлежности к другой национальной культуре.

По мнению, зарубежных исследователей, таких как, Р. Фергусон, Ж. Гонне, одной из существенных задач преподавателей становится помочь учащимся стать свободными, толерантными гражданами демократического общества, обладающими автономным мышлением [6, 7]. Толерантность должна стать педагогической целью. В этой связи А. М. Байбаков рассматривает толерантность как способность субъекта признавать существование иной точки зрения, многообразие культурных отличий, на основе уверенности своих позиций, не избегая конкуренции, в рамках универсальных прав и свобод личности человека [8]. Это значит, что человек не позволяет поступиться собственными принципами, и в тоже время он гармонично развивается в социуме.

В связи с этим в учебно-воспитательном процессе появляется также необходимость в формировании у студентов критического мышле-

ния – способности оценивать ситуацию без предубеждения, отделять истину от лжи, самостоятельно находить решение и защищать истину в диалоге, и толерантности – способности не только терпеливо выслушивать точку зрения собеседника, спокойно выражать собственное отношение к дискуссионному вопросу, но и создавать климат доверия и понимания, без которого формирование толерантности и критического мышления становится невозможным. Вслед за В. Н. Бирюшкиным мы рассматриваем критическое мышление как последовательность умственных действий, направленных на проверку высказываний или систем высказываний с целью выяснения их несоответствия принимаемым фактам, нормам или ценностям [1]. Формирование креативного мышления и толерантности возможно, прежде всего, при создании проблемных ситуаций на практических занятиях или лекциях. Российские ученые, такие как А. В. Федоров, Л. В. Астахова, Т. В. Харлампьева и др. выделяют следующие методические приемы создания проблемных ситуаций. Педагог подводит аудиторию к противоречию, излагает различные точки зрения на один и тот же вопрос, предлагает рассмотреть явление с различных позиций, сравнивает, обобщает, делает выводы из ситуаций, сопоставляет факты, ставит конкретные вопросы на обобщение, обоснование, конкретизацию, логику рассуждения [9].

В частности к развитию критического мышления проблемное обучение на занятиях по иностранному языку выполняет следующие функции: 1) творческое овладение студентами знаниями о культуре иностранного языка и способами интеллектуальной и практической деятельности по отношению к национальным особенностям той или иной культуры; 2) развитие познавательной самостоятельности студентов, их поисковой деятельности, связанной с изучаемым языком; 3) развитие самостоятельного критического мышления студентов по отношению к информации, представленной средствами массмедиа или в текстах.

С. И. Заир-бек и И. В. Муштавинская предложили усиление активной роли обучающегося в проблемном обучении и разработали структуру технологии развития критического мышления, состоящую из трех стадий: вызова, осмысления содержания и рефлексии. На стадии вызова происходит актуализация имеющихся знаний; пробуждение интереса к получению

новой информации; постановка студентами собственных целей обучения. На стадии осмысления содержания – получение новой информации; корректировка обучающимися поставленных целей обучения. На стадии рефлексии: размышление, рождение нового знания; постановка учащимися новых целей обучения [2].

Активные методы обучения в процессе формирования толерантности и критического мышления в межкультурном и межнациональном пространстве должны строиться в основном на диалоге, предполагающем свободный обмен мнениями о путях разрешения той или иной проблемы, и позволяющем обеспечить высокий уровень активности студентов. Рассмотрим формирование указанных качеств на занятиях по иностранному языку в техническом вузе. Многолетний практический опыт показывает, что методически грамотно построенная система работы при изучении тем «Разрешите представиться!», «Мой родной город», «Обычаи и традиции Англии/Германии или Франции» (в зависимости от изучаемого студентами иностранного языка) позволяет эффективно формировать критическое мышление и толерантность у студентов. Само содержание тем обладает большим потенциалом для знакомства с культурой другой страны. Однако целесообразно мотивировать студентов-представителей других национальностей и конфессий, обучающихся в студенческой группе наряду с русскими студентами, активно участвовать в дискуссиях, диалогах, вопросно-ответных упражнениях, презентациях с обязательными элементами демонстрации менталитета, нравов, традиций, обычаев, традиционной кухни, отражающими культуру именно этой нации. Формирование основных качеств личности успешно осуществляется и при работе над текстами, которые затрагивали бы личностный опыт каждого студента, особенно если в студенческой группе есть представители различных культур и конфессий.

На первом этапе – стадии вызова – целесообразным является использование следующих методов и приемов: 1) краткое введение преподавателя в тему; 2) наводящие вопросы преподавателя; 3) классификация – высказывание студентами собственных суждений по обсуждаемой теме и выделение ключевых слов; 4) «знаю/хочу узнать/ узнал» – определение того, что предполагается узнать из текста, знакомство с текстом и фиксирование того, что удалось уз-

нать; 5) «карта идей/ понятий» – изображение содержания текста (или отдельного понятия из текста) в виде простой или разветвленной карты/схемы (индивидуально или в малых группах).

На втором этапе – стадии осмысления содержания – используются следующие методические приемы: 1) «двойной дневник» – сопоставление прочитанного с актуальными для студентов вопросами и проблемами при заполнении двух столбцов: а) конспектирование тех цитат из текста, которые привлекли особое внимание студентов, б) комментарии к фразам, которые указаны в конспекте (комментарий должен содержать ответы на вопросы: почему записана именно эта цитата, о чем она заставляет задуматься); 2) система I.N.S.E.R.T. – сравнение ожиданий с результатами чтения, пометки: «+» – место, подтверждающее верность предположений; «-» – место, опровергающее предположения; «!» – место, содержащее важную неожиданную информацию; «?» – место, содержащее то, о чем бы хотелось узнать больше); 3) «чтение и суммирование в парах» – поочередное чтение разделов текста в парах: один студент суммирует основное содержание, а другой формулирует исследовательские вопросы по тексту, на которые они совместно пытаются ответить.

На последнем этапе – стадии рефлексии – целесообразно применять следующие методы и приемы: 1) «дневники с реакцией на прочитанное» – письменные задания, например, выбрать три идеи в тексте, с которыми не согласны, найти одну скрытую идею автора, описать в хронологическом порядке, как, по мнению студентов, развивалось действие текста; 2) «оставьте за мной последнее слово» – чтение текста, выбор самого важного, по мнению студентов, отрывка, запись его на одной стороне листа бумаги, на другой – комментарии: какие мысли вызвал отрывок; их важность; могут ли они быть подвергнуты сомнению, обмен записями и анализ мнений друг друга, их обобщение [10, С. 116–120].

Предложенная система методов и приемов при обучении иностранному языку в вузе позволяет наиболее эффективно формировать креативное мышление и толерантность как основные черты личности в межкультурном и межкультурном пространстве и тем самым решать одну из важнейших проблем современного общества – воспитывать нравственный тип личности – критически мыслящий и толерантный по отношению к другим культурам.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Бирюшкин, В. Н.* Критическое мышление и аргументация // Критическое мышление, логика, аргументация / Под ред. В. Н. Бирюшкина, В. М. Маркина. – Калининград: Изд-во Калинингр. гос. ун-та, 2003. – С. 29–34.
2. *Заир-Бек, С. И.* Развитие критического мышления на уроке / С. И. Заир-Бек, И. В. Муштавинская. – М.: Просвещение, 2004. – 175 с.
3. *Лекторский, В. А.* О толерантности, плюрализме и критицизме / В. А. Лекторский // Вопросы философии. – 1997. – № 11. – С. 46–54.
4. *Тюлепаева, Э. Р.* Становление этнокультурной компетенции детей дошкольного возраста. Автореф. дисс. ... канд. пед. наук. – Челябинск, 2011. – 26 с.
5. *Валитова, Р. Р.* Толерантность как этическая проблема: дис. ... канд. филос. наук. – М., 1997. – 159 с.
6. *Ferguson R.* Moyen de communication de mass, education et democratie. Revue Educations. 1997. N 14, pp. 16-20.
7. *Gonnet J.* Education aux medias: Les controverses fecondes. Paris: CNDP, Hachette, 2001, 144 p.
8. *Байбаков, А. М.* Воспитание толерантности у старших подростков в условиях взаимодействия малых групп: дис. ... канд. пед. наук. – Волгоград, 2003. – 198 с.
9. *Федоров, А. В.* Развитие медиакомпетентности и критического мышления студентов педагогического вуза: монография. – М., 2007. – 616 с.
10. Работа с текстом. Серия «Современные технологии университетского образования»; выпуск 1 / Белорусский государственный университет. Центр проблем развития образования. – Мн.: Пропаиел, 2003. – 124 с.

УДК 378.147.3
ББК 74.58

И. Н. Федулов, О. Ф. Худобина**, А. М. Страхов***

**ПРИНЦИП КУЛЬТУРОСООБРАЗНОСТИ В БИЛИНГВАЛЬНОМ ОБУЧЕНИИ
ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ**

* Волгоградский государственный социально-педагогический университет
** Волгоградский государственный медицинский университет

E-mail: * infedoulov@mail.ru; ** olga_hdb@mail.ru

Показана важность соблюдения принципа культуросообразности в «проектировании» проблемных ситуаций в процессе билингвального обучения. Рассмотрены конкретные примеры из практики преподавания гуманитарных дисциплин.

Ключевые слова: билингвальное обучение, гуманитарные дисциплины, принцип культуросообразности, компетенции, ментальность, иностранные студенты.

I. N. Fedulov, O. F. Khudobina**, A. M. Strakhov ***

**PRINCIPLE OF CULTURAL COMPLIANCE IN BILINGUAL
EDUCATION OF INTERNATIONAL STUDENTS**

*Volgograd State Social Pedagogical University
**Volgograd State Medical University

There is shown the importance of using principles of cultural compliance in creating different problem situations during training in higher bilingual education. There are considered case studies which were put to use in the process of teaching humanities.

Keywords: bilingual education, humanities, principle of cultural compliance, competences, mentality, international students.

Интенсивные процессы международной интеграции в образовательной сфере не обходят стороной и Юг России. В последние годы наш регион все чаще становится важной экспериментальной площадкой для осуществления различных международных образовательных проектов, а также обучения значительного количества иностранных студентов, которое все чаще осуществляется в рамках так называемого «билингвального обучения». Последнее предполагает обучение студентов на двух языках – английском (преимущественно на начальном этапе процесса обучения) и русском. Успешный переход к билингвальному обучению в вузах требует глубокого изучения функционирования

общечеловеческого, культурного, национального, религиозного и индивидуального в образовательных системах. Это означает, что необходим кропотливый поиск наиболее эффективных методов и совершенно новых принципов, лежащих в основе взаимодействия указанных категорий.

Кардинально новая коммуникативная ситуация в процессе обучения заставляет переосмыслить некоторые фундаментальные вопросы профессиональной подготовки студентов. Человек, сформировавшийся в рамках другой культуры, обладает другим мировоззрением, его мышление носит иной характер и имеет другие культурные ориентиры и доминанты. Однако

процесс обучения в российской высшей школе, прежде всего, рассчитан на российского студента. Поэтому в процессе обучения иностранный студент сталкивается не только с набором новых для него понятий, детерминированных будущей специальностью, но, прежде всего, с совершенно другой ментальностью окружающих его людей. Иная ментальность выражается иной структурой знаний об окружающем мире, иными ценностями и приоритетами. Многие важнейшие понятия русской культуры порой даже не имеют эквивалента в родном для иностранного студента языке. Такой «культурный диссонанс» препятствует успешной коммуникации в учебном процессе, затрудняет социализацию иностранных студентов и, в конечном итоге, негативно сказывается на самом обучении. Поэтому вполне очевидно, что билингвальная среда нуждается в целенаправленном формировании, главное место в котором должен занять «диалог ментальностей» – мягкое, дозированное погружение в чужую для них культурно-языковую среду с учетом национально-культурных особенностей иностранных студентов. Доминантой педагогического процесса должна стать *культуросообразность* билингвального взаимодействия, преодолевающая его узкий лингвистический аспект [3].

Значительную роль в формировании коммуникативной компетенции иностранных студентов играет комплекс социально-гуманитарных дисциплин, изучаемых в вузе. Не имея непосредственного отношения к формированию профессиональной компетенции, они, тем не менее, всецело отвечают за процесс социализации иностранцев в российском обществе. Это не только занятия, связанные с изучением русского языка и практикой разговорной и письменной речи на нем. Для понимания менталитета россиян не менее важно изучение истории России, русской классической и современной литературы, отечественной обществоведческой и философской традиций. Однако на этом пути мы обязательно столкнемся с застарелой проблемой, знакомой каждому, кто имеет отношение к высшему профессиональному образованию – студенты зачастую не выражают желания изучать непрофильные для них гуманитарные дисциплины. И иностранные студенты здесь не составляют исключения.

Ниже мы опишем один из подходов, позволяющий наметить пути решения описанной проблемы. Он был реализован в практике одно-

го из авторов настоящей статьи на занятиях по истории России со студентами из стран Ближнего Востока, Индии и Юго-Восточной Азии. Идея подхода — сопоставление и сравнительный анализ событий, происходящих синхронно в России и родных для них странах. Например, в VII веке огромный массив славянских племен разделился на три основных ветви: восточных, западных и южных славян. При освещении этого важного события необходимо акцентировать внимание студентов из исламских стран на том, что именно в том же веке в Аравии возник ислам. Говоря об образовании Древнерусского государства в IX веке, можно просто упомянуть о происходившей в то же время феодальной раздробленности Арабского халифата, приведшей к окончательному распаду этой сверхдержавы средневекового мира. Представителей Африканского континента может заинтересовать тот факт, что процесс складывания Киевской Руси совпал по времени с образованием сильных, сменявших друг друга государств на территории современного Чада. В зависимости от наличия времени можно коснуться некоторых событий, синхронно происходивших в той или иной стране. Например, в 1957 году Советским Союзом в космос был запущен первый в мире искусственный спутник земли. И именно в этом году была провозглашена колониальная независимость Малайзии, позволившая ей стать независимым государством.

Определенная схожесть исторического развития наблюдается также и при рассмотрении генезиса и первоначального развития таких мировых религий, как христианство и ислам. Так, процесс разделения христиан на православных и католиков проходил в IV-XI веках. В исламе разделение суннитов и шиитов друг от друга произошло после смерти Мухаммеда (632 г.) в том же VII веке. Реформация XVI века в Европе, раскол Русской Православной Церкви в XVII веке, возникновение ваххабизма и других течений в XVIII веке продолжили процесс нелегких поисков «истинной веры», но уже весьма тесно сближавшихся с политикой. При этом обращаем внимание на имеющиеся отличия в этих процессах. Следует делать главный акцент на утверждении их единства и схожести в главном – в необходимости достижения взаимопонимания между представителями разных конфессий и культур для сохранения человеческой цивилизации.

В условиях усиливающихся в современном мире националистических тенденций огромное

значение имеет рассмотрение мирового исторического опыта создания и функционирования полиэтнических государств. Начиная со Средневековья (Русь – Россия, Арабский халифат, Священная Римская империя и др.), иностранные студенты с интересом и, как показывает практика, впервые узнают, что уже Киевская Русь объединяла около 20 этносов, составивших впоследствии основной костяк древнерусской народности.

Изучая факты, связанные со временами территориального расширения Российской империи, преподавателю следует обратить особое внимание на процесс мирного (во многих случаях даже добровольного) присоединения новых земель (Армения, Грузия, Азербайджан). При этом объясняются причины использования силы в других местах. Одним из таких фактов является длительная и кровопролитная война на Кавказе (1817–1864 гг.). Геополитическое противостояние с Османской империей заставило Россию использовать силу и втянуться в вооруженный конфликт с горскими народами, боровшимися за свою свободу и независимость. В связи с этим уместно вспомнить, что неудачная для Российской империи Крымская кампания 1853–56 гг. проходила как раз на этапе трудного завершения боевых действий в Дагестане и Чечне. Предводитель горцев имам Шамиль предпочел почетную сдачу в плен лишь в 1859 году. Отдельные же его сторонники воевали еще пять лет. Как показывает опыт, подобные факты заставляют иностранных студентов с большим уважением относиться к нашей стране и ее истории.

Анализируя предлагаемый нами педагогический прием, можно прийти к ряду интересных и важных в практическом и теоретическом отношении выводов. Прежде всего, можно видеть, что описанные ситуации способствуют развитию субъект-субъектных отношений в педагогическом процессе, поскольку проблемная ситуация на занятиях выстраивается в расчете на ответное, встречное движение. Студенты могут вспоминать (и, как показывает практика, вспоминают) малоизвестные факты из истории родной страны, происходившие синхронно с изучаемыми на уроках событиями, тем самым способствуя решению «сверхзадачи» – через пробуждение интереса к гуманитарным дисциплинам усвоить систему духовных ценностей, свойственных российской культуре. Как некогда отмечал Д. С. Лихачев, «культура челове-

ства движется вперед не путем перемещения в пространстве и времени, а путем накопления ценностей. Чем больше ценностей мы видим, тем более изощренным и острым становится наше восприятие иных культур» [2, с. 41]. Кроме того, иностранные студенты в данной ситуации выступают еще и как носители яркой и неповторимой национальной культуры, и именно соблюдение *принципа культуросообразности* при выборе ориентации «вектора» педагогического воздействия позволяет сделать проблемную ситуацию по-настоящему личностно-значимой и наиболее полно реализовать ее развивающий потенциал.

Таким образом, основополагающим подходом в билингвальном обучении, по нашему мнению, должен стать культурологический подход, органически сочетающий основы профессиональной, национальной и мировой культур. В качестве основополагающих принципов культурологического подхода следует выделить:

- *принцип «открытости»*, предполагающий открытость к познанию другой культуры и восприятию социальных, культурных, религиозных и прочих межкультурных различий. Именно взаимодействие культур способно предоставить в распоряжение одной культуры факты и идеи, свойственные другой культуре, с целью расширения кругозора представителей обеих культур и более глубокого познания своей собственной. Как отмечает Л. Н. Лузина: «Разум тогда и только тогда разум, когда он не тождествен течению своей мысли, когда он способен посмотреть на это течение со стороны Посмотреть как на иное «я» во мне. Без этого «я», без иной культуры я не способен ощутить свою уникальность» [1, с. 199].

- *принцип «паритета культур»*, подразумевающий «равновеликость» всех народов и культур, их значимость и самооценку, возможность равноправного существования в мировом сообществе. Необходимо строгое соблюдение этого принципа, ибо любые неосторожные оценочные суждения по отношению к образцам и ценностям другой культуры как «правильных» и «неправильных» отбросит студентов на этноцентристские и националистские позиции.

- *когнитивно-знаниевый принцип*, обуславливающий присвоение знаний о культуре изучаемого языка, что в свою очередь, проявляется в расширении не только коммуникативной и культурной компетенций, но и общепрофессионального пространства.

• принцип «компаративности», пронизывающий всю структуру процесса обучения от процесса изучения материала и до его обсуждения, контроля и оценки. Данный принцип обуславливает обнаружение «параллелей» и «сближений», точек соприкосновения культур, которые можно сопоставлять в учебном процессе.

• принцип «эмоциональности», подразумевающий погружение в эмоциональную сферу в процессе познания, требующего эмоционального переосмысления изученного. Соблюдение этого принципа необходимо для создания полного образа другой культуры, реализуемого через активизацию процесса обучения – внедрение тренингов, игр, дискуссий и т. д.

В заключение добавим, что описанный нами принцип культуросообразности довольно универсален, поскольку требует обращения к глубинным культурным пластам, в том или ином виде присутствующих в сознании каждо-

го индивида. При условии должных корректировок, он с успехом может быть применен и при обучении студентов из нашей многонациональной страны, Европы, Америки, при изучении как гуманитарных дисциплин, так и естественнонаучных и инженерных, как в классическом университете, так и в техническом, профильном вузе, школе и т. д.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Певзнер, М. Н. Билингвальное образование в эпоху глобализации: монография / М. Н. Певзнер, А. Г. Ширин; Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород, 2010. – 540 с.

2. Туктамышов, Н. К. Социально-педагогические основы перехода к двуязычному образованию в высшей школе [Текст]: дис. ... докт. пед. наук: 13.00.01. / Туктамышов Наил Кадырович. – Казань, 2001. – 360 с.

3. Худобина, О. Ф. Психологические барьеры и факторы их преодоления в процессе билингвального обучения в вузе (на примере обучения иностранных студентов-медиков): монография / О. Ф. Худобина. – Волгоград: Изд-во ВолгГМУ, 2013. – 224 с.

УДК 371.487

ББК 74.03

Е. И. Фастова

СТАНОВЛЕНИЕ СОЦИОГУМАНИТАРНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ПОДРОСТКА В ИСТОРИИ ОБРАЗОВАНИЯ: ТЕНДЕНЦИЯ СОЦИАЛИЗАЦИИ

Волгоградская государственная академия последипломного образования

E-mail: elena.fastova@vgapkro.ru

В статье на основе историко-педагогического анализа раскрыта тенденция социализации в развитии теории и практики зарубежного и отечественного образования, позволяющая определить сущность и существенные характеристики социогуманитарной компетентности подростка.

Ключевые слова: социогуманитарная компетентность подростка, социализация образования, социальные факторы становления социогуманитарной компетентности подростка, культурно-образовательная среда общеобразовательной организации, социально-ценные свойства подростка.

E. I. Fastova

THE FORMATION OF THE SOCIO-HUMANISTIC COMPETENCE OF A TEENAGER IN THE HISTORY OF EDUCATION: THE TENDENCY OF SOCIALIZATION

Volgograd State Academy of Postdegree Education

In the article on the basis of the historical and pedagogical analysis the socialization tendency in development of the theory and practice of the foreign and domestic education, allowing to define essence and intrinsic characteristics of socio-humanistic competence of the teenager, is opened.

Keywords: socio-humanistic competence of the teenager, education socialization, social factors of formation of socio-humanistic competence of the teenager, cultural and educational environment of the general education organization, social and valuable properties of the teenager.

Социокультурная реальность информационного общества актуализирует воспитание целостного человека, в опыте которого интегрируются индивидуально-личностные и социально-ценные свойства, определяющие высокий уровень способности и готовность подростка решать проблемы в сфере саморазвития и соци-

ального взаимодействия безопасными, гуманитарными для мира и растущего человека способами, что раскрывает социогуманитарная компетентность подростка.

Востребованность социогуманитарной компетентности как необходимого качества личности в информационном обществе побуждает

основную школу к выбору социогуманитарной компетентности в качестве ценностно-целевого ориентира школьного образования. Социогуманитарную компетентность подростка можно рассматривать как совокупность метапредметных и личностных образовательных результатов, на формирование которых ориентируют педагогов основной школы Федеральные государственные образовательные стандарты общего образования.

Поиск наиболее эффективных способов самореализации и социализации подростка при выполнении им различных ролей показывает необходимость выявления воспитательного потенциала культурно-образовательной среды в становлении социогуманитарной компетентности подростка.

В педагогической теории, несмотря на разработку «средового подхода» (Д. М. Абдуразакова, Б. Н. Алмазов, В. Г. Бочарова, Р. Б. Вендровская, Г. Н. Волков, З. А. Галагузова, В. А. Караковский, Ю. С. Мануйлов, А. В. Мудрик, Л. И. Новикова, Н. Л. Селиванова, В. Д. Семенов, В. А. Ясвин и др.), отсутствуют научно обоснованные регулятивы выявления воспитательного потенциала культурно-образовательной среды общеобразовательной организации в становлении социогуманитарной компетентности подростка, что приводит к тому, что культурно-образовательная среда общеобразовательной организации не рассматривается в педагогической теории и не используется в педагогической практике как средство становления социогуманитарной компетентности подростка. Это снижает эффективность усилий педагога по созданию условий для воспитания целостного человека, в опыте которого интегрируются индивидуально-личностные и социально-ценные свойства, позволяющие подростку вырабатывать адекватные современным условиям формы и способы бытия в социокультурном пространстве школы и общества в целом.

В то же самое время необходимо констатировать факт, что воспитательный потенциал среды в становлении личности подростка использовался в педагогических системах различных исторических эпох. На роль социальных факторов, микро и макросреды в процессах социализации подростка обращали внимание многие исследователи в истории педагогики. В роли этих факторов, на наш взгляд, раскрывается тенденция в развитии теории и практики отечественного и зарубежного образования, за-

дающая ориентиры для выявления существенных характеристик социогуманитарной компетентности подростка и особенностей ее становления в культурно-образовательной среде общеобразовательной организации, *тенденция социализации образования*.

В предложенной вашему вниманию статье показаны социальные факторы становления социогуманитарной компетентности подростка, определена роль средовых условий, влияющих на становление исследуемого новообразования в структуре личности подростка, обоснованы социально-ценные свойства, входящие в структуру личностной, социальной и гуманитарной компетенций, адекватных сущности и содержанию социогуманитарной компетентности подростка.

Исследовательская логика побуждает нас обратиться к выявлению социальных факторов становления социогуманитарной компетентности подростка. К этим социальным факторам мы относим роль макро и микросоциума, в том числе культурно-образовательной среды образовательной организации и ее возможных элементов, которые позволят нам спроектировать социально-ценные свойства, необходимые подростку для решения проблем в сфере социального взаимодействия.

В первобытном обществе существовал примат коллективного, социального над индивидуальным. Ценности рода и общины превалировали над индивидуальными ценностями личности. При этом было широко распространено взаимодействие, можно отметить значимость коммуникации и совместной деятельности. Подчинение индивидуума коллективу, социуму, примат общественного воспитания над индивидуальным было характерно и для древнеримского образования.

Одним из первых, кто отметил значение общения как существенного фактора образования и воспитания был представитель эпохи Возрождения Мишель де Монтень.

Социально-педагогический эксперимент Роберта Оуэна привел его к пониманию роли среды, и ее влияния на образование характера человека.

Трудовая школа Г. Кершенштейнера предполагала совместную работу сверстников в группе. Трудовая школа способствует воспитанию гражданских убеждений, вырабатывает у детей умение понимать, в чем заключается цель и благо государства, способствует приобретению подростками готовности работать во имя людей или великой идеи [10, 72].

На воспитательный потенциал среды будут указывать впоследствии многие зарубежные и отечественные педагоги XIX- начала XX века: Д. Дьюи, В. Лай, С. И. Гессен, В. В. Розанов, К. Н. Вентцель, П. Ф. Каптерев, П. П. Блонский, С. Т. Шацкий и др. Д. Дьюи считал, что под влиянием общественной среды вырабатываются умственные и эмоциональные установки поведения у личности путем вовлечения ее в деятельность. Либо мы позволяем среде стихийно складываться, либо мы ее организуем, и в этом заключается задача школы [9]. О влиянии среды размышлял В. Лай. Для нас принципиально важным является признание педагогом-мыслителем воспитанника элементом окружающей среды, на которую он реагирует, а также вывод В. Лая о необходимости создания такой микро-среды в школе, которая приучала бы обучающихся согласовывать свои действия с интересами других людей [10, с. 74–75].

В отечественной педагогике XIX века роль среды в формировании личности рассматривали Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, Д. И. Писарев. После работ К. Д. Ушинского и Л. Н. Толстого усилилось внимание к факторам социализации ребенка.

Педагоги И. А. Абрамов, А. П. Дернов-Ярмоленко, П. П. Блонский, Ю. П. Фролов изучали способы организации внешней среды с тем, чтобы стимулировать развитие определенных личностных качеств. Очень важным элементом среды для П. П. Блонского является коллективная деятельность, сотрудничество, кооперация. Трудовую школу П. П. Блонский рассматривал как культурно-трудовую жизнь, создаваемую самими детьми совместно с взрослыми. В трудовой школе важную роль, по мнению П. П. Блонского, играет самоуправление [1, 2, с. 8, 48, 54].

С. И. Гессеном предложена диалектическая триада социализации и образования личности – ступени аномии, гетерономии и автономии. На ступени гетерономии идет процесс активного познания социальной жизни, ее законов и требований. В этот период осуществляется сложный процесс социального становления личности. Важнейшим средством социализации является школьное самоуправление, которое помогает подростку овладеть необходимыми для жизни в социуме функциями. Под воздействием социокультурной среды складывается мировоззрение личности [12, с. 36–37].

П. Ф. Каптерев связывал воспитание с социализирующими факторами, особое внимание

уделял формированию у подростков потребности решать не только личные, но и общественные проблемы [Там же, с. 56–57]. Могущественным фактором воспитания считал социальную среду, окружающую ребенка, К. Н. Вентцель. Под средой он понимал все то, что находится вне данного индивидуума, все то, что его окружает, среди чего он живет, но только то, что так или иначе воздействует на личность, т. е. определенную совокупность материальных или психических факторов. Принципиально важным для нас является признание К. Н. Вентцелем динамичности среды. Она изменяется, по его мнению, вместе с развитием ребенка. В качестве элементов среды К. Н. Вентцель выделяет природу, общество людей и их отношения, продукты индивидуальной и общественной деятельности. Педагог говорил об организации такой среды, которая пробуждала бы в ребенке активное чувство, побуждала бы его к самостоятельности и творчеству. Среда имеет большое значение для воспитания нравственности, для этого необходимо, чтобы ценности, которые должен присвоить воспитанник, культивировались в самой среде. Отношения педагога и воспитанников должны быть равноправны, не иметь в качестве цели подчинение ребенка воле взрослого, такое общение между ними К. Н. Вентцель назвал воспитывающим [5, с. 440, 448, 452–453, 485–486, 511–513, 527].

На взгляды С. Т. Шацкого большое влияние оказала Яснополянская школа, созданная Л. Н. Толстым, показавшая на практике, какую огромную роль играет среда в развитии и воспитании личности ребенка, а также средства, при помощи которых может оказываться развивающее и воспитывающее влияние на ребенка. Так же, как Л. Н. Толстой, С. Т. Шацкий придавал большое значение общественной стороне организации детской жизни. В организации социальной жизни большую роль играют клубы, кружки, организации, союзы, школьное самоуправление. Все это можно признать элементами среды. В обычной жизни не может существовать такая специальная среда, которую создает школа. В педагогической системе С. Т. Шацкого находятся истоки представлений о коллективном педагогическом субъекте, он говорил о продуктивности совместной работы педагогов, детей, родителей, детских и взрослых общественных организаций, местного сообщества, официальных учреждений, словом, всех тех, кто так или иначе вовлечен в образо-

вательное пространство школы. Подобно Л. Н. Толстому, К. Н. Вентцелю и другим представителям антропологического подхода и гуманистической педагогики С. Т. Шацкий говорил о значимости равноправных, субъект-субъектных отношениях между педагогом и воспитанниками. При этом им не умалялось важность общения и совместной деятельности детей разного возраста. Влияние старших, забота о младших членах коллектива приводят к созданию дружного детского общества [13].

Реальный опыт создания воспитывающей и развивающей среды был создан в ряде учебных заведений России в начале XX века: в Московской гимназии имени И. и А. Медведниковых, а также в частной школе Е. С. Левицкой. Эта традиция сохранялась и поддерживалась в первые годы существования советской власти. Так, в 20-е гг. XX века в Советской России согласно «Положению о единой трудовой школе» допускалось широкое участие местного самоуправления в школьных делах, в школах поощрялось создание школьных советов и других органов школьного самоуправления, открывались большие возможности для педагогического экспериментирования. Для педагогов-марксистов роль социальных факторов в воспитании личности была определяющей. Так, воспитательная система А. С. Макаренко основывалась на его учении о коллективе. Целью воспитания было формирование социально-ценных для общества свойств – боевого, активного, жизненного характера, чувства долга, понятия о чести, бодрости, способности жить и любить жизнь и быть в ней счастливым, готовности подчиниться товарищу, проявить себя как хорошего организатора. Эффективное воспитательное средство в коллективе – самоуправление. Интересен опыт А. С. Макаренко в части организации разновозрастных отрядов, в которых происходит передача опыта от старших к младшим. Следует заметить, что школы взаимного обучения появились еще в эпоху Александра I, в первой четверти XIX века. Их называли ланкастерскими школами, учитель в такой школе выполнял функцию консультанта, переходя от одной группы учеников к другой. В 1822 г. учреждено Санкт-Петербургское училище взаимного обучения для бедных русских мальчиков [7, с. 294–326].

Согласно Л. С. Выготскому, создание социальной ситуации взаимодействия ребенка с взрослыми или более развитыми сверстника-

ми определяет зону его ближайшего развития и вызывает к жизни целый ряд внутренних процессов развития, которые вначале проявляются только в сфере сотрудничества с взрослыми и сверстниками, а затем – во внутреннем состоянии личности ребенка в виде новообразований, в свою очередь, оказывающих влияние на социальное взаимодействие с окружающими.

Субъект-субъектные отношения педагога и воспитанников (Н. М. Борытко), диалоговая форма осуществления образовательного процесса нашли отражение в «педагогике сотрудничества» (Е. Н. Ильин, С. Н. Лысенков, В. Ф. Шаталов, М. П. Щетинин и др.). Согласно педагогике и философии конструктивизма процесс познания эффективен в условиях коммуникации и социальной активности учащихся. Учителю следует организовать содержательное общение и обмен мнениями обучающихся как фронтально, так и в малых группах.

Вышеприведенный анализ истории зарубежного и отечественного образования позволяет нам сформулировать *тенденцию* педагогической теории и практики в исследовании социогуманитарной компетентности подростка и процесса ее становления. Содержание социогуманитарной компетентности детерминировано не только индивидуально-личными свойствами, но и социально-ценными, к которым мы относим эффективную коммуникацию, ответственность, готовность к позитивным преобразованиям в социуме, способность к совместной деятельности и сотрудничеству с другими людьми. Эти свойства определяют способность подростка к решению проблем в сфере социального взаимодействия. К социальным факторам становления социогуманитарной компетентности подростка мы вслед за многими педагогами, мыслителями, учеными относим среду общеобразовательной организации и ее элементы: школьное самоуправление, общественные организации, субъект-субъектные отношения педагога и воспитанников, коллективный субъект.

Тенденция социализации образования в совокупности с тенденциями ориентации образования на решение жизненно практических проблем, гуманизации и гуманитаризации образования, задает ориентиры для выявления существенных характеристик социогуманитарной компетентности с позиции гуманитарной методологии и компетентностного подхода.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Блонский, П. П.* Трудовая школа. – М.: Литературно-издательский отдел Народного комиссариата по просвещению, 1919. – Ч. 1. – 109 с.

2. *Блонский, П. П.* Трудовая школа. – М.: Литературно-издательский отдел Народного комиссариата по просвещению, 1919. – Ч. 2. – 64 с.

3. *Борытко, Н. М.* В пространстве воспитательной деятельности: монография. – Волгоград: Перемена, 2001. – 181 с.

4. *Вентцель, К. Н.* Этика творческой личности. – М.: Книгоиздательство К. И. Тихомирова, Кузнецкий мост, 1911. – Т. 1. – 666 с.

5. *Вентцель, К. Н.* Педагогика творческой личности. – М.: Книгоиздательство К. И. Тихомирова, Кузнецкий мост, 1912. – Т. 2. – 666 с.

6. *Выготский, Л. С.* Вопросы детской (возрастной психологии) // Собрание сочинений: в 6 т. – М.: Педагогика. – Т. 4. – С. 243–385.

7. *Григорьев, В. В.* Исторический очерк русской школы. – М.: Товарищество типографии А. И. Мамонтова, 1900. – 598 с.

8. *Дьюи, Д.* Образование консервативное и прогрессивное // Демократия и образование / пер. с англ. – М.:

2000. [Электронный ресурс]. URL: http://jorigami.ru/PP_corner/Classics/Dewey/_Dewey_J_Atricles.htm (дата обращения 3.08.2013).

9. *Дьюи, Д.* Образование как задача общественной жизни // Демократия и образование / пер. с англ. – М.: 2000. [Электронный ресурс]. URL: http://jorigami.ru/PP_corner/Classics/Dewey/_Dewey_J_Atricles.htm (дата обращения 3.08.2013).

10. *Латышина, Д. И.* История педагогики и образования. – М.: Гардарики, 2007. – 526 с.

11. *Фастова, Е. И.* Потенциал культурно-образовательной среды общеобразовательного учреждения в становлении социальной компетентности подростка / Е. И. Фастова // Грани познания: электр. журнал. – 2013. – № 4 (24). – С. 110–117.

12. *Фрадкин, Ф. А.* Лекции по истории отечественной педагогики: учебное пособие для студентов высших и средних заведений / Ф. А. Фрадкин, М. Г. Плохова, Е. Г. Оссовский. – М.: ТЦ Сфера, 1995. – 160 с.

13. *Шацкий, С. Т.* Педагогические сочинения / под ред. И. А. Каирова, Л. Н. Скаткина, М. Н. Скаткина, В. Н. Шацкой. – М.: издательство Академии Педагогических наук РСФСР, 1962. – Т. 1, 2, 3, 4. – 502 с., 476 с., 492 с., 328 с.

УДК 378.189

ББК 77

И. Д. Лыкова, Б. Г. Полевой

МЕЖНАЦИОНАЛЬНОЕ И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНОЕ ВОСПИТАНИЕ В ВУЗЕ (на примере Астраханского инженерно-строительного института)

Астраханский инженерно-строительный институт

E-mail: irina-likova@mail.ru

В статье представлен конкретный опыт воспитательной работы, посвященный межнациональным отношениям и проблемам в студенческой среде Астраханского инженерно-строительного института.

Ключевые слова: межнациональные отношения, межконфессиональные отношения, вероисповедание, культура.

I. D. Lykova, B. G. Polevoy

INTERETHNIC AND INTERCONFESSIONAL EDUCATION AT A UNIVERSITY ILLUSTRATED BY THE CASE OF ASTRAKHAN INSTITUTE OF CIVIL ENGINEERING

Astrakhan Institute of Civil Engineering

A specific experience of educational work focused at interethnic relations and issues in a student community at the Astrakhan Institute of Civil Engineering is presented.

Keywords: interethnic relations, interconfessional relations, confessions, culture.

21-ый век принес нам не только ожидаемый прорыв в новых технологиях, совершенствование систем коммуникаций, обилие гаджетов и социальных сетей, но и малоприятное, и где-то – неожиданное – обострение межнациональных и межконфессиональных отношений. Сейчас, когда пишется эта статья, происходят известные события в Украине. Крым готовится к референдуму. Запад принимает скоропалительные, полные угроз решения, направленные против России.

В далеком 1654 году наши общие предки были несравнимо более дальновидные, хотя и не

обладали таким набором информационных технологий. Но тогда принцип единения братских народов, связанных общей исторической судьбой, единой верой, а также желанием устоять в борьбе с врагами на долгие годы стал гарантом сохранения Украины – и этнически и территориально. Такие же отношения связывали Россию и с Грузией, и с Белоруссией, и с другими государствами бывшего СССР. Известные события прервали эти отношения, обострение некоторых – мы сейчас, к сожалению, наблюдаем.

Однако пассивное наблюдение за процессами дестабилизирующими спокойствие и процвета-

ние, неконфликтное развитие в соседних регионах, это не самый лучший способ существования.

Многие вопросы межнациональных отношений решаются на правительственном уровне, но скрепляются и развиваются эти отношения все-таки между представителями больших и малых народов на бытовом уровне, в процессе жизни.

В Астраханской области проживают представители более 100 национальностей, при этом происходит стремительное изменение национального состава населения региона за счет как внешней, так и внутренней миграции, вызывает опасения и старожильческого населения, и органов власти (Таблица. Этнический состав на-

селения Астраханской области по данным переписей населения) [2]. По словам заместителя прокурора Астраханской области В. И. Александрина, «сложившийся ранее этнический баланс обеспечивал стабильность межнациональных отношений. Сегодня же мы наблюдаем крушение векового уклада. Ежегодно в Астраханскую область въезжает более 800 тыс. иностранцев, из них на миграционный учет каждый год ставится почти 100 тыс. человек. При этом население области составляет чуть более миллиона. Такая миграционная нагрузка, безусловно, приводит к повышению напряженности в обществе [1].

Этнический состав населения Астраханской области по данным переписей населения

	2010	2002	1989	
все население	1010073 чел.	1005276 чел.	991521 чел.	
	100 %	100 %	100 %	
русские	618204	67,57	69,89	71,97
казахи	149415	16,33	14,23	12,76
татары	60523	6,62	7,04	7,23
украинцы	8132	0,89	1,26	1,89
азербайджанцы	7828	0,86	0,82	0,46
ногайцы	7589	0,83	0,46	0,40
чеченцы	7229	0,79	1,00	0,80
калмыки	6624	0,72	0,71	0,83
армяне	5824	0,64	0,63	0,28
цыгане	5214	0,57	0,43	0,25
аварцы	4719	0,52	0,42	0,19
лезгины	4246	0,46	0,36	0,18
даргинцы	4241	0,46	0,35	0,27
корейны	2939	0,32	0,21	0,06
узбеки	2658	0,29	0,10	0,13
туркмены	2286	0,25	0,21	0,23
белорусы	1623	0,18	0,26	0,41
кумыки	1558	0,17	0,14	0,10
турки	1429	0,16	0,11	0,00
табасаранец	1082	0,12	0,08	0,04
грузины	946	0,10	0,12	0,10
таджики	932	0,10	0,06	0,05
немцы	916	0,10	0,14	0,17
другие	103916	0,95	0,94	1,22

Предупредить развитие нежелательных межнациональных эксцессов можно и нужно, проводя планомерную, а, главное, постоянную,

лишенную сиюминутности и поспешности, сложную во всех отношениях работу.

Отдел по воспитательной работе Астрахан-

ского инженерно-строительного института за 20 лет своего существования накопил определенный опыт в такой работе.

Основные принципы не новы – уважительное и внимательное отношение ко всем представителям тех национальностей, которые представлены студентами, обучающимися в вузе. Стоит, наверное, обратить внимание на сам характер проводимых мероприятий. Такие, например, как «Неделя национальных культур». Девизом этого мероприятия могло бы быть изречение Карла Маркса: «Всякая нация способна и должна учиться у других» [4]. Итак, в шестидневном действии могут принять участие все учебные группы. Особенность представленных тех или иных национальностей и народностей заключалась в том, что Азербайджан, к примеру, представляли русские девушки в азербайджанских национальных костюмах, а казахские юноши танцевали в русских косоворотках «Барыню», группа студентов, в которой учились и татары, и казахи, и ингуши и русские – представляли Украину. Таким образом, тесное соприкосновение с обычаями и верованиями, этническими, культурными особенностями других народов позволяют ребятам лучше понять и почувствовать мысли и настроения, находящиеся рядом таких же людей.

Мы все одинаковые – люди планеты Земля, но, одновременно – мы все разные. Чтобы эта разность привлекала к познанию мира других людей, а не отталкивала, необходимо, как можно больше знать о находящихся с тобой рядом.

Одной из форм такого познания в «Неделе национальных культур» стали и традиционные круглые столы. На них, как правило, приглашаются представители традиционных для Астраханской области конфессий.

Разговор проходит по самым разным вопросам, не только связанных с религиозным мировоззрением, но и по животрепещущим темам.

Цель таких встреч – попытка донести до молодежи духовно-нравственные ценности, которые практически одинаковы в каждой религии.

Органичным продолжением встречи стала трехчасовая автобусная экскурсия по храмам и мечетям города. Покровский собор, храмы Казанской иконы Божьей матери, Святого князя Владимира, Иоанна Златоуста – каждый из них уникален своей историей и неповторим в архитектурном плане. Белая мечеть отражает древние традиции мусульманского зодчества, а римско-католический костел с иконами итальянской работы и старинным органом сочетает

в себе барокко, классицизм и традиционные для русских церквей архитектурные приемы. Завершилась неделя национальных культур большим праздничным концертом и дегустацией блюд национальной кухни – здесь был и казахский бешбармак, и татарский чак-чак, и русские блины с медом, дагестанский шашлык с лавашем и украинские пампушки. Что касается распределением мест, они носили чисто номинальный характер, ведь в зале до конца царила атмосфера настоящей дружбы народов.

Любая смена общественно политического строя влечет за собой серьезное изменение в массовом сознании. По сей день не теряет своей актуальности, возникшая еще в постперестроечный период, проблема поиска нравственных идеалов. В связи с этим очевидной оказывается необходимость обращения к культурному наследию разных народов.

Вспомним слова академика Д. С. Лихачева: «Национальное бесконечно богато» [3]. Дonestи это богатство для молодого поколения, дать им возможность понять и принять многообразие живущих рядом этносов – задача сложная, требующая каждодневных усилий, творческих подходов и неординарных решений. Одного – единственного рецепта не существует, но главное присутствует: только взаимопроникновение всех культур со своим образом жизни, системой ценностей, нормами и правилами общения и поведения, верованиями, обычаями создает тот благоприятный климат, который является единственно приемлемым для общечеловеческого, всемирного существования народов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Выдержки из доклада заместителя прокурора Астраханской области Александрова В. И. на Международной научно-практической конференции 10 октября 2013 г. (<http://etnokonf.astrabl.ru/document/1791>)
2. Межэтнические и конфессиональные отношения в Южном федеральном округе. Экспертный доклад / Под ред. В. А. Тишкова, Л. Л. Хоперской, В. В. Степанова. – М. – Ростов-на-Дону, 2013. – 114 С. ISBN 978-5-9275-1166-2 (http://rncmon.ru/wp-content/uploads/2013/12/ЭКСПЕРТНЫЙ-ДОКЛАД_РНЦ-ЮФО_2013.pdf)
3. <http://scienceport.ru/analitics/Natsionalizm-udel-negalopoluchnyh-narodov.html>
4. <http://citaty.su/aforizmy-i-citaty-karla-marкса>
5. Лыкова, И. Д. Организация воспитательной деятельности в техническом вузе (на примере Астраханского инженерно-строительного института). Материалы межрегиональной научно-практической конференции «Наука, образование и учитель России в XXI веке» г. Москва, 2011 г.
6. Лыкова, И. Д. Роль студенческих объединений в формировании социально-активной личности студента (на примере Астраханского инженерно-строительного института). Межвузовский сборник научных статей «Научный потенциал регионов на службу модернизации» г. Астрахань, № 1(2). – 2012.

УДК 316. 61
ББК 88.5

И. Е. Лилиенталь

**АДАПТАЦИЯ СТУДЕНТОВ К ПРОЦЕССУ ОБУЧЕНИЯ
В СЕВЕРО-КАВКАЗСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ УНИВЕРСИТЕТЕ**

Северо-Кавказский федеральный университет

E-mail: liliental.i@yandex.ru

В статье раскрывается специфика Северо-Кавказского региона, характеристика юношеского возраста на этапе профессионализации, сущность процесса адаптации и развития личности, приводятся данные социально-психологического исследования адаптации первокурсников.

Ключевые слова: регион, адаптация, развитие личности, профессионализация, самоопределение.

I. E. Liliental

**ADAPTATION OF STUDENTS TO PROCESS OBUCHENIYAV
IN THE NORTH CAUCASUS FEDERAL UNIVERSITY**

North-Caucasus Federal University

The article reveals the specifics of the North Caucasus region, characteristic of adolescence at the stage of professionalization, the essence of the process of adaptation and reeks of personality, data are given socio-psychological study of adaptation of freshmen.

Keywords: region, adaptation, personal development, professionalization, self-determination.

Одной из центральных задач стратегии социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа является грамотная и эффективная молодежная политика, обеспечивающая подготовку квалифицированных кадров в приоритетных направлениях социально-экономического развития [1].

Созданный в рамках этой стратегии Северо-Кавказский Федеральный Университет стал ядром научно-образовательного и инновационного сектора экономики, ключевым центром геополитического влияния России и ведущей экспертной площадкой для межкультурного диалога в полиэтничном социуме региона и ближнего зарубежья.

Абитуриент, поступающие в вуз, представляют собой многонациональный контингент учащихся, приезжающих со всех уголков Юга России, поэтому проблема адаптации студентов к новым формам, условиям жизнедеятельности и обучению является одной из важнейших проблем психологического обеспечения учебно-воспитательного процесса вуза.

Возрастная периодизация Б. Г. Ананьева определяет границы студенческого возраста (поздняя юность, ранняя зрелость) с 17–18 лет до 22–23 лет.

В качестве ведущих потребностей в этом возрасте выступают социальное и профессиональное самоопределение. Это важный этап становления и развития личности [2].

Переход от обучения в школе к обучению в высшем учебном заведении связан с глубокими изменениями в социальной и личностной ситуации развития учащихся. Им необходимо принять новую социальную роль, привыкнуть к новому коллективу, к новым требованиям к повседневным обязанностям, приобщиться к профессии. Эти изменения приводят к кризису идентичности, который выражается в том, что личность испытывает неуверенность, дискомфорт и растерянность с одной стороны, и у нее появляются такие психологические новообразования как самостоятельность, социальная зрелость, социально-профессиональная компетентность – с другой стороны [3].

Поэтому переход от школьного к вузовскому обучению является сложным адаптационным процессом, нарушение которого отражается на психологическом комфорте и нервно-психическом здоровье студентов, на их личностном развитии и эффективности профессиональной подготовки. Без изучения адаптации нельзя оптимально организовать учебно-воспитательный процесс, пробудить общественную активность студентов.

Процесс адаптации трактуется учеными по-разному. Фундаментальные вопросы социально-психологической адаптации личности освещены в трудах отечественных (А. А. Балл, Ф. Б. Березин, Р. Р. Бибрих, А. Н. Леонтьев, А. А. Налчаджян, В. А. Петровский, Л. И. То-

милиана, Г. М. Чайченко и др) и зарубежных (А. Маслоу, Ж. Пиаже, З. Фрейд, Э. Эриксон и др.) исследователей.

В неофрейдистском направлении адаптация рассматривается в контексте социальной активности личности. З.Фрейд ввел понятия «аллопластических» и «аутопластических» изменений, выявив две разновидности психологической адаптации:

1. аллопластическая адаптация – достигается теми изменениями во внешнем мире, которые человек совершает для приведения его в соответствие со своими потребностями;

2. аутопластическая адаптация обеспечивается изменениями личности(ее структуры, умений, навыков и т.п.) с помощью которых она приспосабливается к среде.

В рамках гуманистического направления А. Маслоу рассматривает процесс адаптации как динамический процесс взаимодействия личности и среды, а в качестве основного критерия адаптированности личности выдвигает степень ее интегрированности со средой.

А. А. Налчаджян исследует проблему адаптации на уровне личностных механизмов, обеспечивающих адаптацию личности к социальным проблемным ситуациям.[4]

Ф. Б. Березин рассматривает психологическую адаптацию на индивидуально-психологическом и социально-психологическом уровнях:

– индивидуально-психологический уровень включает в себя личностные и типологические особенности человека, его актуальные состояния (мотивация, способности, уровень развития самосознания, самоконтроль, самооценка, саморегуляция, темперамент, особенности эмоциональной и интеллектуальной сферы и т. д.) На этом уровне осуществляется поддержание психического гомеостаза, сохранение психического здоровья;

– социально-психологический уровень включает в себя особенности микросоциального взаимодействия. На этом уровне осуществляется формирование адекватного межличностного взаимодействия, учет экспектации окружения, достижение социально-значимых целей. На данном уровне выделяются следующие основные типы адаптационного процесса:

– первый тип, характеризующийся активным воздействием на социальную среду;

– второй тип, характеризующийся пассивным приспособлением (конформистским принятием целей и ориентаций группы).

Эти типы адаптационного процесса формируются в зависимости от структуры потребностей и мотивов индивида и выявляются в процессе группового и межличностного взаимодействия.[5]

В. Т. Хорошко, Р. Р. Бибрих, Г. М. Чайченко, Л. И. Томилина считают, что под адаптацией следует понимать процесс приведения в соответствие основных параметров социальной и личностной характеристик студента, в состоянии динамического равновесия с новыми условиями вузовской среды как внешнего фактора по отношению к студенту.

В вузе адаптация связана с включением студентов в новые условия, выходящие за пределы их привычного образа жизни. Причем понятие «адаптация студентов» носит конкретный характер и определяется в первую очередь как «процесс установления оптимального соответствия личности и окружающей среды в ходе осуществления свойственной человеку деятельности, процесс который позволяет индивиду удовлетворять актуальные потребности и реализовывать связанные с ними значимые цели (при сохранении психического и физического здоровья), обеспечивая в то же время соответствие психической деятельности человека, его поведения, требованиям среды.» [3].

Таким образом, процесс адаптации студентов в первый год обучения необходимо рассматривать с трех позиций:

1) физиологической адаптации, когда организм привыкает к новым физическим и умственным нагрузкам.

2) профессиональной адаптации, когда происходит приспособление к характеру, режиму и условиям труда, развитие положительного отношения к профессии.

3) социально-психологическая адаптации, которая связана с вхождением личности в новое социальное окружение [6].

В рамках изучения данной проблемы Научно-образовательным центром психологического сопровождения личностно-профессионального развития, созданным при СКФУ, было проведено исследование по адаптации студентов-первокурсников 2012 года на базе Педагогического института.

Мониторинг личностно-профессионального развития субъектов образовательного процесса (студентов) в блоке «адаптация» исследовал проблемы: эмоционального состояния первокурсников; удовлетворенности социальным об-

служиванием; соответствия реального образовательного процесса ожиданиям; взаимоотношений с преподавателями и однокурсниками, а также проблемы вовлеченности студентов в учебные и внеучебные процессы университета.

Социально-психологическое исследование позволило выявить, что 42 % опрошенных первокурсников испытывают трудности в адаптационный период.

Наиболее представленными оказались следующие показатели:

- возрастание количества учебной информации и требований к навыкам самостоятельной работы;

- резкая перемена социальной среды;

- ослабление эмоциональных связей.

При этом результаты мониторинга выявили у студентов состояния психологического дискомфорта, которые обусловлены факторами внешней зависимости, пассивной неудовлетворенности, эгоцентризма и тревожности.

Таким образом, анализ данных, полученных в ходе исследования, показал что для оптимизации протекания социально-психологической адаптации к образовательному процессу вуза, необходимо учитывать следующие основные тенденции адаптации и развития студентов:

- студент стремится к безопасности, обеспечивающей охрану достигнутого и возможность дальнейших достижений;

- студент тяготеет к такому уровню уверенности, который дает ему возможность предвидеть будущее. Он требует четкой перспективы своего становления как специалиста;

- студент стремится достигнуть внутренней гармонии всех сторон своей жизни. Это, в свою

очередь, требует трактовать процесс учения в вузе не только как сообщение определенных фактов науки, но как деятельность, специально формирующую способность творчески мыслить, чувствовать, оценивать, действовать, т. е. направленную на выработку активных жизненных позиций будущего специалиста с высшим образованием [4].

Важно с первых дней пребывания студентов-первокурсников в учебном заведении создать положительный эмоциональный фон, условия для активной жизнедеятельности (для удовлетворения потребностей в интеллектуальном, эмоциональном и нравственном развитии), доброжелательные взаимодействия как между студентами, так и между студентами и педагогическим коллективом в целом. Эти задачи можно решать разными путями: один из них – проведение со студентами младших курсов, специальной работы, направленной на оказание психологической поддержки и помощи в их личностном и профессиональном развитии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Распоряжение Правительства РФ от 6 сентября 2010г. N 1485-р О Стратегии социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 г

2. *Ананьев, Б. Г.* Личность, субъект деятельности, индивидуальность. – М.: Директ-Медиа, 2008. – 134 с.

3. *Виноградова, А. А.* Адаптация студентов младших курсов к обучению в вузе // Образование и наука. Известия Уральского отделения Российской академии образования. – 2008. – № 3. – С. 37–48,5.

4. *Лилиенталь, И. Е.* Психологическая поддержка студентов в период адаптации к образовательному процессу вуза. Автореферат дис. ... канд. психол. н. – Ставрополь, 2000. – 23 с.

5. *Березин, Ф. Б.* Психическая и психофизиологическая адаптация человека. – Л., 1988. – С. 13–21. (с сокращ.)

6. *Налчаджян, А. А.* Социально-психологическая адаптация личности. – Ереван, 1988. – 263 с.

УДК 378.016:008

ББК 74.580.263

М. Г. Дьякова

ФОРМИРОВАНИЕ КОМПЕТЕНЦИЙ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В УЧЕБНОМ КУРСЕ «КУЛЬТУРОЛОГИЯ»

Волгоградский государственный архитектурно-строительный университет

E-mail: arahna_m@mail.ru

Статья посвящена вопросам формирования у студентов высшей школы компетенций межкультурного взаимодействия в учебных курсах дисциплин социально-гуманитарного блока.

Ключевые слова: образование, компетенции, межкультурное взаимодействие, культурология.

М. G. Dyakova

FORMATION OF SKILLS OF INTERCULTURAL INTERACTION IN THE TRAINING COURSE «CULTURAL STUDIES»

Volgograd State University of Architecture and Civil Engineering

The article deals with the formation of high school students have competence in intercultural training courses socio-humanitarian disciplines unit.

Keywords: education, competence, intercultural communication, cultural studies.

Последние несколько десятилетий стали для России сложным и ответственным этапом, этапом выбора практически во всех сферах российской культуры: в политическом, экономическом, социальном, правовом, научном, религиозном, этическом и эстетическом культурном пространстве решались давно назревшие и совершенно новые проблемы, актуализированные временем. Менялась страна, ее границы, формы государственности, власть; менялись граждане этой страны, их мировоззренческие установки и ценностные ориентиры; менялось место и роль России, ее статус в мировом культурно-историческом поле.

Изменения затронули и систему российского высшего профессионального образования. В 1999 году 29 министров образования европейских стран приняли в Болонье Декларацию, провозгласившую сближение существующих в Европе систем образования. Так было положено начало Болонскому процессу, в который в 2003 г. вступила и Россия. Реформирование системы высшего образования в нашей стране напрямую связаны с усилением влияния процессов глобализации. О «плюсах» и «минусах» перехода отечественного образования от традиционной информационно-знаниевой парадигмы в обучении к развивающей парадигме образования автор пишет в научной публикации «Гуманитаризация образования как введение человека в культуру» [1].

Целью данной статьи является анализ и методологическое обоснование компетентностного подхода в обучении по проблеме межкультурных взаимодействий на примере педагогического опыта в преподавании учебного курса «Культурология».

Основу Федерального государственного образовательного стандарта Высшего профессионального образования (ФГОС ВПО) третьего поколения составляют компетенции: профессиональные (ПК) и общекультурные (ОК), которые должны быть сформированы у выпускника ВУЗа в ходе учебного процесса как результат освоения различных учебных дисциплин.

«Культурология» является одной из дисциплин социально-гуманитарного блока, чьей основной задачей выступает формирование, в первую очередь, общекультурных компетенций (ОК). По разным образовательным направлениям и уровням подготовки выведен свой набор ОК. При этом в каждом направлении присутствуют компетенции, направленные на формиро-

вание и закрепление навыков социального и межкультурного взаимодействия, коммуникативности, расовой, национальной, религиозной терпимости, толерантности к другой культуре и т. д. Воспитание перечисленных качеств наряду с профессиональной подготовкой является необходимым условием для устойчивого развития российского общества, его интеллектуального и профессионального ресурсного потенциала.

Важнейшими составляющими профессиональной культуры выпускников вузов в настоящее время должны быть, с одной стороны, их высокая профессиональная конкурентоспособность, а с другой – социальная успешность. И если в части профессиональной подготовки важно через овладение базовыми научными знаниями и технологиями ввести студентов в инновационное научное поле, связанное с будущей профессией, то в части социально-гуманитарного блока образование рассматривается как творение образа человеческого, творение культурного и интеллектуального, а затем и социального капитала. В этом процессе встречаются и взаимно разрешаются как образовательные потребности каждой личности, так и образовательные потребности общества, в виде ресурса его развития. При этом важно правильно сориентировать будущего выпускника ВУЗа в том конкретном социокультурном пространстве, в котором он находится.

Для региона Юга России, в который входит и наш г. Волгоград, проблема межкультурного взаимодействия была и остается одной из ключевых. И если следовать античной установке: «учить не для школы, а для жизни», то основной задачей гуманитарных учебных дисциплин, преподаваемых студентам волгоградских ВУЗов, становится передача многовекового опыта жизни и деятельности в многонациональном, многоязычном пространстве Нижневолжского региона, чья культурная самобытность складывалась в пересечении огромного количества этнических, национальных, религиозных потоков племен и народов, населявших эту землю. Волгоградская область всегда находилась «на перекрестке» дорог, связывавших Россию с ее южными границами. Она же служила и продолжает служить форпостом российских земель, принимая на себя миграционные потоки с Северного Кавказа, Средней Азии. Поэтому успешная реализация компетентностных требований по формированию у студентов навыков меж-

культурного взаимодействия, терпимости, толерантности по отношению к представителям иных национальных культур, иных религий может рассматриваться как гарант социальной безопасности в регионе.

При разработке учебных программ каждый преподаватель, используя весь имеющийся в распоряжении его науки теоретический и практический научный потенциал, продумывает, предлагает и в последующем реализует в учебном процессе собственный путь решения поставленных перед образованием задач. При формировании компетенций, связанных с вопросами межкультурного взаимодействия, наука культурология предоставляет достаточно широкий спектр фундаментальных и прикладных разработок. С их помощью можно не только изучить и осмыслить культурно-исторический опыт межэтнических, межнациональных, межконфессиональных процессов в мировой, национальной, региональной практике, но и овладеть технологиями социокультурной ориентации, приобрести навыки рефлексии в ситуациях профессионального и бытового взаимодействия с представителями иных национальных культур и конфессиональной принадлежности.

В качестве примера культурологического анализа механизмов межкультурного взаимодействия, рассмотрим данную проблему в контексте глобального кризиса мировой истории. Характерной чертой развития современного мира является диалектическое соотношение процессов, отражающих его многообразие и уникальность культур отдельных регионов, с процессами, отражающими формирование единой мировой общности. Тенденции культурной универсализации направлены на формирование культурного универсума, т. е., некоей культурной целостности, состоящей из множества культурных миров (общечеловеческой культуры). Сторонники универсализма как некоей мировоззренческой установки заинтересованы в «схождении культур», в возможности выработать некие стратегии этого схождения.

Наряду с тенденцией универсализации существует и противоположная ей тенденция к культурному обособлению, или партикуляризм. Мировоззренческой основой партикуляризма является представление о независимом, обособленном развитии культур, в котором акцент делается на превалировании характерных черт, выражающих идентичность культур и обеспечивающих их сохранение. Для партикуляри-

стского мироощущения характерно противопоставление Востока и Запада, Юга и Севера, ислама и христианства. Формулой такого рода воззрения на мир может быть формула «Мы» и «Они».

Противоборство этих двух тенденций – универсализации и партикуляризма – следует рассматривать как на макроуровне, в масштабах взаимодействия мировых цивилизаций, так и на микроуровне, в пределах многонациональных государств. Ни одна страна в мире не является сегодня однородной. Почти все государства многонациональны, и представляют собой своеобразную «мозаику» различных культурных групп – языковых, этнических, конфессиональных – находящихся в соотношении большинства-меньшинства и претендующих на культурную самобытность. При этом языковые и этнические меньшинства значительно чаще выступают носителями *реактивного мультикультурализма*, явления, возникшего в начале 1990-х годов и являющегося одной из разновидностей партикуляризма. Они демонстративно отделяют себя от иных культурных меньшинств в формах времяпрепровождения, досуга и пр. И если формирующаяся в мире новая реальность может представлять глобальное экономическое сообщество, то она же должна предусматривать «культурную автономию» в пределах национальных государств и регионов. Культура – тот феномен, который не подвержен быстрым изменениям. Могут меняться правила и установления, однако требуется долгий период, чтобы эти правила органично вошли в жизнь, а не оказались принудительными. И в первом случае (на макроуровне), и во втором (на микроуровне) путь к решению проблемы межкультурных взаимодействий лежит не столько в политической, военной, административной плоскостях, сколько коренится в психологии людей. Современной цивилизации важно пройти «тест на зрелость», который предстает как тест на терпимость. С развитием человеческой культуры все заметнее тенденция отхода от примитивного мышления в системе отношений «Мы» – «Они» к формированию модели нового мирового порядка, способствующего сочетанию единства мира в его разнообразии.

Главной отличительной чертой современного мира, несмотря на присущие ему противоречия, конфликты, кризисы, является неуклонное продвижение человечества к взаимопониманию и продуктивному общению, к сотрудничеству во всех сферах духовной жизни и материально-

го производства, к передаче и усвоению культурного опыта, активному реагированию на внезапные ситуации, взаимопомощь и поддержка. Люди все более осознают свою принадлежность не только к региональной культуре или субкультуре, но и ко всему человечеству. Человек живет в многообразном мире, и это многообразие должно выполнять не деструктивную роль, а напротив, творческую, конструктивную, с тем, чтобы каждый мог ощутить потребность в духовном обогащении, испытать полноту жизни, радость творческого поиска, которые могут возникнуть только при разнообразности культурных ценностей, а не при их

унификации. Построение такого мира зависит от способности человека перестроить свое сознание, от умения достойно пережить переходный период и проделать огромную работу по адаптации к условиям жизни при формировании единого поля универсальной культуры.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Дьякова, М. Г. Гуманитаризация образования как введение человека в культуру. // Наука. Культура. Образование. Актуальные проблемы и перспективы развития. Сб. научных трудов по материалам научно-практической конференции с международным участием. – Волгоград, 2010. – С. 175–179.

УДК 21
ББК 86.2

Г. В. Орлов

ОРГАНИЗАЦИЯ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ЕДИНЕНИЯ СТУДЕНТОВ НА СЕМИНАРСКИХ ЗАНЯТИЯХ ПО ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Волгоградский государственный архитектурно-строительный университет

E-mail: orlov.gv34@mail.ru

Статья посвящена проблемам воспитания у студентов толерантности и ответственности в вопросах межнациональных отношений.

Ключевые слова: межнациональные отношения, толерантность, диалог, система анализа противоположных мнений, личная убежденность.

G. V. Orlov

Volgograd State University of Architecture and Civil Engineering

The article is devoted to educating students tolerance and responsibility in matters of international relations.

Keywords: interethnic relations, tolerance, dialogue, system analysis of opposing views, personal conviction.

Межнациональные проблемы – вечны. Но не одинаковы в разные исторические времена. Поэтому важно четко определить конкретные вызовы конкретного периода – обосновать идею ответа на эти вызовы периода – объективно оценивать эффективность предпринятых мер.

Такие категории как «патриотизм», «межнациональные отношения» и ряд других – должны в лекциях и семинарах сочетаться с экономическими и социальными проблемами в конкретном историческом времени. Они взаимозависимы и убедительны только при совместном анализе. В начале XXI в. перед Российской Федерацией стоит глобальная задача формирования модели социального государства, страны всеобщего благосостояния. Обязательным условием успеха является превращение

социальной функции в приоритетное направление государственной деятельности, ее распространение на основные сферы государственной политики [1, с. 1532]. Социальная функция государства многогранна. Одно из ее направлений заключается в поддержании национального равноправия, толерантности в многонациональном обществе.

В вузах мы руководствуемся новым федеральным стандартом высшего профессионального образования Минобрнауки, требующим, в частности, научить студента логически мыслить, вести научную дискуссию... овладеть творческим мышлением, самостоятельностью суждений.

Эти задачи в большей степени адресованы семинарским занятиям.

Конечно, каждый лектор – сам себе архитектор и в организации работы семинара. Однако обмен опытом помогает отобрать в свой арсенал именно вами принятые сюжеты.

Очевидно, на первом же семинаре надо проверить, насколько студенты приняли предложенную вами в лекции концепцию оценки исторических событий.

Напомним. Подходов к анализу исторических событий много. И это хорошо. Суммарный анализ эффективен (тем более, что мы работаем в технических вузах) в любой науке. Химики говорят, чтобы изучить сложную молекулу, ее надо осветить ультрафиолетовым светом – получим один образ, УФ-спектр. Осветим инфракрасным светом – увидим совсем другой образ, ИК-спектр. Так можно получить пять-шесть совершенно различных образов. Каждый из них высвечивает что-то особенное в единой молекуле. Каждый образ полезен, но полное представление дает лишь совокупный, суммарный образ.

Так же действуют различные методологии оценки исторического факта: технологический, цивилизационный, формационный...

На наш взгляд, целесообразно взять за основу такую объемную, объединяющую категорию, как **НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ СТРАНЫ**.

В плане нашей темы национальные интересы на семинарских занятиях нужно конкретизировать, обсудить механизмы их действия, приблизительный план самостоятельной оценки. И начать в следующем порядке:

- Какие вызовы времени на конкретный исторический момент были важнейшими.
- Учет на данный исторический момент, где находился политический строй — на заре или на закате, исчерпав свой моторесурс.
- Какова была общенациональная идея, объединяющая власть – большинство общества – личность.
- Механизмы действий – планы, их реализация, эффективность.
- Если речь идет о фальсификации нашей истории, уместно применить древнюю рекомендацию философов: «CUIPRODEST?» лат. (куи продест?) «кому это выгодно». Или близкое «CUIBONO?» тоже лат. (куи боно?) – «кому на пользу?», «в чьих интересах?»

Так выглядит предлагаемая вам концепция анализа исторических фактов.

Фактография исторического пути страны насчитывает миллионы событий, которые на-

считывают сотни толкований. Российские авторы внесли огромный вклад в мировую сокровищницу политической мысли. На всех этапах исторического пути нашей страны, в многообразии интересов социальных групп общества, их воззрений и позиций, возникали и противоборствовали политические теории. Некоторые из них остались потомкам как духовные памятники своего времени [2, с. 4].

Мы хотим помочь вам овладеть навыками анализа свершившегося.

В. Белинский: «Мы вопрошаем и допрашиваем прошедшее, чтобы оно объясняло нам наше настоящее и намекнуло нам о нашем будущем» [3].

В. Ключевский: «... Цена всякого знания определяется его связью с нашими нуждами, стремлениями и поступками. Иначе знания становятся простым балластом памяти...» [4, с. 10].

Наш родной героический край. Дружба народов здесь проверялась в великой Сталинградской Победе. И эти традиции сегодня передаются поколению XXI века.

В процессе многовекового совместного проживания и взаимодействия на территории Волгоградской области представителей славянских, тюркских, романо-германских, семитских, финно-угорских и других народов между ними складывались прочные традиции добрососедства, взаимопонимания и уважения, межнационального диалога и веротерпимости. Уникальный цивилизационный облик Нижнего Поволжья исторически формировался под воздействием многих мировых религий (христианства, ислама, буддизма, иудаизма), языческих верований и этнокультурных влияний различных народов. Так, на нижней Волге возникали поселки, в которых жили гернгуттеры, меннониты, лютеране, католики, православные, староверы, баптисты, молокане, мусульмане, буддисты. Часто в пределах одного населенного пункта рядом селились представители разных этнических общностей. Многонациональность региона никогда не являлась причиной напряженности в межэтнических взаимоотношениях.

Таким образом, в настоящее время Волгоградская область является мультикультурным, поликонфессиональным территориальным образованием, что накладывает своеобразный отпечаток на современный национальный состав населения региона. Благодаря объединяющей роли русского народа в регионе сохранились уникальное единство и многообразие, духовная

общность и союз представителей различных этнических общностей.

Этническая структура населения Волгоградской области к 2011 году представлена гражданами 23 наиболее многочисленных национальностей, таких как русские, украинцы, казахи, немцы, татары, белорусы, чеченцы, ингуши, чуваша, марийцы, азербайджанцы, грузины, армяне, цыгане, мордва, представители народов Дагестана, корейцы, поляки, таджики, узбеки, башкиры, евреи, калмыки.

Часть территории Волгоградской области до 1918 года входила в особую административно-территориальную единицу – область Всеволодского Войска Донского. Представители казачества компактно проживают в двадцати четырех районах Волгоградской области, объединенных в пять казачьих округов.

Наличие мест компактного проживания представителей определенных этнических общностей создает необходимые условия для функционирования устойчивых структур национальных общественных объединений. В соответствии с конституционным правом на многовариантность форм национально-культурного самоопределения народов в Российской Федерации управлением Министерства юстиции Российской Федерации по Волгоградской области зарегистрировано 42 национальных общественных объединения. Наиболее активные и динамично развивающиеся организации – региональные национально-культурные автономии татар, немцев, казаков, граждан украинской национальности, «Еврейский общинный центр» Волгограда, межрегиональная «Ассоциация цыган», региональное общество чеченцев «Барт-согласие», Волгоградский округ донских казаков, «Союз русского народа – Русская община Волгоградской области», Волгоградская городская общественная организация «Афганская община», «Таджикская община Волгоградской области», региональная общественная организация «Дагестан» и другие.

На наш взгляд, целесообразно приобщать студентов и к сегодняшним проблемам в меж-

дународном толковании межнациональных отношений.

В марте 2014 г. вновь вспыхнула острая полемика в толковании двух свобод: «право наций на самоопределение» и «сохранение территориальной целостности государств».

Крымская область была самовольно подарена Н. С. Хрущевым Украинской республике. Да, тогда никто не представлял себе возможный распад СССР. Б. Н. Ельцин самовольно оставил Крым Украине при территориальном разделении. Когда же в 2014 г. к власти пришли «правые», профашистские силы в Киеве, когда Крымская автономия 16 марта большинством голосов решила вернуться в Россию, и США, и Германия с Францией в резкой форме стали угрожать России санкциями, заранее заявив, что не признают волеизъявления народа на выборах.

Надо рассказать студентам о двойных стандартах в политике: эти страны поддержали отделение Косова от Югославии, у них уже в ближайшее время будут обсуждаться итоги не крымского, а других референдумов по отделению Шотландии (пока она в составе Великобритании) и Каталонии (ныне провинции Испании), и франкоязычного Квебека (все еще канадского).

Крым, Севастополь, Россия! Это – и право на самоопределение, и территориальная целостность Родины – должны убедить студенты.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Симонова, С. С.* Этапы становления социальной функции Российского государств / С. С. Симонова // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2013. – Т. 4. – № 34. – С. 1531–1535.
2. *Олейникова, Е. Г.* История политических учений России: учеб. пособие / Е. Г. Олейникова ; Федеральное агентство по образованию, Федеральное гос. образовательное учреждение высш. проф. образования «Волгоградская акад. гос. Службы». – Волгоград, 2009. – 132 с.
3. Афоризмы о прошлом. Афоризмы про прошлое. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.genialnee.net/themes/proshloe/page_5/ (Дата обращения: 18.03.2014).
4. *Ключевский, В. О.* Русская история / В. О. Ключевский. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2013. – 448 с.

ББК 60.561.9
УДК 316.344.34-055.2 : 378.2

О. В. Топоркова

ОБ УЧАСТИИ ЖЕНЩИН В ИНЖЕНЕРНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММАХ В СТРАНАХ ЕВРОПЫ И США

Волгоградский государственный технический университет

E-mail: tolga.vstu@ya.ru

В XXI в. в инженерной науке и практике во всем мире все большее значение начинают играть женщины. Большая занятость женщин в инженерных профессиях влияет не только на качество принимаемых решений и количество новых разработок, но и на общую макроэкономическую ситуацию в мире. Тем не менее, женщины все еще составляют меньшинство на инженерных факультетах вузов и в инженерной деятельности. За рубежом принимается комплекс мер для привлечения девушек на инженерные факультеты вузов. Среди них: довузовская профориентация учащихся, стипендиальные и премиальные программы, целенаправленная подготовка школьных учителей технических дисциплин.

Ключевые слова: инженерное образование, участие женщин, инженерная деятельность, выбор карьеры, мотивация.

O. V. Toporkova

ON WOMEN PARTICIPATION IN SCIENCE AND ENGINEERING EDUCATION IN EUROPE AND THE USA

Volgograd State Technical University

In the XXI century women start playing more important role in science and engineering. More women participating in engineering profession influences the quality and diversity of the solutions achieved as well as the whole macroeconomic situation in the world. Still women remain under-represented in engineering and technology abroad. Recruitment into the sector is being done by a variety of ways, including pre-college education, scholarships and awards, preparation and support of secondary mathematics, science, and computer science teachers.

Keywords: engineering education, women participation, engineering activity, career choice, motivation.

В XXI в. в инженерной науке и практике во всем мире все большее значение начинают играть женщины. Происходит ломка стереотипов: сегодня девушки чаще выбирают технические специальности. Тем не менее, они все еще составляют меньшинство на инженерных факультетах вузов и в инженерной деятельности. Необходимость привлечения женщин для обучения и дальнейшей работы по инженерным профессиям подчеркивается многими современными отечественными и зарубежными исследователями.

Так, еще в 1998 г. Билл Вулф, являвшийся в то время президентом Академии инженерных наук США (the National Academy of Engineering), отмечал: «Профессия инженера – очень творческая. Да, это – не то, как ее обычно описывают, но я твердо убежден, что она – такова. Как и в любой творческой профессии, важное значение приобретает жизненный опыт людей, занимающихся данным видом деятельности. Наконец, без разнообразия мы ограничиваем разносторонность применяемого жизненного опыта, и, как результат этого, мы платим цену потенциальных возможностей – цену продук-

тов, которые так и не были созданы, цену проектов, которые не были придуманы, непонятых связей, не изобретенных технологий... Каждый раз, когда мы подходим к решению инженерной проблемы с позиции проектной группы, состоящей исключительно из мужчин белой расы, мы можем не найти лучшее решение. Мы можем не понять варианты разработки или как оценить связи. Мы даже можем не понять реальный масштаб проблемы [1].

В исследовании, проведенном Международным валютным фондом, результаты которого были опубликованы в сентябре 2013 г., была выявлена значительная польза для экономики от трудовой занятости женщин в целом. В нем, в частности, отмечается, что, если повысить численность работающих женщин до соответствующего уровня работающих мужчин, это увеличило бы ВВП в США – на 5 %, в Японии – на 9 %, в ОАЭ – на 12 %, в Египте – на 34 % [2, р. 4].

Таким образом, большая занятость женщин в инженерных профессиях влияет не только на качество принимаемых решений и количество новых разработок, но и на общую макроэкономическую ситуацию в мире.

Многие развитые страны сталкиваются с недостатком специалистов с техническим образованием [см., напр., 3; 4; 5]. Р. Дж. Бюрк видит причины этого, прежде всего, в том, что имеющиеся специалисты постепенно стареют, в то время как все меньшее количество студентов обучаются на технических специальностях. Кроме того, существует определенный недостаток квалифицированных преподавателей, обучающихся по инженерным специальностям [6, р. 4–5]. Он также отмечает, что многие развитые страны зависят от иммигрантов с соответствующими навыками, но иммиграционные процессы заметно снизились из-за улучшения качества жизни во многих развивающихся странах [Ibid.]. Следовательно, большая занятость женщин в инженерных профессиях могла бы решить проблему недостатка специалистов с техническим образованием в развитых странах. Однако женщины все еще остаются мало представленными в этом секторе экономики, несмотря на то, что общая трудовая занятость женщин возросла во всем мире, и все большее количество женщин получает высшее образование. Выбор предмета обучения, очевидно, все еще остается зависимым от пола студента. Так, женщины составляют большинство в таких профессиях, как образование, медицина, лингвистика, языки и т. п. И, хотя, как уже было отмечено выше, в настоящее время проявляется тенденция ломки стереотипов и выбора женщинами специальностей, традиционно считавшихся мужскими, тем не менее, процентный рост числа женщин, занятых в инженерной деятельности, остается незначительным в большинстве развитых стран.

Несмотря на многочисленные призывы к гендерному равенству на Западе, женщины составляли в 2010 г. 15 % от студентов, обучающихся на инженерных специальностях, и лишь 6,3 % от дипломированных инженеров в Великобритании [7]. В США женщины составляют около 20 % на программах бакалавриата [4; 8; 9]. Так, по данным Национального центра статистики научно-инженерной сферы в США (The National Center for Science and Engineering Statistics) в 2012 г. женщины составляли 56,5 % от числа всех студентов, на программах высшего инженерного образования это число составило 18,6 %, при этом по инженерным специальностям в 2010 г. было занято 12,7% женщин от общего числа инженеров в США [10].

Аналогичная ситуация наблюдается и в других странах. В таблице 1 представлены сравнительные данные участия женщин в инженерных образовательных программах в некоторых европейских странах.

Исходя из данных таблицы, очевидно, что хотя женщины и составляют больше половины студентов вузов в рассмотренных странах, число женщин, обучающихся на инженерных специальностях невелико – от 18 % в Великобритании до 35 % в Сербии. При этом процент женщин-выпускников значительно выше: от 17 % во Франции до 39 % в Сербии. Интересно, что похожая тенденция наблюдается и в нашей стране [см., напр., 12]. Это свидетельствует о том, что часто девушки оказываются более прилежными обучающимися, чем юноши, они реже бывают отчислены из-за неуспеваемости. Небольшим остается процент женщин, занятых в инженерных образовательных программах в системе высшего образования. Так, во Франции они составляют всего 1 %, в Великобритании – 2 %, в Австрии и Испании – по 7 %. Данное число выше в Сербии и в Литве, тем не менее, оставаясь не очень значительным (15 % и 31 % соответственно). Наиболее привлекательными инженерными специальностями для женщин в большинстве рассмотренных стран являются архитектурные, химико-технологические и агротехнические, наименее – машиностроительные и электротехнические. И, хотя общий набор женщин на инженерные специальности в большинстве стран медленно увеличивается, число женщин-преподавателей в технических вузах остается без изменений.

Зарубежные исследователи приводят различные причины, объясняющие, почему девушки не выбирают карьеру инженера. Среди них:

- 1) биологические отличия мужчин и женщин;
- 2) слабая академическая подготовка девушек;
- 3) негативное отношение девушек к естественным наукам и отсутствие положительного научного опыта;
- 4) отсутствие женщин-ученых/инженеров, которые могли бы стать примером для подражания;
- 5) естественнонаучный куррикулум оказывается неинтересным для многих девушек;
- 6) на занятиях по техническим дисциплинам преподаватель чаще выделяет студентов мужского пола;
- 7) неприветливое отношение к девушкам/женщинам на занятиях по техническим дисциплинам;

8) культурное давление на девушек/женщин соответствовать традиционным женским ролям; 9) изначально мужское мировоззрение в теории познания [13, pp. 371–372].

Сравнительные данные участия женщин в программах высшего образования и инженерных программах в 2008 г. в некоторых европейских странах (цитируется по 12, наш перевод)

Данные по женщинам	Литва	Испания	Франция	Австрия	Сербия	Великобритания
1	2	3	4	5	6	7
% от всех студентов вузов	59	55	56	54	55	55
% от всех выпускников вузов	66	61	42	56	62	58
% от всех студентов, обучающихся на инженерных специальностях	22	27	23	26	35	18
% от всех выпускников, обучавшихся на инженерных специальностях	31	30	17	29	39	21
% женщин, занятых на инженерных образовательных программах в системе высшего образования	31	7	1	7	15	2
Представлены в специальностях	Науки о Земле Химико-технологические Биоинженерия Промышленное проектирование	Архитектура Агротехника Химико-технологические	Агротехника и техника пищевой промышленности	Архитектура Химико-технологические Архитектурно-ландшафтное проектирование	Архитектура Технология и металлургия	Проектирование Архитектурно-ландшафтное проектирование Архитектура Химические процессы и энергетика
Недостаточно представлены в специальностях	Машиностроение Электрическая и электронная инженерия	Электронная инженерия Автомобилестроение и электронная инженерия Вычислительная техника	Машиностроение	Электрическая инженерия Машиностроение	Машиностроение	Машиностроение
Общие тенденции набора студентов на инженерные специальности	Медленно снижается	Медленно снижается	Нет данных	Медленно снижается	Периодические периоды роста и падения числа набора студентов	Медленно снижается
Общие тенденции набора женщин-студентов на инженерные специальности	Медленно уменьшается	Медленно увеличивается	Увеличивается	Увеличивается	Увеличивается. Однако число женщин, занятых на инженерных образовательных программах в системе высшего образования не увеличивается	Цифры медленно увеличиваются – быстрее на архитектурных специальностях. Однако число женщин, занятых на инженерных образовательных программах в системе высшего образования не увеличивается

Для преодоления указанных причин необходим комплекс мер: создание новых учебников, специальная подготовка преподавателей, поддержка и мотивация интереса девушек к дисциплинам естественно-научного цикла и т. п. Неудивительно, что для увеличения числа женщин на инженерных специальностях во многих университетах за рубежом действуют специальные программы, имеющие целью привлечение девушек для обучения на соответствующих программах еще в старших классах школы. Так, университет Вашингтона является спонсором награды, которую вручает Национальный центр для женщин по вопросам информационных технологий штата Вашингтон (Washington State National Centre for Women and Information Technology) за устремления и достижения в вычислительной технике девушкам-учащимся старших классов. Победителей знакомят со студентами университета, проводящими интересные исследования, и привлекают их к практическим занятиям. Многие победители впоследствии становятся студентами этого университета, выбирая специализацию «Вычислительная наука и техника» [14, р. 49]. Совместно с местным отделением Ассоциации преподавателей информатики и группой женщин-инженеров компании Амазон университет Вашингтона проводит мероприятие «STEM Out!», на котором девушки могут подробно узнать о карьере в естественных науках, технологии, инженерии и математике. Многие технические университеты организуют летние лагеря для учащихся средних школ, целевой аудиторией которых являются именно девушки.

Университетами и техническими колледжами также организуется довузовская профориентационная подготовка, целью которой является знакомство девушек с инженерной профессией, совершенствование необходимых знаний. Посредством таких программ учащимся старших классов предоставляется ряд возможностей (включая стипендии) развивать необходимые учебные и профессиональные навыки, которые позволят им в дальнейшем успешно учиться на технических специальностях и, в последствии, преуспевать в инженерной карьере. Эти программы обычно включают в себя летние школы, факультативы по субботам и школьные подготовительные инженерные курсы [4].

Необходимо отметить, что многие университеты не ограничиваются лишь довузовской профориентацией учащихся, а также организу-

ют специальные программы по подготовке школьных учителей технических дисциплин. К таким программам относится, например, программа «UTeach», разработанная в университете Остина (Техас, США) в сотрудничестве с колледжами естественных наук, образования и инженерными колледжами в 1997 г. В настоящее время данная программа действует уже в 40 университетах в США [15]. Несомненно, целенаправленная подготовка учителей способствует лучшему усвоению дисциплин естественно-научного цикла школьниками, и, тем самым, способствует увеличению числа обучающихся, в том числе женщин, на инженерных специальностях в вузах, поскольку, как было отмечено, одной из причин, по которой женщины избегают выбора инженерных профессий, являются слабые знания технических дисциплин. Зарубежные исследователи также подчеркивают необходимость создания новых учебников и учебных программ, которые будут более «дружелюбны» по отношению к женщинам и учитывать их психологические особенности и учебные стили [13].

Очевидно, проблема привлечения женщин к инженерной карьере является важной и непростой. Необходимые меры должны включать в себя: раннее мотивирование женщин, всестороннюю поддержку тех, кто уже выбрал инженерную профессию, центрированную на женщине модель обучения техническим дисциплинам, специальную подготовку преподавателей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Wulf, W.A.* Diversity in Engineering / W.A. Wulf // The Bridge. – 1998. – 28 (4). [Electronic resource] Retrieved from <https://www.nae.edu/Publications/Bridge/CompetitiveMaterialsandSolutions/DiversityinEngineering.aspx> Date views 6.11.2014
2. IMF. Women, Work, and the Economy : Macroeconomic Gains from Gender Equity / IMF. – 2013. [Electronic resource] Retrieved from <https://www.imf.org/external/pubs/ft/sdn/2013/sdn1310.pdf> Date views 10.11.2014
3. Who will do the science of the future? : a symposium on careers of women in science / National Academy of Sciences, Committee on Women in Science and Engineering, Office of Scientific and Engineering Personnel, National Research Council. Washington, D.C. : National Academy Press, 2000. – 87 p.
4. *Chubin, D. E.*, Diversifying the engineering workforce / D.E. Chubin, G.S. May, E.L. Babco. // Journal of Engineering Education. – 2005. – 94(1). PP. 73-86.
5. *Marra, R. M.* Women engineering students and self-efficacy: A multi-year, multi-institution study of women engineering student self-efficacy // R.M. Marra, K.A. Rodgers, D. Shen, B. Bogue // Journal of Engineering Education. – 2009. – 98(1). PP. 27-38.

6. *Burke, R. J.* Women and minorities in science, technology, engineering and mathematics: Upping the numbers // R.J. Burke, M.C. Mattis. - Cheltenham, UK ; Northampton, MA, US : Edward Elgar. - 2007. - 379 p.
7. *Powell, A.* Gender stereotypes among women engineering and technology students in the UK: Lessons from career choice narratives // A. Powell, A. Dainty, B. Bagilhole // European Journal of Engineering Education. - 2012. - 37(6). PP. 541-556.
8. *Aud, S.* The condition of education 2012 / S. Aud, W. Hussar, F. Johnson, K. Grace, E. Roth. -2012. [Electronic resource] Retrieved from <http://nces.ed.gov/pubsearch/pubinfo.asp?pubid=2012045> Date views 7.11.2014
9. *Yoder, B.* American Society for Engineering Education / B. Yoder. - 2012. [Electronic resource] Retrieved from: <https://asee.org/papers-and-publications/publications/college-profiles/2011-profile-engineering-statistics.pdf> Date views 7.11.2014
10. NSF. Women, Minorities, and Persons with Disabilities in Science and Engineering / NSF. - Arlington, VA. NSF 13-304. - October 2014. [Electronic resource] Retrieved from <http://www.nsf.gov/statistics/wmpd/2013/> Date views 7.11.2014
11. *Barnard, S.* 'They're not girly girls': An exploration of quantitative and qualitative data on engineering and gender in higher education / S. Barnard, T. Hassan, B. Bagilhole, A. Dainty // European Journal of Engineering Education. - 2012. - 37(2). PP. 193-204
12. *Высоцкая, М. А.* Исследование гендерного различия обучающихся в вузе на примере инженеров-дорожников / М. А. Высоцкая, С. Ю. Русина // «Инновации в науке»: материалы XIII международной заочной научно-практической конференции. Часть I. (17 октября 2012 г.); [под ред. Я. А. Полонского]. Новосибирск: Изд. «Сибирская ассоциация консультантов», 2012. - С. 23-32.
13. *Blickenstaff, J. C.* Women and science careers: Leaky pipeline or gender filter? / J.C. Blickenstaff. Gender and Education. - 2005. - 517(4). PP. 369-386.
14. *Eney, C.* Broadening participation: The why and the how / C. Eney, E. Lazowska, H. Martin, S. Reges // Computer - 2013. - 46(3). PP. 48-51.
15. About UTeach./ The University of Texas at Austin. [Electronic resource] Retrieved from <https://www.uteach.utexas.edu/about> Date Views 25.11.2014

УДК 37.013
ББК 74.05

А. В. Штыров

КАК НАУЧИТЬ СТУДЕНТА НАВИГАЦИИ В ИНФОРМАЦИОННОМ МОРЕ?

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

E-mail: ipi@vspsu.ru

В статье описывается методика формирования умения ориентироваться в открытом информационном пространстве как важной составной части информационной компетентности студентов.

Ключевые слова: информационная компетентность; открытое информационное пространство; гипертекст; информационная модель.

A. V. Shtyrov

HOW TO TEACH STUDENTS TO NAVIGATE THE "SEA OF INFORMATION"?

Volgograd State Social-Pedagogical University

The article describes the method of forming of the ability to navigate in an open information space as an important part of information competence of students.

Keywords: information competence; open information space, hypertext, information model.

В период перехода к информационному обществу многократно возросло значение информационной компетентности личности. Важной составляющей информационной компетентности является умение ориентироваться в открытом информационном пространстве: находить нужную информацию, анализировать ее, отфильтровывать бесполезную, отличать доброкачественную от ложной и/или искаженной, а также выявлять и устанавливать взаимосвязи между отдельными информационными фрагментами.

Поскольку информация воспринимается в виде текстов, под которыми мы понимаем любые семантически нагруженные символьные цепочки (в том числе графические, аудио- и ви-

деофрагменты), продвижение в информационном пространстве можно интерпретировать как обработку текстов и построение собственного текста. Следовательно, условием успешного формирования информационной компетентности личности, существующей в открытом информационном пространстве, является овладение методологией и практическими навыками использования такого информационного средства, как гипертекст.

Согласно одному из определений, гипертекст – это «... соединение смысловой структуры ... и ... технических средств, дающих возможность ... осваивать структуру смысловых связей, осуществлять переходы между взаимосвязанными элементами» [4, с. 15]. В таком ка-

честве идея гипертекста впервые возникла в статье В. Буша [6], получила дальнейшее развитие в работах Т. Нельсона, который и предложил термин «гипертекст» [8], и была реализована в виде программного комплекса для ЭВМ Д. Энгельбартом [7, р. 22]. В общедоступный информационный инструмент гипертекст превратился в начале 1990-х гг., выйдя в пространство всемирной компьютерной сети Интернет. Проект Т. Бернерса-Ли «World Wide Web» («Всемирная паутина») так органично объединил две передовые информационные технологии XX в., что стало возможным говорить об «Интернет-революции» [3] и даже о возрождении «эры Гуттенберга» – то есть о возрождении искусства чтения после эры господства телевидения и других разновидностей визуальных медиа [5]. Но не следует забывать, что гипертекст в корне отличается от линейного текста: в нем воплощены «практически все основные мировоззренческие установки постмодерна – плюрализм, децентрация, фрагментарность, интертекстуальность» [2]. Значит, и процесс чтения гипертекста в корне отличается от линейного чтения. По утверждению Ж. Деррида, «...начало нелинейного письма потребовало перечесть все прежде написанное – но уже в другой организации пространства... Коль скоро мы начинаем... писать по-новому, мы должны учиться иначе читать» [1, с. 222-223].

Главное отличие нового стиля чтения от традиционного, на наш взгляд, состоит в том, что читатель гипертекста постоянно находится в ситуации самостоятельного выбора, прокладывая собственный путь в лабиринте текстовых и медийных фрагментов. На этом пути его поджидает немало препятствий. Особо отметим два из них. Первое – необходимость интеллектуальных усилий, связанных с самостоятельным поиском, анализом и отбором информации, находящейся в свободном доступе в открытом информационном пространстве. К этим усилиям не все и не всегда оказываются готовы. Второе – обусловленная этой неготовностью возможность скрытой информационной манипуляции, построенной на имитации свободного поиска информации в искусственно ограниченном пространстве с заранее выстроенной системой информационных фрагментов и связей между ними. Иначе говоря, для того чтобы уметь читать гипертекст, недостаточно просто уметь читать – необходимо обладать

рядом достаточно специфических навыков, которые следует целенаправленно развивать.

Поэтому обучение чтению и созданию гипертекстов, по нашему мнению, должно являться важной составной частью современного образования, особенно в направлении, нацеленном на формирование информационной компетентности, как важнейшего качества личности, существующей в информационном обществе. При этом, обладая достаточно простым и удобным инструментарием, таким, как сервисы «web 2.0», мы можем сконцентрироваться на преимуществах, которые гипертекст предоставляет для осуществления самостоятельной интеллектуальной активности в условиях открытого информационного пространства.

Рассмотрим возможности практического применения фундаментальных свойств гипертекста в образовательном процессе и методику обучения приемам чтения и создания гипертекстов, апробированную нами в ходе работы со студентами Волгоградского государственного социально-педагогического университета.

Освоение студентами методики работы с гипертекстом мы начинаем с чтения готовых гипертекстов, и лишь после достаточного развития соответствующих навыков переходим к созданию собственных гипертекстовых работ. М. М. Субботин выделяет три разновидности чтения гипертекста: «быстрое», «медленное» и «активное чтение» [4, с. 73–74]. Главная цель «быстрого чтения» – найти в лабиринте связей узлы, содержащие ответ на интересующий пользователя вопрос. «Медленное чтение» предполагает углубление читателя во внутреннюю смысловую структуру представленного в гипертексте содержания, освоение текста. «Активное чтение» – следующий уровень, предполагающий включение в читаемый гипертекст собственных мыслей и замечаний читателя, соединения их ссылками с соответствующими фрагментами исходного гипертекста. Оно находится на переходном этапе к новому уровню – созданию собственного интеллектуального продукта в форме гипертекста. Эти три уровня чтения гипертекста мы сопоставляем трем этапам когнитивного процесса: поиск информации (репродуктивный уровень), ее усвоение и анализ (рефлексивный уровень), и порождение на базе этой информации нового личностно значимого знания (креативный уровень). Осваивая эти уровни, студент постепенно достигает уровня готовности, достаточного для создания собственного гипертекста.

Для исследования процесса формирования навыков гипертекстового чтения мы разработали систему практических заданий нарастающей сложности, уровни которой соответствуют «быстрому», «медленному» и «активному» чтению гипертекста, а также самостоятельной креативной деятельности по написанию собственных гипертекстов. Как показали наши наблюдения, большинство студентов младших курсов не обладает навыками информационного поиска, достаточными даже для осуществления «быстрого чтения». Стремясь как можно быстрее найти нужный информационный фрагмент, студенты осуществляют беспорядочные переходы по гиперссылкам, часто отвлекаясь от цели; также они склонны к быстрому прекращению поиска, удовлетворяясь результатами работы поисковой системы по не всегда корректно сформулированному запросу и «выхватывая» из результатов выдачи несколько сайтов, занимающих верхние позиции. Составляя аннотации найденных сайтов, студенты уделяли описанию каждого не более трех-четырёх строк, или просто перечисляли разделы сайта. Никакого личностного подхода, свидетельствующего об анализе или вдумчивом прочтении найденных материалов, сопоставлении данных различных источников и т. п., студенты в большинстве случаев не демонстрировали.

Таким образом, можно сделать вывод, что для поиска учебной и научной информации студенты активно пользовались единственно известными им навыками «серфинга» – скольжения по поверхности текста без проникновения в его смысл.

Затем мы переходили к оценке найденных интернет-ресурсов предметного содержания и их критическому разбору в студенческих группах. Таким образом, постепенно осуществлялся переход студентов от серфинга ко второму, «медленному» уровню чтения гипертекста.

Этот этап начинался с того, что студентам вновь предлагалось провести в Интернете подбор материалов по интересующей их теме и структурировать их по определенным критериям: разделить источники, научные публикации, популярные публикации, определить степень полезности каждого найденного текста для решения поставленной задачи. Студенты просматривали эти ресурсы и составляли их каталог в виде текстового файла, размеченного по правилам языка HTML, или в виде страницы в социальной сети, внося в него ссылки на осо-

бо заинтересовавшие их ресурсы. Каталог становился костяком будущего «авторского» текста, носящего характер реферата или учебного исследования и построенного на основе аналитического обзора найденных ресурсов. Так студенты постепенно поднимались на уровень «активного чтения».

На этом уровне им предлагались задания на написание собственного гипертекста реферативного или учебно-исследовательского характера, с собственными комментариями к использованным при составлении ресурса материалам Интернета и книгам. Большое внимание уделялось процессу определения структуры ссылок, задающих «траекторию чтения». Например, студентам исторического факультета предлагалась следующая структура: центральный объект, погруженный в контекст и связанный с другими объектами. В качестве объектов выступают тексты исторических источников, персоналии, описания событий историками-несовременниками, исследовательские тексты. Контекстом служит совокупность объектов, объединенных по какому-либо признаку: временному, географическому, историографическому и т. д. Допустим, мы исследуем текст некоего исторического источника. Прежде всего, осуществляется его привязка к «ленте времени» по дате создания и по дате событий, к которым данный текст имеет отношение. Затем по тексту проводится поиск упоминаемых персоналий и описанных событий. Автор текста, если он известен, считается отдельной персоналией. Найденные персоналии и события выделяются в качестве объектов. На следующем этапе ведется поиск информации о найденных объектах (персоналиях и событиях), устанавливается степень их связи с центральным объектом (источником) – от объектов, которым источник непосредственно посвящен, до вскользь упомянутых. В зависимости от этого решается вопрос об объеме информации, который будет сопоставлен каждому из объектов, их уровень в будущей структуре, степень и характер связности. Выявляются и устанавливаются непосредственные связи между объектами, минуя центральный. В результате иерархически-звездный характер структуры изменится, становится сетевым. Выявляется необходимость добавления в систему объектов «третьего уровня» – не упомянутых в «центральном», но более полно формирующих контекстную среду, в которую он погружается. Добавляются тек-

сты других источников. Постепенно получается разветвленная сетевая структура, и главной задачей автора на каком-то этапе становится определение момента прекращения ее роста. Этот момент определяется в зависимости от полезности каждого объекта (узла) и связи структуры для решения поставленной исследовательской задачи. Затем проводится уточнение структуры, новая итерация определения значимости узлов и связей. Фактически, мы имеем здесь дело с процедурой научного моделирования, инструментом которого является гипертекст. Получившуюся в итоге структуру-модель можно в дальнейшем развернуть под другим углом, поставив в центре, например, одну из персоналий или какое-либо событие. В этом случае может потребоваться внесение изменений в набор объектов и переопределение связей между ними.

Результатом такой работы становится создание информационного продукта, позволяющего студенту детально рассмотреть исследуемую проблему или явление, увидеть неожиданные связи между «центральными» и «третьестепенными» объектами, и, соответственно, поставить новые исследовательские вопросы.

Опыт показал, что студенты, достигшие уровня магистратуры, в большинстве вполне освоились с новым инструментом обработки информации и от его изучения перешли к решению собственных профессиональных проблем, где компьютер стал лишь средством их решения. Иными словами, магистранты (за редким исключением) демонстрировали готовность

к полноценной творческой работе в созданной ими самими компьютерной среде. Активное использование в этом процессе уникальных свойств гипертекста позволило осуществить более качественное и глубокое вхождение студентов в эту среду. Кроме того, наблюдался явный прогресс в развитии таких личностных качеств и профессиональных умений студентов, как творческое мышление, способность к критическому анализу, умение работать с источниками, в том числе тенденциозными, умение четко формулировать и аргументированно отстаивать собственную точку зрения.

Таким образом, можно утверждать, что освоение приемов работы с гипертекстом является эффективным методом формирования информационной компетентности студентов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Деррида, Ж. О грамматологии / Ж. Деррида; [Пер. с франц.] - М.: Ad Marginem, 2000. - 511 с.
2. Емелин, В. А. Гипертекст и постгутенберговская эра / В. А. Емелин - [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://emeline.narod.ru/hipertext.htm>
3. Латыпов, Р. А. Интернет-революция / Р. А. Латыпов // Свободная мысль, 1997, № 9. - С. 65-74.
4. Субботин, М. М. Гипертекст. Новая форма письменной коммуникации / М. М. Субботин // Итоги науки и техники. Сер. Информатика. - М.: ВИНТИ, 1994. - Т. 18. 158 с.
5. Эко, У. От Интернета к Гутенбергу: текст и гипертекст. Отрывки из публичной лекции на экономическом факультете МГУ 20 мая 1998 / У. Эко; [Пер. с итал.] - [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.philosophy.ru/library/eco/internet.html>
6. Bush, V. As We May Think / V. Bush // The Atlantic Monthly, July 1945. Vol. 176, No. 1. - Pp. 101-108.
7. Conklin, J. Hypertext: An Introduction and Survey / J. Conklin // Computer, Sept. 1987. Vol. 20, No. 9. - Pp. 17-41.
8. Deep Hypertext: the Xanadu model - [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://xanadu.com/xuTheModel/>

УДК 159.9
ББК 88.5

А. В. Черняева

ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ КАМНЕТЕРАПИИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ ЛИЧНОСТИ

Волгоградский аграрный государственный университет

E-mail: AMBA81@mail.ru

В статье анализируется проблема воспитания культуры психологического здоровья личности. Автор раскрывает содержание камнетерапии, способствующей формированию психологического здоровья личности в социуме.

Ключевые слова: культ камня, камнетерапия, психологическое здоровье.

A. V. Chernyaeva

UNIVERSAL HUMAN VALUES OF STONE THERAPY IN PROVIDING OF THE PERSONALITY MENTAL HEALTH

Volgograd State Agrarian University

In article analyzes the problem of a culture of psychological health of the person. The author reveals the content stone therapy conducive to the formation of the psychological health of the individual in society.

Keywords: cult stones, stone therapy, psychological health.

Международная интеграция в условиях инновационного развития общества на наш взгляд, является актуальной. Современная ситуация глобальной коммуникации способствует усугублению внутриличностных проблем людей и как следствие ведет к моральной безответственности, к условиям, в которых человек может потерять не только свои социальные, но и биологически видовые свойства. Эта тенденция создает благоприятную среду для негативной автономии, дезинтеграции и отсутствию жизненных ориентиров, то есть обнаруживает себя в различных формах: депрессии, апатии, бессмысленной жестокости, всевозможных формах зависимости, беспомощности, стремления убежать от реального мира, проявлениях избыточной власти, употреблении алкоголя и наркотиков, сексуальных извращениях.

Ситуация глобализации и информатизации современного мира в образовательном пространстве социума позволяет переосмыслить весь уклад жизни и деятельности людей в определенном культурно-историческом пространстве.

По утверждению исследователей В. И. Гинесинского, Ю. С. Давыдова, А. П. Лиферова следует признать необходимость построения стратегии интеграции мирового образования на выборе для каждой части мирового образовательного пространства наиболее доступных на данный момент форм участия, с признанием разноуровневости этого процесса.

Обращение к процессу познания ценностей камнетерапии с точки зрения общечеловеческой культуры содержательно обеспечит развитие и углубление процесса интернационализации и доведения его до уровня интеграции национальных образовательных систем, которые будут способствовать снижению психологической напряженности социума, конфликтности в обществе, обеспечению безопасности и поликультурной компетентности личности.

Помимо того, что у людей одно и то же строение, трудно себе представить, какие общие психологические свойства «человеческой природы» могут их объединять. А когда горизонты научного поиска расширяются до исследования различных культур, мы обнаруживаем еще большее разнообразие основополагающих ценностей, устремлений и стилей жизни.

На всем протяжении своей истории человечество сначала в верованиях, затем и в фактах использовало разнообразные представления о влиянии определенного ритуала, обряда,

культула на целебную силу в лечении души и тела. Заметную роль в этом сложном пучке духовных практик, которые впоследствии приведут к развитию камнетерапии как детерминанты социокультурного и психологического становления личности, как пути «врастания» в культуру, как социально-адаптивного процесса в условиях образовательного пространства, в качестве своеобразной точки отсчета играет культ камня.

Система психологических занятий на которых основным материальным носителем является камень, позволяет не только актуализировать личностный, творческий потенциал человека, но и способствует эстетическому отношению к окружающей действительности.

Возможно на первый взгляд это весьма спорное утверждение, все же следует признать, что данный инновационный подход, применим к категориям человеческого опыта, как анализ ситуативных переживаний, а также развития личностных качеств студентов в различных сферах в частности психологической, психосоматической и духовной. С другой стороны, психологическое обеспечение личностного развития, стремится к постоянной готовности пересматривать старую информацию сквозь призму настоящего момента.

С целью определить, с чем ассоциируется упоминание камня, в том числе и в образовательном пространстве, мы провели опрос среди студентов Волгоградского государственного аграрного университета.

В опросе, который проводился в сентябре – декабре 2012 года, приняли участие 500 студентов очной формы обучения 1–3 курсов в возрасте от 17 до 20 лет.

В ходе опроса у респондентов в 98 % ответов присутствует сравнение камня с твердостью, силой, мощью, твердыней. Камень в образовательном пространстве у 85 % респондентов сопоставляется с познанием: «грызть гранит науки», «Сизифов труд». В чем причина таких ассоциаций?

Многочисленные камни, усеивающие земли, связаны с религиозными традициями, которые уходят в седую древность, тянутся непрерывно через неолит и бронзовый век, через кельтский и римский периоды вплоть до эпохи средневековья и сохраняются в народных обычаях Европы нового времени. Культ камней является одной из самых древних религий человечества. Для первобытного человека не было

ничего более вечного, более благородного или внушающего больший ужас, чем величественная скала или имеющая какие-нибудь странные очертания гранитная глыба. В величии камня, в его твердости, в его форме и цвете человеку чудились реальность и сила какого-то иного мира. Люди поклонялись камням, потому что видели в них средоточие сверхъестественной энергии, которая может помочь, защитить их самих или их мертвых.

Свидетельством о древности самой традиции культа камней является ее важное место в мифологической традиции различных народов. Однако «древняя» отнюдь не означает «примитивная». По мнению Р.Генона, наш земной мир, с одной стороны, является лишь частью сложной системы универсума, с другой – он представляет собой уменьшенную проекцию архетипа-принципа. Развитие мира и человечества происходит циклами. В начале цикла, который в греко-римской традиции отождествляется с «золотым веком» как изначальным, примордиальным (Р.Генон, 2010).

Таким образом, доисторические народы находились в состоянии, гораздо более близком к Принципу, чем пришедшие после них. То, что низшая мифология упорно сохраняет культ камней и символы, с ним связанные, свидетельствует о том, что она тоже не утратила связи с принципами изначальной традиции.

Психологи и культурологи признают, что культ камня как прообраз камнетерапии обращается к человеческой личности в целом. Благодаря неповторимому характеру создаваемых образов, их яркой эмоциональной окрашенности, эстетическим переживаниям, вызывает представления и убеждения, идеалы и устремления, воспринятые через средства камнетерапии, способны захватить человека с особенной полнотой и силой. Этим в большой мере определяется социокультурная ценность культа камня, его воспитательная и преобразующая роль (М. Ф. Альбедиль, 1996; Л. С. Выготский, 1991; В. В. Дементьев, 2008; Е. Е. Левкиевская, 2000; Н. С. Широкова, 2005; К. Г. Юнг, 1961 и др.). Открывая внутренний мир личности средствами камнетерапии, мы приобщаемся к наиболее развитым формам жизнедеятельности в личностном и социальном планах.

Камнетерапия воссоздает одну из некогда утраченных форм психотерапии, являясь способом предъявления изменений психологических особенностей современного человека. Так, по мне-

нию С. Л. Рубинштейна действительность: «...вырастает на основе опосредования историческим человеком всей прошлой общественной практики, в процессе которой переделывается и чувственность человека» (С. Л. Рубинштейн, 2009).

К. Г. Юнг в начале XX в. уделил особое внимание психотерапевтическим возможностям игр с камнем, которые он использует в качестве одного из методов работы «элементов сознания в подсознании», связанных с творческой жизнью, посредством отреагирования подавленных эмоций через обогащение сенсорного опыта. Психотравмирующий опыт, который таится в глубине бессознательного может ожить в игре с камнем наряду с личными знаковыми понятиями (К. Г. Юнг, 1961).

М.-Л.фон Франц (2012) указывает, что «люди с незапамятных времен собирали камешки необычного цвета или формы ... почитали некоторые из них обителью жизненной силы, окруженной загадочностью».

Причудливые культовые каменные изваяния созданные игрой природы (скульптуры Вологодского Кремля) и воображением нижегородских мастеров («Музей камня» с.Борнуково) являются ярким духовных стимулом для воспитания гражданственности и патриотизма подрастающего поколения.

Исследования С. Л. Рубинштейна, С. Н. Шабалина, Ф. С. Розенфельда обнаружили внутреннюю связь «активного осязания» слепоглохонемых людей в построении скульптур отражающих окружающую действительность. Воздействие на сенсомоторный уровень тонкой моторики рук с учетом общих закономерностей онтогенеза вызывает активизацию в развитии всех высших психических функций (П. Н. Анохин, В. М. Бехтерев, Н. С. Лейтес, А. Н. Леонтьев, А. Р. Лурия И. П. Павлов, И. М. Сеченов, А. Л.Сиротюк, В. А. Сухомлинский). Актуализация и закрепление любых телесных навыков оптимизирует эмоции, память, восприятие, процессы саморегуляции. С. Л. Рубинштейн рассматривает это как специфическое чувство познания материального мира «работающей и познающей рукой», с эмоциональным переживанием в сознании, свойственное человеку [1]. Автор указывает на важное значение совместных мышечно-суставных и кинестетических ощущений в жизненном, психологическом, общекультурном опыте личности.

Очень важным моментом следует считать обращение камнетерапии к личному творче-

скому началу личности, стремление к психологическим изменениям, выражая при этом утраченные традиции мировой культуры.

Видимая причина переживаний характерных для личности, как правило, вытеснена и обнаруживается при детальном анализе предшествующих возникновению причин и условий этих переживаний. В связи с тем что психологическая жизнь человека в системе материальных и духовных ценностей занимает лидирующее положение, следует предполагать, что и неосознаваемые внутренние переживания связанные с субъектами образовательного пространства, занимают в личностном опыте исключительную позицию.

Как отмечает Л. С. Выготский: «...наши переживания и эмоции являются источником энергии, которая может быть канализирована посредством экспрессивных искусств, являющихся мощным средством для обнаружения, проживания и принятия «темных» аспектов нас самих, а самопринятие имеет первостепенное значение для развития способности к сочувствию и состраданию другим» [2].

Это определяет особенности камнетерапии как технологии обеспечивающей личности баланс и помощь выявления «величайших страстей, которые не нашли себе» выхода. Камнетерапия способствует развитию личности и одухотворению интерактивных взаимоотношений субъектов образовательного пространства.

Взаимодействие с камнем, создание или отказ от создания образа, проговаривание в этом момент все несет определенную информацию. Созданный «образ внутреннего мира» отражается во внешнее пространство в виде символической картины, то есть происходит «отреагирование» существующих нерешенных проблем.

С точки зрения М.-Л.фон Франц, К.Г.Юнга осмысление содержания бессознательного при создании каменных образов, целительных по своей сущности, способствует включению неосознаваемых психических содержаний в сознание с преодолением внутреннего кризиса [3].

В народных традициях каждого народа придавалось большое значение сохранению

здорового поколения, физически полноценного человека как фактора обеспечения его безопасности в развитии рода.

Идея гармонии человека основывалась на эмпирических, религиозных, магических представлениях и имеет природоохранительный характер. Ориентация камнетерапии на гармонию с природой, прежде всего, способствовала стремлению сохранить природу, обеспечить ей безопасность и осознанию зависимости человеческой жизни от природных сил.

В народных традициях общечеловеческих ценностей камень служил неиссякаемым источником и гарантом безопасной жизни. Именно в единстве с природой воспитывалось умение человека разумно относиться к своему здоровью, исходя не только из религиозных и мировоззренческих установок, но и из своей жизненной практики, внутренней культуры личности.

Воспитательное воздействие камнетерапии способствует формированию самосознания в образовательном пространстве и составляют социальную и психологическую систему, которая органически взаимосвязана с национальной культурой и общей культурой человечества.

Познание особенного в народных традициях позволяет личности безопасно адаптироваться в образовательном пространстве, проявляя толерантность и уважение, быть своим в этом социуме. Единство уникальности и всеобщности в функционирующих ценностях культуры человека и создает условия для развития здоровой картины мира.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Рубинштейн, С. Л.* Основы общей психологии [Текст] / С. Л. Рубинштейн. – СПб.: Питер, 2009. – 713 с.: ил. – (Серия «Мастера психологии»).
2. *Выготский, Л. С.* Педагогическая психология [Текст] / Под ред. Л. М. Штутина, Л. М. Малова. – М. Педагогика-Пресс, 1999. – 536с.
3. *Юнг, К. Г.* Человек и его символы [Текст] / Карл Густав Юнг, Мария-Луиза Фон Франц, Джозеф Л. Хендерсон; Пер.с нем. И.Н.Сиренко. – М.: Медков, 2013. – 352 с.

УДК 51:371.31
ББК 22.1

И. В. Аксютина, Ю. А. Шуклина

**ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ПРИ ОБУЧЕНИИ МАТЕМАТИКЕ В ПРАКТИКЕ ШКОЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ**

Астраханский инженерно-строительный институт

E-mail: aksyutina@mail.ru, y_shuklina@mail.ru

В статье рассмотрены основные направления исследований по проблеме формирования творческой деятельности учащихся при обучении математике. Проведен анализ анкетирования учителей и учащихся школ по данной проблеме.

Ключевые слова: математика, геометрия, творческая деятельность, задачи, анкетирование, эвристические приемы, самостоятельная работа, внеклассные занятия по математике.

I. V. Aksyutina; Y. A. Shuklina

**PROBLEMS OF FORMING OF CREATIVE ACTIVITY IN LEARNING
MATHEMATICS IN SCHOOL PRACTICE TEACHING**

Astrakhan engineering-building institute

In the article the basic directions of researches on the problem of formation of creative activity of students in learning mathematics. The analysis of the questionnaires for teachers and students of secondary schools on this issue.

Keywords: mathematics, geometry, creative action, tasks, questionnaires, heuristic approaches, independent work, extra-curricular classes in mathematics.

Специфика творческой деятельности при изучении математики, в частности геометрии, определяет пути поиска подходов к приобщению школьников к опыту творческой математической деятельности. Рассмотрим основные направления исследований по проблеме формирования творческой деятельности при обучении математике.

Первый подход предполагает включение в процесс обучения специально подобранных задач, имитирующих научное исследование, и основан на идеях исследователей, которые сопоставляют математическое творчество учащихся и труд ученого-математика. Например, Ж. Адамар утверждает, что между трудом учащегося, пытающегося решать задачи по алгебре и геометрии, и трудом открывателя в математике имеется только различие уровня, – оба труда по природе подобны [1].

Второй подход к формированию творческой деятельности учащихся заключается в применении при обучении математике проблемно-поисковых задач. Как пишет Б. В. Гнеденко, «для развития таланта и проявления творческих сил необходима проблема, которая способна увлечь человека и заставить его думать о ней постоянно, испытывать различные подходы к ее решению» [2]. В качестве таких проблем он предлагает использовать олимпиадные задачи, которые содействуют развитию интереса к математике, формированию элементов творческой деятельности.

Третий подход основан на обращении в процессе обучения математике к эвристическим методам обучения. Например, Е. К. Семенов называет эвристики основой творческой мысли [3].

Четвертый подход к формированию творческой деятельности учащихся основан на выделении самостоятельной работы учащихся в приоритетную учебную деятельность. А. Е. Ореол считает, что систематическое применение самостоятельных работ влияет на творческие способности учащихся [4].

Пятый подход заключается в использовании потенциала внеклассных занятий по математике. Так, Е. М. Вечтомов утверждает, что «интерес к математике у учащегося скорее проявляется, если он участвует в математических состязаниях: кружках, олимпиадах, конкурсах, турнирах, и/или самостоятельно, дополнительно к учебной программе занимается математикой, решая трудные или необычные задачи, читая различные научные, популярные или занимательные книги по математике» [5, с. 304].

Следующий подход указывает на важную роль в формировании творческой деятельности пространственных представлений школьников. Г. Д. Глейзером выделены пять условных уровней развития пространственных представлений школьников: «элементарный», «фрагментарный», «статистически-динамический», «динамический», «творческий» [6].

Как мы видим, творческая деятельность является одной из приоритетных целей математического образования.

Однако, анализ нормативных документов, учебных программ и учебных пособий, анкетирование учителей, учеников, наблюдение за ходом уроков геометрии в школах города Астрахани и их анализ показывают, что процесс внедрения педагогических и методических теорий, направленных на формирование творческой деятельности учащихся и развитие их творческой активности, в практике школьного обучения идет по нашему мнению очень медленно.

Таблица 1

Результаты анкетирования учителей

При организации учебного процесса по геометрии какие общедидактические цели являются для вас основополагающими?		
	Варианты ответов	Количество ответов
1.	Формирование у учащихся системы геометрических знаний	53
2.	Воспитательная цель	14
3.	Подготовка учащихся к дальнейшему продолжению образования	34
4.	Формирование геометрических представлений	42
5.	Формирование умения самостоятельно приобретать знания	25
6.	Развитие воображения учащихся	32
7.	Формирование творческой деятельности учащихся и развитие их творческой активности	19
Используете ли Вы задания творческого характера в процессе обучения геометрии?		
	Варианты ответа	Количество ответов
1.	Да, использую	5
2.	Использую часто	13
3.	Нет, не использую	12
4.	Использую иногда	23
Какие обстоятельства препятствуют систематическому использованию заданий творческого характера в учебном процессе?		
	Варианты ответа	Количество ответов
1.	Ограниченное время на уроке	46
2.	Уровень развития учеников	6
3.	Отсутствие творческих заданий в учебниках и учебных пособиях	42
4.	Другие обстоятельства	12

Для выяснения причин данного явления нами было проведено анкетирование среди учителей, ведущих геометрию в основной школе. Всего в опросе участвовали 53 учителя различных школ города Астрахани.

Результаты анализа анкетирования учителей представлены в табл. 1.

Анализ результатов анкетирования и собеседование с учителями после данного опроса показали, что внимание педагогов часто односторонне концентрируется на глубине и прочности знаний, и только около 36 % от числа опрошенных учителей ставят перед собой задачу формировать творческую деятельность школьников и развивать их творческую активность в процессе изучения геометрии.

Причины данного явления различны, но основные из них, как видно из ответов на последний вопрос:

– недостаток времени на уроке (так считают 87 % из числа опрошенных учителей);

– отсутствие творческих заданий в учебниках и учебных пособиях (так считают 80 % опрошенных).

Действительно, у учителей, работающих по классической методике, на уроке нет времени для решения дополнительных творческих задач, а включение их в процесс обучения не представляется возможным. Для нахождения творческих заданий в дополнительной литературе необходимо время, которого не хватает в связи с большой педагогической нагрузкой учителей. Однако заметим, что кроме рекомендованных Министерством образования и науки РФ учебников для основной школы, появились альтернативные учебные комплекты, среди которых хочется отметить экспериментальные учебники по геометрии В. А. Гусева.

Параллельно с анкетированием учителей проводилось анкетирование учащихся школ города Астрахани с целью выяснения основных видов учебной деятельности на уроках геометрии, готовности учащихся к творческой деятельности и повышению уровня их творческой активности при обучении геометрии. В опросе принимали участие 498 учащихся различных школ города Астрахани.

В табл. 2 представлены результаты данного анкетирования.

Результаты анкетирования учащихся позволяют нам сделать вывод, что основным видом учебной деятельности, как на уроках, так и при выполнении домашнего задания, является ре-

продуктивное восприятие знаний и их воспроизведение. Однако, ученики готовы к выполне-

нию работ творческого характера в процессе обучения.

Таблица 2

Результаты анкетирования учеников

Вопросы / ответы		да	нет	иногда
При работе на уроке геометрии вы:				
1.	Слушаете объяснение учителя	100	–	–
2.	Решаете стандартные задачи	100	–	–
3.	Решаете творческие задачи	29	229	240
4.	Самостоятельно составляете задачи	144	140	214
5.	Обсуждаете доклады своих товарищей	75	348	75
6.	Применяете дополнительные знания при решении поставленной проблемы	90	50	358
При выполнении домашнего задания по геометрии вы:				
1.	Читаете параграф по пройденной в классе теме для закрепления нового материала	453	–	45
2.	Заучиваете наизусть формулы и определения из тетради и (или) учебника по заданной теме	433	10	55
3.	Решаете заданные стандартные задачи из учебника	468	30	–
4.	Решаете дополнительные стандартные задачи из учебника и (или) сборника задач	45	179	274
5.	Решаете предлагаемые учителем творческие задачи	348	25	125
6.	Самостоятельно находите творческие задачи по пройденной теме	45	154	299
7.	Читаете дополнительную литературу, готовите доклады и сообщения	60	65	373
8.	Изготавливаете самостоятельно наглядные пособия	30	164	304
В свободное от учебы время согласны ли вы:				
1.	Читать интересную литературу по вопросам математики	219	159	120
2.	Решать творческие задачи	45	154	299
3.	Заниматься моделированием геометрических фигур	70	85	343
4.	Участвовать в математических викторинах, конкурсах и т.д.	324	25	149
5.	Посещать выставки, ходить на экскурсии.	139	70	289

Формирование творческой деятельности учащихся при обучении геометрии имеет огромное значение. Проблема творчества и формирования творческой деятельности актуальна в современной науке, в частности, в методике преподавания математике.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Адамар, Ж. Исследование психологии процесса изобретения в области математики / Ж. Адамар. – М., 1970. – 176 с.
 2. Гнеденко, Б. В. О математическом творчестве / Б. В. Гне-

денко // Математика в школе. – 1979. – № 6. – С. 16.
 3. Семенов, Е. Е. Размышления об эвристиках / Е. Е. Семенов // Математика в школе. – 1995. – № 5. – С. 39–43.
 4. Ореол, А. Е. Дидактические основы построения и организации системы самостоятельных работ, направленной на развитие творческих способностей учащихся: дис... канд. пед. наук: 13.00.02. / Ореол Александр Евгеньевич. – Челябинск, 2000. – 195 с.
 5. Вечтомов, Е. М. Метафизика математики: монография / Е. М. Вечтомов. – Киров: Изд-во ВятГТУ, 2006. – 508 с.
 6. Глейзер, Г. Д. Методы формирования и развития пространственных представлений взрослых в процессе обучения геометрии в школе: дис... д-ра. пед. наук: 13.00.02. / Глейзер Григорий Давыдович. – М., 1984. – 333 с.

Научное издание

ИЗВЕСТИЯ
Волгоградского государственного технического университета
№ 24(151), 2014 г.

С е р и я «ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ»
(Выпуск 19)

Межвузовский сборник научных статей

Редактор *Е. В. Кравцова*
Компьютерная верстка *Е. В. Макаровой*

Темплан заказной литературы 2014 г. Поз. № 30з.
Подписано в печать 22.12.2014. Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Times. Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,62. Уч.-изд. л. 23,59.
Тираж 100 экз. Заказ

Волгоградский государственный технический университет.
400005, Волгоград, просп. В. И. Ленина, 28, корп. 1.

Отпечатано в типографии ИУНЛ ВолгГТУ.
400005, Волгоград, просп. В. И. Ленина, 28, корп. 7.